

Гай Юлий
Орловский

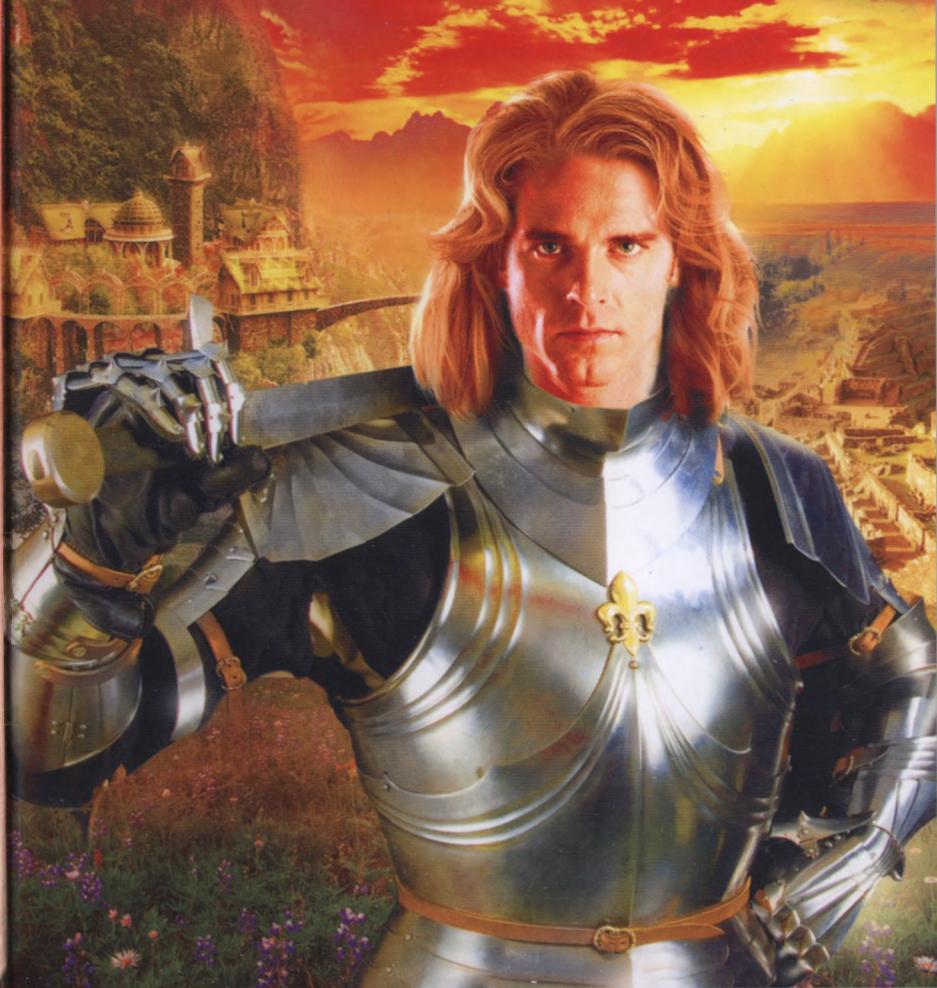
—
Длинные Руки —
император

Гай Юлий Орловский

ФИЧАРД

Длинные Руки —
император

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки
Ричард Длинные Руки — босик Господа
Ричард Длинные Руки — падаик Господа
Ричард Длинные Руки — сенатор
Ричард де Амадаф
Ричард Длинные Руки — блескатель первых замков
Ричард Длинные Руки — бискуп
Ричард Длинные Руки — барон
Ричард Длинные Руки — ярл
Ричард Длинные Руки — граф
Ричард Длинные Руки — бургграф
Ричард Длинные Руки — ландграф
Ричард Длинные Руки — германский граф
Ричард Длинные Руки — оберграф
Ричард Длинные Руки — констабль
Ричард Длинные Руки — маркиз
Ричард Длинные Руки — прокуратор
Ричард Длинные Руки — лорд-проктетор
Ричард Длинные Руки — майордом
Ричард Длинные Руки — маркиграф
Ричард Длинные Руки — шауман
Ричард Длинные Руки — бургграф
Ричард Длинные Руки — вальдграф
Ричард Длинные Руки — якобграф
Ричард Длинные Руки — конунг
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — эрцгерцог
Ричард Длинные Руки — фюнкен
Ричард Длинные Руки — курфюрст
Ричард Длинные Руки — пруссийский курфюрст
Ричард Длинные Руки — ландесфюрст
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — князь
Ричард Длинные Руки — эрцбюрген
Ричард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ричард Длинные Руки — принц
Ричард Длинные Руки — принц-консорт
Ричард Длинные Руки — биц-принц
Ричард Длинные Руки — эрцгерцогиня
Ричард Длинные Руки — курфюрстиня
Ричард Длинные Руки — эрцбюргиня
Ричард Длинные Руки — принц коронки
Ричард Длинные Руки — грандпринц
Ричард Длинные Руки — принц-регент
Ричард Длинные Руки — король
Ричард Длинные Руки — король-консорт
Ричард Длинные Руки — монарх
Ричард Длинные Руки — импигалтер
Ричард Длинные Руки — принц императорской мантии

**Ричард Длинные Руки —
император**

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фиц@рд
Длинные Руки —
император

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки — император : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-76344-3

Последний страшный бой с самым необычным врагом вселенной! Атака за атакой на неприступную крепость чужаков из неведомых вселенных, но все гибнут, как комары в свете мощной лампы. Гномы, эльфы, тролли тоже вступают в страшный смертный бой, а доблестный сэр Ричард тем временем решается на очень рискованный ход...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76344-3

© Орловский Г.Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

Ужас стиснул сердце с такой силой, что в груди заныло от острой боли. Пока Багровая Звезда страшно нависала в небе, я полагал, что она не просто огромная, а чудовищно огромная, что-то вроде авианосца, но сейчас авианосец рядом с Маркусом показался бы лодочкой.

В долине Отца Миелиса грунто осела гора из блистающей стали, где только в нижнем ярусе поместился бы крупный город. Все небо на востоке залило страшно-багровым, словно раскаленные угли звезд подожгли небосвод. Закат, подумал я устрашенно, закат Земли, а с нею и закат всего мира. Чтобы не показать, что ноги подкосились, пришлось опереться на рукоять меча, воткнутого в землю.

Маркус — эта верхняя половинка нейтронной звезды, так ее вижу и ничего с собой не могу поделать, — грунто вдавила в землю часть холма, оказавшись вплотную к скардеру. Массивные деревья моментально исчезли, как соломинки, скалы на той стороне долины осели и сровнялись с землей, придавленные чудовищной массой.

Я как будто издали слышал звон металла, конское ржание и громкие мужские голоса. Рыцари

торопливо поднимаются в седла и готовятся, опустив копья, атаковать врага.

За нашими спинами суровые голоса затянули «Кирие элейсон». У меня мороз прокатился по спине от торжественности и осознания того, что все мы или почти все погибнем в этой неравной схватке.

Я обернулся к бледной, все еще разъяренной, но уже испуганной Бабетте.

— Возвращайся! И передай, явлюсь. Как только...

Она кивнула, все поняла — у меня лицо белое от страха и ярости, — вскинула руки и моментально истончилась, превратившись в бесцветный пар.

Я покосился на полные ожидания лица плотно окруживших меня рыцарей. Сейчас в багровом куполе распахнутся врата и появятся закованные в доспехи огромные чудовищные воины на покрытых толстым слоем железа конях и с копьями размером с деревья.

Этого ждут они, а чего жду я, еще не знаю. Но сердце сжимается в страхе, эта беда намного опаснее даже той, что ждала в аду, где все понятно и почти знакомо по легендам и апокрифам.

— Наш смертный час, — прошептал я. — Либо все поляжем, либо одолеем. И тогда придет наше время.

Тамплиер покосился с некоторым недоверием. Никогда я не был таким серьезным и даже патетическим, но сейчас во мне звучит некая грозная музыка, и я в самом деле готов на этом благородном порыве закрыть собой амбразуру или вырвать, как Данко, сердце из груди и осветить моему народу дорогу к спасению.

— Все поляжем, — подтвердил отец Дитрих сурово, — и обретем спасение у Господа. Либо сгинем, как и весь мир, запятнавший себя недостойной жизнью.

— Все в лес! — прокричал я. — Немедленно!.. Быстрее, быстрее!

Тамплиер промолчал, а Сигизмунд вскрикнул:

— Но как можно? Это же враг!

— Пусть он пока говорит со скардером, — крикнул я. — Что, никто не видит, Багровая Звезда вне нашей досягаемости?

Отец Дитрих перекрестился, но лицо вовсе не благочестивое, и я впервые подумал, что начинал он не с духовной семинарии.

— Сперва укроемся, — сказал он трезвым голосом. — Теперь знаем, как выглядит колесница Антихриста.

— Оставим только наблюдателей, — велел я. — Посмотрим, какие эти твари с виду. Чем вооружены. На чем передвигаются. Сэр Тамплиер, вы согласны? А то лицо у вас какое-то несогласное, словно вы убежденный карбонарий.

Тамплиер сказал угрюмо:

— Дождаться бы, когда выйдут... да вдарить!

— Знаете ли, сэр Тамплиер, — сказал я ласково, — я согласен, это красиво — идти в лобовую атаку с опущенными копьями на то, чего не знаем! Но глупо.

Альбрехт в помятых и сильно порубленных доспехах, покрытый гарью, но привычно щеголеватый, даже с крохотным султанчиком, укрепленным на верхушке серебряного конского налобника, посмотрел с седла на обоих чистых сердцами паладинов отечески и почти с любовью.

— Зато красиво, — сказал он ясным голосом. — И геройски... Песни потом будут петь. Молодых рыцарей надлежит воспитывать на таких примерах отваги и беззаветной доблести.

— А вот мне нужна победа, — огрызнулся я. — Согласен на любую, даже не геройскую. Главное — победить!

Альбрехт соскочил на землю, оруженосец перехватил повод, Тамплиер поморщился, во взгляде отразилось сильнейшее неодобрение.

— Ваше величество, ну что вы такое говорите!

— А что не так?

— А если, — спросил он, — победить недостойно?

Я фыркнул.

— Недостойных побед не бывает. Есть победы, и есть поражения. Победы всегда только блестательные! И чем дальше от нас, тем значительнее, а героев больше и больше!.. Вы что, книг не читали? Ах да, вы же ни разу не грамотный.

Он пророкотал обидчиво:

— Ваше величество!

— Блистательными, — пояснил я, — и даже героическими победы делают в летописях. Это нужно для воспитания молодежи в правильном направлении и чувстве прекрасной любви к королю и к этой, как ее, ах да, родине!

Примчался на взмыленном коне сотник Норберта, крикнул, не покидая седла:

— Наблюдатели посланы!.. Прошупают эту штуку со всех сторон... если удастся приблизиться.

— Спасибо, — сказал я. — Вы услышали мое мысленное повеление, ценю. Сейчас основная нагрузка и ответственность ложится на вас и на сэра Норберта!.. Продолжайте собирать все сведения о существах, что покажутся из этого корабля, не пренебрегая ни одной мелочью...

Тамплиер рыкнул:

— А мы?

— Все в лес, — повторил я. — Что, в самом деле настроились на красивую атаку с опущенными копьями? Да вы еще больше, чем я думал! Просто легендарный герой. В лес! До особого.

Альбрехт пробормотал:

— К тому же, сэр Тамплиер, вы человек не мелочный. Не ваше это дело — собирать сведения.

Норберт посмотрел на него осуждающе, повернулся в мою сторону.

— Простите... корабля?

Я отмахнулся.

— Небесный корабль тоже как бы корабль. Воздушный, знаете ли, корабль. Не в смысле, что сам воздушный, как вон ваша леди Кларитта вся как бы воздушная, взбитая, с приподнятыми, а что по воздуху прибыл.

— Но эта гора из железа! — напомнил Норберт. — А оно даже в воде тонет.

Ярыкнул:

— А если это легкое железо? И вообще, не спорить!.. Монарх не может ошибаться. Тем более в военное время.

Альбрехт подумал, сказал многозначительно:

— Кстати, ввиду военного времени... Ваше величество, не пора ли...

— Чего? — спросил я сердито. — Граф, что-то у вас морда хитрая. Если снова гадость, то я могу в неудержимом монаршем гневе...

— Момент удобный, — объяснил он серьезно.

— Для чего?

Он чуть понизил голос:

— Принять императорскую корону.

Я дернулся, чуть не сплюнул, но он смотрел очень серьезно, к тому же на лицах остальных лордов и знатных рыцарей, что прислушиваются жадно, не отразилось неприятия, напротив — полное одобрение.

— Граф, — сказал я зло, — вот самое что ни есть время!.. Вы бы еще и пир по этому слушаю! А то и во-

все бал. С этими, как их... уже и забыл! У которых эти самые... здесь и здесь. И которые весьма.

— Это после победы, — сказал он деловито. — А пока ввиду военного времени, когда все для победы, ни у кого даже мысли не возникнет что-то сказать против. Сейчас все силы должны быть в одном кулаке. Простите за грубость, но ваш подходит больше всего для такой недоброй роли.

Норберт, уже в седле, развернул коня в сторону чудовищной красной горы.

Я прокричал вслед:

— Проследите, чтобы со стороны Маркуса ничто не указывало на тропы, по которым уходим!

Он красиво и лихо умчался, даже такие суровые и неулыбчивые превращаются в подростков, когда под ними горячие сильные кони, а я подумал, глядя вслед, что мой приказ хорош и умен, если имеешь дело с людьми, но кто знает, что оттуда выйдет. Может быть, бронированные тараканы размером с сарай? Или динозавры в скафандрах из нейтрида?

Сигизмунд сказал торопливо:

— Антихристовцы наверняка сперва в Штайнфурт или Воссу. Или их лучше звать маркузейцами?

Тамплиер прорычал:

— Просто тварями. Этими тварями!

— В Штайнфурт, — уточнил Альбрехт. — Тот ближе. И чуть крупнее.

— Знаете ли, — сказал я сварливо, — это не значит, что наше местопребывание не нужно скрывать. За нарушение маскировки будем весьма карать. А пока, сэр Альбрехт, распорядитесь насчет маскировки и сокрытия наших следов. Ни одна душа не должна знать, где мы скрываемся, хотя, конечно, такое невозможно, но все равно желательно.

— Ничего не понял, — ответил Альбрехт, — но, как догадываюсь, вы хотели сказать, что, простите, ваше почти императорское величество, часовых стоит распределить на больших расстояниях один от другого?

— Вы прямо мысли мои не читаете, — ответил я. — Полагаете, если их даже заметят, то не обратят внимания.

— Сразу хватаете идею, — сказал он с одобрением. — А то иногда смотрю на вас и думаю...

— Граф, — сказал я предостерегающе, — я вам подумаю, я подумаю! Сейчас не думать надо, ибо! Но идея, да. И вообще. Эти звездные твари в первую очередь бросятся в места большого скопления народа, тут вы случайно угадали.

— У меня бывает только случайно, — ответил он смириенно, — а вот у вас...

Я поднялся в седло арбогастра, Бобик уже скачет рядом, рыцари поспешно вскакивают на коней.

— После этой великой войны, — крикнул я громко, — многое изменим, но сейчас объявляю всеобщее Великое Перемирие! Перед лицом самого опасного в истории мироздания врага, неведомых существ с Багровой Звезды, призываю на страшный бой с врагом всех-всех: эльфов, гномов, троллей, огров, гарпий, всех чудовищ и любых противников, с которыми велись войны!.. На время Великого Испытания нет колдунов, инквизиторов, магов и паладинов — все просто люди, даже если они не люди, все мы защищаем наш общий мир!..

Альбрехт добавил уже негромким голосом, что произнучал почти зловеще:

— А потом, после победы, посмотрим, кто внес вклад в победу, а кто старался ударить в спину.

Я представил, как по всем королевствам в каждом городе и даже селе, где есть церквушка, тревожно зво-

нят колокола, а глашатаи громко и страшно кричат на перекрестках и площадях мой составленный неделей раньше указ:

— Вставайте все!.. Все на бой с Антихристом!.. Он приближается, он уничтожит дивное создание Господа — его райский сад, в который уже начали превращать землю!.. Вставайте все!.. Берите в руки оружие, какое у вас есть!.. Мы можем умереть или победить, но не сражаясь — умрем все!

Несколько человек на легких конях выметнулись из леса и, размахивая руками, указывали, куда направить путь.

— Мы не знаем, — сказал я, — насколько захватчики хороши в лесу, потому на всякий случай наш штаб расположим не просто в лесу, а в его глубине на обширном болоте. Разведчики сэра Норберта отыскали там сухой островок, а к нему тропку. Правда, идти по грязи, иногда по самые голенища...

Сэр Робер охнулся:

— А по болоту еще и лягушки?

— Много, — заверил я. — Здорово, правда?

— Еще бы, — сказал он с чувством. — Обожаю, когда их много! Толстых, противных, в бородавках...

— То жабы, — возразил я. — А лягушки без бородавок. Но не печальтесь, к жабам еще отведу. Чуть позже.

Он произнес сквозь зубы:

— Ну спасибо. Вот уж счастье привалит так привалит! Обожаю, когда в бородавках...

— Особенно, — буркнул барон Келляве, — женщины. Ваше величество, я займусь охранением?

— Только ставьте на дальних подступах, — предупредил я. — Если звездные демоны заявятся, боюсь, нас уже ничто не спасет. И весь мир.

Он кивнул и придержал коня, пропуская нас вперед. После охраны холма со скардером спешит поручить

себе новое ответственное задание, что хорошо, очень серьезный и ответственный воин, бывалый, тертый, такой, как был Нечеса-князь, таким доверяю особенно.

В лес все еще бегут из окрестных сел запоздавшие. Большинство деревень и так на краю леса, это чтобы за дровами и бревнами далеко не ездить, но в этом и минус, крестьяне до последнего часа надеются, что либо беда пройдет мимо, либо успеют укрыться в погребах или добежать до леса.

Мы промчались около мили, на опушке младшие командиры Норберта перехватывают людские потоки, распределяют и указывают, кому куда, заранее разведанные тропки проведут в уже подготовленные для убежищ места.

Я остановился на опушке, развернул арбогастра в обратную сторону, со страхом и ненавистью смотрел на этот чудовищный багровый купол. Тамплиер и Сигизмунд встали рядом, как паладин с паладином, а еще по праву тех, кто сражался со мной рядом в только что закончившейся исполинской битве, определившей новое лицо мира... если, конечно, он переживет страшный час Маркуса.

На их лицах страх и замешательство, красный купол закрывает собой половину пылающего неба, и кажется, что от него сейчас воспламенится весь мир.

Альбрехт отоспал с поручениями двух серьезного вида рыцарей и подъехал к нам, все еще в тех же в помятых доспехах, даже удивительно, что не сменил и не почистился от гари.

— Ваше величество, — обратился он ко мне, подчеркивая серьезность момента, — с вашего позволения я послал и своих людей в помощь сэру Норберту.

— Граф, — ответил я так же подчеркнуто по-деловому, — благодарю за оперативность. Вас что-то тревожит еще?

Он взглядом указал на багровый купол, придавивший холодной и злой мощью половину мира.

— Этого достаточно, ваше величество.

— Граф, — сказал я настойчиво, — а скрываете что? Он бледно улыбнулся.

— Пустяки, ваше величество. В нашем роду все мужчины чувствовали приближение смерти за неделю. Сейчас у меня стойкое предчувствие, что эта схватка будет для меня последней. Только и всего.

— Граф, — сказал я с чувством, — вы будете не одноки. Мне кажется, все мы здесь поляжем. С другой стороны... нам выпало участвовать в самой величайшей из битв!.. Пойдемте, граф, надо взглянуть, что за место норбертовцы подобрали.

Он коротко поклонился.

— Да, ваше величество.

Я повернулся к молча и почтительно слушающим паладинам.

— Сэр Тамплиер, сэр Сигизмунд! Вам нечего здесь сопеть и рыть землю стальными копытами.

— Да, сэр Ричард, — почтительно ответил сэр Сигизмунд.

— Следуйте с нами, — велел я.

Глава 2

Могучие деревья лес всегда выставляет стражами на опушку, они встретили нас настороженно и расступились нехотя и неспешно. Дальше пошли тоже крупные, но уже не богатыри, потом потянулся обычный лес с тропками, папоротниками, чахлой травой, а то и вовсе сплошным ковром из сухих сосновых иголок.

Дорожка опускается реже, чем поднимается, словно ее прокладывал бегущий ручей, а не лесные звери.

Воздух из влажного стал неприятно мокрым, липким. Деревья пошли тонкие, но поросшие с одной стороны мхом, когда ярко-зеленым, когда неприятно-коричневым.

Тропка постепенно и очень неспешно увела вниз. Роскошные папоротники попадаются чаще, роскошные, ажурные, но чем ниже дорога, тем темнее листья. Наконец отступили в стороны и пропали, а впереди деревья стали вообще деревцами, хилыми и скрюченными, верный признак близкого болота с его гнилыми водами.

Под ногами земля начала пружинить, идем по толстому слою мха, скрепленному крепкими корнями, но кожей чувствую под этим ковром бездонные холодные воды, которые так не любят корни деревьев.

Возле меня стараются держаться высшие лорды, оттерев верных паладинов Тамплиера и Сигизмунда. Иногда мелькает Карл-Антон, у него откуда-то конь; что-то в этой лошадке не совсем правильное, но, скорее всего, это замечаю только я. Похоже, Азазель, уходя из нашего мира, оставил ему своего коня или научил, как призывать.

— Они сильнее нас, — проговорил я вслух своим мыслям, — всего лишь сильнее...

Альбрехт посмотрел на меня несколько странно.

— Разве этого мало?

— Много, — согласился я. — Но зато есть надежда.

Альбрехт промолчал, что-то уловил или даже понял, Карл-Антон издали чуть наклонил голову.

Я ехал, красиво выпрямившись, левая рука держит повод, а правую хвастливо упер в бедро. Хмурое небо отражается в темной воде, под ногами хлюпает, продвигаемся как по другой планете: воздух влажный и даже сырой, на стволах деревьев толстый мох, часто слизь толстым блестящим слоем.

За спиной чавкающие звуки, грузный конь Тамплиера часто отступается и потом с трудом вытаскивает ноги из трясины. Конь Сигизмунда почти такой же мышчатый, идет все же легче, осторожничает.

Я заметил, что и сам Сигизмунд старательно копирует мои движения, хотя я вроде бы не ходок по болотам, дитя асфальта, однако приоравливаюсь быстрее, словно у меня нервная система прошла более длинный путь и быстрее соображает, что и как делать в новых обстоятельствах...

Люди идут почти след в след, извилистой змейкой, по бокам торчат воткнутые ветки, указывая, куда нельзя ступать. Иногда удается выйти почти на пустыне сухое, но сравнительно твердое, затем снова по чавкающей земле, а то и мутной смердящей жиже, такой замечательной для болотных тварей.

Я оглянулся: печальным показалось зрелище отступления, да еще по болоту. Все как-то предпочитают красивый и жестокий бой, схватку грудь в грудь в хороших доспехах, на твердой земле и под ярким солнцем, тогда и погибнуть не стыдно, а здесь как будто трусим, а нас догоняют и бьют в спину.

Хотя солнце еще только над горизонтом, но здесь почти солнечно, глупо мечутся бабочки, стремительно проносятся большеглазые стрекозы, с тяжелым ревом пролетают толстые важные жуки: над болотом всегда полно всякой живности, а от птичьего чириканья, щебетанья и визга зенит в ушах.

У начала тропки, что ведет на остров, встретились с группой тяжеловооруженных воинов лорда Робера. Он поклонился уважительно и с достоинством, высокий и дородный, доспехи не только в царапинах, но все еще покрыты копотью, как и левая щека, где пламенеет свежая царапина, не успел отмыться, у лордов больше хлопот, чем у простых рыцарей.

— Ваше величество...

— Лорд Робер, — прервал я, — вам повезло построить замок в таком ключевом месте, а нам повезло встретить вас! Благодарю за помощь, а теперь...

— Да, ваше величество, — ответил он, в свою очередь прервав на полуслове, что весьма невежливо, но ситуация позволяет. — Да, оно пришло. И мы сделаем все. Положитесь на меня и моих людей во всем, что касается. И даже больше.

Дальше уже гуськом, тропка хоть и выдерживает даже тяжеловооруженных рыцарей, но только по одному и причудливым зигзагом, а то шаг в сторону — вместе с конем скроешься во внезапно распахнувшейся под слоем мха черной и смрадной бездне.

У выхода с тропки на остров в два ряда рыцари и тяжеловооруженные ратники сэра Кенговейна. Сам он устремился из глубины лагеря к нам на укрытом роскошной попоной красавце коне, сам все такой же надменный и гордый, хотя белый плащ уже не развевается красиво и величественно за спиной, однако на шее видны остатки разорванного шнура, а на поясе чудом уцелел алый бант, явно завязанный женскими руками. Если бы я не знал, что это один из вассалов Альбрехта, которого тот прислал защищать холм со скардером, все равно бы решил, что этот рыцарь подражает сэру Гуммельсбергу.

Конь под ним все тот же, но с шеи сорваны когтями две широкие стальные пластины, защищающие от нападения сверху, на других остались глубокие следы когтей и даже зубов.

Он покинул седло загодя, быстро подошел к тропке и красиво преклонил колено.

— Встаньте, сэр, — сказал я. — На время военных действий все церемонии отменены, потому что. До-

статочно простого поклона. У вас прекрасный конь! И благодарю за службу, сэр...

— Бриан, — подсказал он, — Бриан Кенговейн, ваше величество!.. Да, он приучен не бояться противника, кем бы тот ни был. Еще хватает зубами и бьет копытами!

— Прекрасно, — повторил я. — Пришел час великой битвы, сэр Бриан. Надеюсь... да что там надеюсь, я просто уверен, что ваш боевой конь внесет решающий вклад в нашу общую победу над коварным и трусливым захватчиком. Возможно, и вы окажетесь достойным стоять рядом со своим боевым конем!.. Кстати, проследите, чтобы ваши люди из леса не высовывали и носа. Здесь не должно остаться следов, где мы теперь и сколько нас.

Он сказал быстро:

— Все понимаю, ваше величество!

— Рассчитываю на вас, сэр Бриан, — сказал я и, повернувшись к сопровождающим меня, велел: — Всем начальникам далеко не расходиться. Вскоре изволю пообщать всех.

Болото само по себе огромное, хотя уже почти не болото, кое-где даже чахлые деревья, каргалистые, с болезненно покрученными болотным ревматизмом ветвями, а в самой середине настоящий остров, где Норберт по моему приказу подготовил место для лагеря.

Шатер мне установили в центре, несколько человек спешно заканчивают обустройство лагеря, дальше поставлен целый ряд шатров поменьше, а еще одна бригада со всей возможной скоростью ставит еще шатры для рыцарей.

Навстречу пустил коня сэр Горналь, молодой бандерный рыцарь, сотник Норберта, крикнул, резко поднимая лошадь на дыбы:

— Ваше величество! В шатре пока только стол, две лавки и ложе, больше ничего привезти не успели!

Я отмахнулся.

— И не понадобится.

— Ваше величество?

— Все решится в несколько дней, — сказал я. — Нам здесь не жить... Нам вообще не жить, если не.

Он поклонился.

— Спасибо, ваше величество. Мы сделаем все, что позволит нам Господь.

— Он позволяет многое, — напомнил я, — но спрашивает строго.

Он повернулся коня и ускакал, Бобик уже у шатра, все понял, пробежался дважды вокруг и первым вскочил вовнутрь. Часовые выбежали навстречу, я бросил им повод арбогастра, оглядел лагерь, охватывая одним взглядом.

Сердце болезненно сжалось. Домовитые работники делают все добротно, на годы. А у нас в запасе от силы несколько дней. А то и часов.

В шатре чисто и сухо, на полу уже толстый ковер, ну, это чересчур, не настолько я и король, чтобы замечать удобства. Стол поставили длинный, дюжина мужчин поместится, но стул только один, а так по обе стороны две широкие длинные лавки.

И, конечно, ложе, массивное и вместительное.

Сбросив меч и освободившись от кирасы, я машинально опустился за стол, продолжая перебирать варианты, как дальше действовать и что делать, какие из себя пришельцы, а здесь я могу напридумывать гораздо больше, чем мои рыцари...

Послышались близкие шаги, голос часового, полог отодвинулся, в шатер вошел Альбрехт, уже чистенький настолько, что сверкает, как надраенная золотая моне-

та, свежий и почти благоухающий, хотя мы вроде бы еще не в райских кущах, а на болоте.

— Простите, ваше величество... Церемониймейстер не успел меня огласить.

Я вяло кивнул.

— Проходите, граф, садитесь. Что пьете?

Он посмотрел с изумлением.

— Ваше величество, вы раньше никогда такое не спрашивали! Всегда: пей, что даю, а то повешу!

Я молчал, а он усаживался неспешно и старательно, жеманно расправляя полы кафана, чтобы не помять дорогую ткань, осматривался так, словно мне тут жить до старости, а ему приходить изредка в это вонючее болото и лживо уверять в своей все еще прелестности.

— Это потому, — признался я, — что малость сбит с толку. Даже не малость. Как-то совсем не то ожидал.

Он спросил подчеркнуто бесстрастно:

— Все-таки что-то ожидали, ваше величество?

— Нерационально, — сказал я медленно, — сажать такую машину... Оставить бы на орбите... орбита — это такая... в общем, сюда бы десантные корабли... ну, это такие лодки. С корабля, когда не могут подойти к берегу из-за рифов или мели, обычно отправляют солдат на лодках. Ничего не понимаю.

Он пробормотал:

— Я еще меньше. В ваших словах.

— Ладно, — сказал я, — планы меняются.

— А какие были?

Я развел руками.

— Захватить десантный силой или хитростью, а на нем ворваться внутрь корабля-матки. Понятно, побить там всю посуду.

— А тех пришельцев изнасиловать, — сказал он с пониманием.

— Ладно, — сказал я, — может быть, это такие чудища... что Господь простит за неисполнение его главного и основного завета?

Он поинтересовался:

— Ваше величество, какие будут приказы?.. Распоряжайтесь, люди должны слышать ваш уверенный и чуточку покровительственный голос. Даже если не знаете, что делать, я же вижу, все равно другие должны думать, что у их сюзерена есть план и тот приведет к быстрой и блестательной победе!

Я буркнул:

— Граф, вы чересчур проницательны. Будь я поинтеллигентнее...

— Но вы же не?

— Именно, — отрезал я, — потому и терплю ваши. А так бы что? В общем, если народ ждет, то, конечно, придумаем. Тем более что мне это тоже в какой-то мере надо. Жить почему-то хочется. Странно, да?

— Мне тоже странно, — согласился он, — хотя отец Дитрих и обещает всем красиво павшим райское блаженство, но как-то не хочется... Наверное, потому что я на арфе не очень. И вообще не люблю арфы.

— Возможно, — сказал я с сомнением, — это будет не слишком принудительно?

Он возразил:

— Но сказано же: все попавшие в рай играют на арфах!.. А раз так, то придется, хочешь не хочешь. Ваше величество, я, с вашего позволения, позволил себе... от вашего имени, разумеется, созвать большой совет. Увы, из тех, кто сейчас с нами на этом болоте. Так принято.

— Это правильно, — согласился я. — Спасибо, граф.

— Это неправильно, — возразил он, — но принято. Совет лордов хорош в мирное время, а сейчас все должны слушать и выполнять сразу, без рассуждений.

— Это при условии, — уточнил я, — если такой орел, как я, всегда прав. А если нет?

Он сплюнул через плечо.

— Лучше ошибайтесь в чем-то другом, — посоветовал он. — Например, с бабами. С ними все ошибаются, ничего зазорного. И вред такой, что и не вред даже, а как бы даже выгода... если посмотреть сбоку, но снизу... Ладно, ваше величество, я в самом деле не стану ломаться и отказываться от чаши хорошего вина!

Я создал молча чашу с некрепким красным, полюбопытствовал:

— А что это вы меня все величествуете? Мы же наедине...

— Приучаю, — ответил он серьезно. — Не даю рас slabit'sya на болоте среди жаб и лягушек. И даже распуститься. Подготавливаю к императорской мантии на ваших широких, а они в самом деле вполне так, это не лесть, плечах. Можно с некоторой натяжкой даже назвать раменами. Это не ругательство, ваше величество! Так говорили древние, если я угадал.

Он неспешно отхлебывал вино, поглядывая на меня через склоненные глаза, ожидая, обижусь или нет, что мои плечи можно назвать раменами только с натяжкой.

Я тоже сделал пару глотков, чтобы промочить пересохшее даже на болоте горло. Вообще-то, если честно, подсознательно ждал, что явятся небесные захватчики с мощными дальнобойными и все сжигающими лазерами или чем-то еще страшным, а я вот как-то хитро отниму или сопру один и сам всех перебью, а лазер оставлю себе, я же запасливый, все когда-то да пригодится.

Однако действительность почему-то всегда поворачивается даже не задом, это бы еще ничего, а угроза

жающе опускает рогатую голову и смотрит как-то нехорошо.

Он молча отхлебывал из чаши, поглядывая на меня поверх края серьезными глазами.

Я молчал, наконец он произнес мирно:

— Говорят, самое большое испытание — устоять не столько против неудач, сколько против счастья. Так что главные испытания у нас еще впереди.

— Конечно, — согласился я, — вот разделаемся с такой ерундой, как тот Маркус... Что там за треск?

Он прислушался, растянул губы в улыбке.

— Ваш главный маг. Взгляните

— Алхимик, — строго поправил я. — Магия готовится предстать перед постепенным запретом в восемнадцать этапов. Может, больше. Еще не продумал. Да и не мое это дело, верно? Лорд-канцлер на что?

Он поднялся, игнорируя намек, приоткрыл полог. В широкую щель видно дальний конец лагеря. Костлявая фигура Карла-Антона в его нелепом халате до земли и широкополой шляпе продвигается с осторожностью по шатающимся под его ногами кочкам, для равновесия упирается в них длинным посохом, но часто промахивается и едва не падает в грязную воду.

Остановился, вскинул руку над головой, направив верхушку посоха, он же магический жезл, прямо в небо. Ослепительно сверкнула молния, и раздался сухой жесткий треск, будто переломили скалу.

Из безоблачного неба прямо в жезл ударила молния. Маг даже не пошатнулся, все так же стоит, расставив ноги, и держит посох гордо поднятым к небу.

Ого, мелькнуло у меня, это же весьма удобный способ. Вот так научиться пользоваться безграничной мощью гроз и солнечного ветра — не просто круто, это рационально, экологично, оправданно.

Альбрехт сказал тихонько:

— Он там осушил большой участок болота. Солдаты голыми руками ловили больших рыб, ошалевших на суше! Так что этот маг точно будет пользоваться уважением среди простого народа.

— Я его уже уважаю, — сказал я серьезно. — Знание — сила!.. Маг при определенных моментах может сделать больше, чем отряд воинов.

Он поморщился.

— При определенных моментах... При определенных и женщина сможет.

— Женщин в отряд не беру! — предупредил я. — И не уговаривайте.

Он посмотрел с укором.

— Ваше величество! Разве я о женщинах?

— А разве нет? — спросил я. — У вас все о женщинах. Даже холм, на котором скардер, с женской грудью сравнивали!

— А на что похож сам скардер? — напомнил он. Прислушался, поднялся и сказал торопливо: — Лорды подходят. Пусть войдут или сказать, что вы вроде бы о высоком?

Я посмотрел зверем, он заторопился к выходу, высунул голову на ту сторону. Шаги стали громче, прозвучали голоса, Альбрехт отступил и, придерживая полог, начал пропускать в шатер лордов.

Первым вошел Норберт, за ним лорд Робер, барон Гастон Келляве, несколько высокородных лордов из близкорасположенных замков, от каждого так и веет спесью и величием, а я с трудом подавил инстинктивное желание вскочить и поклониться таким знатным и высокородным людям.

Наконец вошел отец Дитрих, его почтительно поддерживают под руку сэр Кенговейн, который был призван Альбрехтом в помощь барону Келляве для охраны

скардера, но чувствуется, что это жест учтивости, отец Дитрих собран, серьезен и не выглядит слабым.

Наблюдая за ними двумя, я подумал, что церковь никогда бы не просуществовала столько, если бы хоть на минутку власть в ней захватили религиозные фанатики.

Разумные и дальновидные деятели, понимая, что даже самый добродетельный и стремящийся к благу человек все же слаб, никогда не предъявляли и не станут предъявлять ему слишком высокие требования, чтобы не сорвался и не рухнул с достигнутых высот. Человека нужно тянуть из животного болота медленно, дабы не оторвались уши. Другие называют этот растянутый на века процесс выдавливанием раба, но факт в том, что, как в трудные времена после жестоких войн и чумы церковь разрешала многоженство, ибо главная заповедь — «Плодитесь и размножайтесь!», так и сейчас вот молча, не акцентируя и вообще не предавая чрезмерной огласке друга, сотрудничает с магами и колдунами, потому что самое главное — жизнь, сейчас нужно забыть на время все споры.

Пропустив вперед троих лордов, прошел и устроился в уголке Карл-Антон, тоже понимает все прекрасно и, как вижу, принимает и уважает эту линию церкви. Священники и маги с предельной вежливостью уступают друг другу дорогу в лагере, пока не определятся, кто расположится на каком конце.

Все неспешно и с достоинством устроились на обеих лавках, только Карл-Антон и двое рыцарей, что вовремя привели дружины, остались на ногах, но они посмотрели на алхимика и, презгнув быть близко, перешли на другую сторону шатра.

Я выдержал паузу, хотел было остаться сидеть, как и положено говорить королю, но напомнил себе, что я сейчас полевой вождь, вскочил, быстрый и не по-

королевски демонстративно подвижный, оглядел всех яростно и с подъемом.

— Итак, мои боевые друзья... вторжение произошло. Свершилось!.. Мы приняли все меры, которые были в нашем распоряжении, но, увы, отступать и прятаться — это не лучшее для гордого рыцарства.

Лорды заговорили с одобрением, что да, все верно, еще неизвестно, что за враги, а мы уже прячемся. Вон граф Улагорнис сразу заявил, что прятаться не будет, а немедленно вызовет на честный бой любого противника, кто бы ни вышел из Звезды Антихриста. И он такой не один, многие отказались позорно прятаться...

Я сказал сухо:

— Надеюсь, их гибель будет не напрасной. Слегка затормозят победную поступь обнаглевшего от безнаказанности противника.

Глава 3

Выпрямившись, словно упираются в невидимую спинку лавки, все приглашенные на совет смотрят с полными надежды лицами. Сюзерен должен знать, как спасти их всех, или же вот прямо сейчас найти для этого способ, и все снова будет хорошо и правильно.

— Ничего, — подчеркнул я, — не предпринимать!.. Что, странный приказ?.. Ничего подобного. За Маркусом установлено тщательнейшее наблюдение. Разведчики сэра Норберта, рассредоточившись, наблюдают за вражеской крепостью, опустившейся из глубин звездного неба. Там же хляби небесные, слыхали? А где хляби, там и глубины. У норбертовцев самые быстрые кони, они моментально сообщат нам все, что увидят и узнают. Не кони, а их седоки, если кто еще не сообразил.

Барон Келляве спросил с подозрением:

— А вы решите нападать или не нападать?

— Мы должны увидеть, — подчеркнул я, — что у нас за противник. Вы до этого случая видели только закованных в хорошие доспехи противников! А кто встречал бронированных тараканов размером с сарай? Кто из вас видел ящериц размером с этот шатер, но укрытых алмазной чешуей?.. Готовы выйти с мечом в руке против драконов, что будут летать на высоте в десять ярдов и жечь вас огнем с безопасного расстояния?..

Они молчали, озадаченные, как-то в голову не проходит, что драться можно не только с людьми.

Я сказал жестко:

— Увидев противника, тут же выберем! Имею в виду соответствующую тактику. Потому лагерь не покидать ни в коем случае! До соответствующего! Всем понятно?

Альбрехт сказал почтительно:

— Учитывая военное время, когда приказы не обсуждаются, понятно даже тем, кому непонятно. Ваше величество...

— Лорды, — произнес я.

Они поднялись, поклонились синхронно и покинули шатер. Такого короткого совещания у меня еще не было, да и сказать пока нечего, надо было только напомнить о дисциплине. А также, что у нас, моего величества, всерьез подумывающего о последнем шажке насчет императорской короны, все под контролем.

Уже сквозь тонкую стенку шатра услышал негромкий голос барона Келляве:

— Судя по тону, наш король встречал и бронированных тараканов, и ящериц размером с гору, и всяких ужасных тварей, которых и представить страшно.

Сэр Кенговейн ответил зябким голосом:

— Мне с таким королем то страшно, то совсем наоборот.

— Совсем-совсем страшно?

— Да...

Дальше я не слушал, стиснул голову обеими ладонями, вроде это помогает сосредоточиться и придержать там быстро промелькивающие мысли, что успеваешь увидеть только дразнящие хвостики.

Назойливо лезет только простейшая мысль об Эркхарте, но это всего лишь транспортник для перевозки руды. Максимум, что может, это передвинуться на другую сторону планеты, но не в состоянии даже менять высоту, так что не получится посадить, загрузить Победоносную и Познавшую, а затем высадить десант прямо в воздухе на Маркус.

Да и просто пострелять по Маркусу ей нечем, транспортник есть транспортник. Так что в сторону Эркхарту. Армию троллей под командованием сэра Растира тоже стоит выбросить из головы — далеко, не успевает. Эльфы сильны только в лесах, а гномы не сумеют за короткое время выкопать такой котлован, чтобы Маркус провалился в бездну, слишком уж гора оказалась исполинской... Хотя идея, признаться, соблазнительная.

Едва вышел из шатра, навстречу поспешили встревоженные лорды и военачальники, терпеливо ожидавшие поблизости. Костры чадно горят в ямках и впадинах, это чтобы скрыть огонь, хотя вроде бы мы забрались в самую глубину леса, дым поднимается густой, но постепенно рассеивается, а также поглощается в густых кронах.

Несколько знатнейших рыцарей, завидя выходящего сюзерена, поднялись от костров и заспешили в нашу сторону. То ли чтобы послушать грядущие планы, то ли из почтения, король всегда должен быть окружен многочисленной свитой из знатных и родовитых людей.

Альбрехт сказал издали:

— Ваше величество, благородные люди выражают готовность выйти на бой и скрестить копья.

— А если там нет копий? — спросил я. — Я имею в виду неведомых противников. Если только дальнобойные и весьма скоростные арбалеты?..

Рыцари окружили плотным кольцом, на лицах злое нетерпение, что и понятно, аристократы нюхают смрадную вонь только в минуты, когда гонят по краю болота оленя или кабана.

Альбрехт ответил громко, я понял, что выражает общее мнение, что не обязательно должно совпадать с его личным:

— Есть предположение, ваше величество, что мы слишком осторожничаем. Это бремя власти не позволяет вам принимать быстрые и решительные... э-э... решения?

Я буркнул:

— А что, предлагаете лишить меня этой власти? Я бы сам с удовольствием снял со своих плеч! С превеликим и даже огромным удовольствием. Но тот, кто взвалит на себя, поведет вас отсюда в красивую и глупую атаку на это неизвестное и погубит всех, даже не поняв, что их сразило!

Один из знатных проговорил из задних рядов:

— Лучше сложить голову в яростном бою, чем сгинуть в этом болоте.

Альбрехт сказал примирительно, делая вид, что не услышал голоса народа:

— Ваше величество, все или почти все понимают то, что вы изволили. А если кто-то и говорит глупости, то чтобы не показаться трусом. Мужчины страшатся этого больше смерти, мы же понимаем, хотя и не признаемся. Нужно великое мужество, чтобы не стараться постоянно и перед всеми выглядеть храбрецом... Все это особое мужество видим в вас и потому чтим особенно.

Судя по лицам лордов, все или почти понимают, но все равно лучше выглядеть безумно отважным, чем мудрым. Отвагу видно издали, а мудрость еще нужно рассмотреть, да и то не уверен, мудрость ли.

— Сейчас вокруг Маркуса носятся конные разъезды, — сказал я. — Выясняют. Мы же не знаем вообще, как выглядят эти демоны! И чем их можно взять. Может быть, удар рыцарского копья для них нипочем, а деревянным колом — верная смерть?

Исполненные отваги лица посерезнели, даже Альбрехт чуть наклонил голову, выказывая одобрение старшего младшему.

— Однако пока никаких новостей? — спросил он громко, опять же ориентируясь на слушающих в напряжении лордов.

— Сами знаете, — ответил я. — Разведчики, что кружат вокруг Маркуса, по дороге в мой шатер рассказывают вам все... Тайн нет, уверяю вас. И никакого сговора с захватчиками! На это намекает сэр Рокгаллер?

Сэр Рокгаллер, крупный и дородный вельможа из Штайнфурта, где владеет тремя дворцами, вздрогнул, воскликнул с великим возмущением:

— Ваше величество, ну и шуточки у вас! Кто-то возьмет и поверит!

— В такое верят охотнее, — согласился я. — Потому будьте осторожны, намекая на трусость короля или хотя бы его нерешительность.

Тамплиер и Сигизмунд, что по своему невысокому рангу на совещаниях присутствовать не могут, посматривают издали, но Сигизмунд не выдержал и крикнул чистым звонким голосом подростка:

— Слава нашему королю! Он ведет от победы к победе!

Оглянулся на Тамплиера, тот подумал и прогудел мощно:

— Даже без отдыха.

В голосе паладина прозвучала вроде бы ирония, хотя для прямолинейного Тамплиера такие тонкости вообще-то не свойственны.

Сигизмунд сказал воспламененно:

— Вот это жизнь!.. Вот так и надо во славу!

Альбрехт посмотрел на него, потом на меня, но смолчал, хотя понимать тут особенно нечего, рыцари у нас самые настоящие, кость этого мира, скелет человечества.

— Во славу, — повторил я, но не стал уточнять в чью, пусть отец Дитрих поймет насчет славы церкви, Альбрехт — славы и величия короля, а сэр Рокгальтер подумает, как всегда, о бабах, то бишь прекрасных дамах. — На этот раз славы будет столько... что наш подвиг войдет... гм...

Отец Дитрих, что в сторонке беседует со священниками, услышал, бросил на меня предостерегающий взгляд.

— Войдет, — сказал он осторожно, — если решит конclave кардиналов. И определит, чем считать то... что вот стряслось.

Подвиг, пробормотал я про себя, войдет в анналы... даже, может быть, в Библию, как второй потоп... на этот раз огненный, в ожидании которого Адам записывал законы на стеллах из глины, чтобы те от огня стали только крепче.

Войдет в случае, если справимся. Шанс нам дан, иначе бы вместо Маркуса послали астероид. Не обязательно размером с Луну, достаточно и с Австралию.

Но сейчас шанс остается. Просто время с момента прибытия Маркуса начало стремительно работать против нас.

...Разведчик провел в дальнюю часть лагеря, что уже и не лагерь, а как бы его отросток, и народ там не военный, сразу ощущалась расхлябанность и вольность нравов. Из первой же хижины, сплетенной из веток, выскочила молодая женщина и, закрывая рубашку на груди, поспешила с моих глаз.

— Маркитантки, — пробормотал я, — что хорошо и почти плохо. Где главный?

Немолодой алхимик поспешно поклонился издали.

— Ваше величайшее величество, он во-о-о-он там, на краю болота! Там непонятную рыбу поймали... наполовину плавники, наполовину лапы.

— А для оборонной промышленности она сгодится? — спросил я сурово. — Для военно-промышленного... э-э... производства?

— Ваше величество?

— Сейчас все работает на оборону отечества, — сказал я сурово. — А ты что, из другого отдела?.. Надеюсь, здесь все засекречено? Вольно.

Он замер, а разведчик ухмыльнулся и молча указал взглядом в сторону разросшегося кустарника.

Я уловил возбужденные голоса, среди них и резкий тенорок Карла-Антона, что в возбуждении срывается на дискант.

Где край болота, не знает само болото, разведчик раздвинул кусты, дальше в десятке шагов от нас трое мужчин в профессионально длинных халатах, хотя их можно называть и плащами. Шляпы все одинакового размера и формы, только у одного с орлиным пером за тулей, явно знак отличия.

Все трое оглянулись, Карл-Антон радостно заулыбался было, но тут же опомнился, отвесил почтительнейший поклон и замер в ожидании.

— Карл, — сказал я, — сейчас было важное заседание совета. Вы прятались в уголке и даже не пискнули.

Полагаю, на следующем вам тоже стоит быть обязательно! Да, весьма.

Он отшатнулся.

— Ваше величество!

— Вот-вот, — сказал я, — потому я и. В данный момент я, выказывая величайшее уважение будущей науке и ее прорывным достижениям в ряде непонятных тебе областей, явился сюда лично, дабы.

Он прошептал в муке:

— Ваше величество...

— Ибо понимаю, — ответил я значительно. — И ценю ростки. Бурьян, как известно, есть ценнейшее лекарство, свойства которого пока еще не открыты алхимиками и вряд ли будут открыты наукой. Ну, ты все понял. А теперь песни о главном. На совещании все бряцали оружием и обещали красиво умереть в сражении за. Или против, неважно. Но мне нужна победа, одна на всех. За ценой, понятно, не постоим, платим не мы, не жалко. Отступать некуда, все равно погибель, так что все и всегда твердо и прямо глядя. Присваивать победу даже не придется, все равно мне припишут!

Он слушал в напряжении, тщетно стараясь выловить в моей цветистой речи смысл, наконец просто догадался:

— Ваше величество желает... поручить нечто нам?

Я изумился:

— Разве еще не сказал? Эх, все ученые такие непонятливые... Вам поручаю не просто нечто, а самое главное. Найти мощное оружие против этих противников.

— Ваше величество...

Я вскинул ладонь, останавливая вопросы.

— Как только пришельцы покажутся из корабля, разведчики тут же сообщат. Мы постараемся определить, конечно, что и как, но я спинным мозгом чув-

ствую, что наши мечи и копья будут не очень-то весомым аргументом.

Он спросил шепотом:

— Полагаете... прилетят маги?

— Можно сказать и так, — согласился я. — Высокая алхимия неотличима от магии. Умно я сказал? То-то. Хорошо изрекать вещи, которые в этом краю еще не слышали, таким умным начинаю казаться даже себе... То оружие, которое применит противник, я объявляю нелегитимным.

— Ваше величество?

— Недостойным, — пояснил я, — и запрещенным церковью. Пусть она еще и не знает о нем, но точно запретит, ибо церковь вообще-то за гуманизм, человеколюбие и уничтожение всех несогласных с нею. А раз противник недостоин и нелегитимен, то он вне правил. Это понятно?

Он пробормотал:

— Это понятно как ясный день.

— Значит, — сказал я, — против него можно применять любое оружие. Потому сразу переберите и достаньте из кладовок все самое смертоносное, самое гадкое и опасное. Никто не будет виноват за его применение, я всю ответственность беру на себя, запомните!.. А вас освобождаю от химеры.

За нами послышались мягкие конские шаги по толстому слою мха и густой травы. Норберт остановил коня в трех шагах, лицо бесстрастно, он хоть и признает полезность в этом мире лекарей, знахарей и колдунов, но не одобряет, когда король проводит с ними слишком много времени.

— Ваше величество, — произнес он сухо, — все еще ничего.

— От разведчиков?

Он кивнул.

— Наблюдают по-прежнему издали, еще один разъезд объехал дважды вокруг их крепости, но ворот не обнаружил, хотя пытался что-то там процарапать.

— У пришлых свои технологии, — ответил я. — Хотя это может быть маскировка. Высадка десанта должна быть неожиданной. В неожиданном месте.

Он сказал медленно:

— Но пока никто не вышел. С чем-то связано, как вы думаете?

Я поднял голову к небу, солнце немилосердно жжет в темя с зенита.

— Слишком долго готовят, — сказал я, — свои колесницы. Боевые колесницы.

— Ваше величество?

— Не пешком же выйдут? — сказал я высокомерно. — Для прилетевших со звезд это почти унизительно. Разведка наблюдает со всех сторон?

— Глаз не сводит, — заверил он. — Мы же не знаем, с какой стороны появятся!.. Но все стараются держаться на расстоянии. Хотя, конечно, эти ребята рисуют особо.

— Тогда едем, — велел я. — Карл-Антон, продолжайте в том ключе, который я изволил вам дать.

Карл-Антон смиренно поклонился.

— Со всем смирением, ваше величество!

— Сэр Норберт, — сказал я, — а мы посмотрим еще разок на эту штуку вблизи.

— Ваше величество!

— Не спорить, — велел я властно. — Подвергаетесь опасности вы, а не я. Мой конь быстрее, унесет.

Норберт покачал головой. Взгляд говорил, что никакой конь не унесет, если не увидит опасности или не получит приказа от седока, да я и сам понимаю, но шансов все-таки больше, что унесет, да и сейчас, когда на карту поставлено все... какие разговоры о риске?

Глава 4

Лес тревожно шумит, деревья раскачиваются под порывами сильного ветра, словно появление Маркуса принесло тайфуны. Разведчики Норберта осторожно наблюдают из-за деревьев за этим чудовищным образованием, которое я почему-то называю кораблем, но ведь и ковчег не был кораблем, хотя невежды с завидным упорством постоянно рисуют его в виде корабля.

Мы с Бобиком тоже всматриваемся изо всех сил. Голова начинает трещать, как спелый арбуз, но там пока тихо, даже не понять, где могут быть ворота, просто чудовищно огромный купол, накрывший чуть ли не всю долину, краем придавил часть холма так, что почти касается скардера.

Сэр Норберт, как и положено, не отходит от меня ни на шаг — я же в расположении его отряда, как бы несет ответственность за сюзерена, — то быстро зыркает на своих людей, то выжидающе смотрит на меня.

— Не выходят, — сказал он наконец то ли с досадой, то ли с облегчением. — Присматриваются?

— Или привыкают, — ответил я. — Все-таки пять тысяч лет их здесь не было. Могли и затерять старые рукописи.

— Старые карты?

— Да, их самых.

— А если это они и были? — спросил он.

Я поежился.

— Знаете ли... бессмертные ангелы или демоны меня не так пугают, как бессмертные люди. У людей дурная привычка совершенствоваться.

— В искусстве войны?

— А в чем же еще? — спросил я. — В этом все мы в первую очередь. Иначе какое там плодитесь и раз-

множайтесь? Плодятся и размножаются лучше всего те, кто и убивает лучше всех.

Он посмотрел на меня искоса.

— Ваше величество, у вас такое лицо, как будто только сейчас поняли эту нехитрую истину. Любому же крестьянину все ясно!

— Да у меня всегда так, — ответил я. — Сложное хватаю на лету, а простое ставит в тупик. Вот до сих пор не пойму, почему вода мокрая, а снег холодный... Постойте, вон там у них слева... видите, скалу раскрышило, как горку песка?.. Там вроде бы цвет отличается. Пятно такое...

— Думаете, ворота?

— Должны же они откуда-то появиться?

Я подумал, сказал решительно:

— Все оставайтесь здесь, а я проскачу вокруг этой штуки. Тихо-тихо, никаких протестов! Вы же знаете, броня моя крепка, лошадка моя быстра...

Норберт посмотрел на меня как на мальчишку.

— Ваше величество! Вы... отдаете себе отчет?

— Частично, — признался я. — Но что-то подсказывает, что...

Он прервал, чего раньше не делал:

— Что вам, ваше величество, или кто подсказывает?

Не тот ли, кто незримо следует за нами и стоит всегда за левым плечом? Лучше поплюйте на него!

— Интуиция, — ответил я. — Озарение, ощущение... в общем, мне иногда то, что Господь вложил во всех нас, подсказывает достаточно ясно, чего бояться, а чего нет.

— Ваше величество?

— Жаль, — пояснил я со вздохом, — советов не дает, только чувство... Но пока и это помогает просто здорово!.. Я ненадолго.

Арбогастр поглядывал на меня с недоумением, почему бы не помчаться так, чтобы ветер ревел и выл вокруг, везде пусто, никого не собьем, но я пустил его рысью, потом вовсе перевел на иноходь. Маркус вырастает, хотя и так загораживает собой половину неба и вообще половину мира, но еще страшнее от его мрачной и надменной неподвижности.

Бобик раньше арбогастра сообразил, чего я хочу, промчался сперва к подножию этой багровой горы, вблизи еще больше похожей на раскаленную болванку металла, из которой куются звезды и новые миры, затем побежал вприпрыжку вдоль стены.

Мы с арбогастром приблизились вплотную, я не решился протянуть руку и потрогать, чувство опасности не спит, вблизи Маркус выглядит как абсолютно ровная и прямая стена, при таких размерах кривизна просто незаметна вблизи.

— Что же ты за такое, — прошептал я в тоске. — Что отвечу своим измученным людям, когда вернусь, а они обступят с вопросающими глазами...

Даже не металл, как мне казалось подспудно. Волосы встали дыбом, легонько тряхнуло, по нервам промчался огонь, захотелось плакать от чего-то странного, унижающего. И не только потому, что муравей перед опускающейся на меня скалой, а от непонимания, что это; только и осознаю, что нечто превосходящее на сотни порядков, не то темная материя, не то само спрессованное пространство-время.

Бобик весело гавкнул, я дернулся и ухватился за рукоять меча, но, оказывается, Адский Пес всего лишь обращает мое внимание на роющего прямо у красной стены нору толстого барсука.

— Нет, — сказал я, — с барсуком в пасти ты не воин.

Он посмотрел с укором, но тут же подпрыгнул весело, уже простив меня, помчался вдоль стены, похожий

на черный смерч, скользящий вдоль стены отвердевшего жаркого пламени.

Я обогнул третью Маркуса и начал тревожиться, не обнаружив ничего похожего на люки, ворота или даже двери. И вообще вблизи он еще больше напоминает отполированную до блеска перевернутую вверх дном исполинскую чашу из металла.

Бобик исчез впереди, мы преодолели с арбогастром еще около мили вдоль этой стены, когда сзади услышали стремительно приближающееся жаркое сопение.

Адский Пес, поняв, чего я хочу, ускорился и, обежав Маркус вокруг на большой скорости, нагнал нас, когда не прошли еще и половины, запрыгал вокруг, донельзя довольный и счастливый, на арбогастра смотрел победно, тот фыркал и вскидывал голову, лорды не спешат и не суетятся, они шествуют, как подобает благородному племени.

После первого и достаточно широкого круга вдоль этого чудовищно огромного купола пошли по спирали, пока я не коснулся вытянутой в сторону рукой этой странной стены багрового цвета, холодной и абсолютно гладкой.

Гладкой настолько, что любая пыль и грязь скользнет. Для нее нужны крохотные поры, чтобы зацепиться, а здесь в самом деле идеально ровная поверхность...

Если это тот же Маркус, что прилетал пять тысяч лет тому, то его обшивка должна быть вся изъедена микрометеоритами и космической пылью, что при огромных скоростях изгрызет все что угодно...

Хотя, конечно, даже при моем уровне знаний можно предположить самовосстанавливающуюся поверхность. Даже я знаю несколько вариантов, как это делается, а у создателей Маркуса возможностей явно побольше.

Или же вариант еще круче, обшивка в самом деле из нейтрида. Ядра стиснуты без промежутков, как в недрах нейтронной звезды. Такое ничто на свете просто не может поцарапать.

— Все, — сказал я решительно, — хорошего понемножку!.. В лес, все в лес!.. Бобик, не отставать!

Разведчики встретили меня с блестящими от восторга глазами, один воскликнул с призыванием:

— Мы видели, видели!

— Вы даже пощупали эту штуку! — сказал ликующее второй.

Норберт сказал по-прежнему строго:

— Ваше величество!

Я сказал громко, чтобы слышали его люди:

— Вы были правы, сэр Норберт. С моей стороны это было больше глупое лихачество. Ничего особо полезного не узнал.

Его лицо смягчилось, самую чуточку, почти незаметно, но для всегда строгого и сурового начальника внешней разведки и это много.

— Но ваша интуиция не подвела, — проговорил он тоже громко, чтобы не позволить мне уронить свой авторитет еще ниже. — Никто не выскочил, не пытался вас перехватить... Вы сказали, ничего особо полезного?

Я правильно понял подтекст, кивнул.

— Да, ничего особенного. Так, по мелочи. К примеру, их кузнецы неизмеримо лучше наших.

— Ваше величество?

— Обшивка, — пояснил я, — как зеркало! Ни единой царапины. Даже таких, что оставляет муха, ползая по стальному панцирю, у нее на лапах есть коготки, сам видел.

Он не удивился, судя по взгляду, есть такие люди, одни умеют зреть очень далеко, другие видят совсем

уж мелкие вещи. Правда, эти люди обычно полные недотепы во всем остальном, а то и вовсе беспомощны.

— Значит, — сказал он задумчиво, — стрелы наших лучников могут не просадить их панцири. Если, конечно, сделаны из такой же стали.

— Боюсь, — ответил я, — арбалетчикам тоже не по зубам. Хотя пробовать надо.

— Даже вблизи?

— Даже в упор, — ответил я. — Надо искать другие способы.

— Ваше величество?

Я пожал плечами.

— Не знаю... К примеру, выставить колдунов и магов на переднюю линию.

Он выпрямился, произнес суховато:

— Нас обвинят в бесчестных методах ведения войны.

— Беру все на себя, — ответил я уверенно, но посмотрел в его холодные глаза и понял: не пройдет. Рыцари — не послушные оловянные солдатики, у них собственные представления о чести, гордости и достоинстве. За сюзереном идут потому, что сами добровольно принесли ему клятву верности, но если тот будет вести себя недостойно рыцарского кодекса, то могут бросить свои клятвы ему под ноги. — Сэр Норберт... а если прибыли вовсе не рыцари?.

Он подумал, ответил решительно:

— Даже с простолюдинами нужно вести себя честно.

— Там могут быть даже не простолюдины, — сказал я и, увидев его непонимающее выражение, пояснил: — Скажем, преступники. Изгои. Которых не стали казнить, а посадили в лодку и пустили в бурное море.

Он покачал головой.

— Ничего себе лодка.

— Мы судим по себе, — ответил я. — Но кто знает масштабы их звездной империи?

Он задумался, а я повернул арбогастра и пустил вскачь к лесу. Там на краю, однако, согласно моему строжайшему приказу, благоразумно оставаясь за деревьями, нас встретили Альбрехт, лорд Робер, Тамплиер с Сигизмундом, несколько знатных рыцарей, помню их лица, они охраняли скадер.

Рыцари окружили раньше, чем я покинул седло, примчался Норберт и сразу же сообщил кому-то довольно громко, чтоб слышали и другие, что король вел себя несколько рискованно, что для него свойственно, однако выяснил кое-что полезное для нашей обороны.

Спасибо, Норберт, подумал я с теплотой. Наедине критикует, но на людях всячески поддерживает мой авторитет. Спасибо, старый солдат.

Альбрехт идет рядом справа, некоторое время молчал, давая мне собраться с мыслями, но поглядывал искоса на мое лицо все чаще и все более испытующе.

— Ваше величество, — поинтересовался он почти нейтральным тоном, — вас, похоже, это не удивило?

— Что?

— Что прибывшие все еще не показываются наружу! Разве сверху не видели, что рядом с этой штукой, этим маяком, два больших города, где людей как муравьев? И богатые села по сто домов?

Я ответил осторожно:

— Граф, пока только предположения.

— Ваше величество?

— Догадки, — уточнил я. — Не предположения, а всего лишь догадки, пока ничем не подкрепленные.

— А можно мне...

— Можно, — ответил я.

— Тогда поделитесь, — попросил он.

— Не стану, — ответил я веско. — Государственный муж должен следить за тем, что брякает направо и налево. Даже в таких вот! Вот приду к какому-то мнению,

тогда и скажу. Много у нас таких, кому лишь бы по-говорить!.. Сам такой, знаю.

Он посмотрел исподлобья, вздохнул.

— Как скажете, ваше величество.

Перед шатром я повернулся к почтительно идущей сзади свите. У всех серьезные встревоженные лица, уже все знают о моей нахальной выходке, в глазах рыцарей полное одобрение, и чем их обладатель моложе, тем больше восторга в его взгляде и даже обожания за такую дерзость.

Только Альбрехт, Норберт, отец Дитрих, даже лорд Робер смотрят внимательно и без восторга.

— Пока могу сказать немного, — заявил я уверенно, — даже мало, но все же это лучше, чем ничего. Тактильный анализ поверхности Маркуса, что значит удалось пощупать, говорит о его необыкновенной прочности. Если в таких же доспехах выйдут пришельцы, то методы войны надо будет пересматривать... Второе умозаключение, выведенное из щупанья обшивки: там не демоны!

Никто не проронил ни слова, ищут и не находят, как это вытекает из щупанья обшивки.

Альбрехт поинтересовался:

— Ваше величество, я вижу, не один я поставлен в эту странную позу, которую вы элегантно называете тупиком.

— Понимаю, — ответил я, — это не первый раз, верно?

Он кивнул.

— Все так. Вы часто ставите так в такое интересное положение. Так все же почему не демоны? Это очень важная догадка. Не ложная?

— Уверен, — сказал я, — но не совсем. А как бы так. Как все мы в состоянии вспомнить, демоны не пользуются кораблями, телегами или чем-то еще. Они

всегда или бегают на своих двоих, либо летают, либо плавают. И все обычно делают намного лучше нас, так что любые приспособления им без надобности.

— Как и животные? — спросил со своего места сэр Робер.

— Да, — ответил я, — только животным не хватает ума, а демонам... уж и не знаю, но демоны не в состоянии преодолеть даже реку, не говоря уже о пространствах пошире! А с людьми, как мы знаем, с одной стороны, драться намного легче, с другой...

— Труднее, — договорил Альбрехт и оглянулся на лордов. — Люди изобретательнее. Хотя не у всех наших противников есть такие полководцы, как наш король.

Ну спасибо, мелькнула мысль. Впервые он так при всем народе похвалил меня. Значит, дела наши не просто плохи, а катастрофические. Как будто я сам не знаю, так еще и напомнил, свинья.

— Спасибо, — ответил я жирным голосом, — спасибо за высокую оценку. Но мы в самом деле еще не проиграли битву. Мы просто увидели мощь противника, воплощенную в его корабле!.. На сем краткое совещание заканчиваем. Прошу все время помнить, что... да ладно, просто помните!

Глава 5

Я повернулся и нырнул в шатер. Альбрехт на правах лорда-канцлера последовал сзади, сказал в спину тихонько:

— Впервые вижу такое совещание.

— Граф?

Он криво улыбнулся.

— Вы никому не дали слова сказать. Посовещались, значит.

Я поморщился.

— Это было не совещание, а королевская речь. О чём совещаться, когда нет данных? Главное сейчас — внушить всем, что ничего не потеряно, потягаемся и с таким противником. А они, надеюсь, передадут мою уверенность своим подопечным.

— А у вас есть эта уверенность?

— Еще бы, — отрезал я. — Граф, я всегда уверен!.. За исключением тех редких моментов, когда не уверен, но это бывает так редко! Исключительно редко. Не чаще двух-трех раз в день.

— Тогда у нас есть шансы на победу, — ответил он с сухой иронией. — Ваше величество?

— Граф, — сказал я так же суховато, — нам либо осталось жить несколько дней... пока пришельцы не наберут достаточно людей в трюмы, либо это им осталось несколько дней. Другого не дано. Так что в таком вот ракурсе.

Он поклонился без всякой иронии.

— Ваше величество.

— Граф.

Я тяжело опустился на лавку раньше, чем за ним опустился полог. Во всем теле нехорошая тяжесть, словно целый день ворочал горы, даже ноги налились горячим свинцом.

Карту разложил на столешнице больше по привычке, и так в память четко врезана долина Отца Миелиса, Штайнфурт и Воссу, а также два десятка крупных сел поблизости, за счет которых кормятся эти города. Дальше обозначены деревни, мелкие, но множество, туда звездные захватчики пойдут в последнюю очередь.

Не знаю возможности пришельцев, но мы сделали все, чтобы затруднить им ловлю. Те отряды, что я велел расположить в Штайнфурте и Воссу, сразу же с приземлением Маркуса начали выгонять народ из домов

и направлять в лес. Тех, кто противился, принуждали. Вообще-то я отдал достаточно бесчеловечный приказ: убивать желающих оставаться в городе, если это не старики или беременные женщины.

Конечно, это преступно, я и не говорю, что это хорошо, но если пришельцы наберут достаточно людей в этих двух городах и поднимутся в верхние слои атмосферы, их не достать, а оттуда легко и просто вспашут земные пласти на десятки ярдов в глубину.

Потому да, лучше по моему приказу убьют несколько десятков дураков, остальные все же испугаются и побегут в лес, чем позволю слюнявому гуманизму погубить все человечество и всю так трудно и с такой кровью выращиваемую цивилизацию.

Сквозь тонкую ткань стенки шатра пропадает некое смутное свечение, оранжево-красное, далеко на краю лагеря разгорается костер, несколько мужиков в одежде простолюдинов сидят вокруг, один подбрасывает ветви в и без того жаркое пламя.

Я только отпустил полог и открыл рот для крика, но там подбежал один из людей Норберта, ногой разбросал горящие ветки, наорал, а крестьяне вскочили и жалко кланяются, прижимая к груди шапки.

Ко мне, завидев сюзерена, поспешил лорд Робер.

— Ваше величество?.. Что прикажете?

Я поморщился.

— Зачем крестьян сюда взяли?

— Сами пришли, — ответил он. — Просят защиты, а рыцари отказывать в защите не вправе никому.

— Могут нас выдать, — буркнул я. — Даже нечаянно. Гамом, блужданием по лесу. Придется их ограничить.

— Они напуганы, — пояснил он, — и жмутся к нам, как овцы. Их из лесу палкой не выгонишь!

— Обнаглеют, — буркнул я. — Люди вообще наглые существа, а простолюдины так вообще... Ладно, это не

самая важная проблема. Вижу, их уже приводят в чувство. Что с Маркусом?

— Все еще никто не показывается, — сообщил он. — Разведчики кружат на расстоянии, как вы и велели. Это все, что знаю, сэр Норберт расскажет больше.

— Ладно, — сказал я, — сообщайте о любом изменении ситуации. Где граф Альбрехт?

— Рассыпает посланцев к шателленским и бурнандским лордам, — ответил он с готовностью. — Как вы и велели, они должны были укрыться в лесах поблизости. Из Великой Упарингии...

— Улагорний, — поправил я сварливо. — Это центр зарождающейся...

— Империи? — подсказал он.

Я посмотрел строго.

— И вы о том же? Это вас граф Гуммельсберг получил?

Он скромно потупился.

— Ваше величество, лорды с недавнего времени все чаще об этом поговаривают... все громче. Под вашей дланью столько королевств, нужен один центр и одна власть! Иначе все развалится. А момент сейчас удобнее некуда. Никто и не пикнет против. Все понимают, в такое время все должно быть в одном крепком кулаке!

Я отмахнулся.

— Сейчас не до того, любезный лорд. Думаю, граф Гуммельсберг желает проверить, укрылись шателленцы и бурнандцы в лесу, как им было велено?

— Могут счесть это позором, — согласился лорд, — и винить их за это трудно.

— Я политик, — ответил я зло, — мне людей жалко! Я лучше угроблю их там, где это будет выгодно мне и обществу, а когда гибнут вот так по дури, у меня сердце хозяина обливается кровью!

— Надеюсь, — проговорил он несколько озадаченно, — граф Гуммельсберг вовремя заметит, если наши союзники поведут себя слишком открыто. А он умеет находить слова убеждения.

— Хорошо, — сказал я. — Если что, я на месте, зовите срочно. О любых новостях докладывать немедленно. Если новостей нет... докладывать тем более!

Мне и докладывали час за часом, что новостей нет, чудовищный багровый купол не выказывает признаков жизни. Кто-то предположил, что все могли погибнуть от удара, вон как землю тряхнуло, теперь бы ворваться туда да все вынести, там могут быть несметные богатства...

Я уставился на Альбрехта, сильно мрачен, лицо стало серым, будто всю жизнь нюхает болотную вонь.

— А уцелевших изнасиловать, — сказал я едко, — можно и полумертвых. Противника даже нужно для чувства превосходства, без которого мужчинам жить трудно, а война все спишет... Нет уж, ждите!

Он проговорил вяло:

— Ваше величество?

— Они что-то готовят, — пояснил я. — Возможно, выедут... на особо громадных повозках, покрытых толстыми стальными листами. Возможно, что-то еще... Ждите! Как терпеливо жду я.

— Это вы терпеливо? — спросил он.

— А то!

— У вас левый глаз начал дергаться, — сказал он уличающе, — ваше величество. Полагаю, от великого долготерпения.

— Христос терпел, — изрек я, — и нам велел. Типа того!

Он поклонился.

— Понятно, ваше величество... Позвольте?

— Позволяю, — ответил я и не стал уточнять, что именно позволяю: монарх, а тем более император, не должен быть мелочным.

Из Маркуса, как докладывают час за часом, никто не показывается, а уже прошло несколько часов с момента посадки. Наконец догорел закат, необыкновенно красочный, такой был разве что при сотворении мира, на землю опустилась звездная ночь.

Веки мои налились горячим свинцом, отяжелели. Тепло потекло по всему телу, в аду было не до сна, начал сладостно погружаться в наконечтовый отдых, однако за стенкой шатра послышались торопливые шаги.

Я насторожился, сон моментально слетел, кто-то не просто спешит, а мчится в темноте. Мои телохранители что-то спросили тихо, но тут же распахнули полог.

Старший из них крикнул:

— Ваше величество... От сэра Норберта!

Вбежал молодой парень, дышит шумно, но старается двигаться бесшумно, доложил шепотом:

— Ваше величество, простите.

Следом вошел Альбрехт, одетый, собранный, на перевязи меч в ножнах, молча остановился у порога.

Я приподнялся на локте.

— Говори быстро!

— Они, — сказал разведчик скороговоркой, — выходят!

Я не заметил, как оказался на ногах.

— Сейчас? В потемках? Ночью?

— Да, ваше величество!

Альбрехт сказал быстро и тревожно:

— А что, очень мудро. Нападать, действительно, лучше всего ночью. Захватить врасплох спящими. Охрану перебить, остальных быстро повязать... Это опасный противник!

— Еще бы, — сказал я. — Наверное, ночью видят... неплохо. Может быть, даже хорошо. А то и очень хорошо!

— Как совы?

— Или мыши, — ответил я. — Летучие. Что ж, я посмотрю, что там и как это они делают.

Альбрехт сказал предостерегающе:

— Ваше величество.

— Ни слова, — оборвал я. — Ваши возражения знаю. Но я на своем коне сумею уйти и от бабушки, и от дедушки.

— Возможно, сумеете, — уточнил он.

— Если я не уйду, — сказал я безжалостно, — то и никто не сумеет. Даже не попытаются бежать, чтобы принести ценные сведения! Красиво и глупо вступать в бой с неведомым противником, не зная ни его численности, ни его сил, ни его возможностей.

Он смолчал, не мальчик, понимает мою правоту, но все мы зависим от мнения общества, что требует именно вступить в бой с любым противником и не опозориться в бегстве, даже если один против целой армии.

— Хорошо, — ответил он хмуро. — Я все же велел подготовить отряд и выслать на опушку. Там их встретят разведчики Норберта.

— Подготовить, — проворчал я, скрывая волнение, — должны быть готовы!

— Готовые уже отправлены, — сообщил он бесподобно. — А этих подготовить на замену.

Я выскочил наружу, нимало не заботясь, успевает ли, в таких делах он не сильно отстанет, свистнул арбогастру.

Через несколько секунд огромный черный конь вынырнул из тьмы, пугая народ багровыми отблесками на блестящей шкуре и багровым огнем в глазах.

Двое воинов бросились к нему, то ли подержать повод, то ли стремя королю. Я запрыгнул с разбега, вызвав восхищенные ахи, арбогастр повыше рядового коня, да и страшноватее, ухватил повод и сказал резко:

— Бдить и не высовываться!

Бобик толстой черной молнией выметнулся следом с такой скоростью, что растянулся на несколько десятков ярдов, так показалось ошарашенным часовым, но успел догнать нас почти сразу, еще не домчались до опушки.

Ночью темно, что понятно, но темно по-настоящему именно в лесу, где густые кроны скрывают звездное небо. Даже когда тучи, и то что-то пробивается на землю, а когда еще и луна, то вообще раздолье, чувствуешь некую прелесть в таком сдержанном и весьма интимном освещении, как при слабых свечах в спальне.

Арбогастр пронесся по лесу, лавируя между деревьями, как заяц, нимало не заботясь о нависающих суковатых ветках, что легко сбрасывают и закованного в турнирные доспехи рыцаря.

Я вовремя пригибался, он это знает, почти распластывался на его спине и шее, превращаясь почти в студень, мир ночью черно-белый, вернее, серый с множеством оттенков, но для нас обоих отчетливо зримый во всех мельчайших деталях.

Впереди деревья стали массивнее, выше, арбогастр сбросил скорость. Между могучими стволами пропустила более светлая равнина. Навстречу выбежали двое из отряда Норберта, приняли арбогастра.

Один сказал торопливым шепотом:

- Выходят, ваше величество!
- Куда направились?
- Пока стоят, ваше величество.
- Вышли и стоят?

— Да, ваше величество! Накапливаются. Иногда возвращаются в... эту крепость.

На выходе из леса между деревьями устроились наблюдатели, переговариваются тихонько, никто, как я и велел, не подхватился с земли при моем появлении.

— Ваше величество, — проговорил он.

— Вижу, — оборвал я. — Не мешай.

Ночь безлунная, на темном небе совсем черные тучи, звезды проглядывают редко, да и то сквозь мглу. Тоска и страх снова сжали грудь так, что вздохнуть трудно.

Маркус, чудовищно огромный и ужасающий, должен был остаться висеть в небе, а на землю опуститься десантный корабль, пусть не с авианосец, но с линкор. Должны были распахнуться невидимые пока люки, на землю сыпнуть закованные в скафандры чудовища... но почему-то жизнь всякий раз подсовывает не то, что ждем.

— Ваше величество...

Норберт напрягся, я это ощущил всем телом, протянул вперед руку. Сердце мое застучало чаще, у края багровой стены возникли высокие, даже отсюда видно, и вполне человекоподобные фигуры.

— Люди, — сказал он, в голосе звучало облегчение. — Все-таки люди.

— Да, — ответил я и с удивлением ощущил, что у самого отлегло, словно люди — это чем-то лучше, чем звери. — Хоть что-то понятно.

— Но все равно демоны, — проговорил он с убеждением. — Люди не могут... вот на таком!

— Конечно-конечно, — согласился я. — Потому никаких правил!

Даже с моим зрением, когда ночь не ночь, а просто бесцветный и унылый день, я не мог понять, что там смутно то появляется у темной и высокой, закрыва-

ющей небо стены, то исчезает снова, но ощущил, что страшное напряжение, как ни странно, чуточку отпускает.

Никаких бронированных тараканов размером с сарай, ничего похожего на исполинские боевые машины, а их, по идеи, должны выдвинуть из корабля-матки первыми. Существа, что смутно угадываются в тени, не крупнее нас, вполне человекоподобные, если судить отсюда, только головы сильно опущены, словно им не разрешено смотреть вверх.

Разведчик рядом прошептал:

— Сейчас будут выводить коней!

— Ты хорошо их видишь? — спросил я.

Он ответил тем же горячим шепотом:

— Да, а еще помогает амулет... А вы, ваше величество, как погляжу, без всякого амулета?

— Я король, — ответил я скромно, — мне положено всех вас видеть начистоту. Чтоб даже в темноте не спрятались.

— Ох, — ответил он встревоженно, — опасный вы король... Ваше величество, они уходят!

Глава 6

Я вздрогнул: группа темных фигур отделилась от корабля и с большой скоростью понеслась прочь. Что-то в их беге показалось неправильным, я всматривался и не мог понять, разве что уносятся так, словно их подхватил ураган.

Разведчик вздохнул тихохонько:

— Шустрые... Но как же... без доспехов? Или я не рассмотрел? А кони? Или это выпустили таких, как мы? Посмотреть, где и что? Но все равно — как без коней?.. Мужчина без меча и коня — не мужчина...

— Пошли в сторону Штайнфурта, — определил я.
— Далековато, — ответил он. — Но как же без коней?

Я проговорил сдавленно:

— А вдруг они сейчас как раз берут разгон.
— А потом взлетят?
— Все может быть, — ответил я. — Эти демоны... из очень дальних стран. Очень.
— Каких у нас не знают?
— Да.

Последние темные фигуры исчезли, но мы продолжали всматриваться в корабль. Над нашими головами спросонья чирикнула противным тонким голосом птичка, мы подпрыгнули, хватаясь за оружие.

Сзади сказали успокаивающее:

— Это мы, мы!.. Бдим. Все в порядке, ваше величество!

Я перевел дыхание, медленно поднялся на ноги. Разведчики, держась на расстоянии, тем не менее смотрят отовсюду, только вне леса ни одного человека.

Тот, возле которого я присел, сказал виновато:

— Прямо даже не знаю... Как я просмотрел? Только что их не было, а потом вдруг сразу с полдюжины... Глаза мои уже что-то не те, а то и вовсе...

— Некогнитивно, — сказал я. — Честно говоря, я тоже не заметил, откуда появился вон тот, а кто, как не я, должен бдить и все замечать? Так что себя не кори, парень. Сэр Норберт кого попало наблюдать не пошлет.

— Там ворот и не было, — объяснил он. — Вот не было, клянусь! Я хорошо смотрел.

По едва слышному шороху я уловил, к нам со спины приблизились еще несколько человек.

— А как же, — начал мой разведчик.

Сзади кто-то сказал авторитетным шепотом:

— Колдовство. Только колдовство!

— Они же вон какую машину отгрохали, — сказал еще кто-то почтительным голосом. — Тоже колдовством, а как иначе? Так что двери в любом месте для них, что для сэра Киригенда хрюкнуть.

— Я кому-то щас хрюкну, — донесся из темноты угрожающий голос.

— Так не просто хрюкнуть, — сказал разведчик, защищаясь, — а доблестно и с достоинством в виде боевого клича! Чтоб никому уже больше не хрюкалось!.. И чтоб хрюк доблестнейшего сэра Киригенда снился ночью, превращая сон в кошмары!

— Умолкни, — сказал из темноты голос, но уже явно ближе, — а то сам тебя умолкну.

— Молчу-молчу, — торопливо сказал разведчик.

В их голосах звучало страшное облегчение, все за эти часы измучились, ожидая чего-то неимоверного, а тут все так просто. Выбежали какие-то человечки и шустро убежали в темноту.

— Продолжайте наблюдение, — велел я.

Я пошел к арбогастру, Бобик против обыкновения не прыгает, а смотрит очень внимательно и, как мне показалось, встревоженно.

Разведчики одни остались, но пятеро пошли за мной следом. Один произнес с подозрением:

— Ваше величество...

Я ответил через плечо с оттенком угрозы:

— Ну?

— Если вы задумали какую-то дурь, — сказал он. — то лучше не надо. Дури и у нас хватает. На всех.

— Еще и останется, — согласился другой.

Я покосился в его сторону. Немолодой ветеран, суровый и побывавший в боях, видно по шрамам, поседевший в сражениях, он из тех, кто и с королями говорит по праву старшего по возрасту и опыту.

— Самая большая дурь прибыла в Маркусе, — ответил я, — так что все, что мы ни наворотим, это не дурь вовсе. Они понеслись в Штайнфурт, верно?

Он кивнул, лицо оставалось настороженным.

— Да, направление прямо на Штайнфурт. Если как ворона летит.

— Кто знает, — ответил я, — нужны ли им дороги? Но пленных погонят по дороге, людям летать почему-то не дано.

Он сказал хмуро:

— Понял. Устроить засаду на обратном пути?

— Да, — ответил я. — Освободить пленных, перебить врага.

Кто-то за нашими спинами сказал за вздохом:

— Главное, освободить пленных. Это наша первейшая обязанность...

— Первейшая обязанность, — отрезал я, — освободить человечество! А если эти дураки, отказавшись выполнить приказ, поставили под угрозу всех людей на свете, то освобождать их в мои планы не входит. Разве что попутно!

Они замолчали, мой приказ последние недели кричали по всем площадям городов и по всем селам и деревням: прятаться в лесу, тем самым не только спасут свои жизни, но помогут победе над врагом, потому что тому придется задержаться здесь намного дольше.

Я поднялся в седло, Бобик сделал круг, ломая молодые деревца и пытаясь понять, в какую сторону помчимся среди ночи, это же так романтично и ужас как увлекательно — пугать спящих зверей и хватать их за шкирку, сонных и одурелых.

— Жестоко, — сказал разведчик невесело, — но сейчас, когда быть или не быть вообще людям на свете...

Он взглянул на меня с сочувствием в глубоко запавших глазах.

— Ваше величество?

— Ладно, — ответил я.

Издали донеслось недовольное конское фырканье, лошади не любят бегать ночью по лесу. Я разглядел небольшой отряд во главе с Альбрехтом. В легких доспехах, забрало опущено, но это для того, как понимаю, чтобы в темноте не выколоть глаза ветками.

Бобик бросился ему навстречу. Я сказал громко:

— Граф, а вас какие ангелы сюда занесли?

— Не те, — огрызнулся он, — что вас... От моих се-
рой не пахнет. Мне седла не покидать?

Бобик напрыгивал и делал вид, что вот-вот стащит на землю, где граф с огромной радостью будет бросать ему далеко в лес бревнышко.

— Оставайтесь в седле, — сказал я с теплотой, — надо бы отправить вас взад, но ладно уж... Сколько с вами людей?

— Полсотни.

— Легкие?

— Другие бы не поспели, — ответил он.

— Хорошо, — сказал я. — тогда следуйте за нами. Со всем отрядом.

— А вы следуете...

— Мы следуем за Бобиком, — пояснил я.

— А-а-а, — сказал он, — как вы любите своего стра-
шилу! Чтоб ему не было скучно, видите ли!.. Моих пол-
сотни хватит?

— Сматря для чего, — ответил я. — Там на месте увидим. Слишком много непонятного, дорогой граф. У нас будет, так сказать, разведка боем. Одновременно с попыткой освободить пленных.

Он спросил быстро:

— Пленных? Где они?

— Если у пришельцев все пойдет, — ответил я, — как они и планируют, то через два-три часа их мож-

но будет перехватить на обратной дороге к Маркусу. С пленными.

Он сказал очень серьезно:

— Ваше величество... Тогда нужно снять людей побольше?

— Нет, — напомнил я, — это разведка. Разведка боем. В разведку не ходят армией.

— Но если освобождать пленных...

— Они хоть и пленные, — ответил я жестко, — но идиоты. Всем было велено уходить в леса! Как же, а вдруг их добро разворуют!

— Идиоты, — согласился он, — но это наши идиоты, которых Господь вручил нам и велел о них заботиться.

— Идиотов он вручил церкви, — напомнил я. — А также нищих и блаженных. Ладно, сейчас нам не до идиотов. Возьмите с собой десяток, не больше, и следуйте за мной. А я вот с этим молодцем...

Польщенный разведчик сбежал за припрятанным за деревьями конем, и мы выехали отрядом из леса на простор, хотя это не совсем простор, на всякий случай пугливо жмемся к лесу и едем, почти задевая стременами за стену могучих деревьев.

Альбрехт послал коня рядом с моим арбогастром, я смотрел вперед, но замечал, как он поглядывает очень серьезно, хотя и отводит взгляд, когда видит, что поворачиваю голову в его сторону.

Норберт некоторое время держался впереди, я видел, как коротко и четко жестикулирует, отправляя разъезды в разные стороны, затем резко остановил коня и дождался нас.

— Все еще темно, — буркнул он, — хотя бы луна взошла.

Альбрехт заметил мрачно:

— Новолуние. Первый день.

— Да, — согласился я, — это первая неожиданность. Кто ожидал насчет ночи?

Норберт кивнул, Альбрехт проговорил задумчиво:

— Враг должен был выйти во всем блеске всей моши при ярком свете дня. Рано утром. На рассвете. Навстречу утренней заре!

— Что и непонятно, — добавил Норберт. — Почему?

— Была идея, — напомнил я, — что так хотят застать врасплох.

Норберт промолчал, на лице несогласие, Альбрехт проговорил мрачно:

— С такой мощью?.. У меня шея затекла, весь леденею, когда смотрю в сторону этого... этой горы.

— Скоро узнаем, — пообещал я.

Кони шли в ряд, Бобик еще не понял, куда едем, потому с тяжелым топотом, словно подкованный слон, носится кругами, выбрасывая лапами, будто копытами, куски земли, явно нарочно, умеет же, гад, мчаться бесшумнее призрака, но так выказывает недоумение и старается привлечь внимание.

Норберт и Альбрехт разом насторожились, заслышиав приближающийся стук конских копыт.

Я сказал успокаивающе:

— Это Джек Кривой Лук, десятник.

Норберт покосился на меня с завистью.

— Все забываю, — буркнул он, — что для вас и ночь, как день.

— Если бы, — сказал я. — Краски не вижу. Но что для мужчин краски?

Он не улыбнулся, всадник остановил коня, сказал громким шепотом:

— Гонят!

— По этой дороге? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, прямо.

— На Маркус?

— Как ворона летит, — уточнил он. — Хорошо, здесь все ровное, даже оврагов по дороге ни одного.

Норберт и Альбрехт молчали, хотя вопросов у них много, вижу по лицам.

— Сколько их? — спросил я.

— Шестеро в охране, — отрапортовал он.

— А пленных?

— Сот пять наберется, — сообщил он. — Как только и успели столько нахватать... Ваше величество, мы не заметили у них никакого оружия! Но пленники их боятся. Бегут, падают, их тут же добивают...

Норберт переспросил недоверчиво:

— Что, вот так сразу?

Он кивнул.

— Да. Остальные страшатся, бегут, как овцы. Жмутся один к одному. И еще, ваше величество...

Он замялся, я сказал строго:

— Ничего не утаивай.

— Мы не заметили у них оружия, — сказал он наконец с задержкой. — Добивают голыми руками. Бегают они, ваше величество, быстрее любой собаки! И вообще...

— Что еще?

— Бьют быстро, — сказал он. — Не уследишь. Я один в отряде, кто видит в ночи, так вот как ни всматривался... Ваше величество, это колдовство?

— Скоро выясним, — ответил я. — Сэр Норберт...

Норберт ответил быстро:

— Уже присмотрел. Вы расположитесь вон там на гребне, а мы ударим из-за этого поворота.

— Хорошо, — согласился я. — Только вы тоже расположитесь со мной. И с графом Гуммельсбергом.

Норберт поморщился.

— Там я нужнее.

— В разведке? — уточнил я. — Не смешите, барон. Ваши ребята управляются. А не управляются, вы не поможете. Как и я. Освободим пленных либо легко, либо не по зубам вообще с нашими нынешними силами.

— Ваше величество?

— Самое главное, — сказал я жестко, — прикажите уходить сразу же, как только увидим возможности этих тварей.

Он переспросил:

— Отступить?

— Если те твари начнут побеждать, — пояснил я, — разведчики должны развернуть коней и гнать во весь опор прочь. Эти твари не станут преследовать.

Он спросил с сомнением:

— Разве?

— Иначе живой товар разбежится! — пояснил я.

Он коротко поклонился.

— Простите, ваше величество, не подумал. Так и сделаем.

Глава 7

Ночь безлунная, жаль, хорошо хоть небо не затянуто тучами. Звезды дают некий призрачный свет, глаза за пару часов притерпелись полностью, уже не только я вижу, что далеко со стороны города показалась темная масса бегущих трусцой людей.

Норберт и Альбрехт сперва услышали их хриплое дыхание, то и дело поглядывают на меня, стараясь понять по моему лицу, что я вижу.

У меня сжалось сердце, в бегущей толпе человек пятьсот, разведчик сказал точно, а из охраны... несколько мелькающих фигур по сторонам.

Я всматривался, стараясь понять, что же такое в них неправильное, почему как ножом по стеклу, плечи сами передергиваются, странное омерзение вздыбливает редкую шерсть на спине и руках.

— Всего шестеро, — подтвердил я. — И собрали несколько сотен?

Норберт с облегчением вздохнул.

— Моих там тридцать человек, — буркнул он. — Ладно, посмотрим.

Теперь уже и они с Альбрехтом всматриваются нацеленно, глаза притерпелись к слабому свету звезд, оба напряжены, я сам ощущил, что ладонь моей руки тоже опустилась на рукоять меча.

Норберт сказал за спиной до жути трезвым голосом:

— Нет, ваше величество. Сэр Альбрехт, вас это касается тоже.

— Мы не можем так все оставить, — прошептал с достоинством Альбрехт, но достаточно неуверенным голосом.

— Можем, — возразил я со вздохом. — Мы уже полководцы, а не ратники. Меч в ножны, сэр Альбрехт!

Норберт произнес сухово:

— Сейчас их встретят мои ребята. А мы посмотрим.

Я смолчал, тоскливое чувство близкого поражения подступило к горлу, как тошнота.

— Пусть отступают, — повторил я. — Нам сейчас не победить важно! Увидеть, чем сильны эти твари. Что в них такого, что создали такую машину... Тут на мой парусный флот смотрят как на чудо, а это ж вообще запредельно. В общем, сэр Норберт...

— Я им уже сказал, — заверил он. — И повторил несколько раз.

Темная масса бегущих приближается с надсадным хрипом и стонами. Пленники не просто шатаются, их от изнеможения бросает из стороны в сторону, бегут

уже едва-едва, лица блестят от пота, хотя ночь достаточно холодная.

Конница вылетела из-за леса стремительно, как низко летящие над землей стрижи. Ярко и нехорошо блеснули в слабом свете звезд острые клинки.

Передний всадник прокричал что-то лихое, остальные слегка раздвинулись, чтобы всем было место в схватке.

Я охнул, а рядом люто выругался Альбрехт. Существа с Маркуса, ни на мгновение не колеблясь, сдвинулись с места и, я не поверил своим глазам, с невероятной скоростью оказались между толпой пленников и скачущими на них конниками Норберта.

Дыхание мое застыло в груди. Переместились твари... слишком быстро. Будь я порастяпистее, сказал бы, что перенеслись, но, конечно, успел заметить, как сдвинулись с места и за то время, что всадники преодолели два-три ярда, эти прошли десять и остановились, готовые к схватке.

Я прокричал:

— Назад!.. Довольно!

Норберт даже не посмотрел на меня, лицо бледное, дыхание идет со свистом, кулаки сжаты, смотрит неотрывно, мысленно уже там с ними скакет впереди отряда, заносит над головой меч для удара.

Пришельцы не двигались, застывшие, как статуи, пока всадники не налетели всей массой. Я уже чувствовал, что произойдет, и, боюсь, это понял и доблестный сэр Норберт.

Затем эти твари словно исчезли, превратившись в некий смазанный вихрь движений. Но зато я хорошо видел всадников, что вылетали из седел, словно выброшенные неведомой силой, видел встающих на дыбы коней, донеслось испуганное ржание, только лязга мечей так и не услышал.

Норберт прошептал в отчаянии:

— Да что же это...

Я ответил так же тихо:

— Я же велел уходить... Эти твари не пустятся в погоню!

Он сказал яростным шепотом:

— Они бы не выполнили приказ.

Я смолчал в бессилии. Разведчики, может быть, и выполнили бы, у Норберта дисциплина строгая, хотя никто не хочет отступать без боя, это полная потеря чести, но с этими существами, как уже вижу, нельзя податься и отступить.

Все всадники до единого были выброшены из седел и убиты самым зверским образом. У кого-то оторвали руки, кому-то размозжили голову, многих просто убили страшными ударами о землю, так что ломались не только все кости, но и тело лопалось, как бурдюк с красным вином.

Норберт то люто ругался шепотом, то читал молитву, а я все смотрел на окончание короткой страшной схватки, и ужас сковал все тело. Шестеро пришельцев со звезд голыми руками убили весь отряд умелых и отважных бойцов. В течение минуты. Даже меньше. Никто из людей не убил ни одной этой твари. А эти существа, похоже, даже не ранены.

На поле схватки осталось и с десяток конских трупов, остальные с диким ржанием разбежались, пришельцы ими почему-то не заинтересовались.

Толпа пленных не успела сделать попытку разбежаться, то ли слишком измучены, то ли все произошло слишком быстро. Пришельцы в мгновение ока оказались перед ними, я не видел, что они сделали, но двое из пленников упали, похоже, убитые ими, остальные с жалобными криками двинулись в прежнем направлении.

Я тупо всматривался в труп коня, что ближе всего к нам. Почти оторвана голова, грудь проломлена с такой силой, словно булыжник, брошенный катапультой, ударил в полную мощь.

Норберт все еще шипел сквозь стиснутые зубы. Я сказал сдержанно:

— Сэр Норберт, поляжем здесь, возможно, мы все. Потому сейчас держитесь.

— Ох, ваше величество...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Мы не на приеме. Это самая тяжелая наша битва. И потери в ней будут такие... что лучше не считать. Смотрите, как зажал себя сэр Альбрехт. Эти пленные для нас уже потеряны. Может быть, когда-то отобъем, спасем, выручим, но не сейчас.

Норберт зло зыркнул на темного от гнева, но неподвижного графа, тяжело и с надсадными хрипами в груди вздохнул.

— Я все понимаю, сэр Ричард. Но душа рвется.

— У меня тоже, — ответил я. — Это и мои люди!.. Сэр Норберт, зажмите себя в кулак.

— Да-да, ваше величество. Я уже все.

— Сейчас, — договорил я, — для победы в самом деле придется отдать не просто много, а все. А мы, с учетом полученных данных, должны начать вырабатывать новую стратегию борьбы с этими чудовищами.

Альбрехт шевельнулся с некоторым трудом, словно ломал застывшую на нем корку льда.

— И тактику, — произнес он. — Ваше вели... сэр Ричард, по прибытии в лагерь созвать военачальников?

— Да, — ответил я. — По дороге расскажете, что случилось. Но без красочных подробностей. Мне нужен не их гнев, а холодные головы.

Он ответил уже почти прежним голосом:

— Да, сэр Ричард. Преклоняюсь перед вашим умением держать себя в руках.

— Не очень-то и умею, — признался я. — Но на людях держу морду лица кирпичом. Так надо. Мы не то, что есть, как думают и говорят дураки, а то, что выказываем другим.

Он вздохнул, взглянул на Норберта.

— Верно. Но не лицемерие ли это? Как церковь на это смотрит?

— Это человечность, — объяснил я. — А церковь... ложь во спасение придумана церковью, иначе жизнь стала бы адом, говори мы то, что думаем. Если хочешь с человеком сохранить хорошие отношения, говори то, что надо, а не что хочется. Потому, сэр Норберт, горе в кулак, улыбайтесь и говорите бодро, что мы выяснили нечто важное об этих мерзких тварях.

Он спросил хмуро:

— Разве что-то выяснили?

— А как же, — ответил я с укором. — Гибель нашего доблестного отряда была не напрасной! Своим героическим поступком, самоотверженностью и преданностью общечеловеческим... нет, слово уже поганое, хотя вообще-то хорошее; в общем, молодыми и светлыми жизнями открыли для нас воинский секрет противника! Те дерутся голыми руками... или предпочитают драться именно так. Эту их особенность необходимо иметь в виду, учитывать, использовать... а также то, что у них не столько воинское умение, как звериная ловкость и сила.

Он зябко передернул плечами.

— Как они двигаются!

— Быстрее нас, — согласился я. — Если еще и сообщают так же споро, то нам... придется... да, придется.

— Еще как, — согласился он и посмотрел на меня с надеждой, — но я не представляю, как.

— Если честно, — признался я, — я тоже, но вам разве нужна такая честность? Потому скажу то, что говорить надо: мы вернемся в лагерь, а там придумаем.

Он кивнул.

— Да, сэр Ричард. Зная вас, все же надеюсь... да что там надеюсь, я почти уверен, придумаете! Еще по дороге что-нибудь взбредет светлое и такое нужное смертоносное.

— Ох это «почти», — ответил я со вздохом.

За стеной леса нас молча встретили часовые, рассмотрев издали, один предложил проводить до лагеря, но я сказал, что дорогу помним, Бобик подпрыгнул, обращая на себя внимание и заверяя всех, что он отведет нас сам, а несогласных и оттащит.

В лагере люди спят, кто привалившись спиной к дереву, кто набросал на землю свежесрубленных веток и по-царски устроился сверху. Костров мало, все в ямках, чтобы не слишком выдавать наше местоположение.

Мой шатер почти незрим в темноте, из серой ткани, учу маскировке и секретности в этом сером мрачном лесу и вообще в современной войне.

Народу все прибавляется, прибывающие отряды уже не помещаются на болоте, их размещают дальше в лесу.

Нам навстречу высыпал народ, я вскинул обе руки в приветствии и помахал в стороны, запрещая приветственные выкрики.

Беспокойство сэра Норберта, даже страх, если говорить откровеннее, понятны: твари дрались голыми руками, сила их просто невероятная, словно пришли с планеты, где тройная гравитация.

У шатра встретили молчаливые телохранители, отобранные Альбрехтом, и Тамплиер с Сигизмундом. Я поймал взглядом лица лорда Робера, барона Келляве, Кенговейна, кивнул на шатер.

Телохранители, исполняя заодно и роль слуг, открыли для нас вход и придержали полог.

— Сведения получены, — сказал я, не дожидаясь вопросов. — Ясно не все, разумеется, но кое-что известно. Граф, барон, не отставайте!

Альбрехт и Норберт первыми зашли за мной, я указал им на лавку, оба сели и опустили локти на стол. Вид у обоих таков, что сейчас уронят на руки и тяжелые головы.

Лорды зашли степенно и скромно сели по мановению моей дланi на лавку.

Лорд Робер сказал почти с ликованием:

— Уже известно? Это же прекрасно!

— Если не обращать внимания на статистику, — уточнил я.

Он переспросил:

— Это... как?

— Отряд за эти сведения погиб, — сообщил я. — Конечно, с церковной точки зрения грустно, зато погибли в бою, а не от старости в постели! Рыцари, а также остальное человечество, если воспитано в правильном направлении, это одобрят.

Норберт смолчал, Альбрехт поморщился. Барон Келляве посмотрел остро и, перекрестившись, заметил сдержаным голосом:

— С церковной точки зрения... они уже попали в рай, если отдали жизни за сведения, полезные нам. Так что и с этой стороны... оправданно.

— Да у нас везде одни оправдания, — согласился я. — Что ни сделай, оправдания себе найдем.

Альбрехт буркнул от стола:

— Еще наши пращуры позаботились.

Барон сказал непоколебимо:

— Даже в Библии такие случаи предусмотрены. Ваше величество, не томите! Какие сведения удалось добыть?

— Ценные, — повторил я горько. — Но невеселые.

Они слушали внимательно, я рассказал с такими подробностями, что и наблюдательный сэр Норберт не мог бы усмотреть, но Келляве не удивился, лицо не дрогнуло, даже когда я сообщил, что ни одному не удалось спастись. Даже если бы кто-то подумал о спасении, все равно бы не успел.

— Это неожиданность, — согласился он в конце моего рассказа. — Не этого ожидали. Ведь вы предупреждали!

— Предупреждал, — согласился я, — только и сам не знал, о чем. Предполагалось, что чужаки должны быть в доспехах получше, копья у них длиннее, мечи острее, а морды ширше.

— А они совсем иные, — сказал он таким голосом, что я вздрогнул, словно барон слово «иные» произнес, подразумевая инопланетян, — и непонятные... Ваше величество, какие будут приказы?

— С учетом изменившейся реальности, — сказал я и подумал, что и у самого такая речь, кто-то из другого времени истолковал бы в другом смысле, — с учетом этих новых крайне важных данных... полученных такой кровавой ценой... мы сейчас выработаем новые способы, так сказать, нового типа войны... Что-то вроде партизанской.

— Ваше величество?

— Все так же, — сказал я, — прятать народ, чтоб противнику пришлось раздробляться на все более мелкие отряды. Нападать будем иначе...

— Как?

Я подумал, начал загибать пальцы.

— Первое, это применять дистанционное оружие. Забрасывать дротиками и бить из арбалетов. Второе, атаковать из засады. Третье... придумаем что-то еще. Человеческая мысль, если направлена на благородное дело убийства, работает особенно интенсивно и радостно!

— Это точно, — ответил он серьезно, — то-то охоту так любим... в скучное время перерывов между войнами.

Норберт поднялся, снова собранный, отдохнувший за эти короткие минуты, строгий и внимательный.

— Ваше величество, — произнес он сухо, — мы все поняли. Стрелы, арбалеты, засады... С вашего позволения.

Глава 8

Альбрехт тоже поднялся. Я отпустил остальных движением кончиков пальцев, мое величество изволит погрузиться в раздумья, и они все тихонько вышли на цыпочках.

А я снова и снова восстанавливал моменты от начала схватки и до ее печального завершения. Пришельцы, которых мы начали называть «эти твари», дерутся голыми руками, что ставит меня в тупик, но, похоже, меня одного. Для остальных это и понятно, дескать, они так выказывают свое превосходство и полнейшее презрение к нашим возможностям.

Лорд Робер предполагает, что так они по-рыцарски выравнивают силы, чтобы у них не было слишком уж велико преимущество над нами, но остальные, явно уязвленные, не согласились с такой облагораживающей врага идеей...

Полог осторожно приподнялся, заглянул Сигизмунд.

— Сэр Ричард?

— Входи, — велел я. Сигизмунд в точности выполняет приказы: я велел обращаться ко мне по имени, так и обращается, на что даже мои лорды не морщатся, дескать, у них, паладинов, так, наверное, принято. — А где Тамплиер?

Тамплиер вошел следом, огромный и с засохшей грязью на ногах по самые бедра.

— Здесь, — пробурчал он мощно. — Уже слышал... Надо было нас взять.

— Вас двоих? — переспросил я и указал на лавку. — Садитесь оба.

Они сели, Тамплиер кивнул в сторону молодого паладина.

— Сэр Сигизмунд обиделся, хоть и молчит.

— Ого, — сказал я, — научился прятать? А раньше сердце было на рукаве. Рад, взрослеете. А противники у нас, сэр Тамплиер, увы, коварные и бесчестные, не признающие благородных рыцарских правил. Потому с ними нужно драться только так, как и они: без всяких раскланиваний! Как со зверем. Если это усвоите, я готов вас пустить в бой.

Сигизмунд сразу ожил, посмотрел на меня с надеждой в ясных детских глазах.

— Сегодня?

— Сейчас ночь, — напомнил я. — Утро вечера мудренее. Может быть, утром вообще откажусь от своих мудрых слов, потому что утренний я всегда старше и умнее того дурака, каким был вчера вечером.

Сигизмунд проговорил жалобно:

— Сэр Ричард, я всегда не понимаю, когда вы так говорите!

Тамплиер буркнул:

— Его величество изволит сообщить нам, дуракам, что умнеет с каждым днем. Как вот мы с каждым годом.

Сигизмунд уставился на меня расширенными глазами.

— Правда? Каждое утро?

Тамплиер поморщился.

— Его величество так полагает. Людям надо верить, мой юный друг! А король тоже почти человек.

— Ладно-ладно, — сказал я примирительно. — Идите-ка оба спать. Утром выдвинемся на боевые позиции. Нужно проверить одну идею...

Тамплиер сказал с недоверием:

— Наконец-то. А то уж думал...

— Зачем? — спросил я. — С вашими мышцами, сэр Тамплиер, вам будет неуютно среди мыслителей. Лучше поспите остаток ночи. Все равно больших битв утром не ожидаем.

Он рыкнул недовольно:

— И до каких пор?

— Пока не, — ответил я авторитетно. — Пока не. А потом — да. Вволю! Утром к Маркусу отправим разведывательный отряд. Ваш конь, сэр Тамплиер... для разведки тяжеловат. У него круп, как у сами знаете кого! Видел-видел я вашу домработницу.

Он сердито засопел, гнусная клевета, у него вообще не было домработницы. Не понимает такие моменты, когда вроде бы обращаются к нему, а говорят на публику, а там уже понимающие улыбаются. Рейтинг человечности сэра Тамплиера в таких случаях резко идет вверх, то есть забочусь о своих соратниках, как могу, а могу... достаточно разнообразно.

...Перед восходом заснул на полчаса, но сразу же расплющило ужасом: с неба прямо на меня опускается нейтронная звезда, не просто раздавит, а всего расплескает в тончайшую пленку, что значит — всех людей на свете убьет, а заодно и вообще все-все...

Проснулся с бешено стучашим сердцем, дыхание вырывается из груди с хрипами. Снова из черноты космоса опускается это чудовищно огромное и превосходящее любой авианосец по размерам, тот рядом с Маркусом смотрелся бы мельче рыбацкой лодки.

И к этому ощущению не могу привыкнуть, хотя днем вроде бы почти не обращаю на Багровую Звезду внимания, голова занята другим, а он как бы вроде резко приблизившаяся часть Большого Хребта, но во сне не просто увидел, а ощущил всю нечеловеческую громадность, ее не объять разумом, не охватить, не вообразить.

Бобик спит на боку, вольно вытянув лапы. Едва я зашевелился, тут же приподнял голову от пола, взгляд сонный, собаки любят спать даже больше людей.

— Спи, — велел я, — это я так... Давай за нас двоих.

Он тяжело уронил голову, земля как будто даже вздрогнула. Иногда мне кажется, Бобик бывает намного тяжелее своего обычного веса, и вовсе не потому, что наедается от пузы.

Часовой, услышав за стенкой шатра, что одеваюсь, приоткрыл чуть полог.

— Ваше величество, барон Норберт.

— Пусть войдет.

Норберт вошел привычно собранный, но с осунувшимся лицом и красными от недосыпания глазами.

— Барон, — сказал я.

Он поклонился.

— Ваше величество... еще два отряда чужаков всю ночь прочесывали ближайшие села!

— Насколько успешно? — спросил я.

— Вылавливают, — сообщил он, — но по тому, как долго там задерживаются, не так быстро, как им бы хотелось.

— Священники хорошо поработали, — сказал я, — хорошо. Народ все же не стал ждать покорно гибели.

— Разбегаются, — подтвердил он, — кто в лес, кто в овраги. Чтобы наполнить эту летающую гору, уйдет не одна неделя!

Я со злостью ударил кулаком по столу.

— Слюньте, сэр Норберт. Они могут ускорить ловлю добычи. Или выслать на поиски не настолько малые отряды.

Он оглянулся, я тоже услышал множество мужских голосов.

— Там подошли ваши лорды, — сказал он.

— Пусть войдут, — ответил я, — а вы останьтесь, а то всегда исчезаете, чтобы лишить меня своего мудрого совета.

Альбрехт вошел первым, дав из не присущей ему деликатности несколько минут королю на самоодевание. Мое величество все еще делает это самостоятельно. На этот раз оправданием служит то, что весь мир в бою, не до слуг и придворного этикета.

На Норберта посмотрел с удивлением, того встретить удается чаще вне лагеря, а я кивнул в сторону стола.

— Садитесь. Без церемоний, это приказ! Этикетничать будем во дворцах и прочих там.

Альбрехт сказал коротко:

— Ваше величество...

Остальные проходили и садились молча, все без лишних жестов, сдержанные, что и понятно, вот мне

только сказать нечего, но я король, мне говорить как раз надо.

— Что мы узнали? — сказал я резко, опуская предисловия. — Эти демоны из звездных глубин такого же роста и размеров, как и мы. Это хорошо, как-то успокаивает. Не гиганты. Однако лучше бы гиганты, скажу честно. У гигантов только сила, они хороши ломать скалы, но проигрывают нам в скорости. А эти...

Я сделал паузу, сэр Норберт ощущал, что даю ему слово, произнес с холодной непреклонностью:

— В скорости очень даже. Намного.

— А еще в силе, — добавил я горько. — Обидно.

— Гигантам не так бы стыдно проиграть, — сказал Альбрехт. — Что говорят... алхимики?

Сэр Норберт напомнил тихонько:

— Сперва нужно бы поинтересоваться, что говорит церковь.

Он перекрестился, за ним перекрестились остальные. Сэр Альбрехт небрежно перекрестил грудь, словно отогнал комаров.

— Да-да, — сказал он, — вы совершенно правы, сэр Норберт. Церковь... да, церковь! Священники что-нибудь решили?

— Нет, — ответил суховато сэр Норберт, — но это вопрос этикета.

— Ах да, — пробормотал Альбрехт, — кто мы без этикета?.. Стадо баранов. Но, мне кажется, молитвы их не остановят. Я имею в виду не баранов, а этих...

— Как и магия, — возразил Норберт. — Те уже пробовали. Как по Маркусу, так и по чужакам.

Я молчал, смотрел и слушал, военачальники высказываются все откровеннее, хотя держатся скованно и понуро, поглядывают исподлобья.

— Что говорит разведка? — спросил я.

Норберт ответил с некоторым недоумением:

— Еще до рассвета захватчики убрались в свой ковчег. И больше никто наружу. Два десятка всадников со всех сторон снова осмотрели... и сейчас осматривают, но пока не отыскали, где же у них ворота. Но как-то же те покидают свою летающую крепость?

— Замаскировались, — предположил лорд Ровер. — Значит, у них мастеровые лучше наших. Это же как нужно двери подогнать, что в щель и конский волосок не просунуть!

— Даже не найти, — напомнил сэр Норберт, — куда тот волосок совать.

Я сказал сухо:

— Если бы церковь могла, она бы остановила это нашествие еще в прошлый раз. Не может быть, чтобы все полезли прятаться под землю!

В шатер вошел отец Дитрих, мне показалось, что он услышал мои последние слова, взглянул с неодобрением.

— Простите, ваше преосвященство, — сказал я.
Он отмахнулся.

— Никаких обид. Все верно. Если это послано Господом, что может человек? Если же это прибыл враг, то это Господь испытывает нас...

Сэр Норберт перекрестился.

— А испытывает только достойных, — сказал он строго. — Так что у нас не все потеряно. Господь мог бы смести нас, как говорит его величество король, одним взмахом божественной дланни...

— Значит, — сказал я, — алхимики со своими возможностями могут сделать больше. Я имею в виду, не больше, чем Господь, а больше нас. Хотя могут... но могут и не могут. Остаемся мы наедине с такими могучими и стремительными противниками, что даже брезгуют пользоваться оружием. Есть какие-то соображения?

Лорды переглядывались, Альбрехт закусил губу и мучительно раздумывает, Норберт сидит неподвижно с суровым и мрачным лицом, Робер и Келляве скребут ногтями, сами того не замечая, столешницу, а сэр Рокгаллер то тихонько барабанит кончиками пальцев по столу, то спохватывается и убирает руки вовсе.

— Если там все колдуны, — проговорил Кенговейн неуверенно, — что даже через стены ходят, как бороться?

— А что, — спросил я, — можем отказаться?.. Ну вот. Так что пойдем и всех убьем. Тихо-тихо! Всем сесть. И дышать ровнее. Разве я сказал, что вот так сейчас побежим и в один мах решим сложную задачу, поставленную нам, образно говоря, самим Господом? Это неуважение к Творцу!

Отец Дитрих сказал строго:

— Верно сказано. Это выказать неуважение.

Я перекрестился и сказал пламенно:

— К нашему настоящему и несменяемому сюзерену!..

Отец Дитрих посмотрел на меня с некоторым подозрением, я прикусил язык, иногда и самому кажется, что переигрываю, не стоит быть большим папистом, чем сам папа, хотя для религиозного фанатика границ нет.

— Все по коням, — велел я. — Еще раз посмотрим на Маркус в свете дня. Может быть, что-то придумаем.

Норберт умчался вперед, любой военачальник старается проверить своих перед визитом короля, остальные стараются держаться возле сюзерена, но деревья то и дело разъединяют свиту.

Лорд Робер пустил коня рядом, лицо смущенное, сказал с надеждой:

— Ваше величество...

— Да? — ответил я.

Он поклонился.

— Та женщина сказала, что, если не явитесь к императору Герману и не преклоните колено, сюда вломится его все сметающая армия?

Я ответил нехотя:

— Я тоже слышал. И что? Показались его войска?

— Сейчас бы кстати, — тоскливо прошептал он и со страхом посмотрел на небо. — Любую помочь бы... хоть от самого Люцифера!

Альбрехт пустил коня с другой стороны, высокомерно поморщился.

— Лорд Робер...

— Граф?

— На юге, — сказал Альбрехт, — прекрасно видели, что нависающий над миром Маркус опустился у нас. И понимают, как бы императорская армия ни двигалась быстро, к ее приходу тут уже ничего не останется.

Я добавил:

— К тому же императорская армия при всем ее могуществе... ну не верю, что победила бы в прямом столкновении.

— Император не шелохнет и пальцем, — проговорил Норберт хмуро.

Лорд Робер тяжело вздохнул.

— Да это я так... просто надежда. Сейчас император сломя голову бежит в убежище. Для него подготовлено самое глубокое.

— Из которого все равно не выбраться, — заметил я, — если сверху окажется тектоническая плита в милю толщиной. А так скорее всего и случится.

Глава 9

До опушки еще далеко, но по ту сторону зеленого леса страшно пламенеет багровый купол, накрывший, как кажется устрашенному сознанию, половину мира.

Солнечная сторона блестит нестерпимо ярко, а теневая выглядит почти черной, и снова мне показалось, что вокруг этого чудовища то ли сворачивается время, то ли уплотняется пространство.

Он в самом деле меньше всего похож на корабль в привычном значении, но в космосе отсутствует трение, так что обтекаемость формы там значения не имеет.

Однако же из-за того, что не похож на корабль, это смутно что-то напоминает... Ковчег, на котором спасся Ной, тоже не был кораблем, как рисуют его дураки, это было нечто вроде огромного сарая, что держался на воде, затонув почти весь, и только верхушка поднималась чуточку над волнами.

Нет, это абсурдная идея, не могут эти твари спасать людей с гибнущей Земли и перевозить куда-то!.. Иначе зачем тогда уничтожают все на поверхности и даже проходятся с тепловым лучом по океану, нагревая до кипения верхний слой?

Хотя, с другой стороны, это делают они или же некие разрушительные процессы происходят сами по себе с некой цикличностью, а эти твари попросту увозят часть людей?.. А потом, возможно, привозят?.. Нет, тогда бы цивилизация не начиналась почти с нуля.

Значит, увозят... нет, что-то голова идет кругом. Если берут человечество на развод, то проще брать из тех, кого увезли раньше. Они явно продвинутее...

Деревья побежали навстречу веселее, раздвинулись, выпуская на простор. Кони выметнулись в залитый солнцем мир бодро, игриво, а со стороны Маркуса

в нашу сторону поспешили разведчики на быстрых лошадках.

Норберт перенаправил их сразу ко мне, старший прокричал быстро:

— Все тихо! Там как поумирали все!

— Сколько те набрали народу?

— Не больше пяти-шести сотен, — доложил он. —

А этот ковчег великоват, ваше величество!

Я буркнул:

— Это не значит, что будут набивать доверху. Время не на вес золота, а на вес жизни! Ищите, ищите способы. Как хотя бы прищучить... каждый солдат должен знать свой маневр, каждая кухарка управлять государством, и каждый кулик делать свое болото всемирным... Сэр Норберт?

Норберт послал коня рядом с моим арбогастром.

— Ваше величество?

— Что мы знаем об этих существах? — сказал я. — Прибыли почти утром, но просидели весь день. Почему?.. Потом ночью совершили этот разбойничий рейд, которого, разумеется, мы не ждали. Возможно, изучали, что изменилось здесь за пять тысяч лет? Хотя мне казалось, что для существ, сумевших добраться к нам из другого мира, этот вопрос несущественен. Или если он важен, то могли его решить за секунду. Ну, пусть даже за две!

Сэр Робер предположил:

— А если ждали, что пришлем посольство со всеми регалиями и верительными грамотами?.. Мы не прислали, и вот они, обидевшись, начали убивать и грабить?

— Разумно, — предположил я, — но не похоже. Сразу же убивать и грабить? А ноту протеста? А угрозы?.. Нет, это просто звездные разбойники. И вести себя с ними нужно соответственно. С поправкой на то, что

они и сами сильнее, как ни прискорбно и неприятно это признавать, и двигаются быстрее волков.

Он предположил:

— А если выдвинуть все наши силы и ударить разом?

— Мы видели, — ответил я суховато, — не больше десятка этих существ. А прибыли наверняка сотни, если не тысячи. Не думаю, лорд Робер, что их в состоянии одолеть армии всех королевств... в честном бою, подчеркиваю.

Он спросил с беспокойством:

— Но мы же не будем вести нечестный бой? Я имею в виду, нечестными методами?

— Ни в коем случае, — заверил я. — Но в битве с такими противниками ловчие ямы, ловушки и прочие методы вполне легитимны и законны.

Он воскликнул шокированно:

— Ваше величество!

— Иначе они сочтут оскорблением, — пояснил я, — что мы используем такой бедный арсенал воинских приемов. Чтобы выказать им уважение, мы должны задействовать весь спектр! Включая, как говорится, и удары в спину.

Альберт послушал, кивнул, сказал почтительно:

— Его величество выказывает великую мудрость и знание вселенских законов и обычаев. Да, именно так и нужно, потому что это не простые противники! И методы должны быть непростые.

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — поручаю вам устройство ловчих ям и ловушек.

Сэр Робер поморщился, проговорил, вскидывая голову и выпячивая подбородок:

— Насчет ловчих ям... думаю, это лучше поручить простолюдинам.

— Я не намерен, — уточнил я мягко, — заставлять благородных лордов браться за лопаты.

— Ваше величество, — сказал он с поклоном, — я хотел сказать, простолюдины и распланируют лучше. Они с детства ставят ловушки на кабанов, оленей и даже медведей, так что знают, как копать, где копать и как маскировать.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда помогите сэру Альбрехту, возьмите таких умельцев. Прямо сейчас нужно спешно рыть одни ямы на пути их выхода, а другие на околице сел...

— Ловушки должны быть смертельными? — поинтересовался он деловито. — В смысле, в дно воткнуть острые колья?

Я вздохнул.

— Сам подумываю о захвате пленного. Но из ямы сразу вытащат остальные твари! Хоть живого, хоть мертвого. Потому да, втыкайте колья без раздумий и жалости. Раз уж живым взять нам не дадут... Правда, мертвого тоже нам не оставят.

Он посмотрел с изумлением.

— А вам нужен даже мертвый?

— Да, сэр Робер.

— Зачем?

— Многое понять можно даже по мертвому.

Он вытаращил глаза.

— К-как?

— Если перед вами положить убитого медведя, — сказал я, — и убитого оленя, разве не поймете хотя бы по зубам, кто опаснее? И когтям?.. Мы тоже посмотрим, что собой представляют эти демоны... Хотя, конечно, лучше бы захватить живого.

Кони к стене багрового цвета приблизились без всякой боязни. Я протянул руку, нечто странное, будто прикасаюсь к вечности или праатому, с ко-

торого все и началось, он же Камень Творения или Первокамень. Вообще-то я из поколения, которому начхать, если говорить очень вежливо, на все святыни, но сейчас в самом деле странное благоговение и оторопь, словно вижу галактику, а то и вселенную в одном пакете.

Альбрехт посматривает пытливо, но помалкивает, для него эта исполинская глыба металла, рухнувшая с неба, просто исполинская глыба металла, рухнувшая с неба. Из нее выходят демоны и хватают в плен людей, все понятно, все просто, все объяснимо.

— Ваше величество?

— Не сплю, — огрызнулся я. — Это я мыслю, потому и задумчиво-печален.

— А нам тогда что?

— Не отставайте, — велел я.

— В печали?

— Никаких печалей на свете нет, — отрубил я. — И не бывает! Это все выдумки избалованных женщин.

Он пустил коня в галоп, мы пронеслись вдоль стены, даже мне при таких ее размерах казалось, что она абсолютно прямая, но постепенно мир поворачивается, я всматривался в стену, и казалось, что не сдвигается, хотя бы какие-то приметные царапины, а там все одно и то же место...

Хотя я старался не увеличивать скорость, но Альбрехт заметно отстал, а когда мы с арбогастром и Бобиком вернулись на прежнее место, он прибыл туда на взмыленном коне несколько минут спустя.

— Ваше величество, — выкрикнул он почти с озлоблением, — вам нельзя отрываться!

— От народа, — уточнил я, — или вообще?.. Как я понял, ловушки ставить у Маркуса бесполезно.

— Почему?

— А кто скажет, — спросил я, — где эти твари выйдут? Похоже, тут другой принцип. А вот возле деревень — нужно побольше.

Он сказал быстро:

— И засаду!

— Возле ловушек? — спросил я. — Идея, да, но только если там есть где затаиться. А вообще-то лучше напасть, когда будут гнать пленных к Маркусу.

Он посмотрел остро, лицо стало жестким.

— Хотите сказать, ловушки их не остановят?

— Это на всякий случай, — ответил я. — Думаю, часть попадет в ямы, но часть все-таки выполнит задание и наберет пленных.

— Тогда я подберу отряд, — сказал он и посмотрел за разрешением. — Рыцарей для конного удара...

— Арбалетчиков, — велел я. — В засаде. Боюсь, даже рыцарская конница не сумеет...

— Ваше величество?

Я пояснил со вздохом:

— Но у нас особый случай, когда беречь жизни... уже не уберечь. Да, за ценой не постоим! Готовьте отряд тяжелой конницы. Я сам им скажу, как нужно действовать.

— На скорость? — спросил он.

— Вы все понимаете, граф, — сказал я. — Боюсь, самая правильная тактика будет в нападении вдвоем, а то и втроем на одного. Пока тот убивает одного рыцаря, два других сумеют пронзить копьями или изрубить.

Он содрогнулся, заметно шокированный.

— Вот так... расчетливо?

Я ответил безнадежным голосом:

— У такой тактики хотя бы шансы. И то, думаю, только вначале, пока не сообразят и не перестроятся.

Как? Не знаю. Но вас понимаю, граф. Если передернуло даже вас, такого толстокожего, то как сказать благородным рыцарям?.. Вообще ни в какие ворота.

Он предложил деловито:

— Посмотрим дороги?

— Направления, — уточнил я. Он посмотрел с не-пониманием, я пояснил: — Эти захватчики, как существа из одного известного мне королевства, дорогами пренебрегают, предпочитая направления. По прямой, значит.

Он сказал с уважением:

— Весьма достойно. Так поступают герои.

— И вороны, — буркнул я. — Знаете ли, граф...

Я сделал паузу, он сказал быстро:

— Догадываюсь. Никакие они не герои, так как герои — мы. А других героев быть не должно.

— Вот-вот, — сказал я. — У вас хороший конь, граф. Не отставайте. Отставших бьют. Хуже того, на них женщины смотрят иначе.

— Это даже хуже, — согласился он, — чем вообще не смотрят.

Арбогастр пошел в галоп, я не услышал, что Альбрехт говорит, явно неважное, видит, в каком я состоянии, старается вздрючить легкими разговорами.

Ветер засвистел в ушах. Конь Альбрехта, подаренный ему Ришаром, закусил удила и несется, выпучив глаза, готовый умереть, но не отстать.

Арбогастр не выказывает и половины своей скорости, земля сухо гремит под копытами. Тень от Маркуса угольно-черная, злая и прижимающая к земле, будто с его появлением гравитация увеличилась вдвое и на Земле.

Глава 10

Норберт подъехал по обыкновению сдержанный и суровый, но я увидел, что на этот раз еще и прилагает усилия, стараясь держаться с привычной холодной отстраненностью.

— Сэр Норберт? — спросил я.

Он понял, ответил с усилием:

— В селах Верхние Лужки и Нижние Лужки пришлось рубить почти всех мужчин. Из оставшихся. Это семь человек...

Я стиснул челюсти, ответил после паузы:

— Все верно. Багровая Звезда поднимется сразу же, как только наполнит трюмы живым товаром.

— Не объяснять, — ответил он с горечью. — Все страшатся, что, если покинут дома, там разворуют... А что мир погибнет, их не страшит. Все в руке Господа!

Он автоматически перекрестился. Я ощущил, что и моя рука дернулась, уже привык при упоминании его имени творить крестное знамение.

— Наша задача, — сказал я сурово, задавливая в себе жалость, — не дать захватчикам выполнить задуманное.

Он кивнул, уточнил:

— Замедлить.

— Замедлить, — согласился я. — Замедлить настолько, чтобы успеть... Господи, только бы успеть! Хоть что-то найти, отыскать... Потому рубите всех, кто не ушел в леса и кого могут в плен. Чем меньше у врага пленных — тем наши шансы выше.

Он кивнул снова.

— Никто в селах не понимает, винят, проклинают... Но, ваше величество, нужно быть твердыми. Господь проверяет нас.

— Нашу стойкость, — сказал я со вздохом, — твердость и жажду спасти род человеческий. Оказывает-

ся, жестокость не менее важна, чем любовь и милосердие.

— Держитесь, ваше величество, — повторил он. — Ради многих... можно быть предельно жестоким к немногим.

— Спасибо, сэр Норберт, — сказал я. — Знаю, но спасибо за понимание. Как там в целом?

— Усилиями и увещеваниями отца Дитриха, — сообщил он, — три четверти населения Штайнфурта, Воссу и окрестных сел сразу же ушли в леса. Остальных начали изгонять мои конники. До ночи, когда из Маркуса вышли первые захватчики, города покинули все остальные. Почти все.

— Но и оставшихся многовато, — пробормотал я. — Никто из нас не знает, сколько будут набирать этого живого товара... Потому, если сопротивляются, убивайте на месте!.. Скифы сжигали все на пути наступающей армии царя Дария и... победили. У нас есть примеры, как слабые побеждали очень сильных. Нужно только продолжать и продолжать... Другие отряды захватчиков замечены?

Он покачал головой.

— Нет. Странно, конечно.

— Думаю, — сказал я, — во вторую ночь их будет побольше.

— Потому что первый вернулся почти с пустыми руками?

— Да, — подтвердил я. — Не думаю, что собираются тут торчать до зимы. Их цель — нахватать побольше и побыстрее, тут же подняться вверх и все здесь перепахать так, что горы сравняются с пустынями.

Всадники полным галопом мчались к нам, выкрикивали сообщения и тут же исчезали, если Норберт не давал новое распоряжение.

Я коснулся кончиками пальцев рукояти молота. Уверенность в своих силах вернулась только на мгновение, сменившись унынием. Молот хорош для выбивания крепостных ворот, даже каменные стены проламывать можно и нужно, однако с такими юркими целями он вряд ли окажется кстати.

Думаю, даже стрелы из лука Арианта могут не попасть цель. Могу чуть корректировать их полет, но все в пределах, в пределах...

День прошел в лихорадочных подготовительных работах. Я всем сообщал ликующим голосом, что Господь дал нам фору. Второй день пришельцы не появляются на божий свет, словно они мерзкие Порождения Ночи, так что нужно пользоваться изо всех сил. Ямы должны быть глубокими и с надежно вкопанными кольями, все следы убрать, арбалетчикам проверить оружие, два-три отряда выступят на закате и займут позиции.

День то тянулся, как будто мелкий жучок выбирается из липкого клея, то несся прыжками, словно испуганный олень, а я с тревогой поглядывал на опускающееся солнце: успеть нужно все еще много, очень много.

Наконец облака начали аleteь, покраснели. Багровость проступала медленно, но с обрекающей неотвратимостью. Почудилось, весь мир истекает кровью, облака пропитались, отяжелели, застыли в терпеливом ожидании нескорого рассвета.

Возле меня, стараясь не мешать, то появляются, то исчезают люди. Отобранные Альбрехтом телохранители ревниво посматривают, чтобы приближались только военачальники, да и то лишь из самого близкого круга.

Появился Норберт, коня перехватили на краю болота, а он быстрыми шагами пошел ко мне.

— Ваше величество, — сказал он, — все готово. Можно выдвигаться.

— Пусть сперва выйдут, — отрезал я. — Никаких лишних движений! Выйдут, утопают всем отрядом к городам или селам. Или жаждете добычей стать сами?

Его передернуло, едва не поплевал через плечо.

— Ваше величество, не пугайте. Вся надежда мира только на нас.

Альбрехт сказал в сторонке:

— Только сам мир об этом не знает.

— Узнает, — сказал Норберт зло, но тут же скривился, — только не поверит. Ваше величество, я уже велел спешиться своим людям.

— Торопитесь, — сказал я осуждающе. — Но ладно, кунтаторствуйте в сторону выхода из леса.

— Ваше величество?

— Медленно, — пояснил я, — и осторожно начинайте выдвигаться. Но ждите в лесу, наружу ни шагу.

Норберт повернулся к одному из младших командиров.

— Слышал?.. Бери второй отряд.

Тот вскрикнул обрадованно:

— Слушаюсь!.. Все исполню в точности!

И умчался с таким видом, словно я отдал немыслимо сложный приказ, а вот он все запомнил, никто бы не сумел, а он еще и выполнит тютерлька в тютерльку.

Я вздохнул несколько раз, снимая раздражение, что-то мельчаю, как раз время, раздвинул плечи.

— Постарайтесь, — сказал я с гордо-уверенной улыбкой, — а уж Господь постарается!.. Сэр Альбрехт, проследите за выполнением...

— А вы куда? — спросил он быстро.

— Посмотрю на закат, — ответил я. — Всегда был неравнодушен к духовной красоте. Какой великий артист погибает!

Норберт спросил недоверчиво:

— Разве Господь Бог уже погиб?

Альбрехт тут же вставил:

— А кто на его месте?

Я поморщился.

— Это ваш король великий артист! Могу ценить красоту и как бы даже ценю. В каком-то аспекте. Даже в такое трудное время.

Лорд Робер сказал с пониманием:

— Если погибнуть, то при таком закате! Как будто тебя накроют всем небом, как пропитанным кровью знаменем.

— А я бы лучше под рассвет, — сказал барон Келлья-ве. — Жизнерадостнее. А вы, сэр Тамплиер?

Тот прорычал:

— А я бы лучше других урыл! Одних на закате, других на рассвете. Хотя мне вообще-то все одно. Я не артист.

Арбогастр, давно чуя мое нетерпение, сорвался с места. Я заранее пригнулся, внизу под конским брюхом пронеслось серо-зеленое покрывало болота.

Через пару минут навстречу ринулись деревья с хищно растопыренными ветвями. Я распластался на конской спине, укрывшись роскошной гривой.

Стук копыт стал сухим и шелестящим, мчимся по толстому слою прошлогодней хвои. Впереди мелькнула массивная черная тень, между деревьями проскакивает виртуозно, но если заденет какое, даже самые могучие лесные гиганты вздрогивают от корней до вершины, на землю падают сухие ветки и сыплются листья.

Арбогастр начал замедлять бег, а Бобик далеко впереди подбежал к переднему краю деревьев и замер. Я насторожился, но опасности пока не чую, медленно пустил Зайчика вперед.

Деревья нехотя пошли в стороны. Между ними пропало темное небо с редкими звездами, у самого горизонта слабо багровеет догорающая полоска заката. Уже не багровая, а сизая, вот-вот сольется с фиолетовостью в той части неба.

Бобик оглянулся с вопросом в глазах.

— Молодец, — сказал я тихонько, — все понимаешь, морда моя замечательная.

Он вроде бы даже улыбнулся, тихонько выдвинувшись между деревьями. Ноздри уже часто расширяются и схлопываются, я попытался представить себе, как он видит мир в запахах. Я тоже умею, но у него наверняка в десятки раз ярче, четче, образнее и устойчивее.

— Теперь тихо, — велел я. — Иди рядом. Ни шага в сторону!

Он чуть покосился недовольно, мне почудилась в преданном взгляде детская обида. Зачем уточнять, и так понял, не арбогастр какой-нибудь.

Милях в двух от леса высится огромная черная масса. В ночи Маркус не просто темный, а угольно-черный, словно принес с собой ужас дальнего космоса.

Мороз прокатился по шкуре, эта вещь из звездного пространства слишком чужда этому миру.

Далеко в лесу прозвучал приближающийся треск веток, конский топот, смачная ругань, раздраженные голоса и всхрапыванье испуганных коней, они ночной лес обожают еще меньше нас.

Бобик оглянулся, в его горящих оранжевым огнем глазах пропало явная насмешка. Ему трудно понять, мелькнуло у меня, почему людям ночью не так нравится носиться в лесу, как днем.

Впереди Норберт с группой разведчиков на сухих жилистых конях, следом заблистали тусклые искры на стальных панцирях рыцарей и тяжелых конников.

Во главе рыцарской элиты Альбрехт, с ним несколько знатных рыцарей, что отличились при охране холма со скардером. Раздражение на их лицах сменилось облегчением еще до того, как увидели своенравного короля. Бобик сбежал навстречу Норберту напомнить насчет барсуков, хорошо бы их погонять сейчас, таких сонных и ленивых в норах.

Я слышал, как Норберт обернулся и крикнул Альбрехту:

— Его собачка здесь, так что и он где-то вблизи.

Через несколько минут его конь выбрел на опушку, Норберт рассмотрел, издали помахал рукой:

— Ваше величество?

— Не приближайтесь, — предупредил я. — Если меня и увидят, то вряд ли догонят.

Он сказал обеспокоенно:

— Но все же и сами не приближайтесь к этой штуке. Слишком уж.

— Я осторожный, — заверил я. — Местами уже трусивый, почти демократ и наполовину общечеловек...

Он дернулся, ничего еще не увидев, но, глядя на мое изменившееся лицо, остановился.

От темной громады Маркуса отделились черные точки, я торопливо взгляделся до ломоты в висках, приблизя качающуюся картинку.

Звездных пришельцев не больше дюжины... да, всего восемь, но перемещаются с места на место с такой скоростью, словно их два десятка.

Норберт все же не послушался, подъехал ближе.

— Все такие же? — спросил он тихо.

Я огрызнулся:

— Думаете, вижу настолько хорошо? Но это не чудовища, а люди, что значит — чудовища еще те. Нет во вселенной большего чудовища, чем человек. Мы всех чудовищ перечудовишим.

— Значит, — проронил он бесстрастно, — нам придется еще труднее.

— Спасибо, — сказал я саркастически. — Я уж думал, мы их одной левой. Либо вообще тапком. Вы сказали, чтоб никто не смел?

— И повторил несколько раз, — ответил он. — За своих отвечаю. Это либо разбойники в прошлом, либо послушные крестьянские дети. С мест не сойдут без приказа.

Я буркнул с завистью:

— Хорошо бы так с рыцарями.

Он приглушил голос:

— Ваше величество, вам в самом деле стоит подняться на последнюю ступеньку.

— В смысле? — спросил я отстраненно.

Он сказал еще тише:

— Объявить себя императором. К нему почтение выше. Вам оно ни к чему, слышал и даже верю, но послушания будет больше. А это нужно и полезно.

— Послушание не помешает, — признался я. — Хорошо, подумаю. Но только после победы... Так, эти твари наконец-то пошли в сторону... почему-то к Воссу.

— Там на пути Каталки, — сказал он, — и Зеленые Камни. Простые деревни, народ вроде бы ушел в леса.

Я сказал с горечью:

— Но многие тайком вернутся, верно? Одни, чтобы собрать остатки брошенного вспыхах добра, другие решат, что раз из этой штуки вот уже целый день никто не выходит, то не выйдут вообще.

— Во всяком случае, — сказал он, — до следующего утра точно... Все мы привыкли, что сражения начинаются с утра, а не с начала ночи. А на ночь все замирает... А вон там еще отряд?

— Нет, — сказал я, — это стадо диких свиней вышло порыться в огородах. Странно, пришельцы даже не посмотрели в их сторону.

— Может, — предположил он, — предпочитают разделять и жрать людей? На каких-то островах, слышал, это в обычae.

Медленно приблизились, придерживая коней, Альбрехт и рыцари во главе с бароном Келляве и Кенговейном.

Кенговейн почтительно поклонился еще издали.

— Ваше величество... какие будут указания?

— Никаких изменений, — ответил я сурово. — Как было принято на военном совете, так и поступим. Подождем, пока они наберут пленных. Чем пленных будет больше, тем лучше.

Он посмотрел на меня слегка надменно.

— Ваше величество, но многие из крестьян будут сопротивляться! Их убьют, а смерть невинных тяжким грехом ляжет...

— Не ляжет, — прервал я. — Они ослушались приказа затаиться в лесу. Их смерть — результат неподчинения королю.

Норберт заметил холодно:

— Обремененным добычей сопротивляться труднее. А нам, как мудро заметил король, нужно выиграть войну, а не отдельные сражения. Ваше величество?

— Начинайте движение по их следам, — распорядился я. — Предположительно погонят полон по прямой к Маркусу. Если мы рассчитали верно, они еще по дороге туда должны трижды погибнуть в волчьих ямах.

Норберт сказал сурово:

— Выкопали больше тридцати ловушек.

— А противников только восемь, — сказал я. — Если какие-то уцелеют, то либо вернутся ни с чем, унося раненых...

Альбрехт сказал в тишине:

— Либо все же наловят пленных.

— А мы знаем, — сказал я, — где расположить засады. Мы с сэром Норбертом там все проверили трижды. У вас будет время расположиться, спрятать все свои следы и ждать, когда захватчики будут возвращаться, обремененные грузом.

Глава 11

Я чувствовал, все звучит слишком оптимистично, а мое воинство, похоже, настроилось на то, что раз звездных пришельцев вышло так мало, то все погибнут еще в ловчих ямах, в засаде придется зазря сидеть до утра.

Альбрехт повернулся к своему отряду.

— За мной, в колонну по двое...

Я прервал:

— Граф! Передайте командование барону Кенговейну... нет, нужно выдвигать молодых и энергичных на руководящие посты, иначе останемся без кадров. Сэр Бриан, кто из ваших младших командиров уже успел показать себя весьма и достойно?.. Хорошо, передайте ему командование отрядом, а сами останетесь в моем резерве.

Кенговейн поклонился, в глазах недоумение, но ответил со всей почтительностью:

— Да, ваше величество... как прикажете, ваше величество... Сэр Вудгард! Принимайте управление отрядом. Вы знаете, что делать.

Один из молодых командиров вскрикнул обрадованно:

— Слушаюсь!

Он повернул коня и унесся, я сказал остальным:

— Вы все пока в моем резерве. Ни шагу без моего соизволения. Даже не дышать, если велю!

Барон Келляве проговорил с некоторой обидой в голосе:

— Ваше величество, я достаточно искушен... Второй отряд поведу я?

— А вы что, — спросил я, — младший командир? Нельзя за все хвататься самому, барон! Я же научился? В первую очередь должны уметь управлять младшими командирами!.. Вон тот молодой рыцарь, если не ошибаюсь, виконт Кернешир?

Виконт Кернешир поспешно пустил коня на два шага вперед.

— Ваше величество, к вашим услугам.

— Виконт, — сказал я, — вы все слышали?

Виконт Кернешир поспешно поклонился.

— Ваше величество, — воскликнул он ликующее, — я польщен вашим доверием. Мы оправдаем полностью...

— Не заблудитесь, — сказал я.

Он улыбнулся шутке, залитая призрачным звездным светом мрачная громада Маркуса служит самым надежным ориентиром.

— Ваше величество...

— Виконт, — ответил я.

Он повернул коня, красиво и властно вскинул руку с раскрытой ладонью. Рыцари, что слышали наш разговор, повернули коней и послали за ним вслед медленной рысью.

Альбрехт с надеждой смотрел на укрытые в прочные стальные доспехи тела, что как влитые сидят в особых рыцарских седлах на могучих конях, тоже покрытых кольчужными сетками из прочных стальных колец.

— Они справятся, — проговорил он уверенно. — Жаль, эти твари вышли не все.

Я вздохнул.

— Может, это и хорошо?

— Да сколько их там, — спросил он, — внутри?

— Судя по размерам Маркуса, — ответил я, — тысячи и тысячи! Это я так, чтобы не сказать сотни тысяч. Вы все равно не поверите в такие цифры, но в армии царя Ксеркса, что пошла на Элладу, было больше миллиона прекрасно вооруженных воинов.

Он поспешил перекреститься и поплелся через плечо, угождая сразу христианскому богу и языческим.

— Я поверю вам, — ответил он уклончиво. — Хотя армию в сотни тысяч человек вообразить трудно. А уж миллион... Это, наверное, много?

Я долго смотрел вслед отъезжающему рыцарскому отряду. Нехорошее предчувствие заползло в душу, попытался прижать его к стенке, но оно юлило и не признавалось, только росло и стало совсем пугающим, наконец я зажал себя в кулак и повернулся к лордам.

— Все идет по плану!.. Сэр Гастон, берите всю мою свиту и доставьте ее в целости и сохранности в лагерь. Немедленно!.. Такова моя воля, ибо так велю, не говоря уже о том, что это важно. Сэр Альбрехт, вы останетесь со мной.

Барон Келляве в растерянности посмотрел на меня, на ошарашенных рыцарей.

— Доставить в лагерь? — переспросил он.

Я воззрился на него в королевской надменности.

— Барон, что с вами?.. Вы плохо слышите?.. А вы, граф, следуйте за мной.

Альбрехт, ничего не понимая, пустил коня следом в галоп, ибо я позволил арбогастру с места набрать скорость, спеша избегнуть вопросов.

Конь, подаренный Альбрехту самим Ришаром, почти не отставал некоторое время, затем я перевел арбогастра на шаг.

Альбрехт дрогнул и спросил глухо:

— А что случилось?

— Да так, — ответил я, — зачем таскать за собой такую ораву?.. Кони у них не такие быстрые, как ваш поскакун.

Он покосился хмуро, явно не поверил, но переспрашивать не стал, бесполезно.

— И что теперь?

— Неспешно, — сказал я, — отправимся следом за отрядом виконта. Будем, как древние боги, посматривать со стороны. Если вдруг понадобится помочь... что ж, вмешаемся.

Он сказал с некоторым изумлением:

— Сэр Ричард!.. Там два отряда общим числом в двести рыцарей и тяжелых конников.

— Неплохо, — согласился я.

— Уж молчу, — добавил он, — что барон Келляве лично разместил по обе стороны дороги арбалетчиков!

— Смотрите, — предостерег я, — чтобы не перестреляли друг друга.

Он ухмыльнулся.

— Думаю, до арбалетчиков просто не дойдет.

Бобик то забегал вперед, все дальше и дальше, оглядывался, я грозил пальцем, он возвращался, но, не чувствуя такой уж особой строгости, в следующий раз убегал чуть дальше.

В голове острыми молоточками стучит злая мысль, что эти твари неуязвимы. Хотя не бывает, не должно быть абсолютно неуязвимых! У булатногрудого Сослана были слабые колени, и зачарованным колесом проехали как раз по ним, у Батарадза одна-единственная кишка в животе не успела превратиться в сталь, и его заставили раскалиться в бою, а потом сумели помешать охладиться, у Ахилла то самое сухожилие, а Кларк Кент терял все силы и неуязвимость при близости криptonита.

Но что у этих, пришедших со звезд?..

Странности еще в том, что такие невероятные способности самих чужаков и такие непонятки в их поведении. Конечно же, могу объяснить неизведанностью инозвездной психики, однако все равно остается необъяснимым факт исполинского разрыва между их мощью, как технической, так и в личном плане, и крайне скучными возможностями поведения.

Первыми я заметил арбалетчиков, хотя не столько заметил, как учゅял. Схоронились в кустах по обе стороны дороги хорошо, но ветерок донес запах немытых тел. Могу даже сказать, сколько человек на одной стороне, сколько на другой, кто сыт, кто голоден, сколько молодых парней, а сколько ветеранов...

Надеюсь, звездные твари не обладают таким юхом. Вот зрение у них, да, в сотни раз лучше нашего. Хотя, с другой стороны, умение видеть хорошо в полной темноте не значит, что видят так же хорошо и на свету.

Мысль неожиданная, я торопливо начал ее разворачивать, как завернутую в плотную фольгу конфетку, но голос Альбрехта вернул к действительности:

— Ваше величество... Вон там!

Я мысленно провел линию от кончика его пальца на вытянутой руке, там две невысокие каменные гряды почти сходятся, оставив узкий проход в два десятка ярдов. Дорога утоптанная, никто не пойдет по косогору, если рядом ровная земля.

— Удобное место, — согласился я.

— Думаю, — сказал он, — сэр Вудгард со своей частью отряда будет ждать слева, а справа поставит виконта Кернешира.

Я пробормотал:

— Полагаете, встанут друг против друга? Впрочем, между ними едва ли сотня ярдов.

Мы начали подниматься на вершину невысокого холма, однако Альбрехт резко остановил коня и тут же ухватил аргогастра за повод. Бобик подпрыгнул и тут же ревниво выдернул ремень из его руки.

Альбрехт сказал с опаской:

— Собачка бдит... однако, ваше величество, мы должны остаться здесь. Я настаиваю!

Я пробормотал:

— Граф, не нужно так драматично. Я сам сказал, посмотрим со стороны. Так что да, место тут достаточно защищенное. Не дует, во всяком случае. Бобик, спасибо! Будь рядом.

— Спасибо за понимание, — ответил Альбрехт с облегчением и чуть пристыженно. — Просто вы иногда слишком уж. А иногда и не иногда. А как бы!.. Поэтому и...

— Понимаю, граф, — ответил я легко. — Извинения приняты, хотя вас извиниться хрен кто заставит. Давайте спешимся, кто знает, сколько те твари будут ловить народ.

Он хмыкнул.

— Если все не погибли в ловчих ямах, ваше величество!

— Хорошо бы, — пробормотал я. — Но что-то жизнь отучила меня от такой легкости.

— А я верю, — произнес он.

— Верить, — согласился я, — хорошо. Тепло так. Защищенно. Как бы защищенно.

— Вот-вот!

— Только не верю, — закончил я неожиданно, — что верите. Вас жизнь обламывала чаще, чем меня, граф. Так что не надо, а?.. Я тоже обломанный. За меня не двух небитых, а десяток дадут. Еще и приплатят.

Он криво улыбнулся.

— Попробовать же стоило? Вера многим дает утешение.

— Слабых в самом деле много, — согласился я. — Но они не мы, граф?

Он вздохнул, прыгнул на землю, а повод забросил на седло. Бобик в ожидании пошел все расширяющимися кругами. Я цыкнул, указал место рядом с арбогастром.

Бобик посерезнел, ощущил неладное, а я тоже спешился и прошел вслед за Альбрехтом на самую вершинку. Холм невысокий, уже почти сровнявшийся с землей, но все-таки отсюда прекрасный вид как на город, так и на долину внизу.

— Надеюсь, — сказал я, — на двух человек внимания не обратят... Особено если будут гнать хотя бы пару сотен голов.

— Вы оптимист, — сказал Альбрехт. — Пара сотен!.. Или это пессимист?.. Я ставлю на то, что часть охотников погибнет в ловчих ямах. Остальные вытащат их тела и понесут обратно.

— Без добычи?

Он подумал, кивнул.

— Их всего восемь. При всей их силе...

— И ловкости, — добавил я.

— А что даст ловкость? — спросил он. — Ну да, при удаче позволит извернуться и не напороться на острый кол. Но это раз повезет, другой...

— А что дает нам право думать, — поинтересовался я, — что будут все время проваливаться?.. Кстати, граф, вон там поднимается пыль.

Он всмотрелся в одинаково темную стену впереди. Небо от земли можно отделить только по редким тусклым звездам в верхней половине, а ниже сплошная чернильная мгла.

— Завидую, — сказал он со вздохом. — А сквозь женские платья тоже видите?

— А что, — спросил я с интересом, — и такие умения есть?

— Слышал о таких, — ответил он, — но, думаю, бре-шут. Мало ли чего кому-то хотелось бы.

— Или даже всем, — согласился я. — Судя по раз-меру пылевого облака, там не пара сотен ног.

Он охнулся.

— Ловчие ямы...

— Похоже, — ответил я сухо, — не сработали. А на-брали эти твари народу побольше, чем в прошлый раз. Много же идиотов вернулось в город!

Он присел на корточки, словно это поможет всма-триваться, тер кулаками глаза, мычал от злости и та-ращился изо всех сил, а я, сжалившись, начал расска-зывать, что уже видно бегущих, потому что крестьяне или горожане, отсюда не различить, не идут, а бегут, подгоняемые этими тварями. Я видел их измученные, залитые потом лица, даже уловил, прислушавшись, хриплое сорванное дыхание.

Граф насторожился, уловил изменение в моем тоне, а я смотрел, как упала измученная женщина. Один из пришельцев моментально оторвал ей голову. Я инстин-ктивно ожидал, что тварь присосется к бьющей тугой струе крови из артерии, однако чужак отшвырнул без-жизненное тело и поспешил как ни в чем не бывало за остальными.

— Что? — спросил Альбрехт.

— Отставших просто убивают, — пробормотал я.

Он вскочил, я перехватил его за руку и с силой дер-нул обратно. Альбрехт дернулся, я зашипел ему лютко в лицо:

— Погубить всех вздумали?

— Как мы можем? — вскрикнул он. — Какие мы защитники...

Я сказал сдержанно:

— Сэр Альбрехт, ваш порыв благороден, но их не спасти.

— Но мы обязаны попытаться! — ответил он со злостью.

— Только не здесь, — отрезал я. — Выйдите с другой стороны леса, чтобы не привести их сюда, и можете с чистой совестью красиво и бесполезно погибнуть.

Он ответил с тяжелым вздохом:

— Ваше величество... Это во мне говорит та половина, что осталась от молодого и безрассудного рыцаря.

— И не душите ее до конца, — посоветовал я. — А сейчас... они приближаются к месту, где с отрядом ждет сэр Вудгард.

Альбрехт сказал с надеждой:

— Рыцарская конница!.. Тогда было тридцать легких всадников, а сейчас там двести тяжеловооруженных... Ваше величество, а тварей сколько?

— Восемь.

— Значит, — сказал он упавшим голосом, — ни одна не погибла?

— Похоже, — ответил я, — никто из них даже пальчик не прищемил... Пошла конница!

Альбрехт вскочил, всматриваясь в ту сторону, откуда донесся нарастающий грохот конских копыт.

— А виконт?

— Виконт, — сказал я, — виконт... а, тоже пошел с другой стороны! Граф, какое же это красивое зрелище...

Рыцари в тусклом звездном свете пришпорили коней и, опустив копья для страшного удара, всей конной

бронированной массой пошли, наращивая скорость, в яростную атаку, что пробивает любые ряды противника.

Пришельцы обернулись с прежней пугающей быстротой, когда не замечаешь самого движения, некоторое время смотрели на приближающуюся массу из металла, закрывающего людей и коней, затем прыгнули навстречу.

Или не прыгнули, это у них такой бег, но за один конский скок рыцарского отряда они преодолели все разделяющее их пространство.

Я охнул, задержал дыхание, а сердце замерло, словно его вморозили в лед. Отряд все еще продолжает движение, однако в скрежете взлетают в воздух и разлетаются в разные стороны сорванные шлемы, наплечники, а затем — боль взорвалась и разлилась ледяной волной в моей груди — головы, руки, окровавленные части тела.

Кони падали с жалобным ржанием, только один вырвался и умчался с опустевшим седлом, но кровь хлестала тугой струей из разорванной артерии, и вскоре он обессиленно упал на колени.

Я видел в лунном свете холодный блеск мечей, слышал душераздирающие крики ужаса и боли. Все промелькнуло настолько быстро, что даже не знаю, успел ли кто-то из рыцарей нанести смертельный удар противнику.

Арбогастр всхрапывает и прядает ушами, такое с ним редко, Бобик вскочил и рычит, шерсть дыбом, глаза грозно полыхают багровым огнем.

Глава 12

Через минуту пришельцы покинули место схватки и вернулись к толпе пленников, где даже не сообразили насчет побега.

— Граф, — сказал я чужим голосом, — весь конный отряд пал смертью храбрых. Дрались отважно, никто не отступил. Так и будет в хрониках... если мир уцелеет.

Он прошептал хриплым от муки голосом:

— А сэр Вудгард?..

— И виконт Кернешир тоже, — ответил я мертвое, — все погибли. Эти твари зачем-то убили даже коней...

Он прошептал совсем раздавленно:

— Вся надежда на арбалетчиков...

— На этих тоже надеюсь, — признался я. — От конной атаки, честно говоря, я не ждал особого толку. Не знаю почему... а вот арбалетчики — не рыцари. Они ударят из засады.

Он сказал с надеждой:

— Их сорок человек. А этих тварей всего восемь. Должны уложить всех. Там же на месте.

— И я на то рассчитываю, — ответил я. — Тихо, граф, тихо...

— Что, подходят?

— Тихо, — повторил я. — Толпа уже подошла... вперед одна из этих тварей... указывает направление... молодцы, по нему стрельбу не открыли!..

— Там сэр Агассер, — напомнил он, — опытный боец, во многих битвах отличился...

— Надеюсь, сделает все...

Он перекрестился, забормотал торопливо молитву, даже опустился на колени и склонил голову.

Сердце едва не выскакивает, в истории Земли еще не было такого страшного момента, когда решалось бы, оставаться ей или исчезнуть.

Я задержал дыхание, кулаки стиснуты так, что ногти впиваются в ладони.

— Ваше величество, — донесся голос Альбрехта, — что там?

— Проходит основная масса, — сказал я, — в толпе не меньше тысячи голов... Сзади пятеро этих тварей... Вот!

Я охнул, умолк. Арбалетчики, поднявшись во весь рост из-за ряда кустов, приложили арбалеты к плечам. Я не слышал хищного свиста, но в ночи ярко и коротко засверкали стальные стрелы.

Пришельцы дергались, вскидывали передние конечности, а потом все пятеро задних сорвались с места и в мгновение ока оказались среди арбалетчиков, у которых не было шанса на второй выстрел...

Я видел, как двое успели выхватить кинжалы, но тут же пали убитыми, а кровь ударила из разорванных артерий тугими темными струями.

Через минуту пятеро чужаков вернулись к толпе, что за это время только начала было останавливаться. Я стиснул челюсти, еще пятерых из захваченных в плен убили с беспринцной жестокостью, и толпа с криками, плачем и хрипами двинулась в сторону темной громады Маркуса.

— Граф, — произнес я не своим голосом, — арбалетчики пали, как герои. Они сражались доблестно, но враг оказался намного сильнее. Возвращаемся в лагерь!

— Но...

— Это приказ, — сказал я мертвое.

— Да, ваше величество, — ответил он покорно.

Он медленно вставил ногу в стремя, конь хрипел и вертелся на месте, даже на таком расстоянии чуя кровь, но пролито ее, как тоскливо подумал я, слишком много и слишком бездарно.

Я вспрыгнул в седло арбогастра, Бобик сделал два круга, я подозвал его кивком и сказал жестко:

— Проводишь графа в лагерь!.. Это приказ!.. Я приеду чуть позже... а то и раньше, почешу и покормлю. Понял?.. Выполняй!

Альбрехт сказал обеспокоенно:

— Ваше величество...

— Граф, — бросил я зло, — повторять не буду.

Арбогастр сорвался с места, и мы растворились в ночи раньше, чем Альбрехт успел открыть рот.

Арбогастр идет уверенным галопом, для него, как понимаю, ночь не совсем ночь, я уже с луком Арианта в руках всматриваюсь в темную массу бегущего народа. Пятеро чужаков позади, бегут на расстоянии, головы опущены, но плечи достаточно широкие...

Стрела уже на тетиве, я рывком дернул руку к уху. Задний чужак, словно услышал бесшумный скрип сгибающегося дерева, обернулся.

Меня передернуло от омерзения, впервые увидел так близко чужака, весь отвратительно белесый, лицо как осыпано мукой, у нас такие только тритоны и протеи в глубоких пещерах, не видевших солнечного света.

Я увидел устремленные мне прямо в лицо огромные выпуклые, как у жабы глаза, даже рассмотрел в лунном свете расширенную радужку.

Разжав пальцы, тут же ухватил вторую стрелу, а чутье подсказало, что следом нужно отправлять третью. Чужак легко уклонился, стрела прошла мимо и пропала в темноте.

Вторая почти коснулась его лба, но опять же он неуловимо быстро сдвинулся, и белое оперение лишь мелькнуло за его спиной.

Я чувствовал смертельный холод, никогда еще такого не было, но, видимо, у стрел есть некий лимит, могут корректировать полет за пару ярдов, даже за ярд от цели, но не тогда, когда счет идет на дюймы.

И тут же он сорвался с места, держа меня в прицеле взгляда. Я не успел ничего подумать, однако арбогастр, уловив мою панику, что родилась раньше даже спинного мозга, сделал рывок в сторону.

Горячее тело пронеслось мимо, обдав волной сжатого воздуха. Я со смертным холодом в спине ощутил, как он там за мной сразу развернулся и ринулся следом.

Ветер свистел в ушах и пытался столкнуть со спины арбогастра, а когда я рискнул оглянуться, нас унесло уже далеко от места схватки, и за мной никто не гонится.

Арбогастр, повинуясь мысленному приказу, завершил круг и вернулся к тому же месту.

Не слезая с седла, я осмотрел поле схватки с телами погибших рыцарей, проехался вдоль кустов, где пали арбалетчики все до единого. Пришельцы выглядят неуязвимыми, но я не заметил у них ни доспехов, ни оружия.

Значит, все только за счет их силы и невероятной скорости, а этому пока не вижу объяснения.

Альбрехт уже в лагере, но видно, что прибыл только что. Бобик бросился навстречу с докладом, что все выполнил, за это я должен любить его еще больше.

— Все в порядке, — заверил я бросившихся навстречу часовых и оказавшихся поблизости рыцарей. — Граф еще рассказать не успел?.. Жаль, я предпочел бы, чтобы такое услышали не от меня.

Сэр Келляве сказал с недоверием:

— Ваше величество... судя по вашему лицу...

— Угадали, — ответил я. — С нашей стороны идет разведка боем, так это называется на языке профессионалов войны. Выясняем возможности противника, его слабые места, способы взаимодействия, реакции на действия конницы, пехоты, арбалетчиков...

Сэр Рокгальер спросил быстро:

— А что с арбалетчиками?

— Погибли, — ответил я, — выяснив предположительно слабые места противника.

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Благодаря полученным данным, предполагаемо воздействование лучников. У них скорострельность выше, как и дальность весьма значительнее. К тому же можно навесным...

Он шел со мной рядом, у шатра встретили Тамплиер, Сигизмунд, Робер, Кенговейн, еще несколько военачальников, быстро поклонились и уставились с жадным вниманием.

— Хорошо, — сказал я, — давайте по горячим следам проведем военный совет. А то граф Гуммельсберг может нарисовать правдивую, но неправильную картинку случившегося.

В шатре я привычно создал кувшины с вином, в углу отыскалась целая куча чаш, я сам осушил жадно самую большую до дна, перевел дыхание и оглядел всех зорко и пытливо.

Сели смиренно, словно не в шатре, а в парадном зале в присутствии императора, смотрят серьезно в напряженном ожидании, никто не двигается, хоть рисуй картину.

Тамплиер и Сигизмунд, как и некоторые рыцари, которым не хватило места, стоят неподвижно у полотняных стен.

— Героическая атака рыцарской конницы, — произнес я веско, — показала, что лобовая атака результата не дает.

Лорд Робер громко прошептал:

— Они...

— Погибли, — договорил я. — Все в порядке, господа! Их души сейчас принимает Господь и выдает парадные сверкающие доспехи, принимая в армию небесных паладинов. А также именное оружие... Вот придет отец Дитрих, подтвердит. Кто погиб за правое дело... ну, дальше вы знаете.

Они слушали все так же серьезно, по их лицам видно, что да, именно так все и происходит.

Барон Келляве спросил тихо:

— А противник? Что с ним?

— Цел, — ответил я бодро. — Однако ценой гибели прекрасных воинов нам удалось выяснить, что враг весьма уязвим.

Альбрехт медленно багровел, но придушил ярость и сказал очень сдержанно, хотя и придушенным голосом:

— Ваше величество, вы весьма... оптимистичны. Я с ваших слов там на холме понял, что наших порвали быстрее, чем волки рвут двухнедельных ягнят. Сами они никого не потеряли, так ведь?

— Никого, — подтвердил я. — Но только потому, что хорошо знакомы с нашей тактикой, а мы с их — нет!.. Их всякий раз атаковала рыцарская конница, когда те прибывали, атаковала совершенно одинаково!.. Но мы в следующий раз изменим... кое-что в нападении.

И все-таки я видел на их лицах, несмотря на мой бодрый тон, уныние. Даже не потому, что погибли два отряда красивых и гордых рыцарей. Рыцари постоянно погибают в боях, с обеих сторон в войнах гибнут красивые, благородные, исполненные всяческих достоинств.

Это воспринимается спокойно и гордо, о погибших вспоминают тепло, а о тех, кто сложил голову особенно красиво, — слагают песни и баллады.

Но сейчас была не битва, а истребление, что отвратительно и непереносимо для мужского достоинства. Погибли, не успев нанести серьезного урона противнику.

Я вздохнул и повторил рассудительно и обстоятельно:

— Они, как уже сказал, уязвимы. Это видно по тому, что наших воинов даже не пытались захватить... и обратить в рабов. В том смысле, что отобрать оружие и погнать в общую толпу пленных. Хотя, уверен, понимали, что воины — самые сильные и здоровые мужчины! Значит, опасаются! Потому сразу уничтожили.

Лорды стискивали кулаки, багровели, бледнели, на лицах выступают пятна, но сдерживаются так, словно я не король, пусть и монарх, а уже император.

Я создал еще вина, но все еще некрепкого, сам наполнил из кувшина тем, кто сидит рядом, передал емкость дальше.

— Берут, как понимаю, всяких, — пробормотал Альбрехт. — Его величество сообщило, что убили каких-то женщин из толпы, которые слишком устали на длинном пути.

Лорд Робер сказал трезвым голосом:

— Мы вообще не знаем, кого берут.

Я смолчал, на мгновение мелькнула сумасшедшая мысль, что в самом деле могли бы брать только стариков, чтобы на новом месте вернуть им молодость, здесь нельзя во избежание хаоса, однако с какой целью затем вспахивают как гигантским плугом всю поверхность планеты?.. Собирают давно похороненных, чтобы восстановить им жизни?

Альбрехт посмотрел исподлобья, услышал мой тяжелый вздох.

— Ваше величество?

— Да так, — ответил я. — Не обращайте внимания. Всякая дурь в голову лезет. От бессилия.

— Вы не бессильный, — сказал он с надеждой, — вы просто еще не выбрали, как лучше.

— Да, — ответил я, — конечно.

Было бы из чего выбирать, мелькнуло в голове. А то ни одной мысли, ни единственной. По голове если стукнуть, внутри долго будет метаться эхо, натыкаясь на стенки.

— Двигаются они быстро, — сказал я, — необыкновенно быстро.

— Насколько быстро? — спросил барон Келляве деловито.

— Даже сравнить не с чем, — признался я. — От моих стрел еще никто не увертывался!.. А этот гад — с легкостью. Ждал, когда окажутся в дюйме от его глотки, и... сдвигался в сторону!

Они переглянулись, лица посерели, а во взгляде лорда Робера я увидел откровенный страх.

— Тогда нам, — проговорил он нетвердым голосом, — их не одолеть... в открытом бою.

Я сказал быстро:

— Вы правильный воин, лорд Робер! Сразу все поняли. И уже предложили — ведь предложили — иную тактику войны с этими тварями. Вы совершенно правы, с ними нельзя по-честному, по-рыцарски!.. У них выше скорость, этим бессовестно и абсолютно бесчестно пользуются!.. А это недопустимо. Если бы мы вышли согласно правилам на турнирный бой без доспехов и с деревянными мечами, а они в полных доспехах и со стальными мечами?

Все согласно загудели: все верно, условия должны быть равны для всех, потому нет бесчестья в страшном поражении, наши люди действовали честно, а враг поступил подло и вероломно...

— Из этого следует, — сказал я с нажимом, — что мы тоже имеем право отбросить рыцарские приемы войны и драться с ними, как с подлыми разбойниками!

Наступило нехорошее молчание, затем Тамплиер задвигался, лавка под ним протестующе заскрипела.

— Ваше величество, — прогудел он тяжелым, как этот лес, голосом. — Вы хотите сказать, к нам прибыли существа неблагородного происхождения?

— Они ведут себя неблагородно, — напомнил я. — Этого недостаточно? А сколько поколений насчитывает их род, в данном контексте значения не имеет. Либо имеет пренебрежительно мало.

На лице Тамплиера все еще оставалось глубокое раздумье, зато остальные в большинстве, вижу, ощутили некоторое облегчение. Это не то, что освобождает от обязанностей самому быть благородным человеком, но развязывает часть пут, связывающих руки.

— И как будем действовать дальше? — спросил сэр Робер.

Глава 13

Я взглянул на него пытливо. Большинство присутствующих помнят меня еще совсем не королем, потому и держатся свободнее, хотя и называют почтительно величеством, но для него я прибыл уже грозным королем, овеянным мрачной славой жестокого победителя и наклонятеля, и потому смотрит с неподдельным почтением и готов выполнить любой приказ, не задумываясь, насколько он разумен.

— Вы мудрый человек, — повторил я, — понимаете, что наши рыцарские законы велят нам быть учтивыми и предупредительными друг с другом, а также защищать всех, кто сам защитить себя не в силах. Но с дикими зверьми и разбойниками, не знающими правил и учтивого поведения, мы поступаем согласно...

Я сделал паузу, он заметил:

— Но разбойников сперва судим, потом вешаем.

— Можно сперва вешать, — ответил я, — потом судить. Все равно конец один!

Тамплиер прогудел так мощно, что в ответ недовольно гуднула земля из-под ног:

— Бесправильное отношение мне совсем не нравится...

— И церковь против, — поддержал я его, — но в данном случае и церковь считает, что такого врага нужно уничтожать всеми доступными способами! Как если бы бешеный волк ворвался в вашу овчарню и начал убивать бедных животных одного за другим!

— Такого надо убить как можно быстрее, — согласился Тамплиер.

Я повернулся к остальным.

— Видите, и сэр Тамплиер, нерушимый защитник рыцарских законов и рыцарской чести, полагает, что с существами, дерзостно попирающими все правила благородного ведения войны, нужно вести себя соответственно!.. Думаю, с этим вопросом мы решили.

Сэр Альбрехт кашлянул и сказал многозначительным тоном:

— Ваше величество, вы могли бы просто приказать.

Я улыбнулся, перевел взгляд на лордов.

— Да, конечно. И не сомневаюсь, приказ бы исполнили. Но предпочитаю иметь при себе друзей и единомышленников, а не покорных исполнителей. И потому

всегда заинтересован, чтобы мы все верили в правоту того, что делаем!

Лорд Робер поднялся и сказал с просветленным лицом:

— Потому и служим вам, сэр Ричард, не за страх, а на совесть!

— Не мне, — скромно ответил я, — а великому делу, которое поручил нам Господь!

— Аминь, — ответил барон Келляве и перекрестился.

— Аминь, — произнесли вразнобой и остальные.

Пока они крестились, я быстро-быстро, как бегающий по горячей сковороде таракан, пытался придумать какие-то варианты.

— Ловушки, — сказал я, — не сработали. Похоже, у них не только зрение развито, но и чутье не отстает... Утром посмотрим, что там не так. Если, конечно, они с утра лягут спать. Как уже знаем, лобовые атаки и даже арбалетчики тоже не решили задачу. Но отрицательные результаты тоже положительные результаты!..

Норберт покосился на непонимающие лица.

— Теперь знаем, — сказал он, — что бесполезно. Осталось придумать, что сработает. Иначе на отрицательные результаты всю армию изведем.

Альбрехт заметил мрачно:

— Маркус наберет пленных раньше.

— И взлетит, — сказал сэр Кенговейн с горестным вздохом. — А нам не дотянуться.

Я поднялся, все тут же поспешно встали. Я оглядел всех орлиным взором руководителя, при котором нельзя быть рохлей.

— Вводная вами получена, — произнес я властно. — Поспите остаток ночи, а после рассвета, если те твари снова запрутся в летающей крепости, осмотрим места... происшествий.

Альбрехт сказал с поклоном:

— А за ночь могут прийти какие-то идеи. Спокойной ночи, ваше величество!

Лорды отступили от стола, кланялись и говорили вразнобой:

— Спокойной ночи...

— Ваше величество?

— До утра, ваше величество...

— У вас получится, ваше величество!

Альбрехт вышел последним, оглянулся у порога, но я не остановил, а когда затихли шаги, велел слуге:

— Отыщи Карла-Антона.

Он испуганно вытаращил глаза.

— Ваше величество?

— Это верховный маг, — сказал я нетерпеливо. — Высокий такой, костлявый, всегда в шляпе с широкими полями. Великих ученых пора знать в лицо! Или хотя бы по знакам различия... И побыстрее!

Он исчез, а буквально через минуту вернулся в сопровождении Карла-Антона, что все в том же плащехалате и шляпе с широкими полями, знаками различия сословия магов, чародеев, алхимиков и зарождающегося класса разночинцев.

Он торопливо поклонился.

— Ваше величество?

— Быстро, — определил я. — Магия?

— Интуиция, — ответил он. — Показалось, понадоблюсь. Потому отирался поблизости шатра вашего величества. Кстати, он поставлен со вкусом.

— Спасибо, — поблагодарил я. — А когда этот малый выскоцил, вы сразу крикнули ему: «Я здесь»?

Он произнес без улыбки:

— Вы дивно проницательны.

— Это вы проницательны, — ответил я устало, — а я просто дурак... Садитесь, Карл-Антон, вино в кувши-

не. Наливайте сами, мы в полевом лагере, что значит, церемонии оставлены в столицах и дворцах.

Он присел на краешек лавки с опаской, все-таки существо неблагородного происхождения да еще и презираемого занятия, недостойно даже простолюдина.

— Уже знаете? — поинтересовался я.

Он ответил уклончиво:

— Новости расходятся быстро.

— Даже слишком, — согласился я. — Плохие летят на крыльях, хорошие ползут черепахами. Что-то со своей стороны делаете?

— Ваше величество, — ответил он с почтением, — мы все над этим ломаем головы.

— Идеи есть?

Он криво улыбнулся.

— Даже слишком.

— Слишком, — сказал я, — это хорошо. Отбирайте самые дикие, правильная прячется среди них.

Он проговорил просительно:

— Какие-нибудь подбросите?

— У меня совсем дикие, — предупредил я. — У вас либо голова кругом пойдет, либо уши завянут.

— Ваше величество?

— Вам сказать могу, — сообщил я, — вы все равно вроде бы не человек, а так, чернокнижник... Для кого-то это, знаете ли, а для другого это... но таких пока мало. В общем, на Маркусе прибыли не демоны и не потусторонние какие-то силы. Для народа — это демоны, а для вас вполне реальные существа из плоти и крови.

Он спросил осторожно:

— А почему так? Для народа одно, а для нас...

Я посмотрел на него зверем.

— А разве не везде так? Демонами можно объяснить все! А народу что, нужны сложности? Народ — это

наша кормовая база, из которой удается выдергивать иногда тех, кому сложности весьма, как вот и нам... Для вас, Карл-Антон, это не демоны, а такие же, как и мы, из плоти и крови. Только зародились под другим солнцем. Думаю, там гравитация... как-нибудь попозже, там побольше, потому здесь они сильнее и двигаются быстрее. И хотя это, предупреждаю, пока только предположение, но твердо и почти как бы уверенно базируется на. И потому с ними бороться можно, хотя и сложно. Магию пробуйте всю и всякую! Кто знает, к чему иммунны, а что по ним бьет, как тапок по тараканам.

Голос мой прозвучал в конце соответственно, Карл-Антон поклонился и поспешно вышел.

Теперь можно не скрываться, я в отчаянии обхватил ладонями голову, стараясь не растерять жужжащие в черепе мысли, никто не видит, кроме Господа, а перед ним не стыдно, он как добрые родители, что все понимают и все прощают... хотя нет, родители всегда что-то да требуют, а вот дед только утешает и защищает, хорошо помню, как вбегал, зареванный, в его огромные теплые и такие ласковые руки, прижимался к нему в судорожном и таком горько-безнадежном плаче...

За стенкой приглушенные голоса звучат встревоженные, а я просто не могу не прислушиваться.

Встревоженность у них другого толка, поражение не переносят, а что погибнут они, все люди на свете и вообще весь мир — да это пустяки, Господь знает, что делает...

Болото, хоть и почти исчезнувшее, дает о себе знать гнилыми водами, что злобно ждут своего часа под толстым ковром, потому здесь нет деревьев, а кустарник

слабый и болезненный, зато утреннему солнцу не нужно пробиваться через плотный многослойный заслон из веток и листьев.

Но до утра еще пара часов, я не находил себе места, не заметил, как очутился снаружи, в висках стучит кровь так, будто и не кровь, а с натугой работают стальные поршни, перекачивая вязкую нефть.

Телохранители быстро отодвинулись, поглядывая зорко по сторонам, а рыцари и лорды, оказавшиеся в пределах видимости, заспешили ко мне, так положено.

Я скривился, но про себя, а на лице создал благожелательную улыбку уверенного во всем сюзерена, ситуация под контролем, прибытие Маркуса — неприятность, но справимся, а как же иначе.

Альбрехт остался с его рыцарями у костра, знает, мне знаки внимания до одного места. Это слабым и неуверенным в себе королям нужна мощная свита, что одним своим видом молча кричит всем: смотрите, вот идет могучий и знатный король!

Вдали замелькал между деревьями всадник на сухом гнедом коне. Норберт тут как тут, вырос на его пути, как мощная сосна. Конник быстро сообщил ему что-то, развернулся и унесся.

Норберт поймал меня взглядом.

— Ваше величество, — произнес он церемонно, мы на людях, — к вам гости.

— Надеюсь, — сказал я, — хоть они обрадуют.

Он ответил со сдержанной улыбкой:

— Это вряд ли. Но им обрадуетесь точно.

Через несколько минут в сопровождении того же разведчика вдали показался конный отряд. Большинство коней в болотной грязи по колено, а кое-кто и по брюхо, но двигаются бодро, собранные, вооружение прекрасное, хотя никого в стальных доспехах, все

в коже, рыцарских копий не видно, как и баннеров, по которым можно бы понять, кто они, откуда и чьи.

Подошел лорд Кенговейн, лицо настороженное, рука потянулась к мечу.

Я сказал недовольно:

— Сэр Бриан, сейчас все люди — союзники.

— Если бы так, — горько ответил он. — А то уже тонут, но стараются утопить противника чуть раньше.

— Люди, — ответил я, — мы такие вот замечательные... Господь велел плодиться и размножаться! Вот мы и...

Всадники приближаются весело, а их предводитель послал коня в галоп. Мы наблюдали, как легко и грациозно соскочил шагах в пяти от нас, высокий, гибкий и стройный.

Сердце мое стукнуло радостнее, тот пошел к нам быстрыми шагами, улыбаясь сдержанно красиво очерченным ртом с полными губами пунцового цвета.

Я сказал счастливо:

— Боудеррия... Первый луч света в этот несчастный день!

Сэр Кенговейн рассматривал ее с удивлением, что и понятно, а она приблизилась и отвесила почтительно ироничный поклон.

— Ваше величество...

— Боудеррия, — повторил я, — в опасное время ты прибыла, но как же я рад тебя видеть! Сам не думал, что так встрепенусь. Что-то есть в тебе такое... Ты сама как думаешь?

Она улыбнулась.

— Вам виднее, ваше величество.

— В лесу я Ричард, — напомнил я. — Как и вообще для тех друзей, кто помнит меня с докоролевских времен.

Когда я впервые увидел ее, она была в легких кожаных доспехах, укрывающих только торс и ноги до середины колен, и я тогда успел полюбоваться на обнаженные до плеч руки без привычного женского жирка, а с тугими и красиво уложенными мускулами, при взгляде на которые ощущал в первую очередь чисто эстетическое наслаждение.

Сейчас же укрыта с головы до ног не только в плотные доспехи из кожи, но те еще и усилены металлическими вставками на плечах, предплечьях и даже бедрах, что выглядит не только рационально, но и весьма по-женски эффектно.

Из-за плеч все так же выглядывают тонкие рифленые рукояти двух мечей. Светло-голубые глаза стали как будто еще светлее на потемневшем от солнца лице, и когда встретила мой взгляд, я ощущал прежний вызов.

Она спросила с интересом:

— Что-то не так?

Я вздохнул.

— Вспомнил твой танец.

— Сейчас не до танцев, — ответила она сурово. — Не так ли?

— Даже и не знаю, — ответил я честно, — для чего сейчас время.

Не поворачивая головы, она указала взглядом в ту сторону, где над миром высится зловещий купол, даже в ночи и на темном небе кажется странно багровым, словно раскаленный слиток, хотя на самом деле темен, как сама ночь.

— Эта штука, — произнесла неестественно бодрым голосом, — выглядит... великоватой.

— Хуже, — ответил я.

— Что может быть хуже?

— Вместительность, — пояснил я. — С одной стороны, хорошо: крестьян будут ловить и наполнять ими трюмы долго, с другой...

Она договорила:

— Могла прибыть целая армия?

— Все на лету ловишь, — сказал я с одобрением.

— Приходится.

— Боюсь не этих, — признался я, — что выскочили и народ ловят... хотя их тоже боюсь, больше страшат те, что внутри. Возможно, для управления таким колоссом нужна целая толпа? Хотя, конечно, высокотехнологической штукой... это такая магия, не бери в голову, мог бы управлять и один человек.

Она слушала внимательно, глаза серьезные, наконец во взгляде пропало насмешливое выражение.

— Сэр Ричард! От вас ли слышу такое?

— А что, — сказал я, — и поплакаться уже нельзя? Это перед лордами я должен быть крутым, а перед женщиной мог бы и расслабиться... если бы ты, свинья, мне позволяла!

Она сказала с ноткой вызова:

— Я разве женщина? Я боевой соратник.

Ее люди слезли с коней, подходят медленно, с некоторой настороженностью, моя грозная и непонятная слава бежит далеко впереди меня.

Боудеррия кивнула в их сторону.

— Мой отряд, — сообщила она с гордостью.

— Все те же лица? — заметил я.

— Мы почти удвоили состав, — сказала она.

— Но ветераны впереди, — сказал я. — Доблестный виконт Волсингейн... то бишь уже граф!.. молод, но опытен, Маркус Вольфшир и Роджер Тхорхилл... помню-помню, оба бывалые и знающие что к чему в этом мире... а это Гевин, Рамон, Малькольм, Амброз...

Я нарочито перечислил, никого не выделяя, хотя у каждого свои особенности, особенно у Амброва Брерта, вроде бы обычный крупный и лохматый мужик звероватого вида, черные волосы со смоляным отливом переходят в такую же бороду и усы, брови густые и кустистые, глаза черные, но примечателен тем, что он один из тех редких оборотней, что прижился у людей.

Все почтительно кланялись, безмерно польщенные, что грозный король их помнит. Боудеррия повела дланью в сторону еще двух десятков воинов, с виду тоже прокаленных жизнью, побывавших в разных войнах и не желающих переходить на презренное мирное существование.

— Это те, — произнесла она лаконично, — что прибавились. Готовы выполнять любые задачи, ваше величество.

— Рад, — произнес я державно, но с теплотой в голосе, я же отец народа, — весьма рад. Ребята, распологайтесь, вам покажут, где удобнее. Боудеррия, ты со мной!

— Слушаюсь, — ответила она с подчеркнутой покорностью, — ваше величество.

— Устрою тебе допрос, — предупредил я. — Надеюсь, не всю нечисть вывела?

— Как можно, — спросила она с недоверием. — Даже если бы могла, все равно что-то оставила бы на размножение. А то мужчины выродятся в пирах да пьянках.

Глава 14

По взмаху моей королевской дланi она пошла в сторону шатра, стройная и подтянутая, на длинных ногах, с тугим приподнятым задом и двумя узкими мечами на

спине в простых ножнах. А сбоку на поясе еще и узкий кинжал, помню, пользуется им со звериной ловкостью.

Стражи, бросив взгляд на мое лицо, распахнули перед нею полог. Она вошла царственно, красиво переступив порожек, остановилась посреди.

Полог опустили за моей спиной, я сказал мирно:

— Не богато, верно?

Она указала взглядом на ложе.

— Мог бы поставить и пошире. А в остальном... что нужно еще, кроме стола и двух лавок? Ты же не собираешься оставаться здесь на всю жизнь?

— Возможно, — ответил я. — Возможно, придется.

Ее лицо помрачнело, уловила скрытый смысл. Даже гордо приподнятые плечи чуть опустились, словно и она ощутила тяжесть на моих плечах.

— Ты победишь, — произнесла она, я ощутил в ее голосе абсолютную убежденность, и самому до писка захотелось поверить в женскую интуицию. — Иначе что?

— Иначе ничего, — согласился я. — Садись. Или сразу предпочитаешь лечь?

Она фыркнула.

— Я же сказала, узковато. Даже для одного. Я к такому не подойду и близко! А ты вообще человек широких интересов. Зато лавки у тебя хороши, даже сэра Растера выдержат. Где он?

— Увы, — ответил я. — С армией троллей идет сюда, но вряд ли успеет. Хотя у нас тут есть гиганты, не уступят. Что будешь есть? Или сразу напьешься?

— Напьюсь, — ответила она. — Начнем с мяса, ты готовишь его просто замечательно. Признайся, был поваром?

— Кем я только не был, — ответил я уже отстраненно, сосредоточившись на поверхности стола: там медленно появляются широкие блюда с ломтями хо-

лодного мяса, потом пошло горячее, прямо с вертела и жаровни, сдобренное горькими травами и специями, которых здесь еще не знают.

Боудеррия насыщалась быстро и с аппетитом, смотреть приятно, а когда на лице отразилось беспокойство, я сказал успокаивающее:

— Твоих людей сейчас тоже кормят. С этим у нас терпимо.

— Успели приготовиться?

— Стратегия, — объяснил я. — Пока я барствовал, скажем так, на одном участке, на остальных мои военачальники проводили в жизнь мои ценные указания... Земли у нас сейчас чересчур огромные, чувствую, сэр Альбрехт в чем-то прав...

— Альбрехт Гуммельсберг? — переспросила она. — Да, это хитрый жук. И всегда смотрит далеко вперед. Потому и примкнул к тебе. Что-то почуял. А что он хочет?

Я ответил с неохотой, заранее морщась от того, что приходится говорить такое:

— Он уверен, пора примерять императорскую корону.

Ничуть не удивившись, она поинтересовалась с ноткой иронии:

— Только примерить?

— Ну вот, — сказал я с тоской, — и ты, Бруттелла...

— Да все понимаю, — ответила она задушенно с набитым ртом, проглотила и продолжила уже внятно: — Императорская мантия тяжела и все такое, верно?

— Ну?

— А если, — предположила она, — всю тяжесть переложить на плечи таких, как сэр Альбрехт?.. Я не говорю, именно на его спину весь груз, как на ослика, не знаю вообще-то, насколько хорош, но что хорош, умен и предан... это уж поверь!

— С чего бы я поверил женщине? — спросил я.

— Я разве женщина? — спросила она.

— А кто?

— Боевой друг. Но с интуицией. А моя интуиция говорит, что я и моя команда очень кстати в таком необычном деле.

— Я все помню, — ответил я, — Гевин слышит на два ярда под землей, Максвет пролезает в любую щель, Рамон защищен от гарпий, а Малькольма невозможно утопить...

— Спасибо, — ответила она, польщенная, словно я похвалил ее фигуру.

— Только сейчас их способности, — сообщил я, — не помогут. Увы, те инозвездные твари тоже слышат и чуют так, что куда там Гевину.

— Уже убедились?

— Видишь, поняла.

Она выдохнула:

— Хорошо, что вы уцелели, сэр Ричард, а также ваше величество.

— Я двигаюсь, — сказал я, — как улитка, если сравнивать с этими тварями, но мой конь может поспорить с молнией. Только он и спасает. Говоря проще, я позорно бегу! Можно добавить: бросив своих людей на верную смерть.

Она сказала серьезно:

— Вы сами говорили: кто убежал, тот может и вернуться. А без головы... уже не воин.

— Это тебе говорил, — признался я. — Остальным попробуй такое скажи! Ведь нет лучше и краше гибели в бою? Ну вот, а я бежал с поля боя.

Она посмотрела исподлобья.

— Что-то не очень-то верю в такое. В самом деле бежал?

Я вздохнул.

— Почти. Ощущение именно такое. Видел, что погибнут, мог бы примчаться и вместе с ними на радость бардам... но этого не сделал. Ладно, хватит себя грызть, а то квалификацию растеряю. Знаешь ли, на этом острове среди болота тесно...

Она прищурилась.

— Нам не найдется места?

— Найдется, — заверил я. — Просто намекаю, что шатер здесь один, так что если не хранишь и не стягиваешь одеяло...

Она покачала головой.

— А моя репутация? Если буду спать с мужчиной, паду ниже уровня этого болота. Спасибо за удивительный обед, ваше величество. Вообще у вас все удивительное, как и вы сами. Позвольте откланяться. Нужно посмотреть, как устроены мои люди.

Я кивнул, она грациозно вскочила, вот уж не думал, что и вскочить можно грациозно, а не только подняться, быстро и неслышно выскользнула наружу.

Через минуту полог чуть отодвинулся, вполглаза заглянул Карл-Антон.

— Ваше величество, если вы не очень заняты...

— Какое там, — ответил я мрачно, — заходи. Вот к балу готовлюсь. Красное с синими блестками напялить или с зелеными?

За время схватки с ангелами ада и без того худой, как лестница-стремянка, он вообще растерял последнее мясо, выглядит скелетом, на который небрежно наброшена кожа, а сверху бесформенный халат.

— Лучше с синими, — посоветовал он. — Не будет контрастить... Трое из моих магов погибли.

— Как?

— Слишком близко подобрались.

— Их захватили?

— Нет, — ответил он трудно. — Убиты на месте. Так что можем строить догадки. Одна из них — им нужны сразу большие толпы. Тех берут живыми, одиночек убивают или рвут на части.

Я ответил с сочувствием:

— Мне очень жаль, честно. Сам знаешь, ценю умных и отважных исследователей... Возможно, ты прав, но хотелось бы что-то пооптимистичнее.

— Ваше величество?

— К примеру, — сказал я, — пришельцы испугались и поспешили нанести удар.

— Почему испугались?

— Вдруг у них там нет магии? — предположил я. — Вообще?.. А развивают только технологии?.. Ну, это то, к чему усиленно толкаю. Посмотри на Маркус и увидь то, что позволяет творить технология. Никакая магия такое не сварганит. В общем, своей гибелью они все же принесли неоценимую пользу.

— Да, — ответил он невесело, — принесли... Только мало.

— Но хоть что-то за это время узнали? — прервал я.

В его глазах промелькнуло нечто похожее на укор, но лицо не изменилось и голос остался таким же ровным:

— Не знаю, пригодится ли это... но эти пришлые почему-то не любят громких звуков.

— Как удалось узнать?

Он помялся, сказал неохотно:

— Мы перепробовали все, ваше величество. Одно из заклятий сопровождается очень сильным хлопком. Так вот на само заклятие они даже внимания не обратили... в этом у вас что-то общее, уж простите, а хлопок их буквально пригнул к земле. Ненадолго, правда.

— Меня не пригибает, — сообщил я, — даже если за спиной гавкнете над ухом. Но если гавкнете, то я

вам так гавкну... А что за такое заклятие? Нет-нет, мне не нужна его формула, меня интересует этот побочный эффект. Нельзя ли его усилить, упростить, обучить моих бойцов? Момент ошеломления противника очень важен. Достаточно на секунду его, как вы говорите, пригнуть, а разогнуться мои орлы не дадут.

Он подумал, ответил виновато:

— Ничего сказать не могу, так как всегда старались избавиться от этого, как говорите вы, эффекта.

— Значит, — сказал я, — раньше он был громче?

— Да, — согласился он, — и все века его мало-помалу вытравляли.

— Нужно вернуться к истокам, — сказал я строго и торжественно, — мы не должны забывать умения предков! Это наш долг — помнить и чтить, беречь архитектурные и прочие излишества древности и не позволять!.. Предки знали многое из того, что мы в суете сует порастеряли. Постарайтесь, Карл-Антон, выделить этот эффект! Не всегда нужно рафинировать продукт, понимаете? Иногда в неочищенном пользы больше.

Он проговорил с трудом:

— Вообще-то в таком заклятии чем меньше шума, тем лучше... Мы не шумные люди, ваше величество! Можно даже сказать, тихие. Исследователи, а не как вы говорите мудро и непонятно. Но сейчас приложим все усилия.

Он замер, не шевелясь, видно же, что я мыслю, а умные мысли очень пугливые, одно неосторожное слово или движение может отогнать, не ухватишь, а я напряженно думал насчет этого вот, что не переносят громких звуков. Для всех это непонятно, но не для меня, легко могу представить мир, где звуков почти нет. По крайней мере, громких. Скажем, болото на всю планету. Настолько вязкое, не получится даже плеска воды.

В таком мире многое невозможно. Те же колеса никому не придет в голову изобретать, даже привычный нам огонь немыслим... Но как использовать это слабое место противника нам?

Понятно, наша планета им кажется невероятно опасной, грозной, непредсказуемой, дико грохочущей. Однако же, как я понимаю, для цивилизации, совершающей межзвездные полеты, эти пустяки легко устранимы с помощью каких-то высокотехнологичных штук типа берущей. Или чего-то там еще, в хайтек верю.

Почему не прибегли к такому варианту? Типа залка в трудных условиях, как у древних спартанцев?

— Ничего не понимаю, — побормотал я, — но попробуем воспользоваться... Карл-Антон, срочно меняем стратегию. Никаких поражающих файерболов и прочей хрени.

— Ваше величество?

— Это их только смешит, — пояснил я. — Если, конечно, умеют смеяться.

— А над чем работать? Или только над шумом?

— Кроме старых заклятий, — пояснил я, — в которые вернете шум, подумайте над новыми. Где есть грохот, лязг, бабахи. Есть такие?

Он пробормотал:

— Увы...

— Поищите, — сказал я.

— Да нет таких, — ответил он с неохотой. — Кому они были нужны? Все заклятия создавались с какой-то целью. А зачем шум? Напротив, многие вещи, вы же понимаете, стараемся делать как можно тише.

— Сам такой, — признал я, — мне бы все без шума, хоть я и тиран, но избегаю гласности в ряде основополагающих вопросов. Соберите консилиум, срочно подумайте, как создать заклинания или же модерни-

зировать существующие с учетом требований дня... Да, как можно более громкие!

Он сказал трезво:

— Ваше величество, даже от громкого шума они не сгинут.

— А вдруг? — сказал я. — Ладно-ладно, это я мечтаю! Знаете ли, король-мечтатель. Звучит, верно? Мечтательный король... Может быть, это даже лучше, чем Король Строитель?.. Король Мечтун... Нет, уважать не будут, а для короля уважение лордов и народа это важно. Даже для монарха.

Он бросил взгляд искоса.

— А как для императора?

Я сказал зло:

— Что, уже и маги в курсе?

— Идея пошла в народ, — ответил он уклончиво. — Простой народ всегда уважает... даже любит сильную руку. Сильный король не трогает народ, он давит только лордов, да и то самых высших. А народ любит, когда лордов к ногтю... Приятно, знаете ли.

— Даже магам?

Он развел руками.

— Маги тоже люди, ваше величество.

— Ладно, — ответил я нервно, — об императорстве как-нить в свободное время. А пока работайте. Лучше всего в тесной связке с рыцарями.

Он дернулся, замялся, переступая с ноги на ногу. Я спросил строго:

— Что не так?

Он сказал умоляюще:

— Ваше величество, мы знаем, скоро прибудут маршальцы. Они уже в полусотне миль. Можно нам отселиться на другой конец лагеря?!

Я скривился, но он прав, кивнул.

— Да, конечно. Вообще лучше вам не с рыцарями, а с тяжелой конницей. У тех меньше... претензий.

На его лице отразилось облегчение.

— Ваше величество, спасибо за понимание. Нам и так приходится... почти что скрываться от рыцарей, а взаимодействовать было бы вообще невозможно.

— Все изменится, — пообещал я. — Как только победим, на обломках самовластья будем строить справедливое тоталитарно-демократическое общество с передовыми консервативными ценностями, основанными на библейских заповедях и возможностях алхимии!

Его лицо застыло, все еще старается понять сюзера-на, настоящий мыслитель, другие уже давно оставили эти тщетные попытки.

— Значит, — уточнил он, — задача магов создать шум, а воины нанесут удар?

— И желательно, — подчеркнул я, — с захватом пленных. Можно одного! Но знатного. Или хоть какого-то. Пусть самого сопливого.

Он сказал торопливо:

— Да-да, с чего-то надо начинать победоносное наступление!..

Я посмотрел с подозрением, серьезен или втихую издевается, я же власть, а над властью не издевается только совсем уж не знаю кто и какой.

Он искательно улыбнулся, я сказал примирительнее:

— Уточняю, захваты и все подобное — не ваша прерогатива. От умных людей не захватов ждем, а что и свое отадите нам, бессовестным. Просто работайте в указанном моим перстом на королевской дланi русле. Время военное, сами понимаете. Шаг влево, шаг вправо... дальше знаете, пугать не буду.

Он понял, аудиенция закончена, поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше величество...

— Сэр Карл-Антон, — сказал я. Он удивленно приподнял бровь, я уточнил: — После победы будем раздавать пряники. Алхимикам пока только морковки. Пора повышать значимость алхимии! Она должна работать везде, как в оборонной промышленности, так и в народном, что значит моем, хозяйстве.

Он произнес с поклоном:

— Понимаю, ваше величество. Спасибо.

— И нечего так смотреть, — укорил я. — Пряник дать не могу, лорды обидятся, а я должен учитывать мнение простого народа. Так что им пряник, вам — морковку. Но со временем привыкнут, что и алхимикам можно пряники. Пирожные потом сами возьмете.

Он отступил к порогу, поклонился, на лице понимание.

— Ваше величество...

— Сэр Карл-Антон, — ответил я.

Даже не проводил его взглядом, в черепе стучит злая мысль: что это за такое высшее развитие разума, если вот так хватают людей и загоняют в трюмы?.. Ладно, пусть не считают людей людьми, но мы же считаемся с мнением даже коров и овец? Да, режем на мясо, так как без него пока не можем, но и то стараемся делать без страданий, коровы даже не видят, что их убивает...

Должны же эти звездные пришельцы понимать, что если мы хоть немножко разумны, то уже у нас есть права?

Или этого недостаточно?

Полог отлетел в сторону, Бодеррия шагнула в шатер свежая, умытая, с весело блестящими глазами, волосы собраны роскошным пучком чуть в сторону и умело перехвачены ярко-красной лентой.

— Еще не спиши? — спросила в изумлении. — А я собиралась одеяло стаскивать!

— Все-все, — заверил я. — С любыми делами покончено!.. Да пусть весь мир рушится...

— Ладно-ладно, — прервала она, — мне такое рассказывать не нужно.

Она сбросила панцирную одежду и скользнула ко мне под одеяло. Я сказал с довольным вздохом:

— Все правильно, что нам теперь репутация, когда мир гибнет?

Она фыркнула, даже приподнялась на локте, чтобы посмотреть на меня свысока.

— А я свою репутацию не роняю!

— Но, — пробормотал я озадаченно, — а как же...

Она приподнялась еще выше, всмотрелась в мое лицо смеющимися глазами.

— Сэр Ричард, вы что-то путаете!

— Что я путаю?

— Не собираюсь, — отрезала она тем же тоном, — с вами спать! Мои люди увидят, что я заходила к вам потешить свою женскую натуру, а потом ушла спать к себе!

— А-а-а, — протянул я, — жаль... Так хотелось подгрести тебя, как щенка, прижать к своему теплому пузу и заснуть счастливо...

— Мечтайте, — сказала она мстительно, — мечтайте, ваше величество!

Глава 15

Я надеялся, что забудет о своем намерении, но она, еще жаркая и раскрасневшаяся, высвободилась из моих рук, вскочила, оглянулась в поисках одежды.

— Ты куда ее спрятал?

— Жаль, — признался я, — не догадался. А то бы пришлось тебе...

Она засмеялась.

— Ты только что говорил, что с моей фигурой можно ходить и голой!

— Можно, — ответил я. — Она совершенна. Но ты струсишь.

— Это не трусость, — возразила она с достоинством, — а соблюдение норм.

— Ого, — сказал я, — взрослеешь.

— Что делать, — ответила она, — я больше не телохранитель Алонсии, а командир ударного отряда. Должен понимать, сам чем-то руководишь. Хотя да... иногда очень хочется. Часто снится, как я, обнаженная, разгуливаю по городу. Иногда жутко стыдно, но другой раз так нравится, что просто не знаю!

— Наступит счастливое время, — пообещал я, — когда это будет возможно.

Она засмеялась еще веселее, ее фигуре позавидует Артемида, быстро оделась, широкие кожаные перевязи отыскались под брошенным сверху камзолом, вбросила мечи в ножны за спиной.

— Хороших снов, — пожелала она таким победным голосом, словно я только что потерпел сокрушительное поражение. — Пусть и тебе приснится... что-нибудь приятное!

— Ты мое приятное, — пробормотал я. — Останься.

Полог за нею опустился бесшумно, я успел увидеть в ночном небе темный треугольник с двумя тусклыми звездами, а ниже нежно розовеющую полоску рассвета.

Останься, договорил я, но мозг, никогда не отыхающий, продолжает подбрасывать гипотезы одну за другой, по большей части совершенно дикие, но сейчас упорно тычет мне насчет озарений.

Дескать, можно идти по пути научного метода, это когда песчинка на песчинку, и так выстраивается громадное знание, а можно по пути озарений... Вот так

Демокрит твердил в древней Элладе, что мир из атомов, и все многообразие, которое видим, всего лишь эти штуки в различных фигурах. Переставь — из камня получишь живую рыбину. Или цветок. Или слиток золота.

Возможно, эти пришельцы жили там среди темных и тихих болот сотни тысяч лет, а то и миллионы, а потом так вот, как идея насчет атомов, так и пришло озарение насчет создания этой летающей крепости... Не исключено, что предельно проста в управлении, понять могут даже древние греки.

Я хлопнул себя по лбу, на этот раз никакого медного звона, уже как в дерево, а это значит, метаморфоза из воина в политика почти завершилась.

А что, если произошло еще более невероятное... хотя в нашей вселенной невероятного вообще не существует, есть просто меньшая и большая вероятность. В общем, а что, если сам Маркус... вовсе не создание рук этих существ, что выглядят как-то странно, а... ну, нечто вроде космической коровы? Дикой, конечно. Зародилась в глубинах пространства и жила миллионы лет, передвигаясь неспешно от звезды к звезде и пожирая определенного типа излучение. А когда оно прекращалось и звезда начинала готовиться к переходу в сверхновую, так же неспешно отправлялась к другой звезде, как черное облако Хойла, питаясь их энергией?..

А эти хищные твари просто приручили. Как мы приручаем не только коров, но даже верблюдов.

Это раньше полагали, что космос — пустота, но теперь знаем, там темной материи столько, яблоку негде упасть, а темная энергия так и бушует, создавая новые миры и вселенные, плюс все это пронизывается уже известными нам гамма-, бета- и так до сигма-лучей, а кроме того, еще и стремительные нейтрино, тяжеловесные протоны и всякие там нейтроны...

Это на планетах жизнь может зарождаться сравнительно одного типа, а в бескрайнем космосе ничего не стоит возникнуть вообще невообразимому...

Нет, Маркус путешествовал от звезды до звезды, пока эти твари не забрались в него и не научились управлять... Хотя это может быть не управление, а симбиоз?

Ладно, что-то меня занесло в полную хрень. Тот, кто зародился в космосе, на планету не опустится. Его раздавит собственная тяжесть, вон даже крохотных китов плющит...

Значит, либо эти твари нашли реликт древней цивилизации... ах, как греет это слово «нашли»!.. Все мы, вообще-то, грабители, только одни интеллигентно называют себя археологами, другие же революционерами и демократами, либо этих тварей все-таки посетило озарение...

За стенкой шатра далекие приглушенные голоса, треск горящих сучьев в костре. Лагерь на ночь не засыпает, да и мне вроде бы не к лицу, тем более на полотняной стенке уже проступает едва заметная розовая полоска, что значит, восток розовеет, солнце встает, вот-вот птички противно зачирикают по всему лесу.

Едва поднялся, за стенкой сразу же зашевелились, в шатер заглянул слуга.

— Ваше величество?

— Зови, — велел я. — Король изволили проснуться и желают видеть лордов, дабы.

Быстро одевшись, я плюхнулся за стол, продолжая развивать диковинную мысль насчет озарения, как альтернативу логическому мышлению. Ведь шли же у нас, у людей, сперва по этому пути много тысячелетий? Пока в монастырях не выстроили абсолютно иную систему, названную позже научным мышлением?

Военачальники и знатные рыцари заходили степенно, кланялись и по взмаху моей ладони чинно усаживались за стол на длинной лавке.

— Что удалось выяснить, — сказал я, — за вторые сутки?.. Пришельцы снова вышли только ночью. Как мы, собственно, уже и ждали. Быстро учимся! Это к тому, что мы молодцы. А это значит, победим.

— Ловчие ямы не сработали, — напомнил Альбрехт сухо.

— Эти твари очень чуткие, — пояснил я. — Видимо, тот запах, что оставили наши рабочие, их насторожил. Возможно, пользуются запаховым зрением, а по нему можно восстановить, кто копал и как копал, а потом делал недостаточно бережно настил...

Лорд Робер сказал нерешительно:

— Может быть, выкопать у самой крепости?.. Чтоб не успели даже опомниться. Только распахнут ворота и сделают шаг... как ра-а-аз — и в яме!

— А ворота видны? — осведомился я.

— Нет, ваше величество, — сказал он, — но я запомнил, откуда выходят. На всякий случай можно сделать несколько ям подряд направо и несколько налево!

Я ответил с сомнением:

— Можно попробовать. Хотя не уверен...

— Ваше величество?

Я сказал тяжело:

— Как уже сказал, эти твари очень чуткие. Потому соблюдайте осторожность. И вообще, вдруг увидят даже из своей крепости?

Сэр Кенговейн хмыкнул весело.

— Сквозь стену?

— Сквозь стену, — подтвердил я. — Разве у нас нет таких, что зрят даже сквозь стены из камня?.. Обязательно найдется хоть один умелец. Не важно, с амулетом или без. Но все равно, как я сказал, рискнем. Прижатый к стене заяц становится львом!.

Он посмотрел с сомнением, как это заяц становится львом, я и сам не понимал, что именно сморозил,

но звучит красиво, если не вдумываться, а кто из нас вдумывается?

Я в свою очередь посмотрел на лорда с подозрением, не интеллигент ли, чего это к словам придирается, нужно слышать музыку слов и топот революции, а не смыслы искать там, где нужно ржать и бить копытами в нетерпеливом ожидании яростной схватки.

— Ваше величество, — произнес он, — с вашего по-зволения, я все-таки поставлю ловчие ямы по дороге к беженцам из села Темные Лягушки.

— Почему их?

— Плохо спрятались, — объяснил он. — Их найдут сегодня же ночью. Там не лес, а роща.

Я нахмурился, развел руками.

— Что ж, хоть так послужат. Действуйте!.. Только ямы маскируйте лучше.

Он поклонился, не стал дожидаться конца брифинга, вышел, подчеркивая каждым движением деловитость и собранность.

— Следите за лагерем, — велел я. — Кто-то может запаниковать, кто-то удариться в загул, мол, все потеряно, кто-то бросит оружие и уйдет в молитвы... Люди должны быть готовы выступить с оружием в любой момент на защиту своей великой родины! Я имею в виду сад, который создал Господь и вручил нам. Теперь вся земля — этот сад, пусть пока что неухоженный.

Еще понаставлял и отпустил, хотя ничего ценного и нового не сказал, но важно уже то, что король бодр, присутствие духа не теряет, полон веры в победу.

Для простого народа это очень важно. Король не просто король, а некое олицетворение. Какой король, такова и держава.

Часть вторая

Глава 1

Не только отец Дитрих и его священники, почти каждый испуганно крестится, поворачивая голову на восток. Как мы здесь на болоте среди леса, так и все жители городов и деревень, откуда виден купол Багровой Звезды, вздрагивают, крестятся, кто-то плюет через плечо, кто-то шепчет молитву, но каждый мрачнеет, уходит в себя, горбится, опускает голову.

Маркус возвышается над миром, как Эверест из металла возвышался бы среди бесконечной степи. Багровый купол, хотя это вряд ли купол, больше похож на часть литой сферы. Будто у раскаленной докрасна карликовой звезды срезали верхушку, и вот теперь она здесь, переместившись непонятно как, удерживаясь на поверхности земли непонятно чем, вряд ли такая масса не продавила бы почву на несколько десятков ярдов.

От далекого костра приятно и волнующе пахнуло, желудок радостно квакнул и возбужденно задвигался. Я потянул ноздрями, ну да, про еду как-то забыл, но не все во мне идет по моей воле, пусть я не просто король, а монарх, а по Альбрехту уже почти император, что начинает казаться и мне правильной идеей, хотя, конечно, я же демократ и все такое.

Воины оглянулись, заслышав мои шаги, поспешино раздвинулись.

— Ваше величество!.. У нас такой молодой олень, мясо просто тает...

— Я и старого съем, — ответил я. — Даже со шкурой.

На вертеле подрумянивается довольно крупная туши, запах одуряющий, капли прозрачного жира ссыпаются с блестящих боков и падают на багровые угли, оттуда выстреливают сизые дымки.

Мне подали прут с нанизанным ломтем красного мяса с уже твердеющей корочкой, я поблагодарил кивком, чем несказанно удивил.

Зубы вонзились в сочную плоть с такой жадностью, словно не ел трое суток, все-таки холодное мясо, даже самое изысканное, не совсем то, а горячим блюдам, что создаю, недостает вот этой первобытной простоты и грубости.

Подошли и остановились в сторонке лорды. Я взмахом руки подозвал Альбрехта, Норберта и барона Келляве.

— Мяса не дам, — сказал я, — а то все тут сожрете на халюву, а вот допрос устрою. К примеру, почему пришельцы дерутся голыми руками?

Барон Келляве сказал резонно:

— Потому что и так сильнее, а показать себя хочется!.. Это же надо: уклониться от копья и удара меча, сдернуть всадника с седла и так ударить о землю, что из того дух вон!

Я взглянул на Альбрехта.

— Ваше мнение, лорд-канцлер?

Альбрехт зябко передернул плечами.

— Если бы только.

— А что еще? — спросил я.

— Как я понял, — ответил он хмурым голосом, — одна тварь ударила одного рыцаря просто рукой...

и стальной панцирь смялся, будто из мешковины!.. Несчастный умер в одно мгновение. Даже в один миг. Это демоны, сэр Ричард!

Я подумал, повернул так и эдак, главное же не то, как оно на самом деле, а как подать народу, перекрестился и сказал торжественным голосом:

— Вы правы, сэр Альбрехт. Это демоны, звездные демоны. Они прибыли издалека... но здесь земля наша. Мы будем драться до последней капли крови! Это наш мир... Чем так пахнет от того костра?

Альбрехт сдвинул плечами, Норберт сказал нехотя:

— Это мои завалили медведя. Только что начали жарить... У вас хороший нюх, ваше величество.

— Только на пожрать, — сообщил я, — а должен тренировать нюх на победу. Приятный запах. Неожиданный.

Он оглянулся, вытянул шею.

— Почуяли?.. Мастера, никому не говорят, какие травы добавляют.

— После завтрака, — сказал я, — выступим и попытаемся посмотреть, как и где попытаемся захватить языка. В смысле, пленного. Чтобы развязать ему язык.

— Допросить? — переспросил он несколько ошарашенно. — Сделаем, ваше величество! В лепешку разобьемся, но сделаем.

— Только не в коровью, — предупредил я. — Дорогой барон, вам особое задание! Вы доблестно охраняли холм от противников, которым несть числа, так что знаете всех защитников, как облупленных. Выберете лучших стрелков...

— Арбалетчиков?

— Нет, с ними уже пробовали. Лучников. Эти могут ударить издали навесным огнем. Проверим еще и этот вариант.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Если в рукопашной, — пояснил я, — врага не одолеть, надо пробовать дистанционно... Дорогой лорд Робер, если скажете, что это не по-рыцарски, я вас тут же зарублю!

Лорд Робер, что со своими рыцарями стоит в сторонке и прислушивается к разговору, ответил со вздохом:

— С такими противниками, боюсь, не до соблюдения всех правил войны.

— И вообще правил, — сказал я трезво. — Мы должны держаться только одного правила — победить!

Рыцари посмотрели искоса, но промолчали насчет того, что лучше быть убитым, чем победить бесчестно, знаю, слыхал, тоже считаю, что есть границы, через которые переступать никак, это касается женщин и детей, но в остальном трактую правила значительно шире и пока еще безуспешно требую этого от остальных.

Я оглядел всех и сказал зло, повышая голос:

— Помните, у них очень развито чутье! Даже мы, не такие чувствительные, и то иной раз чувствуем, что против нас затеяли... Но у нас это обычно сопровождается злыми взглядами, зубовым скрежетом, стиснутыми кулаками... чужаки же чувствуют намного лучше. То ли по запаху...

Альбрехт сказал с неуверенностью в голосе:

— Можно заходить с подветренной стороны? Если это так просто...

— Попробовать стоит, — сказал я, — но если получится, то это чудо, а чудес Господь не допускает! Другое дело, чуют наше настроение, даже не видя нас и не слыша? Представьте себе запах не только от потных ног, но и от мыслей... Мы его не слышим, а кто-то слышит!

Альбрехт пробормотал:

— У сэра Рокгальера такие грязные мысли, даже я чую.

Сэр Рокгаллер посмотрел на него волком, а сэр Келляве деловито поинтересовался:

— Ваше величество, запах мыслей чувствительнее?

— К сожалению, — согласился я. — Не зря же они чуют нас за сотни ярдов!

Вдали показалась Боудеррия, с нею виконт Волсингейн, который уже граф, а также Маркус Вольфшир, слушают ее с почтением, а она говорит хоть и спокойно, но я ощущил, что выговаривает за какие-то провинности или упущения.

Увидев мое величество на kortochках у костра, остановилась, оба младших командира торопливо ушли, а она, поколебавшись, пошла в мою сторону.

Я поднялся, взял ее за локоть, она заметно напряглась, но я почти силой отвел ее в сторону.

Она сказала с неловкостью:

— Ваше величество, я со всем почтением.

Я прервал:

— Боудеррия, мы с тобой друзья с тех времен, когда... в общем, когда небо упало. Даже рухнуло, как сейчас помню. Я потом дня два синяки рассматривал.

— Ваше величество, — запротестовала она, — только без подробностей! Мало ли как мы поздоровались!

— Мне понравилось, — сказал я. — Твоя интуиция опережает время, Боудеррия. Когда-то именно так и будут знакомиться... Ты, можно сказать, весточка из будущего. Наверное, и не визжишь при виде мышки?

Она спросила с недоумением:

— А чего визжать? Они такие милые. Ваше величество...

— Для тебя, — прервал я, — и немногих друзей никакое не величество, а все тот же сэр Ричард. Или даже просто Ричард. Ты явилась потому, что все Зачарованные Места зачистила?

Она улыбнулась при напоминании о том безумном походе, но тут же посерезнела и произнесла почти строго:

— Их за сто лет не зачистить, однако... здесь, как я понимаю, решается, быть или не быть всему? В том числе и Зачарованным Местам?

— Знаешь, Боудеррия, — произнес я, — хоть это и непедагогично говорить, но я в самом деле рад, что ты здесь, хоть ты и явилась без зова, а даже, можно сказать, вопреки.

— Почему?

— Почему рад?

— Почему нельзя мне такое сказать!

— Нос задерешь, — сказал я обвиняюще. — Он у тебя хоть и орлиный, но все же с двумя дырочками.

Она поморщилась.

— Подумаешь... Я что, должна обезуметь от счастья?

— Ну да, — сказал я, — типа того.

— Не дождешься, — отрезала она. — Мои люди отдохнули, ваше величество, готовы в бой! Где нам встать? Учтите, ваше величество, у нас богатый опыт борьбы с чудовищами!..

Я всмотрелся в нее внимательно.

— Ты прибыла ради борьбы с Маркусом?

— Разумеется, — ответила она настороженно. —

А что?

— А после Маркуса? — поинтересовался я. — Что-то в твоих глазах...

Она поспешино провела ладонью по лицу, словно стирая нечто такое, что не хотела бы выказывать.

— Что? — переспросила она. — Там так и написано, что прибыла ради вас, сэр Ричард?

— Хотелось бы, — ответил я. — Но там что-то другое.

— Что? — спросила она с вызовом. — Ничего, кроме вашего личного обаяния.

— Флот, — произнес я с расстановкой. — Флот... Мне кажется, он тебя чем-то интересовал.

Она напряглась, посмотрела чуточку исподлобья.

— Не так, — произнесла подчеркнуто ровно и спокойно, — чтобы слишком. Просто вот почему-то захотелось постоять на палубе...

— На причале или в открытом море?

Она чуточку улыбнулась.

— Конечно, в море. Я его почти не помню!

— В следующий раз возьму, — пообещал я. — Поварихой. Или мальчиком на побегушках. Юнгой.

От нее пахнуло чистой светлой и свирепой радостью, даже ликованием, но спохватилась, нельзя мужчинам такое показывать, тут же обнаглеют, с усилием нахмурилась и оглядела меня с некоторой надменностью.

— Ваше величество, на кораблях командуют капитаны! А короли всего лишь пассажиры.

— Я капитан из капитанов, — произнес я скромно. — Капитан-генералиссимус! В прошлый раз изволил милостиво от личных щедрот командовать эскадрой из трех кораблей, а в этот раз под моих орлиным крылом будет хотя бы с полсотни гигантов! А то и сотня, там решу.

Она оглядела меня с недоверием.

— Ваше величество, кораблем нужно уметь...

— Командовать? Командовать я люблю!

— Командовать вы любите, — согласилась она. — А как насчет уметь?

— Не дворянское дело уметь, — возразил я. — А извозчики на что?.. Я ставлю стратегические задачи!.. Но сейчас, Буудеррия, тебя не возьму, уж прости.

Она гордо выпрямилась, глаза сверкнули гневом, но сдержалась, только спросила придушенно:

— Можно поинтересоваться...

— Можно, — ответил я. — Интересуйся.

Она спросила почти злобно:

— Почему?

Я оглядел ее с сомнением.

— Знаешь, лучше я приберегу тебя для последней битвы.

— А что сейчас?

— Разведка боем, — ответил я хмуро. — С большими потерями.

— И как это будет... долго?

Я поморщился.

— Спешим так, что друг другу ноги оттаптываем.

Нужно успеть увидеть их слабые стороны.

— А если их нет?

— Тогда какие именно сильные стороны использовать против них же, — сказал я.

Она бросила на меня быстрый взгляд и тут же посмотрела в сторону.

— У вас получится, ваше величество.

— Если бы только время не поджимало, — сказал я с тоской. — Я вообще-то неторопливец, есть такое животное, по деревьям лазает. Наблюдение за их краблем установлено, но кто знает, сколько собираются набрать народу? Может быть, пару сотен, а может, и десятки тысяч.

— Предпочли бы, — спросила она, — десятки тысяч?

Я сказал откровенно:

— Еще лучше миллион!..

— Зачем? В неволю?

— Здесь мир будет уничтожен, — напомнил я. — Но чем дольше они будут находиться здесь, тем больше у нас шансов.

Она посмотрела на меня гордо, но я ощущил, что горда за себя потому, что рядом со мной, будем сражаться за человечество рядом, либо победим, либо умрем, все равно все с честью.

— Мы не можем не победить, — произнесла она с убеждением. — Иначе зачем тогда жили? Зачем преодолевали?.. Зачем вообще это все?

Донесся хлюпающий стук копыт, из-за деревьев выметнулся на взмыленном коне молодой парень в легких доспехах из кожи, прокричал с ходу:

— Ваше величество, разведчики докладывают, в окрестностях ни одного чужака! Все до единого в их летающей крепости!

— Прекрасно, — ответил я, — продолжайте. Наблюдайте, имею в виду. Боудеррия...

Она сказала быстро:

— Я только ради этого и спешила!.. Ну как я могу? Это же последний бой!

Я посмотрел на нее с сомнением.

— Бой еще будет. Сейчас только пристрелка. Но, Боудеррия... мои приказы выполнять не задумываясь. Даже самые глупые и дикие.

— Клянусь, — ответила она, не задумываясь. — Сэр Ричард, у вас голова набита колотым льдом, вы ничего не делаете сгоряча! Потому да, я выполню все. У вас не будет слишком уж дикого... ладно, дикое будет, но не глупое.

— Хорошо, — сказал я, — собирайся. Выедем через пять минут. Ты, конечно, не успеешь.

— Успею, — отрезала она. — А вы хотите, чтобы я поехала голой?

Я широко заулыбался, она свистнула, примчался ее конь, я смотрел, как принялась потуже затягивать подпруги, а из барака вышли и пошли в нашу сторону очень деловые Альбрехт и Норберт.

Оба заметили Боудеррию, переглянулись, в их глазах я увидел чисто мужской интерес, но весьма осторожный, это если и женщина, то тигрица, а мы все по-мужски предпочитаем иметь дело с овцами.

Альбрехт чему-то заулыбался, сказал громко и весело:

— А помните, сэр Ричард, как та леди, что оказалась не совсем леди, очень даже не совсем, обрадовалась вам?.. Говорит, что только вы могли укротить ее, как дикую кобылицу...

Боудеррия перестала тянуть ремень, прислушиваясь, даже дыхание вроде бы задержала, чтобы сопением не заглушить какое-то важное слово.

— Я так и не понял, — продолжал Альбрехт в безмятежном веселье, — что она имела в виду?..

Я зыркнул в сторону Боудеррии.

— Заткнитесь, граф. Лучше расскажите, сколько ловушек выкопано по дороге к селу Верхние Ласточки?

— Не знаю, — ответил он простодушно, — но никогда не забуду то утро, когда я пришел будить вас, а из-под одеяла поднялась леди Алисия, которая не леди, вся такая голая, простите, обнаженная, фигура точеная, сиськи во, а это место...

У Боудеррии даже уши вытянулись в нашу сторону.

— Знаете, граф, — сказал я зло, — мне кажется, когда-нибудь ваш труп все-таки смогут найти.

— Ой, — сказал он, — спасибо, ваше величество, и за это...

— Но я не уверен, — уточнил я, — что его смогут опознать. Более того, я почему-то очень уверен, что не смогут.

Он сказал счастливо:

— Спасибо, ваше величество! Я тоже верю, что буду сражаться так люто и буду стоять на ногах, пока меня не изрубят на мелкие кусочки!

Боудеррия неожиданно мягко улыбнулась моей почти детской попытке сохранить такое в тайне, хотя, понятно, мужчин-девственников не бывает.

— Ваше величество, — прокричала она задорно, — я готова!.. Ко всему!

Альбрехт и Норберт переглянулись, Альбрехт буркнул:

— Не вышло, ну и ладно. Мы с вами?

Я ответил надменно:

— А не будете лишними?

— Сматря куда отправитесь, — ответил уже Норберт очень серьезным голосом.

— Сейчас день, — отрезал я. — Чует мое спинномозговое сердце, что и сегодня те твари не выйдут днем. В этом какая-то тайна, но мы ее разгадаем! Вы можете начинать прямо сейчас. Когда вернемся с прогулки, доложите свои соображения. Веские и аргументированные.

Глава 2

Между дальними деревьями словно бы появилось еще одно, только шагающее: Тамплиер, сам как выросший на просторе дуб, громадный и широкий, даже двигается, растопыривая руки, как дерево ветви. Издали поймал меня взглядом и пошел, слегка нагибая голову и глядя исподлобья, будто готовится боднуть.

Я ощущил некоторое напряжение. Хорошо хоть Сигизмунд чем-то занят, вдвоем они слишком тяжкое испытание для моей гибкой совести, оба слишком правильные и праведные.

Тамплиер заговорил тяжелым бухающим голосом еще издали:

— Сэр Ричард, готовитесь выехать из лагеря?.. Мы с вами.

Он сказал так категорично, что я лишь пролепетал довольно глупо:

— Мы — это Тамплиер Первый?

— Нет, — ответил он и бросил взгляд через мое плечо, — с сэром Сигизмундом.

Я обернулся, Сигизмунд подходит с той стороны, чистый и светлый, сияющий, как в горном ручье серебряная рыбка.

— Да? — спросил он живо. — Как здорово! Наконец-то.

В замешательстве я только и нашелся сказать:

— Да, но... это всего лишь прогулка. Ничего серьезного мы не ожидаем. Днем чужаки почему-то еще не выходили.

— Но могут и выйти, — прогрохотал Тамплиер. — Сэр Сигизмунд?

— Да, — ответил Сигизмунд с готовностью. — Да, сэр Тамплиер!

Тамплиер сказал мощно:

— Мы с вами, сэр Ричард.

Боудеррия слушала молча, но морщилась всякий раз, когда Тамплиер обращался ко мне, как к сэру Ричарду, а не его величеству. Хотя, конечно, привилегию называть меня просто по имени я распространил достаточно широко, но у многих хватает благородства не пользоваться или пользоваться только в исключительных случаях.

Я пробормотал:

— Надеюсь, и леди Боудеррия не возражает.

Боудеррия дернулась, словно ей всадили острое шило сразу в обе ягодицы, вряд ли кто-то рисковал обзвывать ее леди.

— Не возражаю, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, — не возражаю, ваше величайшее величество.

— Наивеличайшее, — скромно уточнил я. — Тогда по коням? Правда, у сэра Сигизмунда кобыла...

Сигизмунд возразил горячо:

— Кобыла тоже конь! В каком-то смысле.

— Ну вот, — сказал я, — так мы договоримся до нелепости, что и женщина тоже человек... Поехали лучше.

Сигизмунд сказал обидчиво:

— А что такого? Женщины тоже могут быть людьми. Хотя и не все, конечно. Хотя Господь вдохнул душу только человеку, а женщину делал потом из его ребра, единственной кости, в которой нет мозга, но есть предположение, что какая-то часть души Адама как-то попала и женщине...

— Душа, — пояснил я, — это бактерии. Их вдохнул Господь Адаму, а тот их передавал дальше. Для того и существует заповедь насчет плодитесь и размножайтесь. Для передачи души!

Сигизмунд не дослушал, решил наверняка, что снова шучу, бегом ринулся седлать своего коня. Тамплиер вызвал мощным окриком свое чудовище, похожее на могучего носорога в стальной броне, и вставил ногу в стремя.

Бобик помчался вперед, на Боудеррию поглядывал ревниво, но она трижды красиво свешивалась с коня на скаку, ловко подхватывала бревнышко, чего он никак не ожидал, и бросала ему довольно далеко.

Он сперва простил ее за то, что отвлекает часть моего внимания от его драгоценной особы, только он должен пользоваться моим вниманием, а потом и вообще милостиво и по доброте безмерной принял ее в наш отряд.

Впереди между деревьями наметился просвет, хотя какой просвет, прямо за могучими стволами вздымается багровая стена блестящего металла!

Я похолодел, сердце остановилось, не сразу понял, что это оптическая иллюзия. Маркус настолько огромен, что из леса показалось, будто он уже подступил прямо к линии деревьев.

Но выехали почти без опаски, хотя, конечно, я держался к Боудеррии поближе. Надеюсь, поняла по-человечески, а не по-женски. Тамплиер и Сигизмунд пустили коней сразу за нами, отрезав от лордов, что поспешили составить нам свиту.

Солнце от края леса нещадно ударило золотыми стрелами прямо в зрачки. За моими паладинами, держась на приличном расстоянии, показались между деревьями в празднично яркой одежде, даже болото не стерло краски, граф Гуммельсберг, бароны Дарабос и Келляве, за Альбрехтом держится доблестный сэр Бриан Кенговейн, он смотрит больше на Альбрехта, своего лорда, чем на меня, ибо вассал моего вассала не мой вассал.

Я щурил глаза и поворачивал так и эдак идею, что на планете пришельцев кроме болота может присутствовать и такая непривычная для нас особенность, как вечная ночь.

Хотя это для нас показалась бы ночью, а для них ясный и даже яркий день... Потому здесь солнечный свет для них просто невыносим. Он не только прожигает тонкую пленку век, даже нам трудно смотреть на солнце и с закрытыми глазами, а им так и вовсе это тоже самое, что тыкать в глаза факелом.

Сердце радостно застучало, хотя подсознательно и так понимал, что да, они страшатся яркого солнца, но отмечал эту глупую мысль, дескать, если от шума могут защититься затычками в уши, то и от яркого света можно одеть темные или очень темные очки.

Боудеррия начала поглядывать на меня с удивлением.

- Ваше величество?
- Да, — ответил я рассеянно.
- У вас такое лицо... Кто-то дал большой пряник?
- Сам взял, — заверил я.

— Это в вашем характере, — заметила она. — Что же такого отыскали?

— Мысль, — ответил я. — Мысль!.. Я вообще мыслитель. Не понимаю, почему считают рубакой. Даже оскорбительно как-то. Ричард Мыслитель — это звучит!.. Я, бывает, такого намыслю, куда там Авгию! Армия гераклов не разгребет. Но кому нужны мыслители?..

— Никому, — согласилась она. — Да и какой из вас мыслитель, ваше величество?..

Я насторожился.

— А что не так?

— С такими мускулами? — спросила она. — Не смешите.

Блещущая холодной сталью стена постепенно приближалась, закрывая мир, а мы болтаем вроде бы беспечно, но я чувствовал напряжение в ее голосе и замечал постоянную готовность как к стремительной схватке, так и к бешеной скачке.

Сердце стукнуло чаще, кровь бросилась в голову. Будь Маркус из сена, он бы ушел в землю под своей тяжестью на несколько ярдов, но вон его край, несколько крупных валунов, вдавлены только до половины, словно Маркус подвешен на некой гравитационной цепи или же как-то закреплен в данной точке пространства.

Я соскочил на землю, Боудеррия смотрела с великим интересом, как я распластался на земле и пытался заглянуть под край стальной плиты.

— Что там? — спросила она. — Мыши?

— Подкоп ничего не даст, — ответил я. — Маркус не провалится. Даже если всю землю под ним убрать.

Она спросила скептически:

— И что будет?.. Эта крепость из стали зависнет в воздухе?

— В пространстве, — уточнил я. — Кто знает, может быть, в него можно вбивать гвозди и вешать на них топоры?.. Я имею в виду пространство.

Она засмеялась шутке.

— Было бы здорово!

Я оглянулся, лорды держатся в сторонке, оживленно спорят, но сэра Нортона среди них уже нет.

Я снова поднялся в седло, Бобик перестал валяться в траве и вскочил с горящими восторгом глазами: куда помчимся и поскакем?

— Бобик, — произнесла Боудеррия подчеркнуто строго и значительно, — не мешай. Его величество мыслит. О судьбах мира.

Я подумал, что шутки шутками, но сейчас все только и делаем, что мыслим о судьбе мира. Ему осталось всего несколько дней, если не часов, так что эти мысли сейчас в голове каждого, от королей до крестьян.

Лорды едут позади, доносятся сдержанные голоса, переговариваются негромко, чтобы не отвлекать, Боудеррия тоже помалкивает, так обогнули половину Маркуса, вдали показался скачущий в нашу сторону во весь опор всадник.

За спиной на конском крупе еще кто-то, а когда приблизились, Норберт, это оказался он, толчком сбросил человека на землю, но тот живо извернулся и встал на ноги.

На меня взглянуло испуганное, измазанное грязью и зеленью травы лицо молодого парня. Он сорвал с головы шапку и низко поклонился.

Норберт сказал, не покидая седла:

— Он все расскажет. С вашего позволения, ваше величество, вернусь к своим. Там новости.

Я кивнул, повернулся в седле к крестьянину.

— Рассказывай, что случилось.

Он сказал торопливо:

— Мы прятались, как нам и было велено! В лесу, ваше величество, в лесу! Бабы, мужики, дети. Правда, баб и детей мы загнали в самую чашу, а сами все вы-сматривали с опушки, куда пойдут те, что прилетели, хотя как могут люди летать?..

— Это не люди, — бросил я. — Продолжай.

— Они появились неожиданно! Словно чуяли, где мы. Мы бросились бежать, но они, ваше величество, вы не поверите!.. Одних догоняли и разрывали на куски... голыми руками!.. а других швыряли в кучу, а потом погнали толпой по дороге... Несколько человек было покалечено, не смогли бежать, как те велели, и эти сволочи их добили!

— А как ты убежал?

Он всхлипнул, потер лицо рукавом.

— Навстречу на конях шли рыцари. Человек десять, а с ними около сотни тяжелых конников. Когда они увидели, что происходит, то опустили копья и пришпорили коней...

Он снова всхлипнул, я спросил, чувствуя недобroe:

— Погибли все?

Он судорожно кивнул.

— Да, если бы захотели уйти, не успели бы! Но они и не думали спасаться, даже когда передние рыцари погибли. Конники схватились за топоры, пришпорили коней... Ваше величество, вы не представляете, как те дерутся! Голыми руками хватали тех с коней и убивали моментально!.. А на самих ни царапины. Ну, если кого и ранили, то совсем легко... Я, правда, дальше не смотрел, мы все ринулись врассыпную. Я самый быстрый в деревне, успел добежать до леса, а там так долго мчался, что сам чуть не заблудился.

— А остальные?

Он повесил голову.

— Ваше величество... думаю, всех переловили снова. Эти твари двигаются так быстро, что даже сравнить не с чем!

Я стиснул челюсти. Примерно так и ожидал, ничего наши рыцари сделать с пришельцами не смогут, если вот так в лобовую, но все равно больно слышать, как гибнут сильные и благородные люди, пытаясь спасти других.

— Господь примет их души, — произнес я наконец. — Они погибли красиво и возвыщенно! Нет выше чести, чем отдать жизнь за других. А мы сейчас подумаем, как изгнать их с нашей священной земли...

Тамплиер и Сигизмунд молчали, им понятно все, Альбрехт рассматривал спасшегося с высоты седла с сочувствием.

— Иди вот туда, — сказал он неожиданно мягко, — покормят. Пройдешь между вон теми дубами, а дальше не сворачивая, пока не упрешься в огромное старое болово. Пройди на середину...

Келляве добавил:

— Расскажи всем, что ты спасся из лап противника. Он не настолько уж и всесилен.

Парень поглядел на него с сомнением, а кто тогда всесилен, но кивнул и побежал трусцой, внимательно всматриваясь в оттиски наших подков.

Боудеррия оглянулась, но не на парня, привычно смерила взглядом расстояние от этой стены деревьев до багровой горы. Даже на расстоянии кажется стеной, и только там, в недостижимой вышине, где вершину сейчас скрыли облака, стена едва заметно загибается, образуя купол.

— Ваше величество, — проговорила она сдержанно, — это... одолеть невозможно. А если возможно, то одному только человеку на свете.

— Спасибо, — ответил я. — Разумеется, ты имеешь в виду меня, такого замечательного?

— У вас голос дрожит, — уличила она. — И обликом побелели, ваше величество. Но говорите нагло, что хорошо...

— Да ну?

— Мы все испуганы, — призналась она, — и раздавлены такой мощью. Если и вы покажете слабость, то на кого нам вообще опираться? Ваше величество, крепкая опора нужна не только женщинам!

Я вздохнул.

— Знаю. Мне она тоже не помешала бы. Можно опереться на тебя?

Она покачала головой.

— Я не опора. А для вас опорой может быть только сам Господь Бог.

Арбогастр неспешным галопом пошел в сторону багровой стены, конь Бодеррии ревниво идет рядом.

Я с тоской всмотрелся в это звездное нечто, вокруг которого, просто чувствуя всеми фибрами, медленно сворачивается пространство, а время превращается в массу.

— Опора, — пробормотал я, — мне бы за что-то ухватиться, чтобы удержаться на этом свете. Правда, когда смотрю на твои сиськи...

Она сдержанно улыбнулась.

— Сэр Ричард, уместны ли такие речи?

— О сиськах? — переспросил я. — Они уместны везде. Это наша мужская опора, на которую обращаем взоры в любые трудности. Это наша надежда и вдохновение! Это наше, как говорят мудрецы, все. Господь был в ударе, когда их задумывал, творил и вылепливал. Этот гениальный замысел почти равен по величие с самим созданием человека!.. Даже на эшафоте можно крикнуть «Пейте пиво Ван Гуттена!», а мож-

но — «Самые лучшие сиськи у Боддерии!». Это наше, мужское.

— Нам, — передразнила она, — такое умное не понять. Там, если глаза не подводят, землю изрыли ямами?

— Уже не роют, — ответил я. — Была такая затея, но провалилась. Меня беспокоит, что выходят крохотными группами. Но если в первую ночь вышло полдюжины, то во вторую уже на два больше. Если сегодня их отряды станут еще крупнее...

— Ну-ну, — поторопила она.

— Значит, — сказал я, — наш мир для них просто ужасен. Чудовищен и вообще... неприемлем. Пока выпускают, как мне вот чудится и мерещится, самых... бесчувственных. Остальные готовятся, привыкают.

Она прошептала:

— Самый ужас наступит, когда выйдут все?

— Это и будет конец, — ответил я. — Потому нужно захватить пленного. Допросить.

Она заметно оживилась.

— Понятно. У вас есть план?

Я покачал головой.

— План будет, когда допросим пленного. А так пока нет... нет данных. В достаточном количестве для моего белого вещества серого мозга.

Я оглянулся, Тамплиер и Сигизмунд, суровые и молчаливые, двигаются на конях, как две металлические статуи, ни одного лишнего движения, не говоря уже о том, чтобы щебетать и переговариваться.

— Они разочарованы, — шепнула она. — Ведь мы возвращаемся?

— Да, — ответил я. — Но лучше было взять их сейчас, чем потом.

— Почему?

— Потому что будет бой, — объяснил я так же тихо. — И оба погибнут... Нет-нет, я стратег и не стану беречь даже близких, если их гибель даст отечеству больше, чем их жизнь. Но я хочу, чтобы оба участвовали в финальной битве! Там если и погибнут, так будет за что. Судьба всего мира... это есть за что, верно?

Она спросила серьезно:

— Что насчет меня?

Я ответил с неловкостью:

— В последней битве щадить не буду никого. В том числе и такую драгоценную драгоценность, как я сам. Прости, но судьба у людей... нелегкая. Мы сами ее выбрали, когда сорвали запретный плод, проявив своеование и независимость. Потому все сами, сами... А теперь возвращаемся!

Глава 3

На Тамплиера и Сигизмунда я старался не смотреть. У обоих вид, словно обманул, вывел на простую прогулку, а сам тайком езжу совершать подвиги.

Боудеррия сразу отправилась к своему отряду, я принял лордов и военачальников, решали десятки вопросов настолько мелочных, что даже не знаю, мир рушится, а люди забивают себе головы всякой чепухой и даже реникской.

Наконец наступил вечер, в лагере привычно начало затихать, зато оживились отряды, которые я называл ударными, назначенные участвовать в боях еще до серьезной войны.

Не дожидаясь сообщений разведки, начали медленно выдвигаться по болотным тропкам в лес, а оттуда в сторону опушки, откуда откроется вид на чудовищный Маркус.

Тропу за это время замостили срубленными деревьями, сверху заложили ветками, теперь можно по трое в ряд, дальше мелкие деревца, потом лес.

Умельцы вдоль тропы поставили свечи с обеих сторон и умело укрыли от ветра колпаками из промасленной бумаги. Для привыкших к слабому свету глаз вполне ничего.

За сотню ярдов до выхода из леса остановились на короткий отдых, хотя ждать долго не пришлось. Едва наступила ночь, темная и беспросветная, хоть глаза выколи, послышался стук копыт и конский храп.

На тропке показался конный разведчик, быстро отыскал меня взглядом, явно хорошо видит в темноте, прокричал, не покидая седла:

— Ваше величество, отряд чужаков вышел из их крепости!

— Где они сейчас? — спросил я.

— Направились к Штайнфурту!

— Снова? — спросил я. — Значит, не всех в прошлый раз... Сколько их?

Он крикнул с надрывом:

— Много! — крикнул он. — С полсотни!..

— Полсотня, — произнес я горько, — уже много.

А в корабле их наверняка тысячи. Хорошо, возвращайся.

— Какие указания?

— Сэр Норберт в курсе, — сказал я строго.

Он повернулся коня и умчался красиво и лихо, мои военачальники сгрудились за моей спиной в ожидании указаний.

Боудеррия сказала с пониманием:

— Всякому хочется услышать что-то от самого великого Ричарда. Я слышала, ваши слова обладают магической силой.

— Тыфу-тыфу, — сказал я сердито. — Кто-то хочет поссорить меня с церковью?

— Некоторые, — сказала она таинственно, — даже говорят, какой именно силой...

— Я бы этих некоторых сразу на виселицу, — сказал я мстительно.

— Магической, — уточнила она, — в хорошем смысле. Вы же паладин? Но, как король-паладин, обладаете большей силой, чем просто паладин.

— Тогда паладин-король, — сказал я. — Так скромнее.

Она посмотрела на молча слушающих военачальников, хитро улыбнулась.

— Но смысл тот же. Вы свое не уступите, ваше императорское величество.

— Я те дам императорское, — пригрозил я.

— Разговоры идут.

— Знаю, — отрезал я, — кто эти разговоры инсвиинирует. Лорды, действовать строго по приказам, которые я отдал и повторил трижды. Никакой самодеятельности, только строгое и неукоснительное! И никак иначе. Мы должны победить, а не красиво умереть. Если бы красиво умерли только вы, ладно, не жалко, но умрет и Земля, а это уже другой шелк. Боддеррия, а ты следуй за мной. Одна, твои люди пусть готовятся к грандиозной битве.

Она сказала счастливо, но с подчеркнутым смирением:

— Ваше величество! Любой ваш приказ!

Это прозвучало несколько двусмысленно, словно любой ваш каприз за ваши деньги, но, к счастью, мир еще чист, о демократии не слыхали, потому никто не улыбнулся, только посмотрели с завистью.

Я сказал нервно:

— У нас не больше часа на то, чтобы встретить их на обратном пути.

Она произнесла со значением:

— Раньше бы вы напали на них еще при выходе из этой летающей горы.

Я покачал головой.

— Не напал бы.

— Почему?

— Я герой, — ответил я, — мною хоть забор подпирай, но не дурак. Я должен сперва увидеть, с кем драться и какое оружие взять. А что людей захватят в плен и кого-то убьют по дороге...

Она спросила тихо:

— Да?

— Сами виноваты, — отрезал я. — Им было велено спрятаться! Они и прятались целый день, а ночью решили вернуться за вещами. Вот и попались. Ты осталась здесь?

Она свистнула, поджарый конь, весь из сухих мышц, уже оседланный, подбежал быстро и красиво, грациозно повернулся боком.

Боудеррия вставила ногу в стремя, мне показалась, что поднялась несколько поспешно, чтобы не дать подсадить, словно женщину, это же оскорбление, но мне совсем не до галантностей.

Я ехал медленно, давая Боудеррии время осторожно пробираться следом, и когда до выхода из леса осталось меньше сотни ярдов, из-за деревьев послышался голос:

— Ваше величество?.. Мы оставлены сообщить вам, что все отправились занимать указанные вами позиции.

— Хорошо, — ответил я, — все-таки понимают, что я все равно поеду следом... Боудеррия?

— Я здесь, ваше величество!

— Не отставай, — велел я, — и держись рядом. Только рядом!

— Это вы мне или своему Бобику?

Я буркнул:

— Не ревнуй, я его люблю, он меня тоже любит.

И мы друг о друге заботимся.

Она проговорила со странной ноткой:

— Мы оба будем рядом. Надеюсь, не подеремся.

Ночь еще темнее вчерашней, на небе кое-где застыли, заснув до утра, облака, небо стало совсем черным.

Боудеррия сказала за спиной чуточку нервно:

— Если бы еще и полнолуние...

— Я и на четверть согласен, — ответил я. — Эти гады выбрали именно новолуние! Самое начало. А если это не совпадение?

Ее конь поравнялся с моим арбогастром, она зябко передернула плечами.

— У меня есть амулет. В темноте вижу, хоть и плохо. Как-то искаженно. А как они?

— Может быть, — ответил я, — для них как раз ночь и есть день.

— А день?

— Это как нам солнце прямо в глаза, — сказал я. — Правда, это только мое гениальное до глупости предположение.

— Почему же не выходят днем?

— Может быть, — сказал я, — не выносят солнечную радиацию? Это такое ритуальное, понимаешь?.. Религиозный запрет. Как, к примеру, запрет есть лягушек, но у вас на островах их едят, да еще и хвалят.

— У нас не едят лягушек, — возразила она. — А это ничего, что мы тут одни, а твои люди действуют отдельно?

— У них свои задачи, — отрезал я, — у меня своя.

Она сказала саркастически:

— Конечно же, себе выбрал самое сладкое?

— Разве я не король? — спросил я.

— Я пригожусь? — поинтересовалась она. — Как?

— Тут твои умения не помогут, — сказал я. — Даже мои, извини за нескромность, я ведь такой одаренный, такой одаренный, что просто уже и не лезет... Что-то иное бы...

— Магия?

Я покачал головой.

— К сожалению, у них защита от магии. Так считает Карл-Антон, хотя мне кажется, это не защита, а... нечувствительность.

— Это... как?

Я ответил нехотя:

— Есть люди с музыкальным слухом, а есть те, кому медведь на ухо наступил, а потом еще и по морде по-топтался... Чувствительных музыка заставляет плакать или смеяться, а нечувствительные слышат только звон тетивы да хрюканье труб. Так и с магией. Ну тупые они, тупые!

Она посмотрела на меня несколько странно, но сдержалась, хотя вижу, хотела ядовито напомнить и о моей странной нечувствительности к магии.

— И в чем ваш план?

— Какой план? — переспросил я с тоской. — Как дурак, смотрю на них и не знаю, с какого конца! Сам еще могу напасть на одного... нет-нет, не со сверкающим мечом в руках и горящим доблестью взором на лице... я не настолько хорош, признаюсь без всякого стыда... но могу попробовать стрелами. Есть у меня еще молот...

— А твой конь унесет от неприятностей, — добавила она.

— Вот-вот, — согласился я. — Если, конечно, тоже не шарахнут чем-то дистанционным. Тогда и конь... что конь? Как и Бобик. Но в любом случае я один не смогу остановить все это!.. Их слишком много, а этот

корабль, что больше городов Штайнфурта, Войсу и еще десятка таких же вместе взятых. Он может вместить даже не знаю сколько народу! И сколько со всех сторон выезжает каждую ночь ловчих отрядов!

Она сказала просто:

— Давайте проедем дальше.
— Зачем? — спросил я с подозрением.
— Посмотрим, — ответила она. — Я их еще не видела.

— Все, — сообщил я мрачно, — кто их видел, уже мертвы.

— А пленные?

— Твари как-то чувствуют их страх, — объяснил я. — И видят позы чемоданчика... ну, так называют позы подчинения.

Она поинтересовалась в недоумении:

— Это какие?
— Опущенные головы, — сказал я, — согнутые спины, боязливые взгляды... сама знаешь. А тех, кто вышел сражаться, тоже видят сразу по их фигурам, по лицам. А двигаются они очень быстро.

— Быстрее меня?

Я посмотрел с иронией.

— Ладно, тебе это нужно увидеть. Со стороны. А то все: брешешь, брешешь...

— Я так не говорила!

— Глаза говорили, — уличил я. — Я вас всех насквозь зрю недремлющим. Знаешь, сейчас беспокоит, что все еще выходят крохотными группами. Сегодня, как ты слышала, вышло полсотни...

— Ну-ну, — поторопила она.

— Значит, — сказал я, — наш мир для них просто ужасен. Чудовищен и вообще... неприемлем. Пока выпускают, как мне вот чудится и мерещится, самых... крепких, сильных, закаленных. Остальные готовятся, привыкают.

Она прошептала:

— Самый ужас наступит, когда выйдут все?

— Это и будет конец, — ответил я обреченно. — Поэтому пленный даже не знаю как! В смысле, нужен.

Она заметно оживилась.

— Понятно. У вас есть план?

Я покачал головой.

— План будет, когда допросим схваченного. А так пока нет... не весьма достаточно данных.

Глава 4

Подул легкий ночной ветерок, темные облачка сдвинулись, открывая новые звезды. Или это облака все еще на месте, застывшие до утра, а звездный купол медленно поворачивается, и звезды то скрываются за облаками, то выплывают наружу.

Я оглянулся, за деревьями мелькнул красный огонек, а когда я сдвинулся в сторону, открылся вид на далекие хижины, освещенные багровым огнем костров.

Лес достаточно густой и настолько плотный, что я вчера, поколебавшись, разрешил жечь костры, а у моего шатра поставить факел у входа, так что сейчас в довершение к освещению еще и плотные запахи жареного мяса плавят во все стороны.

Я потянул носом, Альбрехт взглянул на меня, оглянулся на лагерь. Лицо стало встревоженным.

— Ваше величество?

— Ничего не чуете? — спросил я. — Что с вами, граф?

Он ответил несколько замедленно:

— Н-нет... А что надо?

— Аромат, — пояснил я, — аромат такой, хоть топор вешай.

Он понял, кивнул, сказал успокаивающим голосом:

— От Маркуса до леса две мили, а тут еще столько пробираться! Любые запахи рассеются.

— Надеюсь, — ответил я. — Хотя кто знает. Даже я мог бы, наверное, учуять... Ладно, эти твари просто не захотят искать нас в лесу.

Кони резво взяли от опушки по ровному, глаза привыкли, думаю, уже у всех. Через полчаса поднялись на пологий холм, Боудеррия приложила ладонь козырьком ко лбу, словно это поможет всматриваться через ночную темень, слабо пронизанную светом звезд.

Отсюда с холма видна белеющая на темной земле дорога, в двух сотнях ярдов от нас, там отряд сэра Виртвуда, вместе с сэром Кенговейном занял позиции.

Редкие кусты, с одной стороны, хороши, чтобы укрыть спрятавшихся, но в то же время можно стрелять через листву, не опасаясь, что мелкие веточки отклонят выпущенный с огромной силой стальной болт.

Я пустил коня к ним, арбогастр красиво пронес вдоль длинного ряда, Бобик забежал со спины и напрыгивал на арбалетчиков, валил в кусты, показывая, что от него не спрячешься.

Я смотрел придирчиво, кто как разместился, сэр Виртвуд следил за моим лицом преданными глазами.

— Ваше величество?

— Все так, — одобрил я. — Но не переговариваться, не двигаться, не сопеть!

— Да, ваше величество!

Я пояснил, смягчая резкий тон:

— У этих тварей очень хороший слух. Музыкальный даже...

— И нюх, — добавил сэр Виртвуд, тут же уточнил: — К счастью, ветер пока в нашу сторону.

Арбалетчики застыли в готовности, только один поспешно и с самым виноватым видом крутит ворот, натягивая стальную тетиву до предела.

Виртвуд шипел сквозь зубы, но и когда арбалетчик устроился и застыл, продолжал поглядывать на него злыми глазами.

Я оглядел всех быстро, шепнул Виртвуду, но так, чтобы ближайшие арбалетчики услышали и передали по цепочке:

— Никаких переговоров, геройства прочего!.. Как только подойдут на расстояние выстрела... не высовывайтесь, бейте в упор прямо через листву!

Он сказал с подозрением:

— Ох, ваше величество...

— Что?

— Вы будете где?

— У меня своя задача, — ответил я. — Смотреть из безопасного места.

Он покачал головой.

— Так я поверил. Задумали вы что-то нехорошее...

Я сказал сердито:

— Ничего подобного! Мой конь — огонь! Он успеет.

Потому постараюсь встретить их сзади. Ну, не встретить, так догнать. Стрелами. Вы бейте в лоб, а я попытаюсь захватить хоть одного!

Он охнулся.

— Ваше величество!

— У нас нет времени на долгие войны, — напомнил я несчастным голосом. — Хотя и хотелось бы. Я же весь воинственный, вы же видите.

Он сказал несчастным голосом:

— Да, но... Ваше величество, не рискуйте слишком!

— Мне можно, — ответил я. — С Богом, сэр Виртвуд! Выполните свою задачу. Она важна настолько, что при ее решении позволяю не считаться с потерями.

Он буркнул в неловкости:

— Ваше величество, не извиняйтесь.

— Я разве извиняюсь? — спросил я.

Он кивнул.

— Вы говорите так, словно виноваты и оправдываетесь. Но мы все равно погибнем, если не сделаем невозможное! Потому любые жертвы... сейчас не жертвы, а необходимость. Потому да, мы сделаем все, что сможем... и дальше больше. Мы постараемся помочь вам захватить в плен чужака, даже если всем нам придется сложить головы.

Говорил он красиво, с пафосом, выпячивая грудь и сверкая глазами, но очень искренне, и я вдруг ощутил острый холод в груди и почти физическую боль при мысли, что, скорее всего, больше его не увижу.

— Мне нужна ваша голова, — ответил я с усилием, — на ваших же плечах, а не на дороге... Главное, бейте первыми! Не нужно это древнерыцарское насчет уступить противнику первый удар.

Боудеррия некоторое время ехала следом молча, а когда я услышал ее голос, в нем была печаль:

— У тебя предчувствие, что он погибнет?

— А у тебя предчувствие, — спросил я, — что у меня предчувствие?.. Смотри, видишь, вот там угол леса?

Я указал на выступающий клин во главе с могучими дубами, что упорно отстаивает территорию леса от окружившей с трех сторон степи с ее озверевшей в борьбе за выживание травой.

— Да... что там?

— Они пройдут там.

Ее большие глаза округлились и стали еще крупнее.

— Это они тебе сообщили?

— Моя мудрость, — пояснил я скромно, как и положено паладину, — мой талант и мои замечательные природные и врожденные способности, усиленные вос-

питанием и обучением. Хотя короче это можно объяснить и прекогнией, хотя мне больше нравится предыдущий вариант.

Она не слушала мой бред, вглядывалась в плотную группу деревьев.

— Хочешь напасть оттуда?

— Люблю догадливых, — ответил я. — Особенно женщин. Которые понимают, что нам нужно.

Она смерила меня недобрым взглядом.

— Для этого не нужно быть особенно догадливыми.

Конь под нею поднялся на дыбки, красиво помесил воздух копытами и с места взял в карьер. Арбогастр покосился на меня, я кивнул снисходительно, пусть повыпендриваются, мы свою силу знаем, перед сопливыми выказывать даже неловко.

Бобик понесся впереди, подпрыгивая и оглядываясь в недоумении, почему не спешим догнать и обогнать, а как же иначе, вся жизнь — веселый бег и поиски подхоящего бревнышка.

Она оглянулась, лицо раскраснелось, в глазах задорный блеск. Я крикнул громко:

— Это еще не скоро!.. Сперва сюда.

Арбогастр чуть свернулся и взбежал на вершину ближайшего холма. Бобик пробежал было дальше, но мы остались, и он в недоумении вернулся.

Конь Буудеррии взлетел на холм как на крыльях, явно гордясь силой и скоростью. Я ей указал на видимый отсюда внизу за лесом город. Множество мелких огоньков бросают на стены каменных зданий недобрые багровые отблески, может почудиться, что народ начинает собираться на некий ночной карнавал.

— Видишь? — сказал я горько. — Ничто человека не учит. Даже собственный опыт.

Она прошептала горько:

— Они... погибнут?

— Кто знает, — ответил я, — что им уготовано. Может быть, что-то похуже гибели. Дураки...

Она смолчала, уже понятно, что первыми в плен попали, конечно, горожане. Часть успели выбежать из города, но остальные слишком долго собирали добро, без которого жить не могут, грузили подводы доверху, чинили ломающиеся оси и колеса, а кто-то и вовсе пытался пересидеть напасть, спрятавшись в подвале или погребе.

— А крестьяне?

— С этими не намного лучше, — ответил я зло. — Живут обычно в окружении леса, да и брать с собой почти нечего, потому быстро покинули деревни и забрались в самую чащу. Успели захватить не только жен и детей, но и кое-что из домашней скотины. По крайней мере, коз забрали всех, эти пройдут даже там, где не всякий человек проберется. Но если бы на этом и успокоились!

— Понятно, — сказала она. — Пока беды нет, начали возвращаться и грабить брошенные дома соседей?

— В яблочко, — сказал я. — К тому же решили, что опасно днем, а ночью как раз и можно пограбить всласть... Тихо! Смотри, тебе видно?

Я сам видел впервые, изо всех сил напрягая зрение, как действуют твари, отыскавшие спрятавшихся людей. Почему-то не ринулись в город, а свернули в прилепившееся к городским стенам село, где темно, тихо и кажется полностью вымершим.

Эти существа исчезли то ли в домах, то ли в салях, только одна темная фигурка стремительно носилась по единственной улице, сгоняя пойманых в кучу.

К ней присоединились еще двое пришельцев, а когда один человек, судя по движениям, совсем молодой и быстрый парень, попытался выбежать, один из чужаков молниеносно оказался рядом.

Я успел увидеть, как голова парня словно взорвалась изнутри. Вокруг нее вспыхнуло красное пламя, затем кровь пала на землю, а с нею и бездыханное тело.

Я не слышал крики и плач, расстояние глушит звуки, но почти чувствовал ужас людей, их отчаяние и смертельную безнадежность.

Толпа становилась все плотнее, наконец трое чужаков надвинулись, угрожающие выставив руки с растопыренными пальцами. Толпа в ужасе подалась в сторону околицы.

Я молча наблюдал, как темная масса выдавливается из села, на околице несколько тварей уже ждут, как волки, что остаются в засаде.

Захваченных гнали даже не как скот, тот все же бегут, а как существ, что должны пасть прямо на пороге их ужасающего купола. Не все могли выдержать долгий бег, а эти твари, похоже, не понимают, что люди не созданы для бега и когда кто-то останавливается в изнеможении, то это не попытка сопротивления...

Ладонь Боудеррии поднялась к плечу, пальцы протянулись к рукояти меча.

Я сказал резко:

— Даже не дышать!

Она отдернула руку, но в мою сторону не покосилась, я видел, как напряжены ее плечи, а ноги вот-вот пошлют коня в атаку. Потом донеся глубокий вздох, она опустила ладонь на бедро, но в мою сторону старалась не смотреть.

— Уже троих убили...

— Мы не можем всех спасти, — пояснил я трезво. — А гибнут потому, что ослушались!

— Прости, понимаю.

Я сказал примирительно:

— Нам тоже пора.

Она молча послала коня вперед, оглянулась. Бобик ринулся было вперед, но оглянулся виновато, помахал хвостом и вернулся к арбогастру, возле которого и пошел чинно, посматривая на меня опасливо. Я хороший, я послушный, не отсытай в лагерь!

Глава 5

Конь у Боудерии в самом деле хорош, как раз для тех операций, которыми руководила: жилистый, сухой, рожденный как для быстрых рывков, так и для долгого бега.

Я поглядывал обеспокоенно, она перехватывала мой взгляд и старалась выглядеть сильной и неустрашимой.

— Как только скажу, — предупредил я строго, — прыгай ко мне, тут же пересаживайся.

— Зачем? — сказала она. — У меня лучший конь во всем Турнедо!

— Будешь спорить, — ответил я жестким голосом, — отправляйся в лагерь немедленно.

— Я не спорю!

— Только абсолютное подчинение, — напомнил я. — Боуди, мы на войне.

Она свернула глазами, даже дыхание задержала, удавливая в себе рвущийся наружу резкий ответ, но голос прозвучал достаточно ровно:

— Хорошо. Но когда вернемся, я тебе все выскажу!

— Договорились, — ответил я. — В схватке рассуждать и спорить некогда. Сама руководишь отрядом, знаешь.

— Ладно-ладно, — сказала она и критически оглядела моего арбогастра. — Мне кажется, твоя лошадка тяжеловата для скачки. И круп у нее... широковат.

— Естественно, — ответил я, — люблю ездить тихо и медленно. Зато легко повезет нас двоих.

Она поморщилась.

— С той же скоростью?

— Боюсь, — ответил я невесело, — тебе придется все увидеть.

Толпа все ближе, дорога в темноте похожа на дохлую белую змею, по которой ползет масса черных муравьев. Впереди несколько молодых мужчин, трое из них поддерживают уже измученных бегом молодых женщин, чужаки бегут справа и слева, но больше всего их, как понимаю, там, сзади.

Боудеррия нахмурилась, в голосе впервые прозвучала неуверенность:

— Мне кажется или они носятся, как тараканы по горячей сковороде?

— Уже заметила?

— Да это как не заметить...

— Двигаются быстрее тебя, — напомнил я. — Бьют так же быстро. Хуже всего то, что и очень сильно.

Ее лицо посерезнело, кожа на скулах натянулась, а взгляд стал беспокойно-острым.

— Как-то, — произнесла она совсем тихо, — не ожидала.

— Да, — согласился я, — это надо своими глазами.

— Мне кажется, — сказала она, — что-то в них совсем не такое. Вроде бы люди, а не люди. Даже демоны и те как-то больше наши.

Я взглянул остро.

— Поняла или почуяла?

— А зачем нам понимать? — ответила она. — И так все видно. Как думаешь, как теперь?

— Пока ищу подходы, — ответил я.

— И как?

— Сейчас проверим очередной, — ответил я.

Она с недоверием смотрела, как я взял в руки лук и наложил стрелу.

— С их скоростью, — сказала она быстро, — увернуться нетрудно. С такого расстояния даже я уйду... а то и поймаю.

— Но не мою, — ответил я.

— Уверен?

— Абсолютно, — отрезал я. — Хотя теперь уже и не знаю.

Все же надеюсь, договорил про себя. Когда видят, увертываются, уже проверил, но если в спину? Полет стрелы человеку не услышать, а чтобы засечь, даже не знаю, какие нужно иметь уши. Если, конечно, слушают ушами. Кузнечики, к примеру, улавливают звуки ногами, а слышат друг друга за милю и больше. Пришельцы вроде не кузнечики, еще как не кузнечики, тем более не цикады, но кто знает, что у них и зачем...

Толпа бежит внизу с тяжелым топотом, хрипами, стонами. Я сосредоточился на последних, пятеро чужаков бегут позади всех, не позволяя никому отставать.

Одна женщина уже раскачивается из стороны в сторону и заплетается ногами, вот уже в последнем ряду, вот все ушли от нее на полдюжины шагов...

Один из чужаков прыгнул, я успел увидеть взмах передней лапы. Острый коготь чиркнул сбоку по шее, в ответ ударила темная струя, женщина сделала еще пару неуверенных шагов и упала.

Чужак начал поворачиваться от нее к своим, я задержал дыхание и отпустил оперенный кончик. Стрела сорвалась без звука, как мне показалось, на что я и рассчитывал, однако прищелец резко повернулся в нашу сторону.

У меня похолодело внутри. Чужак сделал резкое движение в сторону, а я отпустил тетиву снова. Первая

стрела ударила в левую сторону груди, где у человека сердце.

Боудеррия радостно вскрикнула, я сцепил зубы и уже отпустил тетиву в третий раз, а вторая вошла в то место, где у человека печень.

Пришелец ухватился руками за торчащее из груди древко, лицо исказилось в смертной муке.

— Попал! — вскрикнула Боудеррия счастливо. — Стреляешь быстрее эльфа!

Чужак смотрел на меня огромными бешеными глазами. Боль должна быть адская, многие умирают от болевого шока, но он внезапно сорвался с места и с торчащими из тела стрелами ринулся в нашу сторону.

Боудеррия не успела и рот открыть, четвертая стрела уже на тетиве и сорвалась в тот момент, когда третья ударила в живот.

Чужак сделал второй шаг, острие четвертой ударило в глаз и погрузилось по самое оперение. Он дернулся, его шатнуло, но все еще бежал к нам, хотя намного медленнее, но, как вижу, Боудеррии это не кажется медленным.

Я выстрелил еще дважды и выхватил меч. Стрелы ударили в голову, одна отскочила, почему-то сверкнув, вторая все-таки попала во второй глаз и тоже погрузилась так, что должна высунуть клюв с той стороны на локоть.

Боудеррия, уже с мечами в обеих руках и часто дыша, нагнетая в себе скорость и быстроту реакции, изготовилась к короткой страшной схватке.

Пришелец каким-то чудом рывком оказался перед нами. Я вскинул меч, однако мимо мелькнуло черное плотное тело. Раздалось свирепое гарчание, Адский Пес сбил врага с ног и ухватил за горло, прижав всем телом к земле.

Я соскочил, быстро ударил пришельца рукоятью меча по голове. Стрелы торчат из огромных глазниц, а стальные острия, пробив череп, высунулись из затылка на две ладони, однако тот все еще барахтается, хотя полностью ослепленный и с пробитым насеквоздь черепом.

— Держи, — велел я. — Боуди... прижми меч у его глотки! Режь, если чуть шелохнется...

Она вскрикнула потрясенно:

— Что за демон? Откуда такая живучесть?

Я торопливо связал раненого ремнем, туго скрутил руки и ноги. Бобик все еще держит противника за горло, а я привязал на длинном аркане к седлу и вставил ногу в стремя.

— Всем спасибо! И тебе, Боудеррия тоже. Возвращаемся. Быстро! Быстро, я сказал!

Тело пленного подпрыгивало на камнях, ударялось о деревья, а когда мы пронеслись почти напрямик через болото, резко срезая углы, за нашей добычей поднимались тяжелые волны грязи, словно я тащил подводную лодку.

Часовые было шагнули навстречу, но я почти не сбавил ход, и они отпрыгнули, а за мной пронеслось на аркане дергающееся тело. Не успел я остановить арбогастра, как десятки копий почти уперлись острыми наконечниками в пленника.

Среди набежавших воинов и просто зевак мелькнуло лицо одного из магов, и почти сразу вперед протолкался Карл-Антон.

— Вовремя, — крикнул я. — Берите это... существо. Все меры принять и строго блюсти!.. Упущение — смерти подобно!

Карл-Антон с как из-под земли появившимися алхимиками ухватили тело чужака. Воины окружили,

держа оружие наготове, то ли против пленника, то ли против магов.

— Вы вовремя, — повторил я, тяжело дыша. — Это мы запоздали. Привяжите как можно надежнее!.. Ремни, веревки, цепи... все, что есть. Эта тварь еще живая, кто бы подумал...

— К столбу? — спросил Карл-Антон.

— Нет, — ответил я. — Лучше на столе. Распластанным. На спине.

— Ваше величество?

— Так лучше, — сказал я твердо. — Допрос будет третьей степени... Карл-Антон, что с ним?

Маг повернулся ко мне, лицо крайне огорченное, развел руками.

— Он не просто потерял сознание, ваше величество. Он умер...

Поколебавшись, он подал магам знак опустить тело чужака на землю. Мы окружили труп, наконец-то рассматривая вблизи. Я присел на корточки, вглядываясь в странное белое лицо с широкими и глубокими глазницами, откуда все еще торчат стрелы. Рост примерно как у человека, голова массивная, сильно наклонена к груди, шеи почти нет, руки длинные, пятипалые, между пальцами тонкая кожистая перепонка...

Глаза без век, словно в их мире начисто отсутствуют пыльные бури и даже сухой воздух. Возможно, все миллионы лет жили среди болот, но не таких, как у нас, когда сперва все затягивает ряской, потом мхом, а затем начинают укореняться кусты и деревца. Там точно болота — это сплошная грязь с редкими островками мокрой земли, только так объясняю отсутствие век...

Грудь широка, живот впалый, ноги почти как у человека, но... вот в чем странность, которую не рассмотрел в ночи, — копыта!.. Вместо обычной стопы, как ожидается... крепкое раздвоенное копыто. Сrudимен-

тарными пальцами, можно даже понять, что большой палец постепенно принимал на себя основную нагрузку при беге, стал шире, массивнее и тверже, а остальные за ненадобностью постепенно все укорачивались.

После паузы сэр Рокгаллер величественно уточнил:

— Не умер, а издох! У него же копыта.

— Да, — согласился Альбрехт, — издох. Хотя, может быть, пал?.. Как лошадь?

Норберт сказал недовольно:

— Какое пал, если был убит его величеством?.. Если не убит, то уничтожен!

Один из магов сказал в недоумении:

— Издох, но еще теплый... И сердце бьется. Правда, все тише.

— Да уж, — пробормотал я. — Четыре стрелы!.. Одна в сердце, другая в печени, уже хватило бы. А еще голову навылет... Как будто у него мозг с горошину.

— Или в другом месте, — сказал Карл-Антон. Увидев, как я сразу напрягся, пояснил с некоторым удивлением: — Говорят же, некоторые задницей думают.

— Ах да, — сказал я, — вы ахнете, но это вполне, да, вполне.

— У простолюдинов?

— Короли этим тоже грешат, — сообщил я. — Особенно потомственные. Так что, сердце еще бьется?

— Трепыхается, — ответил Карл-Антон задумчиво. — Пытается биться. Или старается восстановиться... У некоторых организмов восстанавливаемость очень даже... У ящерицы отрастает хвост, у кузнецов лапки...

Со всех сторон подошли лорды, вперед протолкался Альбрехт, окинул тело чужака быстрым цепким взглядом.

— Ладно вам, — сказал он, — про кузнецов. Я знаю одного такого шустройого кузнечика, всем кузнецикам кузнецик!.. А что насчет мозгов?

Карл-Антон пожал плечами.

— Трудно сказать. Будь это человек, его убила бы первая же стрела. Но он, как говорит его величество, напал уже с двумя стрелами. В сердце и в печени...

— И с одной в мозгах навылет, — сказал я. — Даже с двумя. Хотя это, возможно, уже рефлекс.

Он сказал задумчиво:

— Когда курам головы рубят, они еще долго по дво-
ру без голов бегают...

— А таракан без головы живет десять суток, — со-
общил я, — и умирает от голода. Но это как бы не со-
всем таракан. У меня все время чувство, что он даже
лучше нас.

Карл-Антон посмотрел на меня внимательно.

— Правда? Странно, но мне тоже так кажется. По-
смотрите, у него все лучше.

Сэр Рокгаллер спросил с негодованием:

— Чем у нас? Которых создал сам Господь?

Я пробормотал:

— Не умаляйте величия Господа. Он создал все, да-
же этих тварей. Нам осталось понять, как их уничто-
жить, и мы исполним волю Господа.

— Если уничтожать, — пробормотал сэр Рокгаллер
озадаченно, — то зачем он их создавал?

— Неисповедимы пути Господа, — ответил я благо-
честиво. — Способен ли младенец понять ваши поступ-
ки, когда лезете под юбки маркитанткам? Там и мы
младенцы перед величием и мудростью Господа...

Сэр Рокгаллер буркнул с неудовольствием:

— У вас и сравнения, ваше величество!

— Господь не обидчив, — пояснил я. — Как мы не
в обиде на младенцев. Что у него с ногами? Вы заме-
чаете, что это как копыта?

Карл-Антон подтвердил с готовностью:

— Как не заметить!

— Но копыта только у травоядных, — пробормотал я. — А травоядные не могут быть хищниками. Хотя...

Холод прокатился по спине и проник глубоко в тепло, превращаясь в нечто ужасное, чему я еще не подыскал название, но инстинкт сообразил раньше меня и уже затряс меня всего на клеточном уровне.

Да, у этих тварей ноги намного лучше, чем у нас, людей, приспособлены для бега. Вижу по костям, суставам, а главное, что сразу заметили все, у него практически копыта!

Только я знаю и потому ужасаюсь, у нас с конями общие предки, у которых было пять пальцев, но лошади больше и намного дольше бегали по просторам, потому эволюция сократила неудобные для бега пальцы до одного, что разросся и принял на себя всю нагрузку, превратившись в копыто.

Мы бегаем, как лошади, хотя наши ноги достались нам от четвероруких обезьян. Представляю, с какими трудностями бедняги ходили первый миллион лет, пока эволюция кое-как довела стопы их ног до нынешнего состояния.

А там, на неведомой планете, у людей было еще несколько миллионов лет, а то и десятки миллионов, за которые эволюция сделала их такими совершенными и приспособленными именно для передвижения на двух задних.

Я ощущал себя маленьким и потерянным в страшном лесу, как только попытался представить себе эти ужасающие миллионы лет эволюции. Неужели человек за миллион лет превратится в нечто такое? Да я скорее поверю в элоев и морлоков... хотя, если честно, в этих тварях есть черты элоев и одновременно морлоков.

— Несите, — велел я не своим голосом, — как вам велено моим величеством, в барак! Сразу на стол. При-

вяжите покрепче... Ну и что, если уже дохлый? Кто их знает...

Труп унесли, Альбрехт всмотрелся в мое лицо озабоченными глазами.

— Ваше величество, — спросил он очень осторожно, — вам плохо? Может быть, на свежий воздух?.. А то у вас лицо, как у призрака.

Сэр Рокгаллер возразил:

— Мы в лесу! Куда свежее?

На меня посматривали с озабоченностью и удивлением. Все мы не только привыкли к тому, что при нас режут скот на корм армии, но и насмотрелись на убитых и раненых, когда то голова рассечена зверским ударом топора, то кишкы вылезают из вспоротого живота товарища...

— Да, — ответил я не своим голосом, — здесь такой же воздух... Только эта тварь слишком уж... продвинутая.

— Ваше величество?

— Как верно указал сэр, — пояснил я, — уж и не помню кто, эта тварь слишком уж хороша. В беге, сами видите, обгонит не только любого из нас, но и перегонит самого быстрого из коней. Руки поворачиваются в любую сторону, а пальцы... вы заметили, какие пальцы? Хорошо, пойдемте осмотрим внимательнее.

Альбрехт, барон Келляве и еще несколько лордов сразу же двинулись за мной, только сэр Рокгаллер пребормотал:

— Да что на убитого смотреть...

Глава 6

В бараке чужака разложили на большом столе, растянув и привязав руки и ноги в стороны. Я подошел поближе, чувствуя, что только вот теперь могу рассмотреть врага подробно и неспешно.

Первое, что бросается в глаза, отсутствие одежды. Это как эллины, что на олимпийских играх выступали всегда голыми, или подобно спартанцам, что нередко шли в бой обнаженными, подчеркивая отвагу и презрение к гибели.

Однако не смотрится голым, как хорошо загорелый человек уже как бы одет в отличие от нежно-беленького, что если голый, то уж точно голый. У этого кожа хоть и белая, но чрезвычайно плотная. Я потрогал ногу, потыкал пальцем в живот, ощущение странное, словно пытаюсь продавить прочный хитин.

Карл-Антон спросил негромко:

— Это такая кожа, ваше величество, или одежда?

Альбрехт, что рассматривает так же внимательно с другой стороны стола, сказал зло:

— С такой кожей и одежды не надо. Даже доспехов.

Я поднял голову, Альбрехт обеими руками надавливал чужаку на грудь, кривился от усилий.

— Граф?

— Непо... нятки, — проговорил он с трудом. — То было будто каменная плита, а теперь пошло легче.

Я кивнул, Альбрехт умен и наблюдателен, что-то да увидит такое, чего не заметят остальные, сказал остальным:

— А посмотрите, какие пальцы! Не только сильнее наших, но у них намного больше свободы... Нет, дайте посмотрю еще... А перепонки, перепонки! Такой плавает лучше лягушки.

Чужак оказался, как я и чувствовал с самого начала, не просто другим, а очень другим. В конце концов, у человека те же сердце и прочие внутренние органы, как у медведя, лося, коровы или барана, даже у крыс или мышей все такое же, только помельче, но этот чужак...

Я старательно укладывал в голове все, что мне рассказывали разведчики и что увидел сам, но укладываться не желает, как ни поворачиваю факты то одним боком, то другим.

Даже кровь не красная, а ярко-желтая, почти оранжевая. У нас у всех где алая, а где почти багровая, начиная от самых мелких мышней и кончая слонами и бегемотами, а у этого золотистого оттенка. К тому же очень долго не сворачивается, вообще-то до сих пор не свернулась, вот полная до краев чаша, по-прежнему свежая, словно только-только из раны.

Тroe магов жадно колдуют вокруг нее, чувствуют потенциал, но еще не знают, как использовать, а я все еще зло всматривался в распостертое тело. Хотелось стиснуть ладонями голову, но это будет похоже на жест отчаяния, который никак нельзя выказывать в присутствии верящих в тебя соратников.

В черепе либо ни одной мысли, либо сразу целая галдящая стая, когда каждая выкрикивает свое и не желает слушать других.

Лорды молчат, встали под стенами и только смотрят, возле стола мы трое, Карл-Антон покосился на меня и сказал почти шепотом:

— Ваше величество...

— Слушаю, — ответил я устало.

Он помялся, сказал еще тише:

— Почему мне кажется, что вы об этих существах что-то знаете?

Я насторожился.

— Откуда такие выводы?

— Да так, — ответил он туманно, — это больше ощущение. Понимаю-понимаю, это недостойно алхимика, мы должны ориентироваться только на разум, логику и точные выводы... но иногда чутье подсказывает сразу то, что с помощью логики узнаешь намного позже!

Я посмотрел по сторонам.

— Знаете, Карл-Антон... Это тоже выводы. Видели, какие у них гляделки? Вы, как поэт, отметили их красоту и возвышенность, а я решил, что в тех местах, откуда они прибыли, весьма не ярко. Даже темно, если сказать грубо. Ночь не ночь, но им приходится зело всматриваться, потому так расширена радужка глазного яблока. И еще там у них, если уж о глазах, явно другая цветопередача. Пчелы, к примеру, видят куда больше оттенков цвета, а орлы с их цветовой слепотой зато различают из-под облаков, как муравьи тянут гусеницу... Так вот эти существа видят и как мы, и как пчелы, и как орлы, и, возможно, как все существа, каких знаем.

Он вздрогнул.

— Бр-р-р!.. Даже вообразить страшно.

— Потому и страшнее демонов, — пояснил я. — Демоны... просты. Примитивны. Сильны, но просты. А эти куда сложнее нас, людей...

Он помотал головой.

— Ваше величество, вы говорите очень... емко. Я не всегда успеваю, что моих подопечных удивило бы. Но сейчас, как понимаю, у нас совсем другие задачи.

— Приступайте, — ответил я и в ответ на его не-понимающий взгляд пояснил: — Вскройте это... этот объект, изучите внутренние органы. Вы теперь не маги, а почти нормальные алхимики, а нормальные люди с ножами не расстаются. Видите, он коленками вперед? Что как бы громко намекает.

— Ваше величество?

В барак вошли Тамплиер, Сигизмунд, еще несколько военачальников. У двери стало тесно.

Я оглянулся на них, поскреб ногтем копыто на ноге чужака.

— Зримо?.. Есть принадлежность к травоядным. У хищных другие ноги...

— Как у нас?

Я кивнул.

— Да, как у нас тоже. А здесь прямо как у коней!

Кое-кто из лордов придвигнулся ближе, сэр Рокгаллер сказал со вздохом:

— На копытах бегать удобнее. Но неприлично!

— Неприлично, — согласился я. — Удобство или приличие — быть или не быть?

Сэр Рокгаллер произнес с достоинством:

— Человека с копытами, даже будь он лордом, вряд ли приняли бы в высшем свете.

— Ни за что, — твердо отрезал Альбрехт, даже слишком твердо. — А что насчет коленками вперед, ваше величество?

— У всех копытных, — напомнил я, — ноги коленями назад. Как у кузнецов. А у этого коленками вперед! О чём это говорит?

Все задумались, наконец быстроумный сэр Рокгаллер просиял лицом и произнес ликующее:

— О том, что у него коленками вперед?

— Верно, — подтвердил я. — Вы просто великолепны, сэр Рокгаллер. Похоже, они все-таки хищные, но так как давно слезли с деревьев, то за это время лучше нас приспособились бегать по равнинам. По твердой земле, имею в виду. На ладонях бегать неудобно, потому задние ладони... их еще можно назвать нижними, постепенно омозолились, затвердели и превратились в копыта. Думаю, для этого хватило всего два-три десятка миллионов лет. На столько примерно они старше нас... Что в свою очередь ставит вопросы... а кто из нас это любит?

Альбрехт подтвердил подчеркнуто льстиво:

— Ваше величество само любит ставить вопросы перед верными и преданными ему подданными.

— А отвечать, — добавил сэр Робер, — требует громко и четко, глядя нам в глаза прямо и правдиво! Не так ли?

— Истинная правда, — подтвердил Альбрехт с готовностью. — Его королевское величество является нашим королевским величеством, потому и.

Сэр Рокгаллер покосился на алхимиков.

— А мы спросим вот у них. Мы же лорды, а не отечатели!.. Мы сами вопрошаем. Ваше величество, если эти настолько старше нас, то мы к ним со всем почтением... древность рода, думаю, вещь неоспоримая! Но потом, когда перебьем и зароем с воинскими почестями, сразу турнир в их честь?

— Мудро, — согласился я. — И пир. В их честь. Как знатных и достойных противников.

Тамплиер проворчал вроде бы негромко, но это было так, словно мощно прогремел гром в приближающихся тучах:

— Они вели себя недостойно в отношении простолюдинов! Потому, несмотря на их знатность и величие рода, я буду относиться к ним как к преступникам знатного происхождения. Которых нужно вешать только на шелковой веревке, а если рубить голову, то не топором, а мечом.

Альбрехт пробормотал в наступившей тишине:

— Можно избегать этих сложностей. Просто не брать в плен. Думаю, теперь в этом нет такой острой необходимости?

— Одного-двух надо, — возразил я. — Желательно из самых знатных.

— Для выкупа?

— Выкуп пришлось бы ждать долго, — напомнил я. — Но получить дополнительные сведения об их народе...

Сэр Рокгаллер оживился, потер руки.

— Можно, к примеру, потребовать у них дочь императора нашему монарху в жены!..

Альбрехт сказал очень серьезно:

— А что, династический брак укрепляет...

Сигизмунд смотрел на них ошелевшими глазами, наконец проговорил робко:

— Но... у нее будут копыта?

— И что? — спросил Альбрехт бодро. — Под длинным платьем не видно! У царицы Савской тоже были копыта, но мудрый Соломон взял ее в жены, соединив таким образом два могучих королевства в одно!..

Тамплиер хмурился, а Сигизмунд сказал еще жалобнее:

— Может, он не знал про копыта?

— Как не знал? — изумился Альбрехт. — Он специально велел сделать стеклянный пол. Царица Савская вошла в зал, решила, что там вода, и приподняла подол, открыв ноги... И что? Интересы государства выше копыт! Намного, как говорит наш великой король, выше. А он знает, что говорит. Почти всегда!

Я прислушался, голоса все равно невеселые, лорды шутят натужно, стараются поддержать друг друга, но все в сильнейшей растерянности, смотрят с надеждой, а что я могу, кроме как поумничать насчет того, как это бывает у пчелок?

— Карл-Антон, — сказал я в нетерпении, — делайте вскрытие. Не знаете как?.. Эх, какой же вы алхимик... Лорды, прошу покинуть барак. За дверью продолжите обсуждать варианты моей женитьбы на козлоногой. Самые интересные предоставите моему высокому вниманию. Самых остроумных отмечу... так отмечу!

Закрыв за ними двери, я повернулся к магу. Он спохватился, вытащил короткий острый нож.

— Начинайте от горла, — посоветовал я. — И до паха. В чем дело? Никогда не разделяли оленя?.. Почти

никакой разницы! Человек — тот же олень, только рога не всегда заметны.

Он бледно улыбнулся.

— Ваше величество, вам хорошо так говорить... Это вы убивали и разделывали сотни врагов, а я и курицы еще не зарезал.

— Курицу и я не трону, — сказал я, — разве что придется, а вот человека убивать и резать надо! Во имя прогресса, а также просвещенного гуманизма. Во имя простого нельзя, а во имя просвещенного — можно. Просвещенность оправдывает все. Ну?

Он вздохнул, один из магов бережно взял у него нож и, всадив острие в горло трупа, с силой потянул погруженное почти по рукоятью направлению к животу.

Плоть раскрывается с треском, с огромной неохотой, лицо алхимика покраснело, затем побагровело, а мышцы на руке вздулись.

— Все норм, — подбодрил я. — Режь! Они крепче нас. Там жилы потолще.

Маг кивнул, не отводя взгляда от ножа. Стальное лезвие, вскрыв горло, пошло с жутковатым треском вспарывать грудную клетку. Треск сменился влажным хрустом, оранжевая кровь не выплескивается, чуть-чуть выступила из глубокого разреза и тут же начала схватывать края, словно цепким kleem, на глазах превращаясь в пока еще рыхлую плоть.

— Живуч, — проговорил Карл-Антон дрожащим голосом. — Уже дохлый, а тело все еще борется.

— Это головной мозг мертв, — уточнил я, — но спинной об этом еще не знает. Или работает сам по себе, добился автономии от центра. Или федерализации.

— У всех свои обязанности?

— Да, — согласился я. — Хотя, конечно, это головной добился автономии, он все-таки моложе.

Карл-Антон спросил с сомнением:

— Вы и это знаете?

— Во многих знаниях много горя, — ответил я цитатой из Священного Писания. — Вы же видите, какой я грустный?..

Маг с усилием распорол чужака до паха, уже багровый и взмокший, вытер локтем лоб.

— У меня нож из лучшей стали, — пожаловался он. — Даже дерево режет как масло! А тут...

— Так и должно, — успокоил я. — Это особый противник. Разверни чуть в стороны... Что там у него, не два сердца?..

Он всмотрелся, покачал головой.

— Честно говоря, ваше величество, я не знаю... какое оно.

— Ясно, — сказал я. — Сервет еще не родился.

Карл-Антон сказал торопливо:

— Ваше величество, церковь запрещает вскрывать трупы. Человеческие, я имею в виду. Да и, как мне кажется, не зря. Мы едва умеем лечить легкие поверхностные, а чтобы вот так разрезать... и человек остался жить?.. Такого еще не было. Потому и не вскрываем.

Я отмахнулся.

— Ладно, сейчас давайте посмотрим, чем этот враг отличается от человека.

Карл-Антон покачал головой, не сводя с меня взгляда.

— Ваше величество... вы знаете, как у человека внутри?

Я понизил голос:

— Я маг или не маг?..

Он огляделся опасливо по сторонам, но в бараке ни единого лорда, понизил голос:

— Я всегда чувствовал!

— Что?

— Вы прошли дальше всех нас!

— Но не жадничаю, — напомнил я, — хотите — берите, хотите — нет. Когда спасем мир — начнем Великое Просвещение и Освобождение Нравов.

— Ох, — сказал он опасливо, — может, не надо? А то знаю, какие нравы начнете освобождать в первую очередь.

Маг с ножом пожаловался:

— Оленя разделывать легко! Я не родился алхимиком, наразделывался.. но здесь как будто одни жилы! Хотя, ваше величество, дальше пошло легче. Намного!

Я осведомился:

— Только внутренности? А сама кожа?

Он сказал в замешательстве:

— И кожа... Как будто исчезла некая плотная оболочка.

— Магия, — сказал Карл-Антон и посмотрел на меня виновато, — ваше величество, ничем другим объяснить не могу.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Значит, он окончательно мертв. Тело остывает?

Он кивнул.

— Да, ваше величество.

Глава 7

Дверь отворилась, сэр Рокгаллер пропустил вперед Альбрехта и Норберта, вошел следом и плотно закрыл дверь.

Альберт сказал быстро:

— Мы всех отослали, пусть занимаются делами. А сэр Рокгаллер человек уже как бы взрослый. Да и самый богатый в Штайнфурте!

Барон Келляве посмотрел на него косо, а мне поклонился.

— Ваше величество, вам может понадобиться помощь, которую могут оказать только благородные люди.

Голос его был тверд и непреклонен, я ответил мирно:

— Да оставайтесь, только не мешайте. Граф, смотрите, их кожа крепче стали, когда встречают удар! Мы тоже напрягаем мышцы в том месте, куда нас бьют. Если успеваем. Мне удалось всадить стрелы, пока дрался с другими... уверяю вас, стрелы входят в них, как нож в теплое масло!..

Он сказал задумчиво:

— Я тоже заметил, что держат удар любой силы. Но если ткнуть неожиданно, проткнешь простой палкой?

Норберт пробормотал:

— А как подобраться? Глаза вон какие!.. Видят спереди, с боков и чуть ли не сзади!

— Сзади не видят, — уточнил Альбрехт. — Не зайцы же. Только если отвлечь на что-то.

— Один с ним дерется, — предположил Норберт, — а второй в спину?

— Он тогда и спину напряжет, — ответил Альбрехт. — Я видел, один стоял под градом стрел, что сыпались на него со всех сторон, и смотрел по сторонам.

— Зачем?

— Наверно, — ответил Альбрехт, — выбирал, куда ближе...

— И что?

Альбрехт отмахнулся.

— Как только шевельнулся, все разбежались. Хоть луки не побросали.

Сэр Рокгаллер кашлянул, отвесил в мою сторону поклон.

— У его величества не побросаешь! Это особые луки, а не гнутые палки! Их по неделе выделяют. Лучше сразу повеситься там же в лесу. Ваше величество?

Я молча смотрел на распластанное тело, где алхимик с азартом и чуть ли не роняя слюни от счастья разрезает хрящи, отделяя конечности от туловища.

— Бить их можно, — согласился я, — но цена слишком велика. Пятеро дерутся спереди, но прежде чем тварь их всех убьет, шестой должен успеть ударить в спину... Да и то бесшумно! Например, лучники издали. Нет, не поможет. У них регенерация... заживляемость ран слишком велика. Убивать нужно наверняка. К примеру, голову долой.

— Подбежать с мечом сзади?

— Услышит, — возразил я. — У них хороший слух, а ваш топот и сопение за милю, даже за две! А еще и запахи... бр-р-р! Нет, так мы всю армию погубим, а этих тварей убьем едва ли больше дюжины. И то, если сильно повезет.

Сэр Рокгаллер сказал лихо:

— А что? Все равно умирать. Так хоть не в постели.

— До постели никто не доживет, — напомнил Норберт ровным, как долина Отца Миелиса, голосом.

Все притихли, как-то и забылось почти, что когда Маркус наберет пленников, то поднимется обратно в небо, а оттуда проклятой магией уничтожит здесь все, разбивая даже несокрушимые горы и разбрасывая камни на сотни миль.

Сэр Рокгаллер пробормотал:

— Все равно не пойму... Как у них тело то мягкое, как теплое масло, то крепче стали?

Я покачал головой.

— Дорогой сэр, если вас неожиданно ударить в живот, вам будет очень... нерадостно. Но если успеете увидеть, как вам туда наносят удар, вы напряжете мышцы пузта, и кулак ударится как о деревянную доску, верно?

Сэр Рокгаллер ответил с довольным видом:

— Да, у меня там под слоем жирка твердое. Значит, у этих тварей как бы со всех сторон пузо? Потому и чуткие, а так бы даже зайцы забодали! А у нас такие зайцы... Одного завалил и поднял за уши, так он очнулся и мне лапами живот разорвал! Там у него та-а-а-акие когти...

— Вот-вот, — сказал я, — потому эти чужаки даже львов могут рвать голыми руками. Умеют по всему телу напрягать мышцы... или кожу, что тут же в хитин, а тот может быть крепче стали.

Норберт проговорил задумчиво:

— Но мы не можем держать живот постоянно... Вон сэр Рокгаллер снова вывалил брюхо, а как держал!.. И грудь уже колесом... перееханная.

— Эти твари, — согласился я, — умеют держать дольше, чем неустранный барон, но вы правы, любое напряжение — это напряжение. Его нельзя держать постоянно. Как не может сэр Рокгаллер держать живот в постоянной подтянутости, даже если красивые женщины пойдут одна за другой.

Сэр Рокгаллер обиделся, снова подтянул живот, уже с заметным усилием, отошел от стола, а Карл-Антон и его маг-препаратор с некоторым облегчением вздохнули.

Помощник Карла-Антона уже освоился и с восторгом вытаскивает наружу внутренности, но сам Карл-Антон, выдавая в себе теоретика, смотрит на раскрываемую грудную клетку с некоторым страхом и отвращением.

— Карл, — сказал я с укором, — вы же как бы учений! Вы должны обращать прежде всего внимание на такие анатомические особенности, что заметны и без вскрытия. Вот смотрите: зубы почти как у нас: резцы, клыки, жевательные... О чем это говорит?

Он посмотрел на меня с вопросом.

— Что умеет есть?

— Есть умеют и беззубые, — сказал я покровительно-ственно. — Амбы тоже едят. Ну, то такие чудовища... Эти же, как и мы, — всеядные. Зато язык, как у жабы... Смотрите, какой длинный и гибкий! Куда нашему, хотя, вы не поверите, самая сильная мышца в наших телах именно язык... Но они развили до такой степени, что им могут ловить пролетающих мух...

Он поморщился.

— Ваше величество, зачем им мухи?

— Не знаю, — ответил я, подумал, сказал уже с пафосом, — но вправе ли мы судить чужие культуры? Культура вообще-то не может быть чужой. Мы должны принимать и не наши ценности, потому что все ценности вообще-то наши, мародеры это хорошо усвоили.

— Ваше величество, — сказал он, — только не мухи!

— Ладно, — согласился я, — не все из чужой культуры нужно брать автоматически, восточные гороскопы только дураки берут. Хотя, судя по гороскопам, дураки у нас почти все, один я в белом.

— Почему эти чужаки дерутся голыми руками?

— Наука об этом умалчивает, — ответил я авторитетно. — По крайней мере, в моем королевском обличии. Но вы тоже наука, сэр Карл-Антон, хоть пока и зачаточная, так что копайте, копайте!..

Альбрехт смотрел на меня неотрывно.

— Ваше величество...

— Да, граф?

— Если мы не нужны больше...

— Я тоже с вами, — сказал я, — а вы, Карл-Антон продолжайте. И вы, как вас...

Второй маг вздрогнул, сказал с торопливым поклоном:

— Зейс, ваше величество!

— Работайте, Зейс, — сказал я, — и слава вас найдет.

— Догонит и вдарит, — добавил Альбрехт, выходя вслед за мной из барака. — Ваше величество, это ваши слова!

— Не пугайте людей, — буркнул я. — Ученые вообще люди нервные и мнительные. Идите вздремните, граф, у нас была трудная ночь, а следующая будет, обрадую несказанно, еще веселее.

День и ночь у нас не то чтобы совсем уж поменялись местами, но заметно сдвинулись. Мы поспали остаток ночи и утро, ближе к полудню повыползали под яркое солнце, что уже в самом зените.

Сэр Альбрехт, одетый и в блестящей кирасе, беседует с Тамплиером и Сигизмундом, оба паладина в доспехах, осталось только забрала опустить.

Подошел, позевывая и потягиваясь, сэр Рокгаллер.

— Мне снилась жена, — сказал он мечтательно.

Я подошел к ним, тоже зевнул, это заразительно, ответил рассеянно:

— В самом деле? И мне.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Что?

Я сказал поспешно:

— Нет-нет, не ваша, сэр Рокгаллер!

Альбрехт оживился, поинтересовался с подъемом:

— А чья?

Я вскинул руки в примиряющем жесте.

— Вам что, трудно поверить, что я могу быть женатым?

Они переглянулись, сэр Рокгаллер сказал с достоинством:

— Если честно, то не трудно, а очень трудно.

— Мне пока тоже, — признался я. — Но я верный христианин, готов блюсти и всячески исполнять заветы

Господа до конца: плодиться и размножаться! Размножаться я уже активно и довольно успешно начал, а вот плодиться тоже вроде бы пора. Как иногда временами почему-то как-то мерещится.

Тамплиер сказал обвиняющим тоном:

— Это вы плодиться начали, ваше величество, а размножаться можно только в кругу жен.

— Вы что-то путаете, — сказал Рокгаллер мягко, — его величество как раз сказали верно, хотя, думаю, просто угадали. Размножаются вне брака, а плодятся внутри семьи. Господь все учел.

Сигизмунд посмотрел на всех невинными глазами ребенка.

— Но это как бы, — пробормотал он, — нехорошо. Как говорит отец Дитрих, безнравственно?

На него посмотрели с любовью и сочувствием, но и с некоторым презрительным превосходством, как все мы смотрим на чистых и честных людей.

— Нравственно, — сказал Альбрехт безапелляционно, — безнравственно, это рамки, которые очерчивает церковь. А Господь поставил общую задачу! Нужно наплодиться и наразмножаться так, чтобы заселить всю землю, включая горы и пустыни. И тогда будет выполнена некая часть Великого Плана.

Сигизмунд спросил наивно:

— Какого плана?

Никто не ответил, только сэр Рокгаллер надулся, как петух перед зазывным кличем.

— А кто вы, сэр, чтобы задавать такие вопросы Господу?

Сигизмунд смешался, отступил на шаг, сэр Рокгаллер смотрит так, словно он и есть сам Господь или хотя бы Метатрон.

А я посматривал на Альбрехта с уважением, все-таки умен, очень умен, а когда я увидел его в первый раз

после того сражения, он показался просто хвастливым рубакой, а еще любителем выпить и побуянить, а поди ты, какие мудрые мысли рождаются в таких головах! Или просто залетают сослепу, а потом долго мечутся в поисках выхода... Нет, Альбрехт в самом деле умен, гении рождаются в глупши, а в столицах лишь получают огранку.

С восточной части лагеря двое поджарых воинов в одежде разведчиков почти несут в нашу сторону человека в крестьянской одежде.

Один крикнул издали:

— Ваше величество?

Я сделал шаг им навстречу.

— Что стряслось?

Разведчики поставили крестьянина на ноги, тот все еще отсапывается, словно бежал к нам от самого Большого Хребта.

— Новости, — ответил разведчик коротко и ткнул крестьянина в спину. — Вроде бы хорошие... Рассказывай.

Крестьянин упал от толчка на колени и, оставаясь в таком положении, вскинул голову, сложив руки молитвенно у груди.

— Ваше величество, — заговорил он, захлебываясь словами, — не поверите, но чужаки отыскали нас быстро и только начали сгонять в кучу, как откуда ни возьмись... эльфы!

Он смотрел на меня выпученными глазами, ожидая какой-то неведомой реакции, но я сказал в нетерпении:

— Ну-ну, дальше. Появились эльфы...

Он заговорил еще быстрее, сильно разочарованный моей толстокожестью:

— Мы сперва даже не поняли, кто стреляет так быстро и точно! Чужаков враз утыкало стрелами, будто они подушечки с иголками!.. Одни забегали, бросились

искать этих нападавших, другие остались сторожить нас...

— Дальше!

— Первые не вернулись, тогда и эти ринулись по их следам.

— Понятно, — сказал я. — А вы тем временем разбежались все?

Он кивнул.

— Наверное, все. Я тащил младших брата и сестричку, отец подгонял племянников, кричал на мать, чтобы не отставали. Думаю, если не все убежали, то почти все.

Я вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Эльфы наконец-то выступили.

Он посмотрел на меня с ужасом и восторгом. Такими же глазами, как, я заметил, смотрят и все, кто прислушивается к рассказу.

— По вашему приказу?

— По договоренности, — пояснил я. — Спасибо за добрую весть. Забейтесь с семьей в лес как можно дальше. Думаю, скоро все кончится. Потерпите. Потом заживем.

Он спросил с надеждой.

— А с эльфами потом как?

— Живете к лесу близко?

— Рядом!.. В десятке ярдов от края. Дикие свиньи к нам ходят ночью в огороде рыться.

— Эльфы тоже будут заходить, — пообещал я. — Если будете вежливыми. Даже играть с детьми, они детей обожают. И вы сможете ходить к ним.

Он прошептал в счастливом изумлении:

— Вот жизнь будет... дождаться бы...

— Уже скоро, — пообещал я, хотя сердце сжалось в тревоге, — мы найдем способ победить. Господь человека создал победителем!.. И мы должны это доказывать в различных испытаниях, которые посыпает

Господь. Иди и успокой своих. Враг будет разбит, победа будет за нами, флаг водрузим... где-нить водрузим.

Альберт добавил:

— Водружать мы любим. Просто обожаем!

Глава 8

Тамплиер подошел, как шагающая башня из сверкающей стали, все на нем настолько подогнано и приложено, что выглядит, как гигантская рыба в чешуе, ничто не скрипнет, не звякнет.

— Ваше величество, — произнес он церемонно, однако с неким угрожающим оттенком, — я заметил, бои начались без меня.

Я кивнул.

— Вы это заметили? Похвально.

— Ваше величество, — продолжил он тем же ровным голосом с нотками гнева, — я выражаю недоумение...

— Разумеется, — сказал я. — Думаете, я жду от вас понимания? Вы же не алхимик какой-то! Конечно, благородное недоумение. И непонимание. Тоже благородное. И неразумение, а это вообще...

Он повысил голос:

— В связи с этим я настоятельно требую своего участия!

Я покачал головой.

— Нет.

Он взорвался на меня в изумлении.

— Как нет?

— А вот так, — отрезал я, — нет. Или я, король, обязан разъяснить свой каждый шаг рядовым рыцарям, барон?

Он чуть опомнился, вижу по лицу, сказал чуть-чуть тише:

— Как король, нет. Но вы паладин, сэр Ричард. Я и сэр Сигизмунд тоже паладины. Нас трое, вы не должны держать от нас ничего в секрете!

— Ничего?

— Ничего важного, — уточнил он. — О безобразных отношениях с женщинами можете умолчать, об этом и так все знают.

— Как паладин, — согласился я, — не могу, как король — обязан. Но в виде исключения отвечу вам, сэр Тамплиер. Все наши отряды, вступившие в боевое соприкосновение с противником, погибли. Увы, ни один человек не вернулся.

Он повысил голос:

— Я готов сразиться с любым противником... Не могу поверить, вы что, меня жалеете?

Я покачал головой.

— Ничуть. Поверьте, если бы ваша красивая гибель могла спасти мир от врага, я бы тут же послал вас биться лбом о Маркус. Но вы не настолько важная для мироздания цаца. Потому держу вас здесь и буду придерживать для решающего боя.

Он осведомился недоверчиво:

— Что за такой решающий?

— Когда будем уничтожать, — сообщил я, — тогда и. Я не жизнь вам берегу, сэр Тамплиер. Что мне ваша жизнь?.. Я государственные интересы блюду. Потому вы погибнете там, в последней битве.

Он некоторое время смотрел, набычившись, все вокруг на всякий случай молчат и почти не дышат, разговор у нас какой-то не совсем политесный, а даже опасно сворачивает в сторону мужского.

— Ладно, — прорычал он угрожающе, — если сумеем ворваться в их крепость...

— Сумеем, — заверил я.

— Как?

— Не знаю, — сообщил я. — Но все задачи решаемы, как показал нам Господь на своем примере, с творив землю и столько всяких зверей и насекомых, что с ума сойти можно!.. Решим и мы. Иначе нельзя.

Альбрехт пробормотал:

— Если не решим, нас не будет.

Сэр Келляве перекрестился и добавил смиренно:

— Господь создаст более решительных. В смысле, решаемых.

Бобик еще с той нашей схватки встревожен, постоянно трется возле меня и заглядывает в глаза с вопросом: ты меня все еще любишь?

Я погладил его по огромной голове — как можно не любить такое преданное и верное чудо. Боудеррия наблюдала со стороны, я перехватил ее взгляд, буркнул:

— Странно... весьма странно. Все думаю и никак не пойму.

— Что? — спросила она. — Что твой пес спас тебе жизнь?

— Нет, — ответил я, — он это делал и раньше. Но я запретил нападать на людей. Только на монстров.

— А это и есть монстры, — сообщила она очень серьезно. — Хоть и люди.

— Люди еще те монстры, — согласился я. — Особенно, когда люди... Но все равно что-то непонятное. Они же люди, хоть и монстры!

Она сказала беспечно:

— Он твой преданный друг. Не слуга, а друг. И сам принимает решения, когда тебя спасать, а когда нет.

Я кивнул, вроде бы все верно, однако что-то тревожное засело глубоко в груди. Раньше Бобик так не делал. Что-то изменилось в наших отношениях? Собаки, взрослея, время от времени делают попытку подчинить себе хозяина и стать во главе стаи, как они это понимают. Хозяин обычно старается дать отпор и поставить

собаку на ее место, но иногда тем удается подчинить себе женщин или слишком уж сюсюкающих с ними мужчин.

С другой стороны, Адский Пес сейчас вовсе не старается выглядеть доминантом, прижимает уши и виновато опускает голову.

— Бобик, — сказал я наставительно, — я тебя люблю. И буду любить. Но ты слушайся меня, потому что я твой папа.

Он ликующе взвизгнул. Я едва успел прижаться спиной к толстому стволу, как он бросился ко мне на шею с телячье-собачьими нежностями и едва не повалил вместе с деревом.

Из небольшого бревенчатого домика вышел, поддерживаемый под руку священником, отец Дитрих, бледный и уже усталый с утра, болотный воздух только жабам на пользу.

Священник усадил его на колоду возле входа, отвесил поклон и удалился. Бобик ринулся к нему первым, отец Дитрих погладил ему лобастую голову.

— Отец Дитрих, — сказал я.

— Сэр Ричард...

Я поцеловал ему руку, сердце сжалось при виде ее немощности и костлявости.

— Я слышал, — произнес он слабым голосом, — есть хорошие новости?

— Пока нейтральные, — ответил я. — Отец Дитрих, вы наверняка знаете что-нибудь о монахах... Ксени-братства?

Он взглянул пытливо.

— Странно, что о них слышал ты.

— Даже видел, — признался я. — До сих пор мороз по шкере!.. Кто они такие? Я много странствовал, но попались только раз. Может быть, они лазутчики Звезды Антихриста?

Он ответил с тяжелым вздохом:

— Боюсь, сын мой, Антихрист не нуждается в ла-
зутчиках.

Я тоже вздохнул, перекрестился, он взглянул на ме-
ня кротко и вместе с тем пытливо.

— Вы знаете, — проговорил я с неловкостью, — что
мне хотелось спросить. Ведь знаете?

— Вряд ли они появятся, — ответил он. — Они...
другие. Из некоего королевства или графства, не знаю,
куда вход незрим, и для нас его нет. Погибнут ли? Тоже
не знаю. Потому уповай только на себя и Господа.

— Может, — сказал я, — на Господа и себя?

Он покачал головой.

— Нет, на себя и Господа. Ты все правильно понял,
сын мой, зачем спрашиваешь?

— Да всегда приятно слышать мудрые слова, — ска-
зал я чуточку подхалимски.

— И втайне ликовать, — сказал он понимающе, —
когда совпадают с твоими мыслями?.. Ты поступаешь
верно, сын мой. Дивлюсь со скорбью, сколько в твоей
душе правильной жестокости и как долго небесный суд
будет спорить, разбирая твои решения... Но сейчас иди
и действуй!

Я поцеловал ему руку, поклонился и пошел в свой
шатер. В самом деле, не интеллигент же, что все ум-
ничает и которому все не так.

Часовой молча поднял полог для Карла-Антона.
Старший алхимик без шляпы, волосы растрепаны, на
щеке длинная кровавая царапина, которую сам явно не
заметил, а то бы убрал одним взмахом брови.

Его пошатывало, он ухватился за шест и посмотрел
на меня почти безумными глазами.

— Карл-Антон? — спросил я.

Он прошептал в сильнейшей тоске и отчаянии:

— Ничего!.. Сэр Ричард, ни-че-го!.. Я перепробовал все!..

— И магию? — спросил я.

Он вскрикнул в озлоблении:

— А что же еще я могу?

— Ну да, — пробормотал я, — ну да, еще бы... Скажу в утешение, в прошлую ночь церковники полегли почти все. Тоже очень надеялись на молитвы святости. В лагере осталось всего трое. Самых старых.

Он посмотрел с укором.

— Почему должен утешаться? Это же союзники!.. Выход из портала удерживали вместе. Двойной удар молитв и магии оказывался вдесятеро сильнее, чем поодиночке!..

— Жаль, — сказал я трезво, — сейчас союз церкви и магии не поможет. Ни местная магия, ни наши молитвы не рассчитаны на инозвездные технологии. Ну, скажем для доступности, там абсолютная защита против любых видов магии. А вот камешком поцарапать можно.

Он покачал головой.

— Ничем не поцарапать. Уже пробовали.

— Теоретически поцарапать, — уточнил я. — Надо искать, чем можно в реале. Плохо то, что мы в цейтноте... Сейчас я с отрядом снова побываю у Маркуса, вдруг что увижу новое или то, чего не заметили раньше, а вы продолжайте искать способы. И не спешите их сразу же проверять в действии, сперва дождите мне!.. Священники тоже не посоветовались, дескать, что паладин понимает.

Он сказал послушно:

— Да, конечно... А что надеетесь узнать?

— Не знаю, — ответил я сердито. — Но буду искать тоже. Я там, вы здесь. Кооперация на марше!

...Бобик снова далеко впереди, чувствует, когда можно, я как уверился, что сейчас под жарким солнцем чужаки не выйдут, хотя эта уверенность основана на очень зыбких фактах, ведь могут же надеть солнце-защитные очки?

И все-таки отпустил этого веселого кабана резвиться и прыгать, а мы с Боудеррией пустили коней позади. Она больше посматривает по сторонам, бдит, а я с бессильной злостью смотрел на этот слиток красной сверкающей стали. И хотя это не слиток, но все равно слиток по ощущениям, к тому же наверняка не сталь, но что делать, если ничего прочнее стали не знаю?

Может быть, этот чудовищно огромный Маркус не-что вроде космической коровы, что и бодаться не умеет!.. Хотя вообще-то корова умеет. Да и Маркус умеет, он же как-то разрушает потом земную кору.

Возможно, это создание из темной материи? И движимо темной энергией, а это такие физические законы, что вообще непостижимы для человеческого ума?

Группа лордов на конях под роскошными попона-ми и с султанчиками над конскими лбами держится от нас в десятке ярдов позади. Не знаю, деликатность ли причиной, могут же с какой-то дури считать Боудеррию дамой, или же просто знают, что не люблю шумные свиты, и без них все равно король, а пора уже, как говорит Альбрехт, набросить на свои плечи мантию императора.

Боудеррия швырнула как можно дальше бревнышко, поморщилась, едва не вывихнув плечо в удалом замахе.

— Он когда-нибудь устает?..

— Зато теперь в тебя влюблена, — сказал я.

— Но предан тебе, — уточнила она. — Как и я, кстати. Можно сказать, мы оба.

— Но он предан больше, — определил я. — Как прекрасен этот мир, который создал Господь, верно? И какая несправедливость, что все может исчезнуть.

Она вздохнула, я посмотрел с глубоким сочувствием на ее потемневшее лицо.

— В такой ясный солнечный день, — проговорила она в некотором горестном недоумении, — трудно поверить даже в какие-то даже мелкие неприятности!

— А в гибель человечества?

Она покачала головой.

— Умом понимаю, что это вот-вот случится, но какую ж надежду нам вложил Господь! Понимаем одно, верим в другое.

Бобик то ли догадался, что уже замучил Боудеррию, то ли захотел обновить навыки других лордов в метании на дальность, но понесся к ним, держа длинное бревнышко в пасти посредине так, что съебет с ног по два всадника вместе с конями с каждой стороны.

Плотно сбитая группа моментально рассеялась. Альбрехт и Норберт догнали нас, Альберт сказал с ходу:

— Ваше величество, какие-то слабые стороны уже отыскали?

Я ответил задумчиво:

— Мне показалось, глаза у них... великоваты.

Они переглянулись с Норбертом, Альбрехт проговорил с недоумением:

— Это все заметили, прости, Господи, их души и прими с миром.

— Если гляделки великоваты, — сказал я, — это значит, в тех местах, откуда они прибыли... нет, откуда родом, там недостаточно света. Солнечного света!

Он переспросил:

— Это что же... в пещерах живут?

— Не знаю, — ответил я. — А вдруг у них вообще нет солнца?

Он не округлил глаза, как сделал бы любой другой, поинтересовался скептически:

— Как это?

— Только луна, — объяснил я. — Конечно, она у них солнце, но все равно луна, хоть и солнце.

Он смолчал, зато Норберт спросил с недоверием:

— Это... как?

— Такое солнце, — объяснил я, — как луна. И восходит точно так, как луна, а не как солнце. Ну, это же так просто!

Он проговорил медленно:

— Их солнце так же слабо светит, как наша луна?

— В точку! — обрадовался я. — Вы все прекрасно сформулировали, сэр Норберт!.. Их солнце такое маленькое, как наша луна, потому и светит как луна, хоть и солнце!

Он смотрел на меня с сожалением во взоре.

— Ваше величество, но это невозможно...

— Почему?

— Солнце восходит утром, — ответил он непреклонно, — а луна вечером. Что это за королевство, где солнце светит так же слабо, как луна?.. Это даже не Гиксия, а вообще... Или земли далеко за Гиксией?

— Увидим и те земли, — пообещал я. — А пока ломаю голову, почему у них нет оружия. Вы же заметили, у них его нет совершенно!.. Нет-нет, я говорю об индивидуальном, Маркус не в счет.

Норберт переспросил:

— Вы говорите о мечах?

— Мечах, — ответил я нетерпеливо, — топорах, копьях, луках... Неважно. Ничего нет, даже ножей.

Он сказал медленно:

— А зачем оно им?

— В самом деле, — согласился Альбрехт. — Если превосходят любого нашего рыцаря, как мы превос-

ходим... даже не знаю, с чем сравнить, чтобы вас не обидеть!

Норберт произнес мрачно:

— Не обидите. Слишком много достойных рыцарей погибло, не причинив чужакам никакого вреда. Да, они сильнее нас. Как лев сильнее козы. Даже козленка.

— Спасибо, сэр Норберт, — сказал я. — В данном случае признание реальности важнее, чем наша гордость и уязвленное достоинство. Они сильнее, неизмеримо сильнее, но это можно повернуть против них...

— Как? — спросил Альбрехт, а Норберт не сводил с меня вопрошающего взгляда.

— Они изначально были сильнее, — сказал я. — Адам был изгнан в жестокий мир, где оказался одним из слабейших существ. Чтобы выжить, ему пришлось взять в руку камень, а потом дубину. Очень быстро придумал, как сделать лук и копье, но и это не поставило его царем природы, а только чуточку сравняло силы.

Норберт кивнул.

— Да, ваше величество. Если бы я стоял тогда на пути последнего кабана, которого добыл до Маркуса, тот просто смел бы с пути!.. Убил бы одним ударом.

— Потому, — подхватил я, — они так и не научились ничего брать в руки! Они и так сильнее всех. Но сейчас прибыли к нам, где все мы хоть и намного слабее, но умеем вооружиться.

Он покачал головой.

— Ваше величество... Должен напомнить, чужак легко побивает рыцарей, сколько бы их ни встретил. Они и двигаются так, что глазом не уследить, и бьют так, что панцирь в лепешку. Наше вооружение...

— Это если контактное, — уточнил я. — А как насчет метательного?.. Из пращи?.. Гастрафареты? Катапульты?.. Нет-нет, я не говорю, что они все решат! Просто

нужно искать, искать, искать... Господь назначил нас владыками всего мира!.. Потому мы должны обуздить наглецов, что посягнули на доминантность человека. Думайте, думайте!..

Глава 9

Они оба чуть придержали коней, а мы с не проронившей ни слова Боудеррией выдвинулись вперед, через пару минут въехали в тень от Маркуса.

Я зябко повел плечами. Всего лишь тень, но не просто прохладно, а холодно, вот-вот трава покроется инеем. Пусто, ни одного кузнечика, ни божьей коровки, ни бабочки, даже вездесущих муравьев нет. Муравьи хоть ничего и не боятся, но в неприятные места заходить избегают.

Я всматривался в приближающуюся стену: что же ты за, почему, ну не верю уже, что ты продукт высоких технологий. Скорее, плод озарений, слишком уж предельно прост даже с виду. Это Эркхарта — сложнейшее сооружение, куда вложен труд тысяч высококлассных специалистов, где нашли применение результаты работ физиков, химиков, электронщиков, в то время как Маркус, вижу и чувствую, нечто единое...

Голова начала кружиться от страстной жажды понять, что же это такое и как удалось его создать. Что же такое увидели те звездные твари в окружающем мире, что создали Маркус, как Архимед создал водяную мельницу, наблюдая за движением воды, или как древние рыбаки придумали раздувающий их рубашки ветер ловить в растянутые полотнища на мачте.

Но не понять, не вижу того, что доступно этим существам. У них и диапазон зрения от инфра до ультра, наверняка видят рентгеновские лучи, а то и все

космические, потому звездное небо для них выглядит совсем иначе...

И природу понимают не так просто и примитивно, как мы. Нет, понимают — не то слово, просто видят в ней больше, а также чувствуют ее лучше.

Страх и даже ужас пронизали все тело, словно я ощущал себя падающим в бездну или же оказался в черном космосе. Зажмурился, сердце стучит в панике, я с великим трудом заставил грудную клетку раздвинуться и сделать вдох.

— Да что за хрень, — пробормотал кто-то, я не сразу узнал свой измененный ужасом голос, — им дано больше... но и нам что-то обломилось тоже. Подумаешь, древнейшая цивилизация! У муравьев она еще древнеее, а заслуг прям не счешь...

Боудеррия сказала испуганно:

— Ваше величество!

Я прошептал:

— Что?

— Не оборачивайтесь, — предупредила она. — Нельзя, чтобы лорды увидели ваше лицо, а то начнется паника.

— Ну спасибо, — буркнул я. — А говорила, красавец.

Она запротестовала:

— Никогда такого не говорила! И не скажу. Ни за что. Ну вот, сейчас вы уже похожи просто на мертвеца, а то было вообще жуть...

— Я впечатлительный, — проговорил я тихо. — Молотком по пальцу, бывало, и сразу так впечатлен, так впечатлен!.. А если еще не по пальцу... И не молотком... В общем, общая картина проясняется. Боудеррия, смутно вижу дорожку к трудной, но великой победе. Но через тернии. И всякое там еще. Давай объедем эту гору, посмотрим с тылу.

— С тылу?

— Ну да, — сказал я, — сзади.

— А где зад?

— Не придирайся, — сказал я строго. — А то скажу где.

Она молча пустила коня рядом с арбогастром, так обогнули Маркус, но чудовищная гора из полированной стали упорно отказывается раскрывать свои тайны. Норберт в конце концов отбыл к своим разведчикам, Альбрехту я тихонько велел увести это цветное стадо лордов обратно в лагерь.

Боудеррия бросала Бобику бревнышко, она при деле, остальные с неохотой подчинились. Я проводил их взглядом и повернулся к обоим преданным.

— Проголодались, морды?

Боудеррия оглянулась.

— Это нам?

— Бобику, — пояснил я, — но если хочешь, тебя тоже покормлю.

— Из той же мисочки?

— Какие мисочки? — удивился я. — Бобик ловит на лету. А ты сумеешь?

— Пастью? — переспросила она. — Нет, сдаюсь.

Я покинул седло, арбогастр отправился шагом к мрачно блестящей стальной стене, попытался там отгрызть кусок, вернулся с обескураженным видом.

— Я бы тебе эту штуку всю скормил, — сказал я, — да ухватиться не за что, верно?.. Садись с нами, побудай.

Арбогастр подумал, мотнул головой и отошел в сторону, где отыскал вкусный бульдожник и жутко захрустел им, размалывая в песок.

Боудеррия поколебалась, глядя, как на белой скатерти появляются блюда, грациозно села, красиво и очень по-женски подогнув ноги, а перед нею на больших глиняных тарелках продолжали возникать бифштексы,

копчености, тушеное, печеное и запеченное, вырезка, стейк, карбонад, ветчина, буженина, корейка, кровяные колбаски, крабовое мясо, бекон...

— Это что, — спросила она с подозрением, — я должна съесть?

— А что, — поинтересовался я, — мало?

— Да как-то ты...

— Успокойся, — прервал я. — Это вам на двоих.

Бобик, стоя с Боудеррией рядом, уже смотрел на мясо жадными глазами.

Боудеррия буркнула:

— Так бы и сказал.

Себе я взял ветчину с яйцом, а Боудеррия безостановочно бросала в раскрытую пасть Бобика, как мелкие щепочки в горящую печь, мясные вкусности. Тот проглатывал, как мух, и смотрел на нее ожидающими глазами.

Кончилось тем, что он наконец сыто улегся с нею рядом, а она обнаружила, что на скатерти уже пусто.

— Здорово... как вы быстро все сожрали!

Я погладил себя по животу.

— Да, мы с Бобиком откушали неплохо. А тебе обед понравился?

— Нет, — отрезала она. — Это нечестно!

— А ты разве не женщина?

— Нет!

— Тогда да, — согласился я. — Это было нечестно по отношению к соратнику. Вообще-то мне повезло с соратником. С виду вроде женщина, а присмотришься — соратник! Но в то же время вроде бы и как бы женщина...

Она сказала язвительно:

— Именно как бы!.. А это что?..

— Очищенные креветки, — объяснил я. — Это съедобно. Весьма. Тебе понравится. Ты же хищница? А еще и морская.

Она буркнула:

— Я не знала, что это едят. Наверное, совсем нищие? Которые с голоду мрут?

— Не угадала, — ответил я. — Самые богатые. Деликатесы.. Только самые богатые могут себе это позволить.

— А ты богатый?

— Еще бы, — заверил я. — У меня есть вы с Бобиком.

Она погладила Бобика по холке.

— Спасибо, Бобик, благодаря тебе и я удостоилась. А он такое ест?

— Он все ест, — ответил я, — вернее, почти все. А все ест только человек, потому он и царь природы, что ест всех. А ты, я вижу, перебираешь, капризничашь.

— Это я кокетничаю, — объяснила она.

— Все-таки женщина? — сказал я озадаченно.

— Прикидываюсь ею, — объяснила она. — Чтобы не ущемлять мужское превосходство вашего величества.

Она осторожно пробовала креветки, такие белые, сочные, деликатесные, а я думал с тоской, что как бы помогли монахи Храма Истины, если бы могли покидать свой монастырь. Не знаю, что именно получили взамен, то ли вечную жизнь, то ли что еще круче, но тогда это было весьма оправданно, никому из них и так не хотелось даже на час отлучаться из такого замечательного места, но сейчас аукнулось.

Я вспомнил их тайны, повышенную секретность, вполне оправданную, ибо в мире хватает авантюристов, что жадно роются в развалинах и древних гробницах, пытаясь отыскать вещи исчезнувших эпох, чтобы с их помощью заполучить то ли богатства, то ли волшебные силы. В Храме Истины собрались те, кто не просто собрал, но и сумел многие из них... ну пусть некоторые, заставить работать.

И опять же, хватило мудрости не выходить с ними в мир, а продолжать исследования, используя уже полученные мощности.

Большинство монахов, как я понял достаточно быстро, не знают всего, что открыто Высшими Братьями, вообще-то мудрое решение, и никто не освобожден от тяжкой работы, хотя, догадываюсь, некоторая вполне может быть сделана и без усилий человека.

И конечно, аббат и еще один-два высших иерархов монастыря могли обладать достаточной силой, чтобы устоять перед звездными пришельцами... хотя, может быть, этой силы нет ни у кого на свете.

Боудеррия заметила, как потемнело мое лицо, села рядом и дружески обняла за плечи.

— Что-то вспомнил?

Голос ее был настолько участливый и полный понимания, что я вздохнул судорожно, словно ребенок после долгого плача.

— Дело касается всего мира, — ответил я, подбирая слова, — но деремся за него только мы. Почему так?

Она сказала мягко:

— Разве так не везде?.. Мир просто существует, а горстка людей тащит его либо вперед, либо вбок, а то и вовсе назад.

— Лишь бы не в пропасть, — сказал я.

— Бывает, — возразила она, — что и в бездну. Не случайно же миром правят короли, а народы идут по пути, выбранному их королями. Ты король, Ричард!.. Значит, ты не один.

— Сейчас один, — ответил я с горечью, взглянул на нее и поспешно уточнил: — С тобой и Бобиком.

— У тебя миллионы подданных, — напомнил она, — они дали тебе все, что у них было: право решать за них, распоряжаться ими. Так что ты сильнее, чем думаешь.

А что, мелькнула дикая мысль, если бы можно аккумулировать силу всех подданных, вот бы всем показал! Горы своротил бы. А этих с Маркуса сразу бы в лепешку...

— Хорошо говоришь, — ответил я со вздохом. — Спасибо. Ты настоящая.

— Женщина? — уточнила она.

— Просто настоящая, — ответил я уклончиво. — И женщина в том числе. Вон у тебя эти...

— Не надо, — прервала она. — Я тоже как-то их видела. Встряхнись, Ричард. Ты не выходил из боя слишком долго, но продержись еще чуть-чуть. Ты нужен! Ты — наша надежда.

Я сказал сердито:

— Не говори таких высоких слов. У меня голова кружится, еще брякнусь тебе на потеху. Да и вообще... что значит жизнь одного человека?

— Сматря какого, — возразила она сурово. — Миллионы гибнут, никто не замечает, но когда умирает герой... Вон кто-то скачет в нашу сторону. Двое...

— Люди Норберта, — сказал я. — Джон Зеленые Штаны и Хьюсак, одни из лучших.

— Ты всех своих воинов знаешь?

— Я такой не один, — ответил я скромно. — По крайней мере, знаю еще одного полководца, который помнил всех своих солдат по именам, даже когда стал императором.

Всадники начали сдерживать коней, те храпят и дико вращают глазами, требуя продолжить яростную скачку, Бобик даже не вскочил навстречу, лениво приоткрыл один глаз и снова уронил голову рядом с коленями Боудеррии, ткнул требовательно лбом, чтобы не забывала почесывать, иначе какие любовь и дружба без подтверждения?

— Ваше величество, — вскрикнул один, — барон Дарабос поручил сказать, что за прошлую ночь вышло четыре отряда! И народу сognали втрое больше, чем в прошлый раз!

— Понятно, — ответил я. — Возвращайся и передай барону, в эту ночь их будет наверняка еще больше. Нужно выводить третью наших войск и располагать заранее в намеченных прежде местах. Пусть передаст это Альбрехту.

— Будет исполнено, ваше величество!

Второй козырнул молча, оба развернули коней и унеслись, быстрые, как огромные птицы.

Боудеррия произнесла задумчиво:

— Час битвы близок?

— Слишком, — ответил я, — а мы не готовы. Мы совсем не готовы.

— Ну, — протянула она с недоверием, — на вас не похоже, ваше величество. К чему-то да готовы?

— Готовы только умереть, — сказал я. — Но разве надо это?.. Мне нужна победа. А умрут или нет — дело десятое.

— Так ли?

— Конечно, — уточнил я, — предпочел бы, чтобы все остались живы, однако уже реалист, что весьма пакостное состояние... Возвращаемся, Боудеррия.

— Возвращаемся в реальность, — ответила она с некоторой печалью в голосе. — Но реальность... не сама по себе. Она то, во что ее превращаем.

Бобик вскочил, ринулся к арбогастрю и сердито гавкнул. Тот перестал хрустеть камешками, повернулся к нему задом, но Бобик благоразумно отскочил.

Арбогастр презрительно фыркнул и рысью подбежал к нам, посмотрел с иронией на лошадку Боудеррии.

Я помог, несмотря на сопротивление ее хозяйки, подняться в расписное седло, сам вскочил как можно

бодрее, Боудеррия хоть и друг, но еще и женщина, кто бы подумал, что такое возможно.

Боудеррия с сердитым видом разобрала повод, в самом деле все еще чудится, что позорю ее мужской помощью, словно какой-то там беспомощной кокетливой даме.

Бобик весело скалит зубы, вид у него таков, что все понимает. Она оглянулась, сказала зябким голосом:

— Не представляю, как это все исчезнет?.. Мне даже лягушек и муравьев жаль, как будто они родные!

Я покосился с удивлением, вот уж не ожидал от вительницы такой сентиментальщины.

— Вообще-то, — сказал я, — мы родня не только с Адамом. — Да-да, с лягушками и муравьями тоже. Как со всем животным и неживотным миром!.. До Адама Господь создал солнце и звезды, потом из того же материала, чуть перелепив его по-другому, создал землю, деревья, а затем самых простых таких дочервячков, их амебами зовут... Мы с ними тоже родственники, как и со всем на свете!.. Затем Господь творил существ все сложнее и сложнее, наконец создал человека, который тоже плоть от плоти этого мира!.. А вот эти инозвездные чужаки — уже совсем другое.

Глава 10

Кони медленно пошли рядом, поглядывая друг на друга, Боудеррия спросила с интересом:

— Почему? Чужаки больше похожи на людей, чем наши лягушки!

— То, что похожи на людей, — ответил я авторитетно, — не весьма довод. И мы похожи на рептилий, от которых произошли. У нас тоже два глаза, как у жаб и ящериц, даже по пять пальцев на каждой лапе...

Она сказала с недоверием:

— Ну и шуточки у вас, сэр Ричард.

— Какие?

— Что мы от рептилий, — ответила она с достоинством. — Моя мать вовсе не рептилия. Еще какая не рептилия!

— А-а-а, — протянул я, — я имел в виду наших более далеких предков.

— Вы имеете в виду, — уточнила она, — тех, которые на знаменах рода?.. Я больше видела львов да медведей, но рептилий...

— Рептилии были еще раньше, — заверил я. — Великолепные и грозные! Под их поступью дрожала земля, звери разбегались в ужасе.

— Да? — спросила она с недоверием и живейшим интересом. — Ладно, на такую рептилию я согласна.

Арбогастр, пошевелившись с ее лошадкой, красиво выпрямился, встряхнул гривой, глаза вспыхнули азартом.

— Не спеши, — предупредил я, — а то у меня мысли бултыхаются.

— Он понимает? — спросила Боудеррия.

— Меня все не понимают, — ответил я с упреком, — даже ты. Но Зайчик и Бобик понимают всегда.

Она тряхнула гривой волос, чем-то став похожей на миг на моего арбогастра.

— Не бреши, я тебя понимаю. И ты это знаешь, только признать не хочешь.

В лагере жизнь кипит, как в разворошенном муравейнике. Разведчики Норберта перехватывают на еще подступах воинские отряды, что спешат из дальних земель на великую битву с Багровой Звездой, размещают на заранее разведенных местах, а военачальники торопятся в наш основной лагерь, чтобы представиться и поступить в распоряжение короля, осмелившегося бросить вызов неизбежному.

В мое отсутствие их принимает Альбрехт, но потом все равно идут ко мне. Для всех должны быть слова утешения, бодрости и уверенности в полной победе. Правда, пользуясь уже обкатанным набором, нет смысла для каждого лорда придумывать что-то свое, я политик и должен иметь наготове общие фразы, пригодные для всех и каждого.

Норберт вышел нам навстречу, двое ухватили арбогастра за повод, явно Норберт дал команду. Я понял, спешился, арбогастра увели, с ним понесся прыжками и Бобик, держа нос по ветру.

Я повернулся к Норберту, он значительно посмотрил на меня и пошел из лагеря. Я выждал чуть, догнал, когда он вышел за пределы охраняемой зоны.

— Барон?

Он оглянулся, сурое лицо вообще как выкованное из стали, даже голос прозвучал так, будто бьет молотком по раскаленной заготовке для меча:

— Неприятность, ваше величество.

— Давайте, — ответил я, понизив голос. — Неприятностей у нас столько, что уже привыкаю. Это если приятность — ахну и упаду в обморок.

— Тогда вон туда.

— Там тропа?

— Троп нет, но кое-что другое...

Он прошел еще по периметру лагеря, заходя с той стороны, где дальше только дикий лес на сотни миль. Я следил за ним, уже поглядывая по сторонам, заметил, что лесная трава истоптана, пара веточек сломана.

Остановившись, он произнес ровно:

— Как вам это?

Я взгляделся в оттиски следов, сердце болезненно сжалось еще до того, как понял, что вижу. Охотник из меня паршивый, но все же разбираюсь в оттисках ко-

пыт коней, коров, оленей, кабанов и прочего зверья, но эти вот... страшно даже вышептать...

Он посмотрел на меня внимательно, я сам ощутил, как кровь отливает от лица.

— Догадываетесь? — спросил он тяжелым голосом.

— Не могу поверить, — прошептал я. — Если подходили так близко, то наш лагерь отсюда как на ладони!

— Верно, — подтвердил он угрюмо.

— Но тогда... почему не напали?.. Испугались отпора?.. Им стоило подождать чуть, когда все заснем... Скорость у них, часовые и пискнуть бы не пискнули!

Он прошелся чуть, внимательно всматриваясь в землю.

— Они не просто наткнулись, — сказал он. — Они здесь стояли довольно долго. Вот посмотрите, как вдавлено здесь!

— Их разведчик был не один? — спросил я. — Вроде бы вон те отиски разные...

— Двое, — ответил он. — Потом подошел третий, с ним сразу ушли. Очень быстро, вот тут впереди углубление больше, чем сзади... Они вообще-то не ходят, а бегают. Бег для них...

Он запнулся, я быстро подсказал:

— Естественное состояние. Что и понятно, это у нас ноги все еще руки, а у них ноги — уже ноги.

— Ваше величество?

Я сказал виновато:

— Простите, что так непонятно, но это неважно... Вернутся с подмогой?

Ответить он не успел, кусты затрещали, моя рука метнулась к рукояти меча, а Норберт поспешил встать впереди меня и тоже обнажил меч.

Ломая кусты, выбежали, как слон со слоненком, Тамплиер и Сигизмунд, захеканные и злые.

— Ваше величество, — сказал Сигизмунд, стараясь опередить Тамплиера, тот не стал бы деликатничать, — вы не должны покидать лагерь без нас!.. Тем более вот так неожиданно!

Мы с Норбертом перевели дыхание, я распустил напряженные мышцы и сказал почти ласково:

— Заботливые вы мои... Хорошо, вы правы, возвращающиеся. Но мы не теряем бдительности! Видите, что у нас?

Тамплиер смерил взглядом длину моего меча.

— Неплох, — признал он нехотя, — но когда-то у вас был и получше.

— Хорошие были времена, — согласился я. — Мы здоровее, враги мельче... Теперь наоборот.

Он рыкнул:

— Ничего подобного. Вон и барон Дарабос скажет. Норберт кивнул.

— Да, это в нас говорит усталость. После Маркуса отдохнем. Долго!.. Как милостиво разрешает его величество, часа два, а то и три.

Сигизмунд смотрел огромными глазами, какие-то мы все непонятные, и лишь когда повернули обратно в лагерь, вздохнул с облегчением.

Я двигался с настолько отрешенным видом, что с вопросами ко мне никто не приближался, а я все пытался понять, почему это чужаки, обнаружив наш лагерь, посмотрели и ушли, хотя могли бы и напасть, и попытаться нахватать нас в плен, все-таки здесь народ более здоровый и сильный, чем в деревнях.

— Сэр Норберт, — сказал я, — пока помалкивайте. Нам только паники не хватает!

Он кивнул.

— Ваше величество, я не проболтаюсь точно.

— Намек понял, — ответил я сварливо, — но я тоже нем, как две рыбы. Сперва поймем, потом... Это кто там скитается?

Он сказал с пренебрежением в голосе:

— Сэр Рокгаллер. Никак не найдет себе дела.
— Мужчина без дела, — согласился я, — уже не мужчина и даже не совсем человек. Ладно, идите, я переговорю с ним.

Сэр Рокгаллер услышал наши шаги, повернулся, однако надежда на его лице быстро угасла, очень уж мы сами озабоченные. Норберт прошел мимо, лишь чуть кивнул, я сделал лицо благожелательным и пошел к человеку, который всю жизнь занимался канцелярской работой и управлением торговыми делами, умело наращивая свой капитал и влияние, а вот в лагере с каждым днем выглядит все хуже, недалеко до срыва.

Я замедлил шаг и сказал властно:

— Сэр Рокгаллер, вы человек из тех, кто умеет решать вопросы без драки и даже без ругани. Вы — человек будущего!.. Потому хочу, чтобы вы продумали и подробнейшим образом разработали различные варианты переговоров с чужаками.

Он поклонился, но когда расправился, на лице изумление стало еще больше.

— Ваше величество?

Я сказал с деланным нетерпением:

— Они уже поняли, не могли не понять, что на этот раз мы не совсем те. Думаю, своими членами общества дорожат. Чем выше общество, тем дороже каждая его ячейка.

Он дернул щекой, на лице пропустило выражение понимания, спросил отрывисто:

— Что им предложить?

— К примеру, — сказал я, — можно стадо коров. Или овец. Можно то и другое. Это если им для еды. Если для каких-то других надобностей...

Он подхватил:

— Тогда можно укешнеров целиком. Противное племя! Король у них полный дурак, королева — визгливая дура. А дочка так вообще страшилище еще то!..

Я подумал, покачал головой.

— Через их земли идет Веска, большая и судоходная, так что укешнеры нам нужны для строительства портов, складов, расширения гаваней, а еще кое-где нужно убрать пороги.

— Так они ж только народ заберут, а земля останется!

— А кто будет лес рубить, — спросил я, — порты строить?.. Из соседних земель народ завозить?

— Тогда весперов?.. Там и королевство в медвежьем углу... Ни рек достойных, ни леса. Одни болота.

— Тогда главное, — сказал я, — договориться, что чужаки землю не тронут. Но, думаю, вариант не пройдет. Они все равно захотят зачем-то потом с высоты уничтожить землю.

— Ну и хорошо, — сказал он с облегчением. — А то хоть весперы и полные сволочи, но все же вроде люди, хоть и паршивые, а эти козлоногие так и вовсе... На предательство похоже малость, хотя если по отношению к весперам, то какое это предательство?

— Ладно, — сказал я, — идея вообще-то важная, проработайте ее внимательнейшим образом со всеми нюансами и фибрами. Это вполне может! А может, и не может, но мы все равно не должны. Но в то же время обязаны! Так что, сэр Рокгаллер, это очень важно. Не единственное направление наших действий, но одно из.

Он поклонился, сказал с чувством:

— Приложу все усилия, ваше величество. Сам займусь и людей нужных привлеку. Вот граф Мальгерт, если вы его помните, очень умен и много в области дипломатии знает от своего деда, тот вел переговоры о покупке скота в Варт Генце...

Граф Мальгерт, на которого указывал Рокгаллер, услышав свое имя, почтительно поклонился издали. Сэр Рокгаллер подал ему знак приблизиться, граф Мальгерт подошел мелкими шажками и поклонился еще раз.

Я сказал значительно:

— Мы должны пробовать разные тактики! Найдем и ту, которая принесет нам победу. Какую именно тактику... еще не знаю, но придумаем! Мы же люди, а людей Господь создал изобретательными, умными, хитрыми, изворотливыми, коварными и вообще замечательными. Это же очевидно, стоит посмотреть хотя бы на графа Мальгерта.

Граф обиделся, но сказал очень вежливо:

— Почему на меня? Лучше на сэра Рокгаллера. Он смешнее.

— В общем, — сказал я, — напрягайте мозги. Если не изобретем...

— Господь разочаруется, — согласился Рокгаллер. — Это главное. Ваше величество, так я привлекаю графа?.. Граф, нам поручено важнейшее дело...

Граф посмотрел на меня и сказал преданно:

— Приложим! Только скажите, ваше величество, как. Эти твари не только бьют сильно... но и слух у каждого, как у целой стаи волков!

— И нюх, — подсказал сэр Рокгаллер. — Ваше величество, в прошлый раз в засаде наши люди сидели абсолютно тихо, но нас почуяли. У сэра Церендаля ноги так пахнут, что просто воняют... нет, уже смердят, вот и учуяли издали...

— Сэр Церендаль доблестно погиб, — напомнил граф сурово, — так что ноги у него всегда были чистыми, сам опрятен и лицом светел!

— Простите, — сказал сэр Рокгаллер смиренно. — Да, сражался он доблестно. Хоть и недолго.

— Нужно что-то придумать инновационное, — сказал я твердо. — С применением самых передовых древних технологий! Я посоветуюсь с союзниками и решу, а вы тут устройте мозговой штурм. Не получится штурм, берите проблему осадой. С подкопами и прочими хитростями.

Они остались по моему кивку обсуждать новое задание, а я пошел к своему шатру, поворачивая так и эдак словцо, промелькнувшее в голове. Как-то странно застыло, то и дело всплывает. Наконец я сообразил, что в самом деле многие поступки и вообще поведение пришельцев как бы указывают, что прибыли не какие-то гениальные и продвинутые существа будущих времен, а... животные. Пусть и хищные.

Некоторое время отгонял эту глупость, но лезет снова, словно тут медом намазано, а все другие умнее. Конечно, можно предположить, что на охоту им положено отправляться с голыми руками, все равно сильнее всех существ, но все-таки, все-таки... Несерьезно как-то. Высшие существа не играют в такие игры, вот не поверю, и все. Дураки поверят, для них и в космосе все дураки, но не поверю, что через сто лет мы будем такими же идиотами, а там, судя по Маркусу, прошли тысячи, если не миллионы лет...

Остановился, слушая разговор у костра, один из ратников, крепкий и по виду уже повидавший всякого, держа в руках длинный прут с нанизанными на него кусками поджаренного мяса, рассказывает напряженным голосом:

— ...А еще двигаются они так быстро, что даже и не знаю! Не успеешь глазом моргнуть, как он уже троих ухватил и уволок, только пыль взвилась!

Второй ратник пробормотал негромко, но я рассыпал каждое слово:

— Если захочет ударить, даже не поймешь, что тебя сразило.

— Еще живучи, — сказал первый, — как не знаю кто! В одного всадили десяток арбалетных стрел, а он даже и не почесался!

Один из воинов помоложе спросил жалобно:

— Может быть, всадили в панцирь?

Ратник покачал головой.

— У них нет панцирей. Ничего не понимаю! То стрелы отскакивают, то пробивают чуть ли не насквозь. И все равно без толку. Один такой, весь истыканный стрелами, убил дюжину наших и ускакал за своими.

Молодой ратник сказал вздрагивающим голосом:

— Страсти какие! Как же с такими драться?

— Это только наш король знает, — ответил ветеран.

— Уже знает?

— Или придумает, — заверил ветеран. — Я знаешь, сколько с ним войн прошел? И ни одной наш король не проиграл!

Я тихонько отступил в тень. Вот так и создаются легенды. Получается, что я уже лет сто или хотя бы двадцать постоянно воюю по всему миру. А как же иначе, король должен воевать, чтобы стать знаменитым. И убить как можно больше людей, дабы прославиться и стать великим королем.

Глава 11

Норберт вошел в шатер через час, я поднял от стола тяжелую, словно налитую горячим свинцом, голову.

— Что, уже темнеет?

— Нет, — ответил он, — но уже скоро.

— Новости есть?

— Новости всегда есть, — ответил он уклончиво, — но не слишком... весомые.

— Например?

Он произнес подчеркнуто бесстрастно:

— Разведчики сообщили, многие местные лорды, собрав дружины, на закате выехали к Маркусу. Там ждали, пока оттуда выедут захватчики и попиратели наших прав.

Сердце мое сжалось.

— Бой был коротким?

— Очень, — подтвердил он. — Из чужаков никто не погиб, а наши полегли все до единого.

— Даже кони? — спросил я.

Он кивнул.

— Да. За коней я бы вообще живыми на кол... Кони в чем виноваты? Но это не все, ваше величество.

Я сказал со стесненным сердцем:

— Давай, бей дальше.

Он кивнул.

— Твари пошли в села и начали сгонять людей в окрестных селах. Кто-то успел не то убежать, не то вообще ночью удил рыбу, тут же прибежали в замок. Там сразу подняли остатки гарнизона. Пленных хоть и заставляют бежать, но кони идут все же быстрее, так что нагнали на полпути к их летающей крепости...

Он говорил сухо, сдержанно, не меняя выражения лица, меня называет вашим величеством, это чтобы я вел себя как правитель, не поддаваясь эмоциям, не проявляя жалости и даже сочувствия, чтобы решал механически правильно, как нужно большинству из нас, не обращая внимания на все возрастающие потери.

— Погибли все? — спросил я.

Он снова кивнул.

— Да. Эти твари снова убили даже коней.

Сердце мое болезненно сжалось, это же сколько благородных рыцарей погибло, не успев даже нанести удара по противнику.

— Действительно твари, — ответил я. — Не понимаю, почему коней... Наверное, и собак?

— Собак убивают в первую очередь, — ответил он сухо. — Те же сразу бросаются защищать хозяев!.. Зато кошек мерзкие твари не трогают.

— Кошек пусть хоть всех перебьют, — буркнул я. — Все равно одичают без хозяев. Хорошо, сэр Норберт, я принял информацию к сведению. Тревожное в ней прежде всего то, что многие так и не ушли в леса.

— Они ушли, — уточнил он, — но днем ничего не случилось, вот ночью и начали возвращаться.

— Народ всегда надеется, — сказал я с тоской, — что как-то пронесет, все образуется само собой... Это нам, правителям, приходится спасать его от его же дури, лени, косности, заблуждений. Как погибли те лорды замков со своими верными рыцарями, пытаясь спасти этих дураков... Не волнуйтесь за меня, сэр Норберт! Я такая цаца, что плачу, когда слышу волнительную музыку, но когда гибнет сто тысяч дураков, только поморщусь, да и то не слишком. Я уже в самом деле король. Для меня дураки хороши только тем, что платят налоги.

Он поклонился, в глазах почти неуловимо мелькнуло чувство облегчения.

— Ваше величество...

— Сэр Норберт, — ответил я, стараясь держать голос протокольным и одновременно дружественным.

Он поклонился и вышел. Я перевел дыхание, чувствуя, как лицо от каменно-фараонного перетекает в человеческое с гримасой боли и ярости.

Уже уведено в плен неизвестно сколько запуганных крестьян, погибли благородные лорды, ринувшиеся защищать их с доблестными рыцарями... а мы едва-едва сумели с огромным трудом убить только одного из этих чужаков и еще ни одного не захватили в плен...

— Джон, — велел я слуге, — разыщи сэра Альбрехта, Робера, Келляве, а также обоих паладинов и самых знатных рыцарей. Скажи, через час велено явиться. Разбуди тех, кто уже заснул.

Он бесшумно исчез, я остановился на полпути, чувствуя, что злость убыстряет шаги, вот-вот с разгону прорву стену шатра.

Что мы можем? Что можем противопоставить звездной моци? Если они выходят из корабля безоружными и без доспехов, но с легкостью отбивают любое наше нападение?

После того случая, о котором мы с Норбертом никому не сказали, только удвоили ночную стражу, я потрепал по башке спящего Бобика, тихонько вышел из шатра и позвал арбогастра.

Сниматься лагерем и перебазироваться на другое место уже поздно. Что-то им помешало напасть, а раз так, то хорошо бы понять, что именно. Возможно, здесь и таится глубоко зарытый ключик к победе...

Арбогастр посмотрел с недоумением, когда я за пределами лагеря, но все еще в лесу, в полной темноте покинул седло и начал медленно ходить по траве, рассматривая видимые только нам следы, затем тихонько фыркнул и отошел в сторону, высматривая, что бы такое сожрать особо лакомое.

Я бродил не то чтобы долго, затем нечто дрогнуло во мне, словно задребезжал тревожный звонок, тело застыло само по себе.

В сотне ярдов бежит в мою сторону чужак, в ночи выглядит огромным и страшным, но это из-за гротескности фигуры и козлоногости, опустил голову даже ниже обычного, смотрит в землю, копыта стучат негромко.

Я не стал звать арбогастра, поздно, смотрел на пришельца и старался внушить себе жуткий страх, который, как уверяет Карл-Антон, они чувствуют издали.

Чужак резко развернулся, я даже не успел заметить, как это он сделал, только что смотрел в землю, а сейчас вперил в меня взгляд крупных глаз навыкате.

Мне страшно, напомнил я себе, хотя и напоминать не нужно, в самом деле жутко до дрожи в коленях.

Он быстро шагнул в мою сторону, и снова я уловил только смазанное движение, словно его тело растянулось в пространстве, оставаясь еще на прежнем месте и одновременно оказавшись частью себя передо мной.

— Как же мне страшно, — повторил я уже вслух. — Зайчик, ко мне!

Чужак мгновенно повернул голову в ту сторону, откуда прозвучал конский топот. Мои пальцы стиснули рукоять молота, и в тот же миг я торопливо швырнул, страстно желая, чтобы Мьельнир попал точно в голову этому чудовищу.

Арбогастр еще не успел появиться в поле зрения, как чужак, оставаясь внизу неподвижным, повернул ко мне всю верхнюю часть туловища, словно скрутился подобно мокрой тряпке.

Молот ударил его в лоб. Я услышал сухой треск, словно раскололся в огне костра огромный валун. Чужака швырнуло на ствол могучего дуба. Я, ухватив в прыжке молот, очутился у распластанного тела. Молот в руке готов для удара, хотя голова пришельца размозжена в студень.

— Бобик, — позвал я.

Адский Пес появился вслед за арбогастром, бросил на меня укоризненный взгляд и тут же повернулся к чужаку. Из горла вырвалось лютое рычание.

— Тихо-тихо, — сказал я. — Надеюсь, с этим мы справились...

Карл-Антон охнулся, когда я сбросил с седла тело чужака. Примчался Бобик, от злости и огорчения, что пропустил такое, никак не может прийти к себе, рычит, глаза багровые, даже арбогастр вздрагивает и страшно скалит огромные зубы.

— Ваше величество!

— Осмотрите, — велел я. — Разрежьте хоть на сто частей, но постараитесь узнать что-нибудь новое. Хорошо бы понять, почему такое живучее... Но, боюсь, это пока не по силам.

Со всех сторон сбегались воины, один из рыцарей вскрикнул пламенно:

— Главное, как их убивать!

Второй кивнул в мою сторону.

— Его величество сумел.

— Не у всех такие молоты, — огрызнулся рыцарь. — Да и не перебьет его величество всех чужаков!.. Не царское это дело.

Я сказал честно:

— Вообще-то повезло. Наткнулся на одинокого! Но даже его если бы не сумел застать врасплох... Было бы двое, разделали бы меня точно. Ладно, занимайтесь... а у меня дела.

— Позови графа Гуммельсберга, — велел я часовому, входя в свой шатер. — Если он поблизости.

Альбрехт явился через пару минут, словно сидел с солдатами у ближайшего костра.

— Ваше величество?

— Сэр Альбрехт, — сказал я тускло, — мои лорды восприняли мой наказ относиться к этим тварям как к могучим и опасным животным... как бы иносказательно. Дескать, без жалости! Но на самом деле...

Он посмотрел в упор.

— На самом деле?

— Они и есть животные, — ответил я. — У них нет, как бы сказать понятнее, нет... ах да, души!.. У них одни рефлексы. Инстинкт. Правда, такой, что я бы сам от такого не отказался. Конечно, с условием, что сохранил бы и разум.

Он переспросил:

— Боитесь помешательства?

— Нет, — сказал я. — Они неразумны. Понимаю, звучит странно, мы же считаем медведя умным, кабана глупым, лису хитрой, а ворону и сову вообще мудрыми, но эти твари... лишены ума вовсе.

Он спросил настороженно:

— А что такой ум? Они же говорят, сам слышал...

— Речь дана всем, — сказал я, — а вот ум немногим.

Речь есть даже у волков, слышите, как переговариваются, загоняя оленя в засаду?.. Но волки никогда не говорят о звездном небе, о Боге, создавшем этот мир...

Он помялся, посопел, наконец спросил осторожно:

— Эти... тоже не говорят?

— Дорогой граф, — ответил я, — грань провести трудно, однако они в самом деле животные! Я в этом теперь почти уверен!.. Не совсем, но как бы вот так!

От ответил с легким поклоном:

— Как основная доктрина, годится вполне. Как оно на самом деле, неважно. Но наших людей это воодушевит. Я пойду прослежу?

— Обязательно, — ответил я.

После его ухода я помедлил, прислушиваясь к уверенным шагам, а когда они затихли, крикнул слуге, тот вскочил в шатер и уставился преданными глазами.

— Лорды еще не подходят?.. — поинтересовался я. — Хорошо. Позови Карла-Антона. Уже помнишь, кто это?.. И пусть заходит так, как он умеет...

Он понимающие кивнул: старший маг старается не вызывать у рыцарей еще большей неприязни, потому

входит ко мне как можно незаметнее. Если бы мог, вообще появлялся бы незримником, но у часовых амулеты, увидят сразу и, заподозрив недобро, с ходу проткнут копьями.

Карл-Антон появился моментально, будто прислушивался к нашему разговору, поклонился, я не успел задать вопрос, как он сказал убитым голосом:

— Ваше величество...

Я сказал в нетерпении:

— Давай без предисловий сразу к делу. Что удалось?

— Ничего нового, — ответил он виновато. — Однако, ваше величество, у нас нет опыта!.. Это вы вскрыли уже тысячу трупов и знаете, что у них внутри, а мы даже не понимаем, что искать. Но, конечно, разрезали на сотню частей... изучили, запомнили...

Я вздохнул.

— И это хорошо. Вы хоть заметили, что у них, судя по строению, очень длинный репродуктивный цикл? Размножаются, в смысле, редко. Что наталкивает на одну неприятную мысль...

Он воскликнул:

— Так это же хорошо! Хуже, если бы размножались чаще! Они бы прибыли сюда и заселили все наши земли!

Я покачал головой.

— Понимаешь, селедка мечет миллионы икринок, жаба — тысячи. У птиц уже поменьше птенцов, но все равно каждый сезон несколько штук. Коровы приносят по одному теленку, как и всякие там козы, а вот человек тоже почти каждый год... но все-таки меньше. Не понял? Чем существо стоит выше, тем меньше детей дает!

Он насупился, пробормотал:

— Выше куда, к Богу?.. Выходит, эти чужаки даже выше человека?

Я развел руками.

— Не хочется такое даже думать.

— Так и не думайте, — посоветовал он.

— Это говорит ученый? — спросил я с укором. — Подумай лучше, что у них от силы бывает двое детенышней! Редко когда три.

— За год?

— За жизнь, — ответил я.

Он сказал обрадованно:

— Ого! Это же хорошо. Перемрут сами.

— Это как раз плохо, — сообщил я. — Значит, они в самом деле выше нас. Признавать не хочется, но факты.

— Ваше величество?

— Женщина может родить хоть двадцать детей, — сказал я. — Некоторые и выдают по столько, а уж пятнадцать детей в семье не редкость, верно?.. К тому же у нас бывают двойни, тройни, а кто-то и по пятеро детей сразу приносит, как мышь какая-то... Так что стоим где-то посредине между этими тварями и кроликами.

Глава 12

Он нахмурился, я видел, как старается понять, что же я сморозил, я сам чувствовал досаду, что хотя вроде бы объясняю правильно, но этим людям нужно на пальцах, еще проще, еще, а там и повторить медленно и внятно несколько раз.

— Значит, — сказал он угрюмо, — мы победим!

— Крысы рожают примерно шесть раз в год, — сказал я. — Всякий раз приносят по десятку крысят, а то, бывает, и по двадцать. И что? Они нас победили? Нет, Карл-Антон, все как раз наоборот. Когда меньше детей, больше о них заботы. Я впервые встречаю существо, которое размножается реже, чем человек... Это не радует, а тревожит... Что еще?

Он заметно помрачнел, отвел взгляд.

— Троє наших из молодых и талантливых, но очень горячих, прошлой ночью тайком выходили из лагеря поближе к Маркусу...

Я спросил встревоженно:

— И... как?

— Погибли, — ответил он тускло. — Пытались сбить их с толку фантомами, они в этом были лучшими, но... не помогло. Эти твари как-то видят, что это всего лишь изображения, хоть и объемные.

— А придавать им запахи, — сказал я, — не пробовали? Фантомам?

Он пробормотал озадаченно:

— Да никто и не пытался.

— Необходимости не было?

— Ваше величество, но кто же принюхивается? Вот человек, идет, улыбается, может кивнуть... что еще надо?

— Верно, — ответил я со вздохом, — беда в том, что эти твари как-то мгновенно обнаруживают подделку, верно?

Он пробормотал несчастливым голосом:

— Человека всегда можно обмануть призраком, как часто мы так развлекались в молодости!.. Это собака, к примеру, сразу видит разницу. Другие животные вообще не обращают на фантомы внимания. Может быть, вообще их не видят...

Я запнулся, какая-то мысль мелькнула совсем рядом, даже не просто мелькнула, а пронеслась с такой скоростью, что вышибла искру, но ухватить не успел, осталось только ощущение громадной важности для всего нашего противостояния с Маркусом.

Он заметил изменение на моем лице, чуткий, спросил быстро:

— Что-то придумали?

— Да, — ответил я злобно, — и тут же потерял. Что за дурак, не могу с собственными мыслями совладать! А берусь править!..

— Ваше величество, — предложил он, — постараитесь вернуться мыслями и чувствами чуточку назад. Сосредоточьтесь. Сам знаю, иногда такие ценности теряешь... Настоящие ценности, а не всякое там золото!

— Вспомню, — пообещал я, — у меня все потерянное из верхнего мозга опускается в нижний, а оттуда через какое-то время всплывает... как щасте какое-то, что не горит и не тонет.

Он сказал с надеждой:

— Все-таки надеюсь, что мысль была гениальной. Это не лесть, ваше величество! Сейчас мы за все цепляемся.

— Тогда да, — согласился я, — если за все.

— Ваше величество!

— Ладно-ладно, — сказал я, — это я так... а та идея вот сейчас вынырнула... но только какая-то совсем уж дикая.

— Ваше величество, — сказал он поспешно, — быстрее говорите! Сказанное теряется реже.

— Да к не хочется дураком выглядеть, — признался я.

— Никто не бывает умным постоянно, — заверил он и добавил торопливо: — Разве что Господь, как говорят, да и то иногда кажется...

— Это держите при себе, — предупредил я. — Мало ли что нам кажется. Нужны достоверные факты, да и то, кто им верит? А мысль была в том, что на фантомы не обращают внимание только животные. Вывод напрашивается вроде бы сам...

— ...Что эти твари — животные? — спросил он с сомнением.

— Вот-вот, — сказал я. — Глупость, да?.. Ладно, можете не отвечать, сам вижу. Дело в том, что они из на-

столько далеких королевств, что у таких тварей и глаза могут смотреть иначе. Вы же видели, гляделки у них не такие, как у нас?.. Дело не только в форме, могут не видеть какого-то цвета, но зреТЬ те, каких не видим мы! Да-да, есть такие в природе. Жуки и бабочки вот видят иначе. Даже собаки не видят синего цвета, а за красным у них не сразу черный, а еще и ультракрасный...

Он смотрел на меня с почтительным ужасом.

— Ваше величество... но вы откуда это знаете?

Я ощущил досаду, лопухнулся, сказал сердито:

— Расслабился я с вами, Карл!.. Вы для меня, не вслух будь сказано, в чем-то ближе самых высокородных лордов с вот такими родословными! Даже с вот такими. Но это так, считайте, я ничего не сказал.

Он торопливо поклонился.

— Ваше величество!

— Просто знаю, — сказал я сварливо, — из некоторых достоверных источников про собак, жуков и даже, представьте себе, мерзких червяков. Потому и смотрю ширше, глыбже и глобальнее как на проблемы человечества, так и на проблемы, близкие мне.

— Трудно представить, — пробормотал он, — что и видят иначе... Все-таки такие же, как и мы с виду. И ходят на двух ногах, пусть и с копытами...

— Это всего лишь значит, — отрезал я, — что на их планете... я имею в виду их королевство, не свирепствуют постоянные бури. Не больше!

— Ваше величество?

Я отмахнулся.

— Думаете, муравьи не предпочли бы носиться на двух задних ногах? Обзор больше, передние конечно-сти свободны для переноски груза... но их сдувало бы первым же порывом ветерка!.. Уже молчу, что и при безветрии все равно не смогли бы бегать быстро. А то и вообще бегать.

Он спросил в недоумении:

— Но... почему?

— Это мы не замечаем воздух, — ответил я, — но птицы на него опираются! А птицы, если вы заметили, потяжелее муравьев. Для муравья бегать в нашем воздушном океане то же самое, что для нас бегать по горло в воде... Потому носятся так, чтобы постоянно держаться за землю. А этот чужак всего лишь не держится, хотя это не делает его равным нам.

Он посматривал на меня изумленно и встревоженно, понятно же, что чужак точно не равен, он выше, сильнее, могущественнее, однако если я говорю такое странное, то что-то у меня в рукаве есть, есть...

Я чувствовал бессилие, сам знаю, что ничего, только надуваю щеки, сказал сердито:

— Ладно, идите и будьте готовы. Этой ночью мы должны продвинуться. Хватит биться дурными головами о стену!

Я ни на грамм не биолог, но в состоянии отличить рептилию от обезьяны, и когда вместе с лордами и магами рассматривал разрезанный и распотрошенный труп чужака, с непонятным холодком чувствовал, что столкнулся с чем-то поистине невероятным и, похоже, настолько же более высоким, хотя разве что-то может быть выше млекопитающего?

У чужака все совершеннее, чем у нас, людей, и не просто совершеннее, а как бы апгрейденное, улучшенное настолько, что превращается в нечто более высокое, с новыми качествами.

Такое ощущение, что он не только сильнее, быстрее, лучше бегает и слышит, у него лучше нюх, зрение, вообще все чувства намного совершеннее... и, даже не знаю, как это сказать, но они на следующей ступени эволюции!

Человек произошел от обезьяны, а они произошли от человека. Я бы даже рискнул сказать, что если у нас, людей, целых две центральные нервные системы, в отличие от животных, у которых одна, то у этих тварей даже больше, чем у нас: три, если не четыре.

Но это так, ощущение, которое иногда нагло врет прямо в глаза, но иногда выдает такие результаты, что даже не знаю, сколько надо было бы вычислить и раздумывать.

Но в то же время трудно представить себе что-то более дикое и неправдоподобное. Да, человек – вершина эволюции, он постепенно совершенствуется, умнеет, здоровеет, живет дольше, начинает себя апгрейдить и в конце концов становится таким могущественным, что становится бессмертным, всемогущим и покоряет всю галактику, а потом и Вселенную.

Но... если человек не совершенствовался? Остался, скажем, на уровне древних египтян или греков? Научный метод познания мира был открыт... не скажу, что случайно, но только в одном из монастырей Европы, а все остальные страны и регионы с гораздо более развитыми цивилизациями Индии, Китая, Урарту, Персии и прочих-прочих так и не сдвинулись с места, оставаясь такими на протяжении многих тысяч лет, в то время как эта находка средневековых монахов, названная научным методом познания, за три-четыре сотни лет изменила весь мир!

Так что да, чужаки могли оставаться такими, как древние греки, не только тысячи лет, но и миллионы, а то и десятки миллионов лет, ставши вообще-то совсем другим биологическим видом. Настолько другим, что от нас отличаются, как мы от рептилий, от которых произошли.

Я вздрогнул, пришла еще одна мысль, еще более дикая, но так бывает часто, когда одна дурь тащит за собой другую.

А разве не могло случиться так, что на их планете хотя какая-то обезьяна и спустилась с дерева и заселила их планету, но так и не обрела разум вообще? Зато за десятки миллионов лет эволюционировала на более высокую ступень... которая вот сейчас явилась на Землю.

Бобик вскочил почти испуганно, когда я не поднялся, а подскочил, словно меня подбросили.

— Без паники, — сказал я строго, — ты остаешься!.. Что, ты против? Ну тогда ладно, одевайся.

Он вытаращил глаза в недоумении, а я быстро перебросил через голову перевязь с мечом и выскочил наружу.

Часовой привел бегом арбогастра, я вскочил в седло и сразу направил по почти незаметной тропке на север, по обе стороны подрагивают толстые бугры мха, массивный ковер из засохших водяных растений и нападавших сверху листьев покачивается, но выдержал вес арбогастра.

Когда перебрались через болото, дорога пошла в гору, я оглянулся, в десяти шагах стремя в стремя едут виконт Волсингейн, тьфу, уже граф, и Роджер Тхорнхилл, оба из команды Боудеррии.

С меня не спускают глаз, даже не особо смущились, когда я вперил в них строгий взгляд.

— Что, — спросил я, — сама явиться побоялась?

Виконт ответил с вежливой твердостью:

— От вас зависит очень многое, сэр Ричард. А вы слишком часто... рискуете. Боудеррия велела... помочь вам.

Я хмыкнул.

— Формулировочка! А если я не просил помощи? Ладно, топайте сзади. Я не на подвиги, погулять изволю... Бобик, не обращай на них внимания. Они и щечочку тебе не кинут. Щепочки-то весьма тяжелые...

Тхорнхилл, обидевшись, свесился с седла, подхватил большую толстую палку и швырнул в темноту. Бобик от неожиданности подпрыгнул, не веря своему счастью, исчез в мгновение ока.

Арбогастр быстро донес до знакомого места выхода скальных пород на поверхность, где нагромождение циклопических плит просто дикое, первобытное, словно Земля была создана пару дней назад.

Бобик, вручив палку Тхорнхиллу, не стал требовать, чтобы тот швырнул ее как можно быстрее, ну сколько можно тянуть, а ринулся к груде камней в десятке шагов, исчез.

Там загрохотало, донесясь раздраженный голос, могучий, густой, словно Адский Пес напрыгнул и разбудил великана.

— Кто там? — спросил я повелительно.
 — Уберите эту кошку, — раздался голос из-за камней.
 — Какое оскорбление, — буркнул я. — За это и сожрать простительно... Кто, кроме как гномы, скажет такую гнусность?.. Бобик, ко мне! Плюнь, если что откусил!

Злобный голос стал громче

— Я этой мыше сам уши откусшу!.. Ишь, откусывать она будет...

Я покинул седло, спустился по тропке между глыбами. Бобик подбежал ко мне, веселый и от избытка усердия виляющий задом.

Ниже среди валунов зашуршало. Я сказал настороженно:

— Да держу я его, держу!

На фоне звездного неба появилась коренастая и раскорячистая, как пень от срубленного столетнего дуба, фигура вождя гномов.

— Зачем? — поинтересовался он.

— Чтобы не зализац до смерти, — объяснил я. — А еще может затоптать...

— Я сам кого хочешь, — ответил Атарк мощным голосом, — разбаловал щенка!.. Строгость нужна, строгость!.. Всем вам нужна строгость, да некому заниматься вами.

За его спиной появились еще две темные фигуры, Бобик ринулся к одной, прижал к каменной стене, второй гном поднялся наверх к арбогастру и к застывшим в седлах соратникам Боудеррии.

Впрочем, Волсингейн спрыгнул на землю и, придерживая в ножнах меч, пошел на расстоянии за мной следом.

— Что ж некому? — сказал я. — Гномов осталось так мало?

— Все работают, — отрезал Атарк, — а людей пороть нужно долго.

Волсингейн саркастически хмыкнул, его ладонь легла на рукоять меча.

Атарх посмотрел на него хмуро.

— Благородный рыцарь желает помериться силой? — спросил он почти вежливо и погладил рукоять молота на поясе.

Волсингейн вскинулся было, но под моим строгим взглядом осел, перевел дыхание и ответил предельно вежливо:

— Я всегда готов. Надеюсь, благородный вождь не откажет мне в этой чести... сразу же, как только разделяем под орех Маркус?

Гном смерил его недружелюбным взглядом.

— Сперва посмотрю, как воюете. Возможно, погнушаюсь выходить на поединок.

— То же самое могу сказать и я, — заявил Волсинейн надменно.

Я крикнул резко:

— Все, хватит эти феодальные распри!.. У нас один враг. Все должны думать только о том, как победить. Любой ценой, любой ценой!.. Атарк, как наши дела?

— Туннель? — переспросил он. — Почти готов. Только теперь ведем три отводка в стороны.

— Что случилось?

Он посмотрел на меня с насмешкой.

— А ты видел ту штуку? Вылезем прямо под днищем, а оно, как догадываюсь, такое же, как и стены. Не прогрызть.

— Все равно ройте, — попросил я. — Вдруг там дно убрали? И сейчас это только колпак?..

Он посмотрел на меня с отвращением.

— С чего бы?

— Не знаю, — признался я. — Когда в голове пусто, за все хватаюсь. Но, конечно, хорошо б пару туннелей подвести к самому краю. Я видел, откуда выходили твари!.. Ну, примерно. Хорошо бы держать в туннеле на готове отряд смельчаков. Как только дверь откроется, чтобы ворвались туда, смяв стражу, и заблокировали ворота...

— А прямые атаки? — спросил он. — Что-то слышал, но так, обрывки...

— Безрезультатно, — признался я. — Гибнут все. И рыцари, и арбалетчики, даже лучники с их дальнобойными луками. Все, кто оказывает сопротивление, гибнут быстро и... сразу.

— Что насчет раненых?

— Не остается, — ответил я невесело. — Убивают всех. Конные отряды спешат к этой летающей крепо-

сти отовсюду! Ее же видно издали, черт бы ее побрал. И все гибнут. А мы тоже пока только терпим поражения. Сегодня попытаемся в очередной раз захватить пленника. В прошлый раз целый отряд погиб, но захватили только труп.

Он слушал внимательно, сопел, чесался, хмурил длинные кустистые брови. Такие крупные лица симпатии не вызывают, но зато чувствуешь доверие, что-то располагает, и наши инстинкты в таких случаях не обманывают.

— Убить удается, — повторил он, — но не взять живым?

— Убить удалось только одного, — уточнил я. — Правда, потом я еще одного пришиб. И то больше случайно. Рыцари и все, кто дает отпор чужакам, гибнут тысячами. Точный урон кто знает?.. В общем, близки к катастрофе.

Он снова молчал, сопел, наконец проговорил таким голосом, словно вживую выдирает из себя печеньку:

— Раз такое дело, то давай, грабь до конца...

Я насторожился, но сердце радостно стукнуло.

— А что, есть что-то еще?

Он взглянул на меня с неприязнью.

— Уже, считай, нет. Я, посоветовавшись со старейшинами, принял решение передать тебе Глейпнир.

За моей спиной охнул Волсингейн, а я спросил осторожненько:

— А это чё?.. Снова молот или какое-нить копье?

Глава 13

Волсингейн зашипел, замычал, даже застонал от моего невежества и великой дурости. Атарк оставался неподвижным, чего еще ждать от такого глупого существа, как человек.

— Это веревка, — буркнул он с неприязнью. — Вон даже твой... этот щеночек за спиной, и то слыхал.

Я переспросил:

— Всего лишь веревка?

Укоряющий взгляд Волсингейна прожег во мне две дыры размером с кулак. Атарк посмотрел на него с покровительственным одобрением.

— Глейпнир, — сказал он, — это веревка. Только гномы ее изготавливают... Изготавливали! Она слишком... вам, людям, не понять. Ее непросто сделать...

Я спросил на всякий случай:

— Но все-таки как бы можно?

— Непросто, — повторил он с неприязнью. — Потому сейчас никто. Это доступно?.. Мельчают не только люди, как принято у вас говорить, увы.

Я спросил осторожно:

— Что, и гномы?.. Ну да, теперь понимаю, куда делись великаны...

Волсингейн сказал почтительно, чуть ли не приседая до земли:

— Ваше величество, этой веревкой связывали самого Фенрира!..

Я порылся в памяти, там всего столько, что уже и не знаю, переспросил:

— Это такого серого волчика?.. Еще маленького?

— Еще маленьким, — напомнил Волсингейн почтительно, — он откусил правую руку Тюру!.. Ваше величество, если эти гномы... э-э... благородные гномы берутся изготавливать такую веревку...

Атарк даже не повел глазом в его сторону.

— Не такую долговечную, — буркнул он, — как та, которая удерживала Фенрира. Та, правда, тоже со временем истлела, но эта протянет еще меньше.

— Но хотя бы пару дней? — спросил я.

— Год, — ответил Атарк. — Но если очень торопиться, можем сделать за неделю, однако распадется через месяц.

— На месяц и не надо, — сказал я. — Делай как можно быстрее. Думаю, нам хватит и пары дней. Даже сутки и то много. Нам сейчас каждый час дорог!

Он кивнул.

— Понимаю. Сейчас же велю начать. Медвежьи сухожилия у нас уже есть, как и птичья слюна, а без дыхания рыб обойдемся... Смотри под ноги на обратной дороге!

Он исчез, словно провалился сквозь землю, Волсингейн шумно перевел дыхание и даже задышал свободнее. Я повернулся к выходу из расщелины, а он сказал за моей спиной:

— Ваше величество, вы великий государь! Даже гномы на вас работают.

— Они вообще-то работают на свое спасение, — ответил я резонно, — но вы продолжайте, продолжайте резать мне такую матку-правду в глаза! Я настоящий король-демократ, обожаю, когда меня хвалят.

— Ой, ваше величество...

— Правда, — добавил я строго, — тут же начинаю думать, а зачем это ему? Что он такого восхотел хитрого? Что замыслил? Может быть, такого на всякий случай сразу в кандалы и в темницу?

Он посмотрел исподлобья.

— Все бы вам шутить, ваше величество. А тут волком выть от бессилия хочется.

— А Глейпнир? — напомнил я. — Если эта веревочка Фенрира удержала, то и эту тварь... Верить нужно людям, отважный граф! А гномы тоже люди. Хоть и не люди, но все-таки люди.

— Не обманет?

Я развел руками.

— Какой смысл?..

— Да кто их знает.

— До сего времени, — сообщил я, — не обманывали. Мы друг к другу со всем нашим уважением и почтением даже. А сейчас так вообще у нас одна цель. Догадываетесь, какая?

Он покачал головой.

— У вас поди догадайся. Главное, чтоб веревку сделали.

— Сделают, — ответил я, но без особой уверенности в голосе. — Они работают на меня, а я работаю на них. Это и есть цивилизованные отношения по распределительным, а не автаркия какая-то подозрительная.

— Если принесут, — сказал он с надеждой, — расшибемся в лепешку, но все сделаем.

— А гномам потом привилегии, — напомнил я. — За общий вклад в победу.

Он насторожился.

— Какие такие привилегии?

— Уравнивание в правах с людьми, — уточнил я.

— С простолюдинами? — спросил он. — Тогда да, с этим спорить никто не станет, все-таки общий вклад в победу...

— Гномьей верхушке придется дать права дворянства, — сказал я, — и право на «сэр». Но их мало, так что волнений в народе не будет. В графы никого не возведем, не волнуйтесь.

— Главного можно в бароны, — предложил он. — Одного, конечно.

— Так и запишем в указе, — согласился я. — Вы правильно понимаете государственные и окологосударственные нужды, граф.

Еще сутки прошли в бесцельном ожидании и повторяли вании Атарка. Последние часы я безвылазно сидел в той же расщелине и терпеливо ждал. На этот

раз, беспокоясь за государя, меня сопровождали Боддеррия с двумя своими орлами, уже с Малькольмом и Амбразом, обоим до жути хотелось увидеть гномов.

Вместо Атарка появился незнакомый гном, сообщил хмуро, что уже вот-вот, надо подождать, скоро-скоро.

Я ждал, солнце перешло на западную сторону небосвода и начало сползать по его хрустальной поверхности к земле, оставляя раскаленное багровое пятно.

Внизу затрещали камни; вообще-то гномы умеют ходить бесшумно, но этот треск для нас, чтобы не померли с перепугу.

Атарх появился на прошлом месте встречи, за ним двое гномов держат на вытянутых руках широкое пурпурное полотнище, расписанное золотыми узорами, а на нем моток пеньковой веревки, так мне показалось, разве что очень тонкой, почти как суровая нитка. Мальcolm пробормотал озадаченно:

— Обертка выглядит царственнее.

Атарк взглянул на него с насмешкой, полной превосходства.

— Не все то золото, — произнес он низким, как львиный рык голосом, — что блестит ярче. Я видывал королей и побогаче одетых, чем ваш.

Боддеррия нахмурилась, а Мальcolm сказал грозно:

— Но-но! О великом Ричарде недопустимы такие слова!

Атарк нахально улыбнулся.

— Вот-вот. Величие не в одежде. Эта веревка... наши умельцы хотели на всякий случай сплести целую сеть, но я сказал, что сэр Ричард и так справится.

Он поглядел с покровительственной усмешкой.

— Вообще-то, — буркнул я, — сеть бы лучше, но время поджимает. Давай сюда. От людей великая благодарность в моем королевском лице во всем величии.

Мальcolm дернулся было взять у гнома, но взглянул на меня и отступил. Я принял так же торжественно, как мне и передали, величаво склонил голову, затем прямо посмотрел на троих гномов.

Атарк и его помощники выпрямились, гордые и тоже донельзя торжественные.

— Спасибо, — сказал я. — Принимаю как знак священного союза... как подтверждение уже существующего союза между людьми и гномами перед лицом иноземного вторжения жестокого и коварного захватчика!.. Сим победиши! Добьем врага в его логове!.. Или хотя бы как получится. Спасибо!

Атарк проворчал:

— Что, даже мешка не взяли?.. У нас лишних нет.

— Ничего-ничего, — заверил я. — И так донесем. Это же сокровище, пусть все видят! И, Атарк, еще раз большое спасибо от имени всех людей за неоценимую помошь в будущей победе над злобным и отвратительным агрессором, посмевшим и посягнувшим на!

Бобик и арбогастр, не в силах отойти от почесывателей и поглаживателей соратников Боудеррии, вытягивали шеи и старательно прислушивались. Я нарочно разговаривал с гномами беспечным голосом, пусть Боудеррия и ее люди видят, для меня привычное дело общаться с кем угодно, ибо я вполне политкорректен и толерантен, когда это на пользу мне, но самодур и тиран, если это на пользу родине и отечеству.

Мальcolm оставил чесать Бобика и подбежал ко мне, приседая от почтения, низко поклонился Атарку.

— Я счастлив, — проблеял он, — мы все счастливы... И за веревку, и вообще...

Атарк отмахнулся.

— Люди... Только болтать умеете.

Он отступил к стене и пропал, словно ушел в нее, будто в туман. Я поднялся наверх, где ждут Боудеррия и Амбroz, взглянул с укором.

Бобик ринулся навстречу и с самым подозрительным видом обнюхал странный подарок. Мне показалось, шерсть то и дело поднимается дыбом, даже глаза пару раз вспыхнули багровым огнем, будто ощутил нечто древнее, полузабытое и очень опасное.

Арбогастр повернулся боком, я вставил ногу в стремя, бросил взгляд на Малькольма. Тот, донельзя торжественный, торопливо поднялся в седло, уже предвкушая, как будет рассказывать рыцарям, кое-что приукачивая, о великой встрече с королем таинственных гномов, что тоже, оказывается, служит их королю Ричарду, и таинственном эпохальном договоре, о котором его величество король Ричард Великий милостиво сообщит позже.

Я спросил Боудеррию тихонько:

— А почему явилась ты? Не доверяешь?

— Посмотреть хотелось, — призналась она. — Никогда гномов не видела.

— И как?

— Другое впечатлило, — сказала она.

— Что?

— Ты с ними общаешься, как будто сам... гном. А они тебе доверяют, как своему. Удивительно.

— Ничего удивительного, — заверил я. — Они чувствуют хорошего и замечательного человека с золотым сердцем и чистейшей душой. Слова их порою грубы, но лучшие в мире песни они в сундуках хранят!.. Поехали, солнце вот-вот сядет.

— Куда сядет?

— Зайдет за край земли, — уточнил я. — Опустится и скроется, потому что ходит вокруг пока что полу-круглой Земли. Так понятнее?

Глава 14

В лагере костры горят уже не только в ямках, за несколько дней бдительность ослабела, на углях жарят мясо, у шатра и бараков полыхают факелы.

Мы возвращались с победным видом, но у тропы на выходе на остров навстречу вышел громадный Тамплиер и загородил дорогу. Из-за его плеча выглядывает бледный Сигизмунд, но пересилил застенчивость, вышел из тени старшего паладина и встал с ним рядом, как туго натянутая струна, решительный и вздрагивающий от непонятной мне решимости.

— Ваше величество, — проговорил Тамплиер зло, — больше никаких отговорок! Либо мы идем с вами, либо уходим с доблестным сэром Сигизмундом вдвоем. И будем сражаться сами!

Я поинтересовался почти мирно:

— То есть вы готовы нарушить приказ?.. А как же ваша клятва верности?

Сигизмунд вскрикнул тонким голоском, опережая старшего собрата:

— Мы верны вам, сэр Ричард! Но...

Тамплиер прервал гневным ревом:

— Уже погибло великое множество рыцарей, исполненных всяческих достоинств!.. Я говорю только о тех, кого недосчитываюсь в нашем лагере, а сколько сейчас красиво гибнет в боях, стараясь защитить своих крестьян?.. Так почему же мы, не самые слабые и беспомощные, прячемся?

Я сказал резко:

— Уже говорил, что берегу для последнего решающего удара по врагу. Но хорошо, я вижу, что готовы взбунтоваться против моей законной власти короля...

Тамплиер сказал зло:

— У Господа власть выше!

Сигизмунд торопливо перекрестился, на меня смотрит умоляющее, но взгляд тверд, в нем просьба признать, что Господь все-таки старше и знатнее.

Я пробормотал:

— Господь старше по титулу... но как же тогда с формулой «вассал моего вассала не мой вассал»? Выше меня только Господь, я его прямой вассал, но вы мои вассалы!.. Впрочем, ваш бунт понятен, и хотя заслуживает казни, но снизойду как брат к собратьям. Хорошо, возьму вас сегодня ночью на важную и опасную операцию...

Глаза Сигизмунда засияли, как две звезды.

— Ваше величество!

Я вскинул ладонь, останавливая благодарности.

— Если потом вас будет недоставать для решающего удара... оправдывайтесь перед Господом, как и почему из-за гордыни лишили нас победы и позволили врагу уничтожить землю и род человеческий!

Они застыли, как два соляных столба. Я проехал мимо, Боудеррия последовала рядом тихо и не поднимая взгляда. Бобик, чувствуя неладное, вертится поблизости, расталкивая народ, мне посмотрел в глаза с подобострастием: берешь с собой? Ну возьми, я же хороший, послушный...

— Если даже Тамплиера с Сигом беру, — ответил я, — то как тебя, такую хитрую морду, не взять?

Он радостно взвизгнул, пошел нарезать вокруг нас круги с такой скоростью, что почти слился в сплошное черное кольцо, непонятное и страшное.

Небо все еще безлунное, чужаки точно выбрали время. Думаю, постараются уложиться в новолуние, потому что даже крохотный серпик первой четверти, как предполагаю, будет слепить им глаза.

Это значит, у нас осталось всего пару дней. Точнее, ночей.

Слабый звездный свет странно высвечивает с одной стороны шлемы и панцири Тамплиера и Сигизмунда, а другая, что в тени, как будто ее нет вовсе, глаза отказываются видеть в полной тьме.

Оба мерно покачиваются в седлах справа и слева, из субординации чуть приотстали, даже не шевелятся, стараются не отвлекать на себя мое высокое внимание.

Чувствую на себе их вопрошающие взгляды, но помалкивают, и так рассердили мое величество непомерными, но все же как бы по-рыцарски справедливыми требованиями.

На Бобика пришлось цыкнуть, все пытался выбежать вперед, мы же такие черепахи, просто непонятно, почему ползем, когда можно так, чтобы земля сливалась в одну полосу.

— Держаться возле меня, — повторил я в который раз. — Наша цель — не подвиги и не водружение боевого пропора на вершине звездной крепости противника. Уяснили?.. Только захват пленного! Все должно быть сосредоточено на. Запомнили?..

Тамплиер промолчал, Сигизмунд сказал быстро:

— Да-да, сэр Ричард!..

— Если увижу полное и беспрекословное послушание, — сказал я милостиво и строго, — то да, поняли? Ну вот, не отставайте. Но и вперед не лезть.

Укрывшись за деревьями, мы наблюдали за куполом, вершина которого мрачно блещет высоко в небе, а основание тонет в непроглядной тьме.

Едва погасли последние краски на западе неба, густая чернота не опустилась, как говорят привычно, а заполонила мир отовсюду, по мне так вообще выползла из-под земли и заполнила собой все на свете.

Очень не скоро из звездной крепости начали появляться козлоногие.

Альбрехт со мной рядом, ладонь то и дело скользит к рукояти меча, глаза уже привыкли к слабому свету звезд, всматривается, качает головой.

— Сегодня их больше, — сказал он, — и высыпали раньше.

— Торопятся, — заметил Норберт. — Рассчитывали за пару ночей набить все трюмы пленниками.

— Возможно, — согласился Альбрехт, — у них сроки.

Я чувствовал, как злая тревога сжимает сердце. В прошлый раз видел только один отряд, хотя разведчики утверждают, что всего было три, а сейчас на моих глазах из темной громады вышло пять поисковых групп и разбежались в разные стороны.

— Торопятся, — согласился я.

— Да, ваше величество, — ответил Альбрехт почтительно. — Вон еще одна группа пошла!

— Шестая, — сказал я с тревогой. — Что-то сегодня в самом деле. Или притерпелись к яркому свету нашей ночи?

Норберт, что молчал все время, поднялся на ноги.

— Все, ваше величество. Можно занимать позиции.

— Вы правы, — согласился я. — Граф, командуйте отрядам, пусть выдвигаются.

Альбрехт исчез позади в темном лесу, а мы неспешно вышли из-за деревьев на опушку, впереди долина Отца Миелиса и это чужезвездное чудовище.

Арбогастр ткнулся мне лбом в спину, горячее дыхание приятно согрело шею, а в бок толкнул ревниво Бобик.

— Едем, — согласился я. — Сегодня!.. Если не сделаем этой ночью, то не сумеем никогда.

Норберт пробормотал:

— Суметь бы сумели, ваше величество. Но не успеем.

...Разведчики, проследив за одним из отрядов, достаточно точно наметили дорогу, по которой погонят пленников обратно. Мы заняли позиции с двух сторон тропы, приготовили оружие и замерли в тягостном ожидании.

Ждать пришлось долго, а когда наконец из дальней тьмы прступила слегка припорощенная лунным светом слабо шевелящаяся масса, я понял с жалостью и смутным страхом, что чужаки наловили впятеро больше народу, чем во все прошлые разы, потому и ползут так медленно.

Напрягая зрение, я рассмотрел не меньше десятка чужаков, и это только спереди и с боков, а сзади должно быть намного больше. Рядом со мной расположились, тоже лежа, сэр Робер и Альбрехт, всматриваются тоже, но, судя по их лицам, безуспешно.

Я же всматривался и вслушивался, постепенно начал слышать не только шорох ног и стук копыт, но и что-то иное, я бы назвал это... нет, чужаки всегда были немыми, никогда я не слышал от них ни звука, а теперь...

Хотя понятно, тогда гнали крохотные группы, а сейчас толпу, нужна координация. Вот сейчас слышу предельно низкие звуки и даже понимаю, кто-то из чужаков распределяет, кому где бежать и что делать...

Я вздрогнул: кому где бежать?.. Но как я понял?.. А вон тот прогудел, что с его стороны самцы сбиваются в группу, могут попытаться вырваться, он будет начеку, но хорошо бы сюда еще одного...

По спине прокатилась волна обжигающего жара. Язык мне знаком, понимаю, понимаю каждое слово, понимаю... хотя никогда-никогда не слышал.

В памяти не всплыло, а выпрыгнуло насчет дара говорить с филионами. Это что же, козлоногие твари и есть те самые филионы, о которых упоминал кто-то

из предков герцога Готфрида? Неужели он достаточно плотно общался с этими тварями, если сумел узнать их язык, а потом в виде дара передать мне?

Толпа из-за огромности и двигается все так же медленно, чужаки носятся вокруг, как стремительные водомерки по воде пруда, все видят, все замечают, схватывают любое движение, любой жест.

Я снова и снова вслушивался в их язык, но ничего, кроме команд, окриков, указаний, кому что делать...

Лорд Робер покряхтел рядом, не решаясь прерывать мои государственные мысли.

— Ваше величество...

— Да?

— Может быть, — проговорил он с неловкостью, — можно с ними вступить в переговоры? Вдруг у нас есть что-то такое, что им ну позарез?.. Я понимаю, конечно, люди с неба, что им нашенское добро, у них все лучше и больше, ну а вдруг? Я слышал, вы давали такое задание сэру Рокгальтеру, но он что-то пока ничего не придумал.

— Хотелось бы, — ответил я честно, — я вообще-то переговорщик еще тот!.. Даже себя могу уболтать, хотя я такая недоверчивая скотина... Но дело в том, что эти твари убивают сразу.

Он вздохнул.

— Да уж... Как они понимают, что человек идет драться?

— Как-то чувствуют, — ответил я. — Магия или что-то еще... А еще они настолько зоркие, что даже и не знаю, как скрываться!.

— Скрываться, — сказал он с тоской. — Даже не знаю... Как красиво сэр Кернешир повел свой отряд в лобовую атаку! Гордая гибель...

Я зыркнул хмуро.

— Одобряете?

Он покачал головой.

— Отчасти. Это наша рыцарская суть. Но я уже стар и понимаю, врагу только это и надо.

— Вот-вот, — сказал я с жаром, — лорд Робер, ваши слова уж и не знаю какой бальзам на мое раненое сердце!.. Нам нужно победить, а не показать себя красиво перед зрителями.

Он спросил невесело:

— И что вы надумали, ваше величество?

— Заметно?

— Вообще-то да, — ответил он. — Для тех, кто вас знает.

— Боюсь, — сказал я, — эти твари всех нас в какой-то мере знают. Или чувствуют. Именно чувствуют, кто испугается, а кто бросится в бой.

Он сказал быстро:

— Первых они ловят, а отважных убивают?

— Верно, — сказал я. — Похоже, сэр Робер, мы с вами нашупали нечто такое, что хотя бы понять можно.

Он посмотрел на меня живо заблестевшими глазами.

— Ваше величество, я боюсь даже представить, что вы задумали.

— Я еще ничего не задумал, — запротестовал я. — Или вы этот, как его, что прибыл сюда на Маркусе наши мысли читать?

Он грустно усмехнулся, во взгляде пропустила укоризна.

— Ваше величество... Когда вы не скрываетесь, у вас очень откровенное лицо. Если вас не поймать, когда брешете нарочито, а вот так... Ваше величество! Не вздумайте... Они нас еще не победили. Еще успеем побарахтаться.

Я запротестовал:

— Да что я задумал?

— А сами еще не поняли? — спросил он. — Явно насчет того, чтобы прикинуться испуганным. Дескать, сможете подобраться ближе и вдарить.

— Тихо, — велел я, — пора.

— Ваше величество?

— Испуганным я уже прикидывался, — признался я, — но не уверен, что подействовало именно это.

Толпа внизу постепенно растягивается из-за узости дороги между двумя косогорами, я приподнял ладонь, напоминая всем, что ударим только сзади, не сметь выдавать свое присутствие.

Очень медленно толпа, хоть и свирепо подгоняемая, протянулась через сужение дороги, снова раздвинулась, показался конец, следом бегут с десяток чужих, которых я уже ассоциирую с филигонами... упал еще один из пленных, его добили быстро и жестоко.

Рука инстинктивно потянулась было к луку, но в прошлый раз с ним пошло не так, я передумал и ухватился за рукоять молота.

— Начали, — сказал я страшным голосом. — В атаку!..

Вдали густые кусты распахнулись, рыцарская конница на свирепо хранивших тяжелых конях выметнулась в галоп, впереди сэр Кенговейн с опущенным для удара копьем, на ветру трепещет светлый лоскуток, явно платок любимой женщины, сам выглядит красиво и страшно.

Я вскочил в седло. Сэр Робер, Альбрехт и все знатные, что находились при мне, послали коней со всевозможной скоростью. Кто-то поравнялся и начал опережать, у меня задача не врезаться первым, справа и слева колышется длинная щетина толстых копий с острыми стальными наконечниками, земля гудит все громче, кони ускорят и ускоряют бег.

Я выхватил взглядом чужака, что показался чуточку крупнее других, указал на него.

— Беру этого!.. Подстрахуйте, если что.

Глава 15

Арбогастр наращивал скорость, я выждал и на полном скаку метнул молот. Филигон моментально обернулся на звук распарываемого воздуха. Мне казалось, легко мог отпрыгнуть, даже отступить в сторону, однако остался, лишь вперил в меня взгляд огромных выпуклых глаз и, как мне показалось, задержал дыхание и напрягся.

У меня похолодели внутренности в ожидании. Молот ударил ему в грудь, сбил с ног и швырнулся на каменный косогор. От страшного удара вздрогнули, рас трескались и обвалились крупные валуны.

Тяжелые глыбы с грохотом рушились на упавшего чужака, он на какое-то время полностью скрылся под ними, затем те зашевелились, раздвинулись.

Я услышал яростный вскрик сэра Робера. Еще двое рыцарей, опережая сюзерена, бросились с обнаженными мечами на поднимающегося чужака.

Я увидел только смазанное движение его рук, раздался звон и лязг сминаемого металла. Рыцарей разбросало в стороны. Филигон поднялся во весь рост, но в этот момент молот снова со страшной силой ударил в грудь и впечатал в груду камней.

Мне послышался треск костей. Филигон тяжело ворочался, выплевывая желтую кровь. К нему пустили коней Альбрехт, Норберт и барон Келляве. Над головой барона взлетел тяжелый топор, но крикнуть я не успел, тот с силой обрушился на голову чужака.

Я вздохнул с облегчением, барон нанес удар обухом, а Норберт и Альбрехт моментально начали сплевывать оглушенного Глейпниром.

Я сказал резко:

— Альбрехт, Норберт!.. Срочно пленного в лагерь!.. Немедленно!.. Барон, прикройте отход группы захвата!.. Барон!

Келляве оглянулся, я сделал зверское лицо, одновременно бросая молот. Еще один филигон справа прыгнул на барона, стальная болванка встретила его в полете. Во все стороны брызнуло желтое, филигона разнесло на куски, словно взорвалась проглоченная им бомба, а молот пролетел еще чуть по инерции и вернулся рукоятью в мою ладонь.

Барон вскрикнул торопливо:

— Да, ваше величество!.. Что за молот у вас, что за молот...

— Быстрее, — поторопил я.

Он повернул коня, крикнул еще троим, и они помчались за группой, как я назвал ее, захвата.

— Отступаем! — прокричал я как можно громче. — Отступаем!.. Мы задачу выполнили!

Я еще трижды бросал молот, филигонов расплескивало так, как если бы я молотком бил по мухе, и только четвертый успел увидеть что-то летящее в него, я почти ощутил, как он задержал дыхание и напряг все мышцы, а также кожу.

Молот сбил его с ног и унес на десяток ярдов, но там филигон поднялся, пошатываясь, на ноги.

— Уходим, — заорал я еще громче. — Кто останется, на том проклятие церкви!

Несколько рыцарей повернули коней и устремились ко мне, а я развернул арбогастра и повел их в сторону леса.

Бешено скачущих коней по взмаху моей руки остановили только вблизи леса.

Я вскинул руку, рыцари придерживают храпящих лошадей, окружили меня, Тамплиер и Сигизмунд торопливо залечивают тяжелые раны тех, кто сумел удержаться в седле и кого верный конь унес вслед за остальными скачущими конями.

Барон Келляве оглянулся, спросил хриплым измученным голосом:

— Почему не преследуют?

— Не знаю, — ответил я. — Вон сэр Тамплиер скажет, что филигоны устрашились нашей доблести.

Тамплиер посмотрел с неудовольствием и отвернулся, лишь стряхнул с рукава свежую кровь филигона.

— А на самом деле? — спросил Сигизмунд.

— В самом деле не знаю, — сказал я искренне. — Но незнание не освобождает от необходимости действовать и бить врага в его собственном логове!

Сигизмунд посмотрел на меня с величайшим уважением.

— Ваше величество... вы это делали уже не раз! Я чувствую.

— Это у меня в генетической памяти, — ответил я скромно. — Как сейчас помню... все, что было не со мной. Удобно, знаете ли.

Тамплиер прогудел горьким голосом:

— Как мало нас...

— Отряд погиб, — подтвердил я сурово и жестко, — но все равно это уже победа. Впервые наши люди вышли из боя живыми!.. Филигоны, опасаясь растерять живой товар, не преследовали отступающих...

— Отступающих во всю прыть, — сказал сэр Кенговейн со стыдом в голосе.

— Вы вернетесь, — напомнил я сурово, — и жестоко накажете врага!.. Это важнее, чем красиво погибнуть.

— Как остальные? — спросил барон Келляве.

Я ответил с неохотой:

— Да, кроме вас с Кенговейном и паладинами вышли из боя живыми еще пятеро. Но это успех, повторяю! Раньше гибли все. А тут еще и пленный... Надеюсь, его доставили живым. Потому никакой скорби! Это уже победа. Первая победа, за которой пойдут, как гуси за вожаком, еще и еще, крупные и сокрушительные! А сейчас возвращаемся.

В лагере факелов и костров вдвое больше, мы с облегчением вступили на твердую почву, бросили поводья бегущим навстречу, я сразу же нацелился взглядом на скосившего на землю Альбрехта.

— Граф?

— Под охраной, — выпалил он.

— Надежной?

— Как вы и велели, — ответил он. — Признаться, теперь она не кажется мне чересчурной.

— Ведите, — велел я. — Он в бараке?

— В том, — сообщил он, — где вы и велели. И как велели.

Часовые у барака распахнули перед нами двери, я остановился на пороге, охватывая взглядом картину. У двери горит одна-единственная свеча, но ее света после темной ночи достаточно, чтобы и Альбрехт видел отчетливо как висящего на растяжках посреди комнаты белого, как личинка майского жука, филигона, так и размолотую в щепки мебель.

Оставался связанным по рукам и ногам, но даже так, дергаясь всем телом, филигон разнес все в комнате, куда притащили на веревке, потому сейчас почти висит там посередине, даже ноги подогнулся, не касаясь пола.

Я не успел сделать шаг, как ощутил на себе его жестокий взгляд, в нем ничего человеческого и даже, как бы я сказал, разумного, а только звериная жестокость.

На полу несколько стрел, наконечники всех в свежей оранжевой крови.

Я вскинул брови, чувствуя закипающий гнев. Альбрехт сказал спешно:

— Когда его закрепляли вот так, лучники... провели, скажем так, как он заживляет раны.

Я буркнул:

— И что?

— Всего несколько стрел, — заверил он. — Те, что в грудь, отскакивали, словно от наковальни, а три в спину вошли глубоко.

— И тут же вышли? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Живучая тварь.

— Больше никаких экспериментов, — предупредил я. — Дальше все только по моему приказу.

Я постоял у порога, рассматривая филигона. Он смотрит все так же исподлобья, они все смотрят так, строение скелета не позволяет поднимать голову, что-то у них там вверху отсевающее желающих взглянуть на небо, если у них там небо.

Интерес на его лице почему-то быстро угас. Дернувшись еще дважды на растягивающих его веревках, он повертел головой по сторонам, откровенно зевнул, и только тогда я понял, что он совершенно слеп, глаза его при таком ярком свете горящего факела, пусты и у самой двери, ничего не видят.

Альбрехт сказал негромко:

— Я пойду распоряжусь насчет добавочной охраны. А то желающие поглядеть на живого филигона и барак весь свалят. Думаю, достаточно и того, что разнесут весть о захваченном в плен.

— Действуйте, граф, — согласился я. — Такие новости приадут бодрости упавшим духом.

— Уже придали, — ответил он. — Слышите говор?

В двери заглянул барон Келляве, все еще в боевых доспехах, за ним видны лица рыцарей, что обеспечивали отход группы захвата.

— Ваше величество, — доложил он преданно, — доступ в эту часть лагеря посторонним прекращен. По вашему повелению!

— Прекрасно, — ответил я. — Посторонних пока не пускайте.

— Ваше величество?

— Даже лордов, — уточнил я. — За исключением. Я изволю проводить допрос пленника без помощников. А мне принесите только стул. Можно табуретку. Все!

Филигон, не реагируя на разговоры, висит на ветвях, те растягивают его сразу в четыре стороны, не давая возможности сделать шаг, а только касаться пола копытами.

Я поднялся, сделал шаг к нему, а он быстро, очень быстро вскинул голову, хотя и не в той мере, как поднимает голову человек. Я снова ощутил на себе острый взгляд, хотя это не взгляд, филигон всматривается как-то иначе, не глазами, но всматривается пристально, почти сверлит взглядом, потом опять как-то странно потерял интерес и посмотрел в сторону.

Холод оставался в моих внутренностях, даже разлился по всему телу. Приоткрылась дверь, рослый воин принес табуретку, а сам остался у двери.

Двигаясь нарочито медленно, я опустился на стул, спросил воина.

— Что там за обломки?

Он ответил торопливо:

— Это он разломал... когда дергался. И не восхотел сидеть.

— Что ж, — сказал я, — пусть теперь стоит. Вольно, солдат.

Он отступил вплотную к стене рядом с дверью, а я вперил в филигона прямой, очень даже прямой взгляд. Что-то глупишь, филигон. Лучше все-таки сидеть, чем стоять. Или вообще не понимаешь, что такое стул? Вряд ли. Даже если у вас их нет, что маловероятно, но все равно глупо крушить то, чему не знаешь назначения.

— Итак, — сказал я по-филигонски, — имя, звание, должность?.. В каком чине?

На морде филигона, как я понял, отобразилось изумление, все-таки они произошли от человека, огромные глаза уставились вроде бы в меня, по коже прокатился холодок, пришлось напомнить себе, что он сейчас ослеплен светом того единственного факела у двери, и на самом деле видит меня только в запаховом зрении.

— Что? — произнес он очень высоким голосом, диксантом, что ли, да и тот почти переходит в ультразвук. — Ты же смакт.

Я ощутил радостную дрожь в теле, передернул плечами, сердце пошло стучать чаще.

— Смакт? — повторил я. — Ладно, пусть смакт. Главное, можем общаться, а это же громадное достижение! У нас войны начинаются даже между людьми, потому что не находят общего языка! А мы вот нашли!

Он не сводил с меня пристального взгляда огромных глаз, неужели как-то видит, хотя те совершенно закрыты диафрагмой.

По всему телу побежали мурашки, а филигон произнес еще более высоким голосом:

— Смакт, сними путы. И приди в Лоно.

— Мы можем общаться! — повторил я. — Теперь вопрос, кто вы и зачем прибыли?.. Хотя уже знаю, вы — филигоны. Это самоназвание?

— Все трепещет и смиряется перед филигонами, — ответил он. — Смирись и приди покорно. Немедленно убери это, мешающее мне...

— Конечно-конечно, — заверил я, — тут же уберу... как только увижу, что у нас взаимопонимание... и что не навредишь нам... Значит, вы филигоны? Так вот почему понимаю... Почему вы здесь?

— Убери, — велел он настойчивее, — и смирись...

— Погоди, — ответил я, — давай сперва приедем к какому-то соглашению.

Он повторил тем же предельно высоким голосом:

— Убери.

— Это что, — спросил я, — предварительное условие? Извини, но за нашим незримым столом переговоров у меня некоторые преимущества. Может быть, на самом деле их нет, но я пока этого не знаю, потому мой голос старше.

— Смакт, — произнес он.

Я спросил в лоб:

— Зачем вы забираете людей?

Он некоторое время всматривался в меня, так бы я рассматривал говорящую жабу или ящерицу.

— Ты тоже смакт, — произнес он.

— Что такое смакт? — спросил он.

— Смакт, — произнес он. — Смакт.

Я сказал терпеливо:

— Непонятно. Можешь объяснить?

Он почти по-человечески пожал плечами, я запоздало понял, просто пробует веревку на прочность, что не просто веревка, а Глейпнир, много лет или столетий удерживавший ужасающего Фенрира, который потом уничтожил весь Асгард и его обитателей.

Я посмотрел в глаза филигона, произнес как можно более высоким голосом, что почти на грани слышимости:

— Давайте поговорим. Всегда дешевле решать проблемы за столом переговоров. Если хотите, можем даже без свидетелей.

Он молчал и продолжал рассматривать меня в упор.

— Это для того, — объяснил я, — чтобы у нас не возникало неловкости. Дескать, предаем национальные интересы и все такое. Не все народу нужно сообщать, верно?

Он молчал, уже отвел взгляд, лицо его подергивается, я пытался расшифровать: эти проявления эмоций могут сказать больше, чем слова, их скрыть или подделать сложнее, хотя тоже можно, но что за игра у этого существа, пока не понимаю.

— Может быть, — сказал я, — мы поможем вам с вашими проблемами. Зачем вам наши люди? Почему терраформируете планету?

Краем глаза видел, как страж поглядывает на меня в недоумении. Даже показалось, что не слышит меня, будто я вообще перешел на ультразвук, но вроде бы не перешел, я же себя слышу, хотя да, это себя, себя мы всегда слышим.

Подождав чуть, я поднялся, сказал ровно:

— Нет желания отвечать?.. Хорошо, вернусь через час. Если не надумаешь говорить, будут приняты меры иного воздействия. Смакт я или не смакт, но тебе будет очень больно. Мы, люди, это умеем делать лучше всего.

Часть третья

Глава 1

Распахивая дверь, услышал гул громких голосов, рыцари яростно обсуждают захват пленного, скорбят о павших и строят планы, как теперь пойдут и всех убьют.

Все разом умолкли, повернулись. Я сказал с порога:

— Граф Гуммельсберг, барон Норберт, лорд Робер... вы тоже, барон Келляве, ко мне в шатер. Они безмолвно двинулись следом, я быстро прошел к себе, а когда за последним часовой опустил полог, сказал властно:

— Можете сесть, господа. Хотя это не совещание, а брифинг. Филигон упорно называет меня смактом, а что это за, объяснить не может...

— Или не хочет? — уточнил Норберт.

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Но, барон, направьте сюда одного-двух умельцев, которые смогут вышибать ответы. Я дал ему час на раздумье, но вряд ли он понимает нашу меру счета. Хотя это неважно. Словом, ответы мы все равно получим.

Альбрехт спросил:

— А если смакты — это то, что там просто едят? Как мы едим коров, овец, рыбу и птиц.

— Проще выращивать там на месте, — сказал Норберт трезво.

— Да, — согласился я, — но если там радиация... я имею в виду плохой климат, и люди постепенно теряют способность воспроизводиться?..

— Или поднимают восстание, — предположил барон Келляве. — За несколько сот лет жизни в неволе можно хорошо изучить врага!

Лорд Робер спросил с недоверием:

— Ваше величество, вы в самом деле говорите на их языке?

Я кивнул.

— Да, но без толку.

— А если это не их язык? — предположил он.

— Их, — ответил я. — Дар понимать у меня от дальних-дальних предков... Я человек традиций, хоть и новатор. Но почему он не ответил? Не понимаю. Правда, мне приходилось некоторые слова придумывать на ходу, у них их просто нет...

Он сказал осторожно:

— Может быть, потому и не понимал вас, ваше величество? Вы иногда такое несете, что хоть убей, для нас это тоже полная тьма. Может, и этот, как вы его... филигон, не совсем филигонит?

Я пробормотал:

— Возможно, вы правы, доблестный сэр. Дело не только в угрозе допроса третьей степени... сам филигон наверняка должен был заинтересоваться, что кто-то здесь говорит на их языке! Почему этого нет?

— Может, он сам не? — спросил он с сомнением. — Немой или туповатый? У меня есть в отряде один такой, но как дерется! Троих умников отдам. А то и пятерых... Нет, пятерых много, а вот четырех...

Он призадумался, я повернулся к Норберту.

— Докладывайте о любых замеченных филигонах. Особенно о всяких одиночках, такие тоже есть. Их

тоже можно бы попытаться. Нам по-прежнему очень важно отыскать их слабые места.

Альбрехт проронил:

— Одно слабое место уже знаем. Филигоны способны выдерживать страшные удары, если видят направление удара. Так напрягают мускулатуру, что становятся как железные!.. Но если успеть застать врасплох...

Барон Робер спросил безнадежным голосом:

— Как?

Альбрехт кивнул в мою сторону.

— Его величество говорит, нужно стрелять в спину. Или отвлечь одним ударом и наносить другой и в другое место.

— Хитрость? — переспросил барон недовольно. — Как-то низко...

Альбрехт вздохнул, посмотрел на меня. Я сказал рассерденно:

— Время уходит! Мы должны победить, и победить быстро. Я указываю на уязвимые места, а вы ищите, как этим воспользоваться. Человек рожден убивать! Но кроме того, усердно учился, обучался, совершенствовался в этом нужном и благородном деле, таком необходимом для народного хозяйства и расширения нашей доминантности! Так что не позорьте человеческий род преждевременно рожденным гуманизмом, ищите новые способы убивать и снова убивать!

Барон выпрямился, в голосе прозвучали отвага и преданность:

— Да, ваше величество! Истинные слова, ваше величество!.. Все выполним, ваше величество!

Норберт напомнил:

— Ваше величество, я пойду распоряжусь?

Я кивнул.

— Действуйте, барон. Дорогие друзья...

Пленный филигон то ли заснул, то ли впал в оцепенение, но когда я вошел снова, висит на растяжках посреди комнаты, словно мертвый. Придя в себя, рванулся, я почти физически чувствовал, как он ускорился, стремясь в мгновение освободиться и уничтожить всех нас, а затем проломить стену и умчаться к своим, сея по дороге смерть и разрушение.

Веревки натянулись и тонко-тонко зазвенели. Я устрашился, что лопнут, однако филигон очень быстро ощутил, что столкнулся с чем-то покрепче своих мышц, и снова у меня по шкуре прокатилась дрожь: слишком быстро соображает, ориентируется почти мгновенно, такого просто непонятно чем прижучить.

За мной вошли Альбрехт, Норберт и еще двое немолодых воинов, угрюмые и зловещие даже с виду, а последним вдвинулся Карл-Антон.

— Имя, — сказал я филигону, — звание, номер воинской части... Это, как я помню, попавший в плен обязан сообщать в любом случае. Это не считается предательством своих, не роняет воинской чести и не грозит санкциями по возвращении на родину к своему выводку или выметанной икре.

Альбрехт, с напряжением присматриваясь к пленнику, прошептал мне тихонько:

— А он слышит вас?

— Даже вас слышит, — ответил я. — А вот не понимает или не изволит понимать... Ладно, пока начнем собирать материал для статистики. Эй, Джон! Возьми вон ту кастрюлю...

Солдат огляделся, ответил испуганно:

— То не кастрюля...

— Неважно, — ответил я величественно, — для короля все здесь кастрюли. Даже вы все. Начинай стучать по этой кастрюле. Сперва тихо, потом все громче и веселее... Карл-Антон, тебе заниматься этим зазорно,

приставь магов помладше записывать и рисовать графики.

— Ваше величество?

— Нужна зависимость, — пояснил я. — И вообще, определи, на каком уровне звука сомнеет. То есть упадет в обморок.

Карл-Антон поднял взгляд на филигона.

— Боюсь, стучать надо будет не по кастрюле.

— Стучи, — разрешил я. — Только не по голове.

Филигон продолжал молча рассматривать нас, мне тоже показалось, что не слышит, хотя уже знаю, насколько его слух превосходит наш. Вон даже от наших голосов, не таких уж и громких, заметно вздрагивает, а по шкуре пробегает мелкая рябь.

— Стойкий, — предположил барон Келляве, — гордость не позволяет.

— Возможно, — согласился я.

Он сказал хмуро:

— Но если надо, то надо. Я сам готов у него зубы рвать, только бы узнать, чем их можно взять и придавить.

— Возможно, — сказал я, — придется. И зубы рвать, и ногти выдирать. И вообще... Это лягушку я даже не пну, а этого гада разберу по косточкам живьем и глазом не моргну.

Он проворчал:

— Я тоже помню, сколько наших убили.

Я обратился к филигону:

— Ладно, второй вопрос, хотя он вроде бы уже был первым. Зачем вам наши люди?

Он смотрел ничего не выражающим взглядом. Я повторил вопрос, он продолжал смотреть точно так же тупо и бесстрастно.

Лорды начали поглядывать на меня с неловкостью, словно я пытаюсь разговаривать с деревом.

— У нас есть возможности, — сказал я значительным тоном, — заставить заговорить. Даже петь будете, если на то будет наша воля.

Он по-прежнему смотрел на меня, словно я не человек, а ничем не примечательная каменная стена.

Я кивнул сэру Норберту.

— Ваши люди могут начинать. Не убивать, не калечить, но этой сволочи должно быть очень больно. Нет-нет, никаких щипцов, что за средневековье?.. Просто лупите сперва по гениталиям, в цивилизованных странах это дает хороший эффект, еще можете расплющить ему пальцы, а потом сорвать ногти... Если не поможет, у нас есть кое-что и посложнее.

Норберт кивнул часовому, тот моментально выскользнул за дверь. Я ждал, старался смотреть на филиона как можно более зловеще, но его лицо все так же оставалось абсолютно нечитаемым, хотя выражение постоянно менялось.

Отворилась дверь, часовой вернулся с тремя ожидавшими за дверью крепкими угрюмыми мужиками. Двое несли широкую жаровню с уже полыхающими углями.

Волна жаркого воздуха коснулась даже моего лица, я кивнул, позволяя приступить к допросу третьей степени, — красивый эвфемизм на такое простое бесхитростное слово «пытки».

Солнце в зените, над всем обширным болотом чистое небо, синее и безмятежное, ему все равно, что люди, что муравьи там внизу. Я подставил лицо теплым лучам, в голове неясное томление, предвестник зарождения умных мыслей, которые сперва долго маскируются под простенькие или совсем уж глупенькие, чтобы не поймал и не заставил работать.

Многие странности, кажется, начинают укладываться в некую причудливую мозаику, но у меня озноб по

коже, слишком уж все невероятно. Но если предположить, то да, все сходится.

Только предположить такое слишком уж дико.

Я вздохнул и начал загибать пальцы.

Первое, это сам Маркус и прилетевшие на нем филигоны — иногда мне кажутся еще примитивнее нас, землян. Хотя, может быть, это потому, что ожидаю от них чего-то запредельного, но, с другой стороны, и должно быть беспредельное! Ведь Маркус беспределен?

Почему же действия филигонов такие... объяснимые? Нет, я даже не строю догадки, зачем понадобились люди в качестве пленных или рабов, однако разве наука и технологии не в состоянии решить подобные проблемы без этого примитивного подхода?

Для каких бы научных целей люди ни понадобились, но для этого не нужно гнать звездолет в непонятные дали, чтобы нахватать, как дикари, толпу пленных и что-то с ними делать.

В крайнем случае достаточно было бы одного, чтобы снять с него все данные, оцифровать, а затем с цифровой копией проводить эксперименты.

А так... дикари, настоящие дикари! Я с силой потер обеими ладонями лоб, потом уши. Этот пленник кое-какие построения поколебал, но что-то и укрепил. Возможно, умнее всего вернуться к идее, что филигоны — просто животные, обогнавшие нас в развитии. Это не только льстит самолюбию, но и похоже на правду.

Хотя, конечно, остается не сброшенным со счета и вариант, что филигоны как-то откопали этот звездолет либо сам вылез из-под земли. Работают же в недрах Южного материка автоматические заводы, выпуская багтерам детали на замену!

Такое может быть, хотя кажется слишком простым объяснением. Хотя у нас же получается иногда воспользоваться техникой Древних, почему отказываю им?

Конечно, в такое легче поверить, потому что не могу и не хочу даже воображать существ выше человека не по знаниям, а по биологическому классу!

Вполне возможно, их инстинкт развит до такой степени, что, не переходя в разум, способен воспринимать на подсознательном уровне многое из того, что недоступно даже ученым с их могучей техникой исследования и всему аппарату научно-исследовательской мысли!

А возможно, эти твари создали Маркус, как муравьи, не являясь разумными, создают свои совершеннейшие муравейники с их подземными грибными садами, зимним содержанием муравьиных коров-тлей, развитым скотоводством и выведением новых сортов растений?

Кажется, от сердца чуточку отлегло. Да, это многое объясняет. Ну, а что филигоны такие быстрые, ловкие и сильные... ну, возможно, у них там гравитация выше, потому мускулы крепче, как и все, начиная от скелета и заканчивая сухожилиями.

Правда, скорость реакции просто безумная. Гравитация ее не объясняет. Да и размеры... При высокой гравитации филигоны были бы размером с мышей. Ну, пусть с крыс, а они почти ровня человекам, что рядом с ними просто улитки...

Глава 2

Я заходил в барак время от времени, задавал филигону те же вопросы и, не получив ответа, уходил, разрешая слегка усилить дознание и допытывание. А потом уже и не слегка, время не ждет.

Еще в самом начале после первых же ударов по чувствительным местам его перекосило, кожа лица затряслась, пошла из стороны в сторону, он распахнул рот

с острыми хищными зубами... Крика мы не услышали, явно за пределами нашего слуха, но, судя по нему, он кричит, и кричит просто дико.

Сэр Робер гадливо поморщился.

— Какой же он воин?..

Однако, кроме крика, так ничего от пленного и не добились, хотя дознаватели, злобно пыхтя, вымешают на нем всю ярость за погибших товарищей.

К вечеру сэр Робер начал посматривать с уважением.

— Крепок, — произнес он с неохотой. — Орет, но все-таки не говорит.

— Да, — согласился я. — Такое мне понятнее, чем выдерживать пытки с каменным выражением лица.

— А еще и улыбаться, — добавил сэр Келляве. — Презрительно! Есть такие, сам видел.

— Или насмехаться, — сказал Рокгаллер. — Это вообще герои.

Я всматривался в лицо дико кричащего филигона, в какой-то момент тончайшими струйками брызнула ярко-оранжевая кровь, это на миг приоткрылись поры на висках, но тут же организм заживил раны, только сам филигон дышит еще чаще и выглядит не просто изнуренное, но и заметно исхудавшим.

— Продолжайте, — велел я жестоко. — Ресурсы у него вряд ли бесконечны.

Лорд Робер переспросил:

— Ресурсы?

— Ресурсы организма, — пояснил я. — Видите, худеет?.. Скоро-скоро это кончится.

Я ушел к себе в шатер, но буквально через четверть часа полог отлетел в сторону, сотник Норберта Джек Сломанная Стрела влетел вовнутрь растрепанный и с отчаянными глазами.

— Ваше величество! Несчастье!

Я подхватился, инстинктивно ухватился за рукоять меча.

— Что еще?

Он выпалил:

— Пленный умер!.. Но, клянусь, мы его даже не трогали! Как вы ушли, так он и остался.

Я сказал резко:

— Пойдемте.

Он с несвойственной ему торопливостью заспешил следом, время от времени забегая то справа, то слева. На лице его было такое виноватое выражение, словно из-за него рухнет спасение мира.

А может, из-за него и рухнет, подумал я зло, но смолчал, вбежал в барак и замер на пороге, глядя на повисшее тело филигона. Собственно, сильно провиснуть ему не дали тугу натянутые веревки, но все же слегка обвис, а голова совсем уж бессильно опустилась на грудь.

— Точно не прикидывается? — спросил я.

Он вздрогнул.

— Зачем?

— Чтоб ты подошел пощупать ему лоб, — ответил я, — а он сразу же...

Он охнулся.

— Да что он может сделать?

— У него язык, — напомнил я, — как змея. Может моментально выбить тебе глаза, а то и удушить, ухватив за горло.

Он сказал в нерешительности:

— Вряд ли прикинулся...

Я подошел ближе, все-таки он прав, филигон мертв. Его температура тела выше нашей, но заметно остывает с каждым мгновением.

— Расчлените, — велел я. — Нет-нет, не снимая веревок!.. И сожгите тело. Я не хочу проверять возможности их регенерации.

Джек пробормотал за моей спиной:

— Ну да, а то вдруг и он там у них был паладином.

Я тупо смотрел на труп некоторое время, привыкая к новой реальности и все никак не в состоянии заставить себя к ней привыкнуть. Годами и десятилетиями вбивалась мысль, что если и встретим когда-то похожих на себя, в смысле, разумных, то это будут либо млекопитающие, либо пресмыкающиеся, некие благородные и величественные ящеры.

Ящеры даже котировались лучше, все-таки на ступеньку ниже по биологии, приятно чувствовать себя выше на порядок даже в таком вот аспекте.

Еще представлялись инопланетяне в виде разумных насекомых, рыб, осьминогов и прочего, что, однако, все равно ниже человека по биологии.

Но вот впервые человек столкнулся с тем, что выше его не по технологиям, о них разговор отдельный, а именно по уровню биологической эволюции.

Филигоны к человеку относятся так, как человек даже не к обезьянам, а к своим более давним предкам, пресмыкающимся. Ящерам.

Видимо, от того времени, когда они были людьми, прошло несколько миллионов лет, и неторопливая эволюция неспешно подняла то существо, что занимало там высшую ступеньку в классе млекопитающих, на следующую ступеньку, создав новый биологический вид. Класс филигонов.

Солдаты освободили его от веревок и переложили на стол. Карл-Антон и несколько магов обступили со всех сторон, один взял в руки острый нож.

— Очень осторожно, — предупредил я. — Ничего не повреди! Мне нужно знать, такие же у него сердце,

печень, желудок, как у предыдущего. В смысле, есть у них стазы или нет? Это здорово бы помогло. И вообще... Остальное посмотрю сам.

Когда я вышел, к бараку уже спешили Альбрехт, Норберт, Тамплиер с Сигизмундом, другие рыцари.

Альбрехт спросил с ходу:

— Он так ничего полезного и не сказал?

— Не сказал, — признался я. — Однако все же сказал...

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Иногда человек говорит, сам не зная, что уже говорит и рассказывает. Еще откровеннее говорит с нами, например, собака. Когда он отвечал, я внимательно следил за ним. Не только, что говорит, но и как говорит, как держится, двигается, пытается жестикулировать, как гримасничает...

— И что удалось узнать?

— Странное ощущение, — признался я. — Как будто они вообще не умеют лгать.

Он отшатнулся, посмотрел с недоверием.

— Он отвечал на вопросы? Все рассказал? Во всем признался?

Я покачал головой.

— Нет. Но и не врал. А это очень странно. Человеческая культура без вранья просто немыслима. Люди не стали бы людьми, если бы врали и не притворялись. Без этого пещерные люди не сумели бы жить обществом, если б не смиряли свой дикий нрав и не прикидывались белыми и пушистыми. А кто не прикидывался, тех изгоняли. Понятно, что одиночки обычно вне стаи гибли сразу.

— Ваше величество, — сказал он осторожно, я понял, что он ничего не понял и хочет вернуть мои рас-

суждения к пленному филигону. — Если он не умеет притворяться, то все рассказал?

— Он не рассказал то, что нам нужно, — пояснил я. — А нужно, как понимаете, граф, уничтожить их всех. Но кое-что стало понятнее. Не совсем, а как бы слизняк в тумане. Пойдемте ко мне, поговорим, что будем делать с учетом полученных ценных данных.

За спиной кто-то сказал кому-то тихонько:

— Никогда не сдается!..

— Думаешь, — ответили ему тоже шепотом, — провал?

— А что еще? Пленник умер, так ничего не сказав!

— Наш король такой, что и мертвого допросит...

Я почти не прислушивался к разговорам шепотом за спиной, уверены, что не слышу, а сам думал, что вот память у меня, как у большого стада слонов, все помню, но сейчас сколько ни перебираю все слова, подслушанные тогда у филигонов, что гнали пленников, и те, что сказал узник, сколько ни вертел их так и эдак, уже череп трещит от усилий понять то, что стоит за языком, но пока даже на мой непридиличивый взгляд речь филигонов звучит просто, даже упрощенно, словно слушал разговор грузчиков.

Правда, язык богат, для одного и того же значения такое великое множество синонимов, что ошелел, однако все равно это одна плоскость, обычное общение на самом простом уровне, в то время как у нас даже грузчики то помянут Господа, хоть и с матюками, то скажут о продажных душах управляющих, то умно заметят, что все налоги взять бы да отменить, а накопленное богатство отнять и поделить...

В речах филигонов не было упоминаний о душе, Боге, управлении королевствами и чем-то еще сложным, а только самые простые их действия, так что я заподозрил, что на Маркусе прибыли самые тупые, каких

обычно набирают в надсмотрщики тюрем и каменоломен.

Однако все равно не сходится. Наши надсмотрщики так же свободно говорят о Боге, душе, как и о бабах. И часто. Вообще, как мне показалось, речь филигонов звучит несколько узкоспециально. Да какое там несколько...

Снова всплыло подозрение, что филигоны... не что иное, как животные. Очень продвинутые. Это звучит нелепо, но все же рискну предположить, я вообще человек рисковый, что филигоны в самом деле произошли от человека.

Скажем, от питекантропа. Или даже кроманьонца. Но так уж получилось, что метеорит не попал никому в голову и не случилась та самая редкостная мутация, что дала такой странный выверт, как разум. А питекантропы так и жили десятки миллионов лет, пока не эволюционировали в филигонов.

А речь... что речь? Она была не только у питекантропов, хотя дураки считают, что только речь отличает человека от животного. Вон даже самые лучшие и верные наши друзья, что подражают нам во всем, не могут выговорить ни слова, гортань устроена иначе, однако же на самом деле переговариваются все существа на свете: от самых мелких насекомых до волков и дельфинов, у которых насчитали сотни слов и значений.

Так что зря я дрогнул, наличие речи ничего не говорит. Эти филигоны по-прежнему неразумны, хотя речь у них уже имеется, очень примитивная, вряд ли намного богаче, чем у наших собак, к их речи мы, вообще-то, никогда не прислушивались, предпочитая, чтобы это они прислушивались к нам.

И все, что пленный филигон сказал мне, мог бы овце сказать волк, попавшийся в капкан. Освободи его

и смирись, когда он возжелает перехватить ей горло острыми клыками.

Часовой у шатра откинул полог и придержал, выклизывая манеры, пока я входил вовнутрь. За мной втянулись мои лорды, военачальники, лишь Тамплиер и Сигизмунд остановились у входа, но переступить порог не решились, не по рангу, но пропустили Карла-Антона, что тут же примостился в дальнем углу на сундуке.

— Садитесь, — велел я. — Можете не по старшинству, оставим это для дворцового этикета.

Притихшие, чувствуя серьезность момента, рассаживались степенно, молча, не отрывая от меня пытливых взглядов. Я сосредоточился, быстро создал три кувшина с вином и небрежным толчком послал их на середину стола.

— Чаша вот в сундуке под алхимиком, — сказал я и продолжил без всякого перехода: — Не знаю, поймете ли меня... Скорее всего, нет. Я сам себя понимаю с трудом. У меня все больше крепнет убеждение, что филионы — это не люди...

Альбрехт хмыкнул и посмотрел с понятной иронией; Норберт, более прямолинейный, сказал суховато:

— Это вроде бы очевидно, ваше величество.

— Я в том смысле, — сказал я несколько неуклюже, — люди разумны, а вот дикий кабан, на которого вы охотились, нет. Но представьте себе, что этот кабан стал в десятки раз хитрее, изворотливее, раны на нем заживают мгновенно, двигается тоже в десять раз быстрее обычных кабанов, слышит за милю наши голоса и вообще любые шорохи...

Они посерезнели, хотя еще и не поняли, к чему веду. Просто представить себе такого зверя — это вообще идти в лес на верную смерть.

Лорд Робер произнес мрачно:

— Значит, они... как кабаны?

— Или любые другие хищные звери, — поправил я. — Только намного более опасные. Еще известно, магией не владеют. Никакой!..

Барон Келляве спросил с недоверием:

— Никто?

Я кивнул Карлу-Антону, тот поднялся, поклонился и ответил со всей почтительностью:

— Благородный лорд Келляве, мы в этом уверены. Когда кто-то применяет магию, это очень заметно... Как вы зрите круги на воде от брошенного камня, точно так нам заметно возмущение в пространстве после магии. Я советовался со своими коллегами, никто не замечал ни малейшего присутствия магии.

Келляве сказал с прежним недоверием:

— Точно? А если магия... какая-нибудь другая?

Карл-Антон ответил с достоинством:

— Это возможно. Но даже если мы не в состоянии понять природу чужой магии, то все равно сильное эхо от ее применения видим отчетливо. Как вы увидите круги на воде, что бы туда ни бросили: кусок гранита, мрамора или простой песчаник. Даже ком земли!

— Это хорошо, — сказал Келляве. — Это очень хорошо.

Карл-Антон сел, лорды заговорили между собой, я похлопал ладонью по столешнице.

— Тихо, тихо. Кабаны и волки, даже самые увертливые, магией пользоваться не могут. Как и мудрые медведи или хитрейшие лисы. Так что филигоны — это...

Я сделал паузу, они все молча смотрят серьезными глазами, я ощущал страх и беспомощность, но выдавил с трудом:

— Это животные. Всего лишь животные! Только намного более сильные. Во всем. Они чувствительнее, сильнее, быстрее, у них лучше нюх и слух... у них все лучше! Но у них нет веры, нет церкви, нет Господа.

— Сим победиши, — сказал Норберт с чувством. — Господь нас не оставит в этом страшном испытании!

Я промолчал — не к месту напоминать, что это Господь и наслал Маркус, чтобы уничтожить род людской. По крайней мере, я придерживаюсь этой версии, хотя, конечно, как атеист, во всю эту хрень не верю, но очень уж удобная, прямо по ладони, как рукоять меча или молота, потому и пользуюсь для доступности и лучшего как бы понимания моих народолюбных намерений.

Они заговорили, переглядываясь и вздыхая уже с некоторым облегчением, хотя, конечно, еще ничего не придумано, опасность уничтожения лишь возрастает с каждой минутой, но все-таки появилось что-то определенное...

— И как все-таки бороться? — спросил сэр Робер. — С кабанами и медведями мы знаем, хотя больше люблю охоту на оленей, но филигоны — зверь слишком непонятный.

— И действует в стае, — добавил Келляве. — Как волки.

— И действует в стае, — согласился я. — Значит, будем бить по стае. И поодиночке, если получится. И вообще...

Я поглядывал на них настороженно, придется долго убеждать и доказывать, а то и вовсе что-то соврать по-убедительнее, однако они слушали очень внимательно, неспешно сами наполняли чаши вином, степенно опорожняли, лорды не спешат за столом, не голодные же простолюдины, наконец Альбрехт заговорил громко и уверенно:

— Ваше величество, это, конечно, удивительно, но в первую очередь позвольте поздравить вас с решением этой загадки! Все оказалось даже проще, чем мы ожидали. Животные, всего лишь животные! Что ж, в какой-то мере будет даже легче... Будет легче?

— Да, — ответил я, — да... Рад, что вы все приняли так... спокойно.

На их лицах отразилось удивление, я поспешил одернуть себя, сам глуплю, для них как раз понятно и естественно, все звери обладают разумом, медведи вон мудрые, лисы хитрые, бараны глупые, хомяки сонные...

— Разрабатываем новые планы? — спросил Норберт деловито.

— Все старые в топку, — согласился я. — Животные могут быть намного сильнее нас, однако мы хитрее. Хитрее всех лис на свете! И перелисим даже короля лис... Не думаю, что они могут быстро приспособливаться к новым условиям. Вот сейчас у меня вызрела одна идея...

Я задумался, Норберт спросил после паузы:

— Ваше величество?

— Нужно вернуться к филигону, — сказал я. — Допивайте. Есть смысл проверить еще одну возможность.

Глава 3

Они торопливо и уже оживленнее потянулись за мной следом, их король в самом деле никогда не сдается, а поражение умеет превращать в победу.

В бараке тело филигона еще на столе, маги азартно спорят, копаясь в оранжевых внутренностях. Разрезали, как вижу, вдоль и поперек, хотя и неумело, даже мне понятно, руки вообще отделили от туловища, рассматривают толстые сухожилия и крупные хрящи очень сложной формы.

— Вольно, — сказал я магам, — продолжайте двигать науку в нужном направлении. Лорды, филигон хоть и мертвый, но кое-что важное рассказал.

Они с некоторым отвращением смотрели, как я пошел к столу вплотную, взял обеими руками филигона за голову со снятой крышкой черепа, подвигал из стороны в сторону, вверх-вниз.

Даже Карл-Антон и его маги следили непонимающе, я сказал с расстановкой:

— Случайно ли филигоны появились в первые сутки новолуния?

— Ваше величество?

— Возможно, — пояснил я, — даже последняя четверть луны для них слишком уж слепяща. Заметили, что бегают, опустив головы?.. Разведчики обратили внимание сразу. Можно бы подумать, что строение шеи не позволяет, как вон волки не могут поворачивать головы, но, как видим, свобода движений у них даже больше, чем у нас. Значит, наше небо даже ночью для них слишком яркое.

— Ваше величество?.. — спросил Альбрехт. — Вижу по вашему лицу, что-то задумали.

Я сказал быстро:

— Факелы!..

— Что факелы?..

— Нужно вооружиться факелами, — сказал я, — и попробовать встретить их в ночи. Думаю, им придется либо избегать нас, либо изменить тактику.

— Как, ваше величество?

— Не знаю, — признался я. — Все зависит от того, есть ли у них воинский опыт. И насколько вообще смыслены. Животные бывают очень изворотливыми и хитрыми. Особенно высшие. А насчет тех, что выше нас, боюсь и подумать.

Он сказал нерешительно:

— Но факелы ослепят и нас...

— Знаю, — ответил я, — потому и отверг их сразу, хотя была такая мысля в первую же ночь, была!.. Дурак, почему тогда сразу не? Да, факелы и нам помешают.

Норберт сказал мрачно:

— Освещенных бей в夜里 на выбор. И не поймем, откуда стрела прилетела...

— Нас факелы ослепят, — согласился я, — чуть-чуть, а вот для филигонов это будет как удар дубиной в морду. Или по морде.

Альбрехт, привычно реагируя быстрее всех, сказал с подъемом:

— Филигон, даже когда отвернет морду от факела, все равно ему будет слишком слепяще. Ваше величество, это может сработать. Если у филигонов ничего другого нет в запасе.

— Уже бы применили, — сказал я, но без особой уверенности. — Все-таки это животные, сэр Альбрехт. Они могут быть как угодно сильны и умелы, но... в рамках!

Норберт подумал, проговорил задумчиво:

— Чужаки не выходят днем, а ночью они всесильны.

Следовательно, нужно уметь драться ночью...

Лорд Робер прервал:

— Ваше величество, но печальный опыт...

— Любезный лорд, — сказал я резко, — потрудитесь выслушать своего сюзерена! Барон Дарабос продолжил мою мысль, что нужно суметь драться на своих условиях. Если они избегают яркого света, то нам нужен яркий свет!.. Начинайте изготавливать надежные смоляные факелы, что не погаснут от ветра или неосторожного взмаха. И побольше их, чтобы всегда был запас. Да, понимаю, с факелами в руках мы еще не сражались. Что ж, придется научиться.

Альбрехт сказал жестко:

— Хотя бы попробуем.

Норберт вставил:

— Хорошая идея, ваше величество! Додумались бы раньше...

Я буркнул:

— Мы привыкли, что на ночь прекращаются любые сражения. Это настолько понятное и освященное веками правило, что как-то в голову не придет... В худшем случае наши силы с филигонами сравняются. Нам при свете факелов будет видно лучше, им — хуже.

Их лица посветлели, смотрят с надеждой, барон Келляве сказал быстро:

— Это может сработать!.. Я сейчас же распоряжусь...

Я кивнул, он поклонился и тут же исчез, остальные придвинулись ближе.

— Как только будут готовы факелы, — сказал я, — мы проведем пробный бой.

— А если получится? — поинтересовался Альбрехт.

— Спешно начнем закреплять успех, — объяснил я, — пока филигоны не опомнились.

— И не придумали, как защититься, — добавил льстиво сэр Рокгаллер. — Ваше величество, мы счастливы, что борьбу с этим врагом возглавляете вы. Я сейчас же пойду седлать коня.

— Разве вам седлает не Вильям?

— Погиб, — ответил Рокгаллер коротко. — А другого оруженосца брать пока не хочу.

Я кивнул, сказать нечего, к оруженосцам привязываемся больше, чем к собственным детям, и скорбь Рокгаллера понятна и объяснима.

Он быстро ушел, я оглядел остальных, стараясь выглядеть сильным и решительным.

— Этой же ночью!..

Хотя чего это я разумничался, что вот мы молодцы, а на планете с филигонами эволюция поперла по неправильной дороге? Возможно, у них как раз шло все правильно, а еще через миллион лет разум появился бы либо у самих филигонов, либо у тех, в кого они

бы эволюционировали. Вот это был бы разум, вот это уровень...

Это у нас, людей, произошло то редчайшее изменение в одном-единственном гене, что и привело к появлению разума. Редчайшее. И не зависящее от того, каков вид, хотя, конечно, чем больше нервных клеток в мозгу, тем вероятность сбоя выше.

А так мутация могла произойти и у динозавров. Тогда сейчас землей правили бы разумные и высокоинтеллектуальные динозавры. Да что там землей, если это случилось бы сотни миллионов лет тому, когда был расцвет динозавриной эры, к этому времени покорили бы не только галактику, но и Вселенную!

Сэр Тамплиер перехватил мой странный взгляд, посмотрел сперва вниз, застегнуто ли у него там, потом на рукав, не испачкано ли, наконец обратил вопрошающий взгляд на меня.

— Ваше величество?

— Да так, — ответил я медленно, все еще во власти странного полета моей мудрой мысли, — представил вас, лорд Тамплиер, выше, крупнее и... в других доспехах. С гребнем, в смысле. От макушки и до хвоста. В смысле, до поясницы. Это чтоб спину защитить от ударов, а вы что подумали? Не это сейчас неважно. Важно другое...

Он скосил взгляд на правое плечо, затем на левое, с недоумением взглянул на могучие руки.

— Еще крупнее?

— Да это так, — ответил я с неловкостью, — от усталости. Вообразил вас таким гигантом, что вот пойдет один против всех филигонов, их перебьет, а сам Маркус вгонит в землю ударом кулака!.. И будете вы спасителем человечества. Вы так чисты, сэр Тамплиер, что я бы вам доверил абсолютную силу!

Он перекрестился.

— Абсолютная сила только у Господа. Я не приму.
 — Аминь, — ответил я. — Потому бы и дал.

Прозвучало как-то не весьма, двусмысленно даже, если смотреть сбоку, но Тамплиер слушает больше интонации, слова бывают довольно мудреные, а с интонацией у меня в порядке, самого себя могу убедить в своей святости и непорочности, даже слезу в голосе и дрожание изображу с легкостью, если это во имя отечества и подъема сельского хозяйства.

По всему лагерю раздается бодрый стук топоров, заглушая вжиканье точильных камней по остриям мечей и топоров. Воины спешно готовят смоляные факелы, запасаются трутом и огнivом, маги на добровольной основе сами распределились по одному в каждый отряд. Дескать, если факелы погаснут, они сумеют быстро зажечь их без трута и огнива, в бою важны и секунды, а с филионами так и вовсе.

Да что за глупость, мелькнуло тоскливо, почему до этого не додумались сразу? Почему еще в деревнях чужаков не встретили огнем? Да именно потому, что в городах и селах действует строгий закон: гасить все свечи и все огни в очагах с заходом солнца и ложиться спать. Но даже в этом случае, несмотря на эти справедливые запреты и угрозу крупных штрафов и наказаний, все равно из-за чьей-то безалаберности вспыхивают пожары, что уничтожают деревни и даже целые города. Говорят же, что из-за копеечной свечи вся Москва сгорела...

Потому да, чужаки входили среди ночи свободно, отбирали людей, как скот, и уводили. Это уже сейчас, перебирая все варианты, я додумался до такой очевидности, что не такая уж и очевидность, войны ведутся днем, а на ночь войска отводятся на исходные позиции.

Они нарушили привычные правила ведения войны, а мы к ним оказались не готовы.

Тамплиер весь день, горя жаждой мщения, ходит по лагерю, несколько раз выбирался на опушку леса и со злостью смотрел на блистающую багровым огнем громаду Маркуса.

Сигизмунд обычно таскается с ним, натура такая, обязательно нужен старший товарищ, что ведет и наставляет. Одно время им был я, но я за время разлуки развивался весьма быстро, а он без меня так и остался чистым и светлым, что, наверное, хорошо, хотя и не так эффективно в общественной и личной.

— Сэр Ричард, — спросил он с надеждой, — мы пойдем впереди? Мы ударим?.. Мы нападем сами?

— Операция, — сказал я сварливо, — имеет двойное назначение. Первое — освобождение пленных. Вообще-то я бы сам их перебил, это же коллaborационисты, но главное — не дать им попасть в звездную крепость филигонов. Второй — перебить охрану. Если это получится, то сможем бить их на равных. Вообще-то перебить охрану и есть главное, насчет освобождения это я из неприсущей, но навязываемой человеку гуманности и милосердия — три ха-ха!

Он перекрестился.

— Я молю Господа, чтобы он дал нам победу!

Я посмотрел на него критически.

— Да? А Господь смотрит на тебя и думает: возьмет ли он победу или же будет ждать, когда я ему дам сам?

Его нежные щеки вспыхнули румянцем.

— Сэр Ричард! Я не в том смысле! Я в том, что все нам дает Господь.

— Сиг, — сказал я дружески, — Господь нам дал дивный сад и установил в нем законы. Как только человек их нарушил, Господь сказал: пошел отсюда вон и живи своим умом, если не слушаешь родителей. И больше помогать не буду, понял? Понял, ответил Адам. Так что с того времени мы сами по себе, а Го-

сподь не вмешивается. И все, что мы получаем, беды и радости — это наши заслуги и наши провалы. Господа винить не за что.

Его большие детские глаза наполнились укором.

— Сэр Ричард!.. Как это Господь не вмешивается?

Я покачал головой.

— Не вмешивается. Как бы нам ни хотелось в минуты упадка духа, в дни слабости и отчаяния.

— Но ведь молитвы...

— Дурость, — ответил я авторитетно. — Молитвы нужны нам самим, а не Господу. Он даже если бы очень-очень хотел помочь нам, но не может!

— Как... это...

— А вот так. Дал свободу воли. От всего, даже от себя. Потому может наказать человека, но заставить его сделать что-то против своей воли — не может!.. Может наслать потоп и всех уничтожить, но не может труса сделать храбрецом, урода — красавцем, дурака — умным... Потому будь крепок и взрослей.

— Ох...

Я сказал твердо:

— Скоро тебе самому придется утешать и поддерживать трепетных юношей, а то и просто слабых духом. А Господь... Он хоть и не вмешивается, но следит за нами. И то хорошо. А теперь иди и приготовься. Через час выдвигаемся. Бой будет тяжелый. На этот раз отступать не придется.

Он едва не подпрыгнул, глаза засветились счастьем.

— Сэр Ричард! Наконец-то!

— Чего ликуешь? — спроси я. — Многое весьма как-то. Решится, можно сказать. Да, в эту ночь.

Он вытащил меч из ножен, с чувством поцеловал лезвие.

— За победу!

— Ага, — сказал я с тоской, — за нее, родимую. Крылья бы пообрывал этой Нике!

Глава 4

Куда бы я ни шел, моментально подходят рыцари, в основном — верхнего звена, и всем видом выражают готовность сопровождать меня в виде свиты. Тем более что я постоянно лезу в опасные места, так гласят легенды, хотя на самом деле я человек осторожный, опасных мест всячески избегаю, это они сами ко мне лезут.

Доблестный граф Волсингейн, правая рука Бoudеррии, заходил то справа, то слева, наконец спросил осторожно:

— Ваше величество, но ведь факелы... такого еще не было! Чтобы в бой идти с факелами. Может быть, мы все-таки с мечом и щитом, а факелы вручить оруженосцам?

— Хорошая идея, — одобрил я. — Вы далеко пойдете, граф!

Он сказал с сомнением:

— Но уж слишком как-то просто...

— Гениальность, — сказал я мудро, — в простоте!

Еще говорят, на всякого мудреца довольно простоты.

Он смотрел все еще с сомнением, а я не стал объяснять снова еще и ему, что филигоны неразумны, что ими руководит инстинкт, для отважного рыцаря и волки очень разумны, а лисица хитрее всех людей на свете.

— Филигоны лучше нас во всем, — сказал я, — что знают. Единственное, что можем противопоставить...

— Ваше величество? — проговорил он, видя, что я запнулся и молчу достаточно долго.

— Противопоставить то, — сказал я медленно, — чего они не знают...

Он спросил осторожно:

— Но чего они не знают, если они такие...

И, не находя слов, он показал руками. Интеллигентный человек в принципе способен описать красо-

ту женщины, не прибегая к жестам, но это не так на-глядно, и вообще зачем себя ограничивать, существуют же языки жестов, звуков и даже запахов, не считая тактильных, потому граф показал руками, похрюкал и, вытаращив глаза, повоздевал их к небу.

— Да, — согласился я, — они, собственно, такие. Или почти. Благородный друг, но когда в прошлый раз на охоте прямо на вас мчался здоровенный вепрь...

Он воскликнул с восторгом:

— Вепрь? Да это был не вепрь, а даже не знаю какой вепрь! Это веприще! Веприный барон, а то и граф!

— Вот-вот, — сказал я. — Вы не стали встречать его грудь в грудь?..

— Ну да, — ответил он с неохотой, — он бы меня, как зайчика... Я отпрыгнул, а когда он помчался мимо, остановился и начал разворачиваться, я уже был готов и метнул копье в бок...

— С филигонами надо что-то подобное, — объяснил я. — Думайте все!.. Лоб в лоб не пройдет, филигоны еще те вепри. И думайте быстро! Если успеют наловить народу столько, сколько им нужно, то поднимутся в небо, где нам их не достать, а оттуда уже вспашут землю Плугом Великанов так, что горы сравняются с землей, а города исчезнут, как у нас исчезают под лемехом пахаря муравьиные холмики.

Рыцари грозно и недовольно загудели, на лице юного графа отразилось недоверие.

— Как это?.. Мы не можем погибнуть!

— Слушайте внимательно, — сказал я резко, — у моего величества нет времени повторять и разъяснять. У меня нет, ясно? Это должно быть ясно даже... Филигоны, так зовут это племя, не являются ни людьми, ни даже демонами. Хотя если кому-то удобно, считайте демонами... Да-да, поправлю себя на ходу, это такие особые демоны. Не наши! У этих нет колдовства, зато

несокрушимая сила... точнее, сокрушающая, а насчет несокрушимости мы уже доказали, сокрушать можем. Хотя бы отдельных тварей...

Их напряженные лица чуть повеселели, кто-то выкрикнул что-то одобрительное.

— А так как Господь только человеку дал разум и свободу воли, — подчеркнул я, — то мы и воспользуемся своими возможностями весьма! Итак, что мы успели узнать?.. Филигоны, как вы уже поняли, почему-то опасаются или просто не любят соваться в леса.

— Почему? — спросил один из рыцарей.

Я ответил недовольно:

— Да какая нам разница? Мы воины, а не ученые-алхимики. Наверное, живут на ровной планете... в такой стране, в самом широком смысле понимании. Там трава, если она есть, не выше колена.

Он сказал решительно:

— Ваше величество, таких стран не бывает!

— А бывают, — спросил я, — где люди с двумя головами?

Он изумился:

— Ну конечно!

— Так вот есть и с такой травой, — сказал я решительно, следуя его же логике, — потому им просто страшно, когда видят лес. В панике. Ну, пусть не в панике, не нужно приижать врага, а то наша победа будет не столь блестательна, однако у них при виде леса дрожь, как у сэра Рокгаллера, когда смотрит на худых и костлявых женщин. Даже, может быть, ужас, отвращение и безотчетный страх.

— Как у сэра Рокгаллера?

— Да, — подтвердил я. — Сэр Рокгаллер молчит, так что мои слова как бы высекаются в камне, а еще отныне воплощены в черной бронзе. Филигоны управляемы не разумом, который у нас гордо и смело подавляет

страхи! Потому они трусливо суются в места, где лес, высокие и тесные скалы, пещеры, овраги.

Похоже, меня не целиком понимают, но я уже привык, да и пусть сюзерен выглядит умнее и загадочнее, это повышает престиж, главное — чтобы ясно и твердо пошли за мной, а то и впереди меня с горящими взорами и пламенными сердцами.

Я грубо прервал себя:

— В общем, неважно, разумны они или нет. Главное, они превосходят нас во всем зверином, но только в зверином!.. Они сильнее, быстрее, лучше слышат и лучше чувствуют, но не лучше соображают! Мы должны действовать нестандартно, это их событ с толку.

Они смотрят все еще в замешательстве, я перечислил то, в чем филигоны превосходят нас многократно, а если они сильнее, быстрее, у них лучше слух, нюх и зрение, то что можно таким противопоставить?

Барон Келляве, что тоже идет с рыцарями и внимательно слушает, сказал рассудительно:

— Ваше величество, волки на что уж неразумные звери, а как умеют охотиться! Одни в засаде, другие идут загонщиками... Что мы можем, как с такими тварями бороться?

— Уже знаем, — сказал я победно, — хотя и не нарывника. Промедление смерти подобно, потому проверим наши догадки насчет факелов ближайшей ночью. Если получится... то я даже не знаю, что у таких орлов может не получиться вообще!

Западная часть неба постепенно темнеет, облака порозовели, затем стали пурпурными, багровыми, отяжелели и перестали двигаться, засыпая на месте до утра.

Солнце разбухло втрое, из оранжевого стало багровым, уже не слепит, зависло над темной землей. В ле-

су, где темнеет еще до захода солнца, уже полыхают костры. Прятать их перестали, на перекрестках тропок растут горки факелов. Осталось только разобрать и за- жечь, я с удивлением услышал не только бодрую речь, но и песню на дальнем конце лагеря.

Я тоже после сильнейшего упадка духа испытал дикое ликование, когда понял, что филигоны не обладают разумом. Правда, тут же пришло и сильнейшее разочарование: а как же Старшие Братья по Разуму, обладающие технологиями межзвездных полетов?

Но после ликования снова рухнул в ледяную пропасть ужаса. А вдруг инстинкт послечеловеческого вида превосходит наш не такой уж развитый, честно говоря, разум? И если в самом деле честно, то разве то, что называем разумом, не есть отросточек того же инстинкта, выращенного специально для удовлетворения базовых требований инстинкта?

Барон Келляве обратил внимание на мой вид, надеюсь, не слишком растерянный, вожак не может выказывать слабость, даже король может, но не полевой вождь, а я сейчас вождь.

— Ваше величество?

Я постарался ответить насмешливо-ироничным голосом:

— Да вот раздумываю на жизненно важную тему, что было раньше, яйцо или курица?

Он нахмурился, спросил с подозрением, подозревая какую-то шуточку в его адрес:

— Это сейчас важно?

— Да, — ответил я. — Не самим ответом.

— А чем?

— Тем, — пояснил я, — что мы можем ломать над такой хренью головы, устраивать многочасовые диспуты с привлечением лучших умов королевств, даже

устраивать войны... да-да, как-нибудь расскажу про исполинские битвы остроконечников и тупоконечников...

Он сказал с подозрением:

— Стрелы всегда должны быть острыми! За исключением, когда охотишься на белок, — там нельзя портить шкурки. А вот боевые...

— Там война возникла из-за способа, — пояснил я, — с какого конца разбивать яйцо на завтрак, с ту-пого или острого? Думаю, только разумные существа могут спорить и даже воевать из-за такого жизненного важного вопроса. Даже очень разумные, как думаете?

Он помялся, сказал в замешательстве:

— Вам виднее, ваше величество. Полагаете, филигоны на такую дурь... простите, высокую умность неспособны, потому в этом направлении нужно копать и даже рыть, как вы изящно говорите?

— Вас ничем не сбить с пути, — похвалил я. — Сразу хватаете суть за жабры.

— Под жабры, — поправил он и поклонился, — про-стите, ваше величество.

— Значит, — продолжил я с искусственным подъ-емом, — учитывая их ограниченность и строгую рациональность, будем строить тактику на замечательных и зело их исключительных достоинствах. А стратегия у нас как бы есть.

— Ваше величество?

— Спасти мир, — ответил я возвыщенно, — и засе-ять его своим расплодом, как повелел Господь в един-ственной заповеди, которую ввиду ее важности передал человеку лично! Остальные, как вы помните, передавал ввиду их меньшей ценности через всяких там пророков и сумасшедших.

Он сказал озадаченно:

— Понятно, раз уж у нас такая стратегия, то как не спасти мир? Обязательно спасем. Уже придумали, как это сделать?

— Ну да, — ответил я саркастически, — у меня было целых две минуты на глыбокие и расширенные размыслизмы!..

— И как? — спросил он вполне серьезно и уставился на меня в ожидании ответа, как спасти мир быстро и дешево.

Я вздохнул.

— Учитывая, что инстинкт быстр и точен, но не совсем гибок... вернее, совсем не гибок, можно предположить, что если оглушать их очень громкими криками, то они не сразу догадаются затыкать уши. Разве что пальцами, но тогда драться придется одними ногами?

— У нас будет преимущество, — сказал он с жаром. — Дальше, ваше величество, дальше! Давайте еще.

Я спросил с недоверием:

— У вас что, тоже инстинкт? То-то вы мне сразу показались на филигона похожим... Да таких идей можно с ходу полную телегу! Еще и на тачку останется.

Он сказал с глубоким уважением в голосе:

— Так это у вас так голова устроена, ваше величество! А мы люди прямые и честные. Ногу в стремя, копье в руку...

— Замечательно, — ответил я. — Вы даже не представляете, как я обожаю прямых и честных! Каким был бы замечательным мир, если бы все в нем были прямые и честные, и только я такой, как есть... Поднимайте отряд, барон! Вон какой красочный закат! Пока выберемся на дорогу, ночь захватит власть во всем королевстве... Не забудьте захватить факелы в расчете по одному на ры... на лицо. Оруженосцы пусть берут два. Всем должно хватить и на ретираду, это такое отсту-

пление, но не простое отступление, а почетное, если что пойдет не так, а эдак.

Он ответил с удовольствием:

— Мои уже факелы разобрали и надели доспехи. Ждем!

— Тогда по коням, — распорядился я. — Пока доедем...

Глава 5

Снова и снова поворачивал идею, что даже пасмурный день для филигонов должен выглядеть как невыносимо яркий, слепящий, даже ослепляющий. Возможно, лунная ночь для них то же самое, что для нас солнечный день на пляже, где негде укрыться от беспощадного блеска, от которого больно глазам.

Если это так, то понятно, почему уходят в Маркус перед рассветом, а появляются только с наступлением ночи. Потому, как ни странно вместо привычного щита взять факел, но через несколько часов проверим, как — работает ли этот вариант... и работает ли вообще.

Выехали на опушку как раз в момент, когда солнце опустилось за край. В небе застыли, как приклеенные, багрово-сизые облака, а на землю легла плотная тень.

Тамплиер прогромыхал:

— Встретим их на выходе из Маркуса?
— Ни в коем случае, — отрезал я.
— Почему?

Остальные лорды и простые рыцари смотрят требовательно, я почувствовал, что недостаточно просто приказать, нужно, чтоб еще и приняли мои слова, как единственно правильные.

— Хотите, — спросил я, — чтобы из крепости вышло подкрепление? С таким оружием, к которому мы еще не готовы?

Альбрехт сказал твердым голосом:

— Ваше величество, приказывайте!

— Мы пойдем, — сообщил я, — за их отрядом на расстоянии. До конечного пункта. А там ударим.

Они согласно зашумели, только Альбрехт предположил:

— Может быть, дать им возможность нахватать пленных?.. Тогда у них руки будут связаны. Придется и пленников стеречь, чтобы не разбежались, и с нами драться...

— Сам так хотел, — признался я, — но часть пленников в самом деле разбежится. А это весьма нежелательно.

Тамплиер рыкнул:

— Почему? Спасутся...

— И разнесут по селам весть, — пояснил я, — что от чужаков можно спастись, не гася огни на ночь. И вообще окружить село кольцом костров...

Он кивнул, очень довольный, сам еще не продлил свою мысль до самого замечательного места, но сказал бы именно так мудро.

— Так это же хорошо!

— А филигоны, — закончил я, — видя, что уже не могут поймать ни одного человека, поднимутся вверх и уничтожат здесь все с высоты. Вы этого хотите, сэр Тамплиер?

Он проворчал что-то нечленораздельное, но отступил на шаг. Альбрехт сказал в нетерпении:

— Хватит пользоваться добросердечием нашего короля, что все объясняет и объясняет, уже слушать противно... Вот там уже выходят козлоногие!..

— Пусть выходят, — сказал я, — а мы ждем, ждем, ждем...

Голосов за спиной все больше, из глубины леса один за другим приближаются отряды. С последним при-

была блистающая Боудеррия, вся в коже, но стальные вставки блестят в красноватом свете факелов хищно и победно, а из-за плеч выглядывают рифленые рукояти узких мечей.

— Не выдвигаться, — предупредил я, — а то филигоны увидят тебя и все помрут от разрыва сердца, лишив нас заслуженной победы.

Она улыбнулась.

— Я такая страшная?

— Красота, — сказал я, — страшная сила. Ты ведь красивая... и почти женщина. Как твои люди?

— Дождались, — ответила она, понизив голос, — а то уже деревья грызли. Победа или смерть!

Я ответил невесело:

— С прибытием Маркуса это уже не лозунг. Похоже, пора выходить...

В нашу сторону из ночи пронесся на легконогом коне всадник, безошибочно отыскал взглядом меня.

— Ваше величество! Барон Дарабос сообщает, шесть отрядов вышли из Маркуса. Он предлагает проследить за тем, что направился к деревне Сиреневый Мок.

— Предложение принято, — ответил я. — Барон знает, что предлагает. Скажи, что мы встретим филигонов ближе к околице села, чтоб уж наверняка. Пойдем без факелов.

Он крикнул:

— Барон знает! Там и встретимся.

Он умчался, Боудеррия спросила тихо:

— Филигоны их не ловят?

— Странно? — спросил я. — Хотя могли бы. Но то ли одиночки не представляют интереса, то ли таких просто не видят... да-да, бывает такое даже в человеческой психике. Но сейчас разбираться некогда. Нам предстоит сделать то, к чему человек готовится всю жизнь, — убивать и снова убивать.

Она пустила коня рядом с арбогастром, что сам чернее ночи, я заметил, как недовольно поморщился Альбрехт, — то ли ревность, то ли суеверие, женщина в отряде обязательно к несчастью, — но ничего не сказал, повел свой отряд левее.

Едва выехали из-за деревьев, стало чуть светлее, все-таки не черные кроны над головой, а звездное небо, хотя разница очень даже невелика.

Карл-Антон, распределив своих магов, сам пристройлся в хвосте моей группы

Ехали в ночи, не зажигая факелы и даже не переговариваясь, с полчаса, я размышлял, что днем даже в самом темном лесу все равно светло, даже в глубоких лесных оврагах, а факелы для меня, как и для других, отвратительны тем, что из темной ночи вырывают лишь клочья реальности, а за гранью прыгающего круга света мир становится чернее черного.

Однако, как ни трудно для нас сражаться, держа в одной руке факел, а в другой меч, но придется, потому что для нас это всего лишь неудобство, а для филигонов... неудобство намного большее, если говорить осторожно.

В ночи раздался стук копыт быстро приближающегося коня, в слабом свете звезд я рассмотрел на взмыленном коне всадника, лицо белое в ночи, глаза выпучены от постоянного взглядывания в темень.

Он резко натянул поводья, прокричал:

— Ваше величество!.. Отряд козлоногих сейчас покажется во-о-он там!.. Они бегут быстро, ваше величество!.. Даже быстрее, чем все наши кони...

— Пройдут здесь? — спросил я.

— Почти, — ответил он. — Если по прямой от Маркуса до села, то сотни две ярдов левее от места, где вы сейчас.

Я судорожно вздохнул, сердце колотится часто-часто. Выдернул меч из ножен, тот мрачно блеснул в свете звезд над головой.

— Зажечь факелы!

В ночной тиши, нарушаемой только конским храпом, мой вопль пронесся далеко, и вскоре огни заблистили везде, где угадываются отряды.

И почти сразу я увидел вдали бегущих со стороны Маркуса козлоногих, довольно большой отряд, не меньше полусотни филигонов. Бегут в самом деле легко и стремительно, до этого видел их только обремененными грузом пленников.

За моей спиной барон Келляве прокричал страшно:

— Лучники!.. Товсы!..

Я успел услышать щелчки тетивы по кожаным рукавицам, зловещий свист сотен стрел, арбогастр уже уловил мое нетерпение и пошел короткими прыжками, как хищный зверь, настигающий добычу.

За спиной, а также справа и слева нарастает грозный грохот копыт. Рядом появился с пылающим факелом в руке чей-то оруженосец, крикнул отчаянно:

— Ваше величество!.. Не успеваю!.. Или медленнее, или возьмите факел!

Я молча выхватил из его руки горящий факел. Арбогастр вытянул шею и пошел ускоряющимися скачками. За спиной конский топот начал медленно отдаляться.

Факел в моей руке с треском разбрасывает оранжевые и багровые искры, в ладони другой руки зажата рукоять меча, хотя молот тоже постоянно напоминает о себе, и я цепко держал взглядом вырастающую массу козлоногих, что в ночи выглядят крупнее, страшнее и опаснее.

Я нацелился врезаться под острым углом с фланга, однако те разом замедлили бег, действуя жутковато

слаженно, словно исполинская сороконожка, повернули ко мне головы и... остановились.

— За Землю! — заорал я. — За волю! За лучшую долю!..

Они застыли, глядя в мою сторону, некоторые торопливо вскинули руки и пытались закрыть глаза тонкими ладонями, это все равно что защититься от прямых лучей солнца тонкой кисеей.

Арбогастр врезался, как чудовищный метеорит, заплывший из космоса, а я, держа факел в одной руке, со всей возможной скоростью и чувствуя дикое сладострастие, обрушил меч на голову ближайшей твари.

Стальной клинок рассек череп, брызнула оранжевая кровь. Я размахивал факелом, а меч с треском разваливал и разваливал на части живую плоть.

Сзади нарастает грохот копыт, я оглянулся, из черной ночи прямо на меня несется огненное облако. Горящие факелы над головами слились в сплошное жаркое пламя, даже мне, привыкшему всматриваться в темноту, смотреть больно, а у филигонов сейчас вообще горит глазное дно.

В грозном топоте копыт, что филигонам как землетрясение, рыцари ударили с грозным ревом и сверканием стали. Я со сладострастным ликованием видел, что филигоны совершенно ослеплены невыносимо ярким светом, более того, словно парализованы им...

Прежде чем кто-то из козлоногих догадался метнуться в темноту, половину их отряда изрубили быстро и жестоко. Самые задние остановились, старательно отделяя головы слишком живущих тварей от туловищ.

Я торопливо рубил в обе стороны и с недобрым ликованием чувствовал, как стальное лезвие рассекает их тела так же легко, как если бы уничтожал глубоководных тритонов.

В ночи огонь факелов не так уж и ярок, когда далек, однако во время схватки оруженосцы выставляют их перед собой, филигоны замирают, ослепленные, и рыцарь наносит сокрушающий удар.

Я вздохнул с облегчением, филигоны, не зная, откуда ждать беду, не успевают напрячь мускулатуру, и мечи рассекают их с легкостью, так же, как и прорыкают копья.

За рыцарями двигаются тяжеловооруженные всадники, с хеканьем отрубают уже поверженным филигонам головы, расплескивают черепа, а маги бросают на них щепотки своих смесей, что мгновенно воспламеняется.

Уцелевшие филигоны разбегаются сослепу, порой натыкаются на людей, и те с ликованием наносят встречные удары, рассекающие козлоногих с непривычной легкостью.

Я опустил меч, быстро повернулся в седле, охватывая взглядом всю картину схватки. Сражение уже раздробилось, участки, освещенные пламенем факела, нервно дергаются из стороны в сторону, за три-пять шагов за освещенным пятаком еще более непроглядная темень, только мелькающее пламя в руках соратников да еще оттуда дикие крики, лязг оружия, конский топот и злорадные вскрики, сопровождающие смертельные удары.

Тяжелое предчувствие беды охватило так резко, что я охнул, быстро огляделся, нигде никакой опасности, однако заорал:

— Прекратить бой!.. Прекратить!.. Отходим, все отходим!

Услышали меня только Альбрехт и Буудеррия, старавшись держаться поблизости, но даже они быстро поняли, что их сюзерену ничто особенного не угрожает, и сами увлеклись свирепым уничтожением совсем недавно страшного и несокрушимого противника.

Альбрехт заставил коня попятиться, оглянулся с залитым оранжевым мечом в руке и горящими победным огнем глазами.

— Что?.. Что случилось?

— Немедленно! — прокричал я. — Всем!.. Остановить схватку! Отступаем!

Боудеррия повернула коня и моментально оказалась рядом, мечи в обеих руках, глаза горят жаждой крови.

— Кто?.. Где?.. Откуда?

— Останови! — велел я. — Выводи своих из боя!.. Сэр Альбрехт, остановите людей Норберта. Эх, уже начинают погоню...

Вид и голос у меня явно отчаянные, Боудеррия и Альбрехт, ни слова не говоря, ринулись в гущу боя и там орали, останавливали сражение, а я обогнул на большой скорости всю схватку и везде орал, а иногда хватал за шивороты самых осатаневших и выбрасывал из седла.

— Кто не выйдет из боя, — прокричал я страшным голосом, — тот враг и преступник!.. Да будет на нем проклятие церкви!

Постепенно разрозненные схватки затихли, рыцари с грозными криками подали коней, развернулись и ринулись к нам. Альбрехт и Боудеррия выехали вперед, заслоняя меня от праведного гнева.

Тамплиер подъехал на огромном коне, весь в оранжевой крови козлоногих, грохочущие крикнул в яростном недоумении:

— Ваше величество! Как можно?

— Быстро! — крикнул я. — Кто не исполнит приказ — рубить на месте!.. Сэр Тамплиер, благодарю за выполнение приказа.

Он скривился, но смолчал, а Сигизмунд, чистая душа, прокричал в горестном непонимании:

— Почему? Мы побеждаем!

— Нельзя, — заорал я, — нельзя побеждать!.. Всем остановиться!.. Пусть уходят!..

Он сказал торопливо:

— Там некоторые уже начали набирать пленных...

Я сказал резко:

— Если смогут их увести, пусть уводят!.. Всем остановиться. Я все объясню. Всем прекратить битву. Факелы не гасить, но всем отступить. Пусть уходят!.. Пусть уходят, слышите?..

— А пленных...

— Я же сказал, — крикнул я злобно, — пусть уводят, эти люди ослушались моего приказа!.. Отходим, отходим!

Норберт, слушая меня издалека, быстро и четко раздавал приказы, и его конники унеслись в ночь в направлении горящих вдали факелов, где еще идет бой.

Постепенно схватки везде затихли, рыцари съезжаются, усталые и сильно разочарованные, слышу гневный ропот, в глазах враждебность и недоверие.

Альбрехт повернулся в седле в мою сторону.

— Ваше величество, — сказал он сухо, — вам придется объяснить свой странный приказ. И помоги вам Господь! Объяснения должны быть убедительными.

Я сказал горько:

— Граф, и вы с ними?

Он ответил прямым взглядом.

— Обычно я понимал вас, ваше величество. Но мы не отступили, мы — бежали! Бежали с поля боя, уступив его противнику.

Тамплиер прорычал безжалостно:

— Оставив тела павших!

Сигизмунд сказал печально:

— Даже раненых...

В груди разрастается злая боль, я помассировал левую сторону, стараясь делать это незаметно, вот так и приходят инфаркты, сказал просительным голосом:

— Тихо... дайте слово сказать. Я скорблю с вами. Мы в самом деле оставили поле боя, хотя уже побеждали, разве я спорю?.. Мы оставили раненых, это вечно будет на мне... Но, думаю, даже они простят меня, когда узнают, что я в сегодняшнем бою думал о завтрашнем дне.

Альбрехт проговорил почти враждебно, уже заметно смягчая голос:

— Ваше величество?

Я ответил тем же слабым голосом:

— Что вы хотели дальше? Ну да, в упоении битвы гнать противника, как уже делали десятки раз с людьми, убивая врага в спину. И гнать так до самых стен их крепости. Верно?

Глава 6

Сердитый рев был ответом, что да, все верно, так и надо, всегда так делается, врага нужно гнать и бить, гнать и бить, пока ночь не прервет битву или кони откажутся бежать дальше.

— Но здесь вам не там, — отрубил я. — Маркус... особая крепость!.. Еще не поняли?.. Я тоже не сообщил сразу, здесь мы наравне. Я тоже, можно сказать, дурак, хотя вы, конечно, все та-а-а-акие умные!..

Альбрехт сказал с предостережением в голосе:

— Ваше величество...

Я сказал громко:

— Дело даже не в том, что Маркус не взять ни штурмом, ни осадой... хотя осадой, возможно, удалось бы. Не в этом году, так хоть через десять лет. Но здесь одна особенность... Кто поумнее, ну-ка?

Они смотрели зло и уже чуточку растерянно, слишком уж я уверен, начали поглядывать друг на друга.

Я сказал резко:

— Возвращаемся! Поговорим в лагере. Здесь... не место. И опасно.

Тамплиер прогрохотал:

— Даже теперь?.. Когда у нас факелы?

— Мало выиграть сражение, — напомнил я, — нужно выиграть войну. Все в лагерь!

Не дожидаясь ответа, я бросил факел оруженосцу и повернулся арбогастра в сторону леса. Рыцари не успели шевельнуться, как мы буквально исчезли из поля зрения.

Между деревьями, правда, Зайчик несся медленнее, чтобы я успевал убирать ноги то с одной стороны, то с другой, зато через болото перелетел, как стриж, такой же черный и быстрый.

На острове часовые успели только охнуть, а я крикнул громко:

— Победа!.. Полная!.. Враг уничтожен, остатки бежали в крепость!

Бобик выскочил из шатра и ринулся стаскивать меня с арбогастра. В глазах обида, я обнял за голову и прошептал на ухо:

— Я очень-очень тебя люблю!.. И скоро-скоро будем носиться по зеленому полю, где никаких врагов...

Люди сбегаются со всех сторон, на лицах радость и недоверие. Я улыбался и помахивал руками, хотя это вряд ли убедит, я всегда лучезарен, эта маска почти приросла.

— Сейчас вернутся остальные, — заверил я, — расскажут.

Бобик побежал за арбогастром смотреть, как тот будет грызть камни и подковы, а я нырнул в шатер. Сердце колотится, тревога не уходит, в груди стало еще тяжелее.

Вскоре за стеной шатра раздались ликующие крики, шум, конское ржание и громкие голоса рыцарей из прибывшего отряда.

Я вздохнул, разговор предстоит тягостный, но принял бодрый вид и вышел из шатра, улыбаясь и расправив плечи.

Альбрехт и Бодеррия, покинув седла, уже почти бегут в мою сторону. Я вскинул руки, останавливая как их, так и крики, огляделся, все ли здесь, чтобы не повторять, глухим две обедни не служат, но растолковывать приходится.

— Слушайте, — сказал я, — чтобы не терять время, объясню сам. Эта крепость, которую вы едва не пытались штурмовать, в отличие от всех остальных, в состоянии подняться в воздух. Или уже забыли? И там она станет абсолютно недосягаемой. Но самое страшное в другом... Ну, кто-то же скажите!

Вперед в сопровождении двух монахов протолкался отец Дитрих, безмерно усталый, но когда повернулся лицом к собравшимся, все разом умолкли.

Он проговорил слабым голосом:

— Король напоминает, что Багровая Звезда Антихриста, поднявшись в воздух, всегда уничтожает все на поверхности. Горы равняются с землей, выкипают озера и реки, горят леса и степи...

Они смотрели непонимающе, многим даже сейчас это не приходит в голову, а в упоении победной битвой и полным разгромом противника тем более никто бы и не подумал о последствиях. Не по-мужски заглядывать так далеко вперед, так поступают только трусы, что везде стараются соломку постелить.

Лицо Альбрехта изменилось, посмотрел на меня с великим уважением. Я с горечью подумал, что вот даже он, умнейший из лордов, не врубился сразу, очень уж горит жаждой догонять ослепленного врага и рубить, рубить, рубить.

Сэр Норберт кашлянул и проговорил в напряженной тишине:

— Ваше величество... какие будут приказы?

Я сказал с горечью:

— Молитесь!.. Молитесь все, чтобы филигоны после случившегося... не поднялись... в воздух. Тогда нам конец.

Альбрехт сказал быстро:

— Убито всего три десятка тварей. Если их в крепости тысячи, то это допустимые потери.

Я сказал зло:

— А вы знаете их нормы? Мы можем только надеяться. Возможно, сочтут случайностью. Главное, не повторить снова. Тогда улетят точно. Сэр Норберт, утройте охрану лагеря! Никто из знающих секрет не должен его покидать под страхом немедленной казни.

Альберт сказал с тревогой:

— Но все равно весть скоро разнесется по селам, а также и по городам. Все начнут готовить и зажигать факелы! И жечь все ночи!

Я сказал с тоской:

— Мы должны успеть...

— Что успеть, ваше величество?

— Не знаю, — ответил я потерянно. — Не знаю...

Остаток ночи прошел в тревоге, а утро наступило настолько нежное и безмятежное, что я тихонько взвыл от страшной безнадежности. Это что же, вот такое оно и будет завтра, когда людей на планете не останется?

В лагере тревожная тишина, до всех дошло, что убийство десятка-двух козлоногих тварей к победе не приближает. Скорее наоборот — грозит ускорением катастрофы.

Бобик чувствует мою тревогу, готов лезть на ручки, как щенок, тогда совсем задавит, подлизывается и смотрит с укором: я же тебя безумно и преданно люблю, чего же тебе еще? Все хорошо!

Я натыкался на стенки шатра, чувствуя, как убystряются не только шаги, но и дыхание. Часовой приподнял полог, я увидел полное тревоги лицо и вопрошающие глаза.

— Ваше величество?

— Да, — ответил я, — ты угадал.

Он вряд ли понял, что такое важное угадал, а я почти выскочил, повертел головой, куда бы броситься и чем себя занять это время, когда все мы зависли в тоскливой неизвестности...

Простучал стук копыт, на сухое место выметнулся со стороны леса разведчик, пустил коня в мою сторону.

Я вскинул ладонь, запрещая соскакивать и кланяться, некоторые еще не могут удержаться от этой дурной привычки.

Он натянул повод.

— Ваше величество!.. Маркус...

— Что? — крикнул я. — Поднимается?

— Нет, ваше величество, пока на месте!

Я выдохнул:

— Слава тебе, Господи. Ты всегда даешь людям шанс, как давал и соотечественникам Ноя. Но мы уже умнее, ты был прав, Господи, с Ноем... Хорошо, скажи обратно, пусть Норберт продолжает бдить и наблюдать.

Он лихо развернул коня, пришпорил и унесся. Альбрехт, наблюдавший со стороны, подошел, сказал дружески:

— Значит, вы одобряете действия Господа?

— Да, — ответил я твердо. — По-моему, он действует правильно, хотя и не всегда понятно.

— Понятно становится потом?

— Да, — согласился я. — Дети понимают своих родителей тогда, уже когда сами... Граф, нам нужно менять тактику.

Он спросил в упор:

— Что, опять видение?

— Хуже, — ответил я. — Новые вопросы.

Дыхание наконец-то выровнялось, а сердце перестало колотиться, как пойманная птица.

— Это не новость, — буркнул он.

— У нас есть шанс, — сказал я. — Теперь мы знаем их слабое место. Это не пятнышко, скажу вам!.. Мы в состоянии нанести им поражение в чистом поле или в лесу, это неважно, но, к сожалению, любая победа обернется поражением и уничтожением как нас, так и всего на свете...

Альбрехт сказал почтительно:

— Ваше величество, вы успели остановить наших героев вовремя. А у них хватило благородства послушать вас. Насколько я понимаю, перед нами стоит задача теперь посложнее.

— В самое яблочко, граф. В сердцевину.

— Суметь ворваться в Маркус? И не дать взлететь?

— Именно, — отрубил я. — Ворваться и все там уничтожить. Взорвать, сломать, разрушить... вывести из строя! Пусть сам Маркус превратится в груду металла. Но как это сделать?

Он задумался, все-таки при отступлении своих войск любая крепость успевает захлопнуть ворота перед наступающими. Но там это не так критично, а здесь это конец.

— И все-таки вариант есть, — сказал я с тяжелым сердцем.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Ох, ваше величество...

— Что?

— Почему мне кажется, — проговорил он медленно и с расстановкой, — что вы не придумываете хитрые воинские приемы, а... вспоминаете?

— Я старые книги читал, — напомнил я. — Только и всего. И ничуть не стыжусь, что грамотный. Меньше баб — больше книг!.. Это только в детстве кажется ужасным, что книги, а не бабы. Потом, как видите, обнаруживаются преимущества... Граф, как только появится сэр Нортон, пригласите его для серьезного разговора.

Он спросил тихо:

— Что-то придумали?

— Очень рискованное, — признался я.

— Нужно хвататься, — посоветовал он серьезно. —

Времени нет. Ваше величество...

— Граф, — ответил я.

Он вышел, я быстро прикидывал, кого можно привлечь для рискованного и очень не рыцарственного подвига, и с горечью видел, что опираться придется в основном на людей неблагородного происхождения, у которых спесь и память о длинной родословной не заслонит суровую реальность.

Нортон прибыл нескоро, он из тех, кто предпочитает быть со своими людьми, а не в королевской свите, слегка запыхался, явно гнал коня во весь опор, лицо слегка покраснело, что для всего невозмутимого начальника внешней разведки просто редкость.

— Ваше величество?

— Сэр Норберт, — ответил я. — Присядьте, сэр Норберт. Задержу вас ненадолго, но хочу, чтобы разговор был не короля с вассалом, а соратника с соратником.

Он сел, взглянул настороженно.

— Я весь внимание, ваше величество.

Я опустился за стол напротив, создал две чаши с легким вином, одну пустил по столешнице в его сторону. Он медленно и степенно взял, не сводя с меня взгляда.

Я сказал с натугой:

— Сэр Нортон... Помните, я предостерегал вас, чтобы не высовывались из леса? Дескать, сами можем стать добычей.

Он кивнул.

— Да. Я лично проследил, часовые больше никого не выпускают.

— Хорошо, — сказал я, — но на этот раз... мне кажется, у нас ничего другого не остается, как... сдаться.

Он охнулся, отшатнулся.

— Ваше величество?

Я сказал невесело:

— Вы не ослышались, доблестный и благороднейший сэр Норберт. Мы сдадимся. Раздавленные, испуганные и смиренные, выйдем безоружными и бездоспешными... Пусть нас схватят и уведут в корабль...

Он переспросил быстро:

— Безоружными? И даже без доспехов?

— А что от них толку? — спросил я.

Он смотрел на меня холодными глазами.

— Ваше величество... мне ваш план не совсем ясен...

— Ага, — сказал я, — все-таки догадываетесь? Если все наши попытки дать им отпор проваливаются, а они уже набрали народу немало, могут вот-вот взлететь... значит, нужно поставить на кон все. Только одна попытка! Последняя. Все или ничего.

Он пробормотал в озадаченности:

— Но... как? Если мы будем без оружия?

— Я бы сам хотел пронести оружие, — признался я, — но вы же видели, сразу убивают тех, у кого хотя бы нож в руке!

— Значит, — сказал он, — уязвимы.

— Уязвимы, — согласился я. — Если пленных уважают, это шанс.

— Какой? — спросил он. — Что уцелеем?

Я покачал головой.

— Уцелеть хочу вместе с человечеством. Думаю, берут на борт не для того, чтобы там убить... хотя кто знает, ритуалы могут быть всякие. У нас будет время, хоть и немного, чтобы осмотреться, выработать план. У меня к вам особая просьба.

Он пробормотал:

— Догадываюсь...

— Барон?

— Нужны те, — ответил он, — кто сумеет притвориться. Рыцаря трудно заставить согнуться, даже поклониться против его воли, а мои люди из простонародья, им проще... Верно?

— Верно, — признался я. — Начинайте отбирать людей, я просмотрю их на предмет профпригодности попозже. А я пока подготовлю наших алхимиков.

Он нахмурился.

— Они пойдут тоже?

— Барон, — ответил я с укором, — им придется сыграть важную роль. Их я давно обучил, как составлять греческий огонь, а для обучения ваших людей просто нет времени.

Он коротко поклонился.

— С вашего позволения приступлю немедленно?

— Действуйте, барон, — ответил я. — И да поможет нам всем Господь.

Глава 7

За шатром раздались тяжелые шаги, полог отлетел в сторону, вошел огромный и грозный Тамплиер, брови нахмурены, лицо злое.

Остановился, вспомнив, что без приглашения к самому королю, я спросил с холодной вежливостью:

— Сэр Тамплиер?

Он коротко поклонился.

— Ваше величество, простите, что без доклада, но дело чрезвычайное. Я услышал, что готовится отряд для каких-то особых действий, но почему-то обо мне забыли.

Я смерил его с головы до ног пристальным взглядом, он выпрямился и постарался смотреться почти-только вежливым и даже учтивым.

— Не забыли, — ответил я.

Он прорычал с угрозой:

— Ваше величество?

— Просто, — ответил я, — после некоторого размышления решили... вас не включать в группу.

Он рыкнул:

— Кто решил?

— Мы решили, — сообщил я. — Ричард, король. Ладно, император! Согласен на императора, лишь бы кланялись ниже. Мы думали, мысленно посоветовались с народом и решили мудро и взвешенно.

Он набычился, голос его прозвучал подобно львиному рыку, от которого дрожит земля и замолкают звери:

— Почему? Почему я вне этой группы?

— Вы больше слушаетесь Господа, — объяснил я кротко, — чем меня. А сейчас, увы...

Он рыкнул еще громче:

— В бою я слушаюсь командира!.. Это потом могу сказать ему все, что о нем думаю... Но это право рыцаря!

Я всмотрелся в его злое и расстроенное лицо, подпустил в голос сомнения:

— Это точно? Беспрекословно?

Он прорычал:

— Разве так не было в нашей последней битве?

— Простите, сэр Тамплиер, — сказал я, — подзабыл. Да-да, вы вели себя удивительно сдержанно. Даже не-привычно. Я смотрел на вас и глазам не верил.

— Ничего вы не забыли, — сказал он обвиняюще, — просто зачем-то... Хотя да, понимаю. Да, выполню любой приказ и не спрошу зачем!.. Подтверждаю! Это вы хотели услышать?

— Сэр Тамплиер, — ответил я, — если кто-то скажет, что вы тупой чурбан... передайте его слова мне. Я сам вызову его на поединок и докажу, что в вашем теле томится удивительно тонкая и чуткая душа поэта!

Он засопел, посмотрел на меня исподлобья.

— Это оскорбление? Это чего она там томится?..

— Не знаю, — ответил я откровенно, — так говорил народ, а я, как король, учитываю его идиомы. Идиомы — это не брань, сэр Тамплиер.

Он поморщился.

— У вас все звучит как хитрая брань. Что с собой брать?

— Можно все, — ответил я, — кроме оружия и доспехов.

Он отшатнулся.

— Это голым, что ли?

— Без меча, — признался я, — тоже иногда чувствую себя голым, странно, да?.. Но тут уж ничего не поделаешь, благородный сэр. В утешение могу сказать, что без оружия и доспехов пойдут все.

Он смотрел неверящими глазами.

— Как это... все?

— Даже я, — ответил я. — Это вас как-то утешит?

Он запнулся, проглотил какие-то слова, снова уставился в меня бешеными глазами, словно стараясь понять, где же брешу по своему обыкновению нагло и бесстыдно.

— Если все, — проговорил он медленно и снова остановился, подбирая доводы.

— Вот и прекрасно, — сказал я бодро. — А вот одежды нужно побольше. Под нее нужно навернуть тряпок побольше, пойдут на факелы. Греческого огня тоже можете взять в емкостях, я распоряжусь. Наверняка пропустят. Но нести придется под одеждой. Главное — никакого оружия!

Он смотрел все еще в горестном непонимании.

— Но как же... драться? Вы же драться идете?

— Не просто драться, — сообщил я, — а на последний и решительный!.. На уничтожение врага в его же логове. А меч... точно не обещаю, но я постараюсь вам его добыть.

Он посмотрел исподлобья.

— Мне?.. За что такая честь?

— Я не сказал, — уточнил я, — что именно вам. Сперва, конечно, себе. Потом сэру Альбрехту, он по рангу выше вас, затем сэру Норберту... А потом уже и вам, ладно. Если не отыщется кого-то с зело длинной родословной.

Он поморщился.

— А вам не насрать на их родословные?

— Насрать, — согласился я, — но это между нами, паладинами. Перед Богом все равны, наделены правом голоса, могут избирать и быть избранными... Тьфу, что-то опять не туда занесло. В общем, если любой приказ... подчеркиваю, любой!.. то тогда как бы да, вы ценный кадр...

Его лицо перекривилось, однако недоверие испаряется на глазах, прорычал гулко:

— Подтверждаю, что выполню любой ваш приказ, ваше величество! И клянусь в этом великой клятвой. Да накажет меня Господь, если нарушу хоть в малости.

Я сказал со вкусом:

— Прекрасно. Отправляйтесь к сэру Норберту и передайте, что вопрос решен. Он знает, что делать.

Он посмотрел исподлобья, подозревая, что все про-считано и разыграно так, как и должно быть, коротко поклонился и вышел.

В лагере снова поднялся шум, я поморщился, вышел. На залитом солнцем пятаке с крупных боевых коней слезают рыцари в белых плащах поверх доспехов, а на белом фоне ярко пламенеют огромные красивые кресты несколько стилизованной формы.

Я с изумлением узнал брата Отто, который граф Шварцбург-Рудольштадт из рода Кенисбергов, доблестного Зальм-Райнграфенштайна, барона Эттинга Гогенцоллерн-Зигмарингена в его дорогих доспехах из Вестготии, а также остальных рыцарей, верных уставу Ордена Марешала.

Они увидели меня, выстроились, но не преклонили колена, рыцари Ордена не принадлежат к какому-то королевству.

— Брат Отто, — сказал я радушно, — барон Эттинг!.. Ого, да тут все мои знакомые или почти все... Рад вас видеть, братья!.. А как же охрана Тоннеля?

Брат Отто прямо посмотрел мне в глаза.

— Ваше величество, если вас ждет поражение, то какой Тоннель?..

Я ощутил неловкость, обнял дружески и сказал через его плечо:

— Братья, располагайтесь в лагере. Вам укажут хорошие места, хотя жить нам здесь точно не придется...

Зальм-Райнграфенштайн пробормотал тихонько:

— Хотя остаток жизни провести можем здесь.

Он поклонился и ушел вместе со всеми, кивнул внимательно наблюдающему за всеми Альбрехту.

— Граф, это цвет рыцарства Марешаля. Придумайте, как им распорядиться.

Он посмотрел искоса.

— Да? Я думал, вы уже придумали.

— Придумал, — признался я, — но надо же проверить вашу квалификацию? Дорогой мой карась, вы же знаете, на что щука в реке?

В шатре не поместились даже лорды, я велел военачальникам собраться в центре лагеря, там большое и вытоптанное место, а сам остался за столом, вертел в ладонях медную чашу и зло вспоминал, что филигоны не пользуются предметами, а у нас даже птицы умеют отламывать тонкие сухие веточки и доставать ими червяков из глубоких щелей, куда не влезть самим, хотя, конечно, от этого людьми не стали.

Еще у нас, к примеру, бобры создают плотины, что филигоны вряд ли поймут, однако все равно волосы дыбом, когда пытаюсь только вообразить, каких вершин в состоянии достигнуть инстинкт приматов, у которого миллионы, если не десятки миллионов лет развития!

Возможно, для филигонов создать Маркус то же самое, что для бобров плотину, а для пчел соты?

В шатер заглянул Альбрехт.

— Ваше величество?

— Иду, — ответил я.

Яркое солнце заставило щуриться так, что сам ощутил себя филигоном. На площади перед шатром сплошной стальной блеск доспехов, в глазах рябит от пестрой одежды.

Я заулыбался широко и победно, король должен и обязан, посмотрел по сторонам отечески, а улыбка стала еще шире.

— Лорды, — произнес я с чувством, — мы еще не придумали, как с ними бороться, но время уходит.

Вполне возможно, филигоны набрали пленных уже достаточно для их непонятных нужд и вот-вот поднимутся в их проклятое небо...

Альбрехт быстро зыркнул на меня и сказал громко:

— Где их уже не достать.

— Вот-вот, — поддержал я, — и тогда все, конец, хана, амба. Армагеддон. Конец света и конец всему. Так что я отбираю добровольцев из добровольцев для самого рискованного предприятия на свете...

Лорды, что слышали о начале какого-то таинственного предприятия, что затевается помимо них, переглянулись в недоумении.

Барон Келляве пророкотал с достоинством:

— Ваше величество, вы нас обижаете! Мы все здесь явились по своей воле и готовы отдать жизни...

— Знаю, — прервал я. — Но, дорогой барон, мне нужен особый отряд. В первую очередь те, кто повинуется беспрекословно!.. Все будет висеть на волоске... и постоянно висеть. Только люди с высокой самодисциплиной...

Он подергал себя за усы и сказал с неуверенностью на лице:

— Мне понятно не все, но это ваш выбор, ваше величество. Кого возьмете в отряд, так тому и быть.

— Отлично, — сказал я. — Простите, дорогие друзья, но то, что я задумал, слишком непростое испытание...

— Ваше величество! — воскликнул граф Волсингейн воспламененно. — Мы все готовы сложить головы...

Я поморщился.

— Никто не сомневается, мой юный друг. Но мне нужны те, кто победит врага! А для этого нужно кое-что еще кроме умения красиво подставить голову под удар и умереть с именем любимой на устах.

Сэр Рокгаллер воскликнул с негодованием:

— Вы правы, ваше величество! Как можно умирать с именем всего лишь женщины? Пусть и прекрасной дамы? Умирать должны только с именем вашего величества на устах!

— Почему это? — спросил я подозрительно. — Я такой гад, послал вас умирать по своей непроходимой дурости или врожденной злобности? Или из-за моих ошибок? Просчетов? Вы на что намекиваете, сэр Рок-галлер?.. Ладно, не оправдываетесь, будете лидером оппозиции. Власти нужна, даже как бы необходима оппозиция, хотя и не понимаю зачем. Потому ознакомьтесь с правилами набора в группу сэра Норберта... Ага, уже кто-то морщится! Не хочется высокородным идти в подчинение к простому барону? То-то же. Однако подумайте. Но решающее слово остается за сэром Норбертом. Он должен быть уверен в каждом абсолютно и безоговорочно.

Альбрехт произнес значительно:

— Потому что от каждого будет зависеть жизнь остальных.

Глава 8

Карл-Антон осторожно переступил порог, поклонился.

— Ваше величество, изволили меня видеть?

— Просто вызвал, — уточнил я. — По делу. А так что на вас смотреть?

Он виновато улыбнулся.

— Да это я общепринятыми...

— Заходите, — ответил я. — Что вы так робко? Во дворце и то держались свободнее.

Он с неловкостью улыбнулся.

— Там везде все дистанцировано, а здесь лорды на каждом шагу. На меня смотрят, как на таракана, которого пока что почему-то запрещено давить...

Я отмахнулся:

— Ерунда. Скоро все вернется в норму, теперь верю. Но ваша задача — срочно наладить производство в условиях военного времени большого количества... или хотя бы достаточного, этих ваших хлопушек!

— Да, ваше величество, — ответил он с готовностью, — но маловато материалов...

— Будут, — заверил я. — Все для фронта, все для победы!.. Мало будет ваших специалистов — женщин и даже детей поставим к станкам, несмотря на будущий запрет детского труда. Что требуется в первую очередь?

Он начал загибать пальцы.

— Первое — это та горючая жидкость, которую называете греческим огнем. Второе — достаточное количество емкостей. Еще нужно будет привлечь много молодых мужчин, чтобы растирали в пыль камешки, которые им доставят маги.

— Все компоненты доставят гномы, — сказал я. — Вообще можно было бы им поручить готовить все, но они сильно обстоятельны, это хорошо в мирное время, но в военное каждая минута в счет.

Он сказал торопливо:

— Ваше величество, лучше не упускать секрет греческого огня из ваших рук.

— А вы?

Он поклонился.

— Я и есть ваши руки. А у рук нет языка.

Полог отодвинулся, заглянул часовой.

— Ваше величество?.. Барон Дарабос...

— Зови, — велел я.

Карл-Антон сказал поспешно:

— Я пойду, ваше величество? Все ваши ценные указания получены...

— Идите, — согласился я. — Сэр Норберт на вашей стороне. Несмотря на баронство. Говоря доступно, хоть и барон, но человек умный и вполне реалист.

Карл-Антон отступил в сторону, пропуская в шатер Норберта, сам выскользнул, как самая тихая мышь на свете.

— Ваше величество, — сказал Нортон без раскликаний и ритуальный вступлений, — прибыли послы из Бриттии, Пекланда, Гиксии, Бурнандии даже Грантепта...

Я насторожился.

— Что случилось?

— Все короли Севера, — сказал он торжественно, — согласились провозгласить вас императором.

Я отмахнулся.

— Теперь это уже неважно. Да и понятно их желание... Дескать, императором пробуду не больше пары недель, а потом я и все войско превратимся в пыль. Зато когда уцелевшие выйдут из пещер, то у кого-то в самом деле будет шанс сразу же провозгласить себя не лордом, даже не королем, а императором нового мира... Не отвлекайтесь, сэр Норберт, не отвлекайтесь!

Он поклонился, но не отступил, произнес так же ровно:

— Зря вы так уж недоверчиво... Но есть еще одна новость, ваше величество.

— Ну-ну?

— С севера наступает армия сэра Растера. Передовые отряды его троллей уже вступили в бой с филигонами. Погибло три четверти, но уцелевшие спасли и вынесли с поля боя двух священников. Полагаю, это склонит папу римского и конclave кардиналов признать их тоже... людьми.

Я буркнул:

— Многое изменится, сэр Норберт! Явно будет дано прощание колдунам и магам. Они дрались рядом и гибли, спасая землю. Сколько у нас сосудов с греческим огнем?

Он не удивился вопросу, эти сосуды я как-то велел постепенно накапливать в военном арсенале, еще не зная, как будут и будут ли использоваться, что-то в этом есть нехорошее, ответил быстро и уверенно:

— Делать их не прекращали! Где-то с полсотни уже есть. Но можно ускорить...

— Пойдем с тем, — сказал я, — что есть. Сообщите отборному отряду, что отправимся сегодня же. Всем участникам десанта — дворянство и пожалование землями. Дворянам — повышение в титуле и ценные подарки. После победы придумаем еще какие-то льготы ветеранам и прочим участникам, их с каждым годом будет не меньше, а почему-то больше. Действуйте, сэр Норберт!

Он поклонился.

— Так что насчет послов?

— Приму, — пообещал я. — Завтра-послезавтра. И приму корону. Пусть подождут. Уже недолго.

Для надежности в одном из бараков окно вообще заложили досками, а у входа поставили усиленную стражу. Смесь греческого огня и растертый порошок, созданный алхимиками Карла-Антона, свозили отдельно и складывали под противоположными стенами.

По команде Карла-Антона, что на первых порах лично следил за производством, гасили свечи и в полной темноте начинали наполнять емкости греческим огнем и своим порошком для усиления грохота.

Потом каждый пузырек заворачивали в кожаную тряпицу или несколько слоев мешковины и таким образом светошумовые гранаты, как стали их называть по моему примеру, становились готовыми к употреблению.

Я осмотрел лично как производство, так и склад готовых изделий, поинтересовался насчет узких мест, а у выхода меня догнал Карл-Антон, бережно вытащил из-за пазухи плотно закупоренный деревянной пробкой пузырек из толстого зеленого стекла.

— Вот, — сказал он, — готовили наспех. Не уверен, но все же...

— Пролетариату нечего терять, — сказал я, — кроме своих цепей! Вы цепи видите?.. Не-е-ет? А я вот вижу. Отступать некуда, позади — Земля и общечеловеческие ценности! Ценности не жалко, а вот Землю... Давай сюда все. Больше нет, что ли?

Он сказал торопливо:

— Ваше величество, вы сперва испытайте...

— На собаках? — спросил я.

— Собаки только вздрогнут, — ответил он серьезно, — а вот вы сможете оценить, достаточно ли.

— Я же не филигон, — возразил я. — Как я оценю? Ну, громко, скажу. Ну, воняет... А нельзя еще и световую вспышку приладить?

— Это как?

— А чтобы, — пояснил я, — ка-а-а-ак полыхнуло! Причем моментально. Чтобы и зажмуриться не успели. Иначе все надежды только на греческий огонь.

Он спросил опасливо:

— Вы хорошо знаете все его возможности? А то мы делаем, а до конца изучить не успели. У вас все сильно засекречено... Один делает одно, другой другое, а составляют вообще в отдельном здании другие люди, что не знают секрета состава...

— Я теоретик, — ответил я с достоинством, — что значит мыслитель. Сам по себе греческий огонь нечто вроде напалма... Не знаешь? В общем, если загорится, то и под дождем не погаснет, и даже под водой будет гореть некоторое, но продолжительное время, хоть и недолго.

— Состав вы передали нам в точности?

— Почти уверен, — ответил я с сомнением. — Эти гады греки держали состав в секрете! Но я все вызнал, я такой. Ничего сложного, как вы уже убедились. А с добавкой шумового эффекта это будет вообще нечто! А еще если и световой...

Он сказал без уверенности в голосе:

— Можно попытаться... Сначала всегда трудно, ваше величество! Бывает, на изготовление месяцы уходят.

— Тогда, — сказал я, — обойдемся без световых гранат. Хотя греческий огонь сам по себе как бы световая граната. Время не ждет. Пятилетку в три года!..

— Ваше величество?

— Есть опыт, — бодро заверил я. — Использования. Правда, я был только зрителем, да и то... но это неважно.

Он сказал с глубочайшим почтением:

— Ваше величество, не поверю...

— В греческий огонь?

Он посмотрел на меня несколько странно, но я ощущал великое почтение в его сдержанном голосе:

— Не поверю, что вы были только зрителем. Вы могли быть только во главе с горящим взором, молитвой на устах и длинным мечом в длинной, очень длинной руке! Хотя скромность украшает, но вы должны вдохновлять...

— Да уж, — согласился я. — Но эти гранаты вдохновят лучше.

Пузырек он передал в мою руку с неохотой, тот лег в ладонь холодной и недоброй тяжестью.

— Не беспокойся, — заверил я. — Я все понял. Нужно раскупорить и выпить, верно?

Он воскликнул в ужасе:

— Ваше величество!

— А говорят, — сказал я с укором, — ученые шутят...
Ладно-ладно, просто швырнуть в их толпу?

— Но так, — сказал он, — чтобы разбилось. А сами тут же задержите дыхание на пару мгновений. А то и вам достанется.

— Ого, — сказал я со злым удовлетворением, — не просто вонь, но еще и ОВ? В смысле, отправляющее вещество? Хвалю. Пока не запретили, надо пользоваться.

Он спросил с недоверием:

— Могут запретить? Кто?

Я вздохнул.

— Церковь, кто же еще. Может быть, напрямую, а может, и через правителей. Это чтоб камни бросали в нас, а церковь как бы просто мимо шла.

— Да, — согласился он, — это в ее духе. Но вообще эти страшные штуки стоит запретить. Неловко мне такое говорить, вроде предатель, но слишком уж быстрых магов нужно останавливать или хотя бы придерживать, а то и в людей такое бросать начнут... В общем, я понял, ваше величество.

Он попятился, кланяясь, я прислушался, в лагере с момента победы в схватке с филягонами голоса стали громче, а спины прямее. Хорошо, люди в отчаянии дерутся бесстрашно, однако теперь эти же будут драться успешно.

Альбрехт сидит на корточках у костра, там же на табуреточке отец Дитрих. Альбрехт серьезно и обстоятельно втолковывает ратникам, как придется действовать в новых условиях.

Я неспешно приблизился, поцеловал руку отцу Дитриху. Альбрехт поднялся, кивнул в сторону быстро удаляющегося мага.

— Он тоже?

— Не только, — ответил я. — Алхимиков берем, а вот священников, увы, оставим в лагере. Простите, отец Дитрих, но сегодня придется забыть о милосердии не только к врагу, но к себе и друг к другу.

Отец Дитрих пристально посмотрел мне в глаза.

— Милосердие необходимо, — ответил он кротко, — и о нем вспомним сразу же, как только придет победа.

Я поклонился.

— Спасибо, отец Дитрих.

— Господь да будет с вами, — сказал он и перекрестил меня и лордов, что немедленно появились за моей спиной, размашистым движением худой костлявой руки. — Надейтесь на Господа, но сражайтесь так, словно, кроме вас, нет никого не свете.

— Господь с нами, — повторил я. — Но он оставит нас, если отступим и опустим руки.

Сэр Рокгаллер рыкнул мощно:

— Мы не оставим Господа, и он нас тоже не.

— Мы с Господом, — подтвердил барон Келляве.

— А он с нами, — заключил Альбрехт с нетерпением в голосе. — Ваше величество?

— Через пару часов выступим, — сказал я и повернулся к барону Келляве. — Барон, вы за старшего. Первое — в целях обеспечения секретности операции не выпускать ни души из лагеря, второе — следить за Маркусом и... остальное скажу потом, перед нашим уходом.

Он взглянул настороженно.

— Да, ваше величество. Как будет угодно вашему величеству! Вокруг лагеря по вашему указанию уже устроена охрана, а ударные группы накапливаются на выходе из леса.

Глава 9

Около часа я бродил по лагерю, брал в руки мечи, топоры, рассматривал, качал головой, а в ответ на недоумевающие взгляды советовал либо наточить, либо поплотнее насадить на древко, только на доспехи не обращал внимания.

Отобранные Норбертом ратники начали группироваться в дальнем конце лагеря, двое часовых перехватывают тех, кто хотел бы перекинуться с ними словцом, а то вдруг восхотят затеряться среди них, оба просветлели ликами, завидев меня, я же ясное солнышко, отступили в стороны от тропы.

Я прошелся между десантниками, жестами приказывая сидеть, кто сидит, и стоять, кто уже стоит. Норберт двигался сзади и делал зверское лицо, заметив какие-то мелкие упущения.

— Неплохо, — сказал я. — Поддоспешники снимать не надо. Думаю, филигоны не отличают фасоны... Надевайте на себя побольше всего. Да, бежать будет труднее, но вы же крепкие воины?.. Вся ваша одежда станет оружием.

Один сказал несмело:

— Но хотя бы малые ножики... За голенище спрячу, никто не найдет.

— Филигоны видят, — ответил я с горечью. — И чуют. У них чутье... это чутье! Только ума нет. Потому никакого оружия. Но мы все равно побьем. Нам нужно только попасть в Маркус. Помните, они не выносят громких звуков. В том числе и громких голосов. Поэтому разговаривайте шепотом и только по делу, а лучше вообще молчите.

— Эти твари подозрительные, — напомнил Норберт, — чуть что — сразу рвут в куски. И доспехи не помогут.

— Тем более, — напомнил я, — доспехи придется оставить.

Один из молодых мужчин в драной одежде, в которой за милю видно рыцаря по прямой спине и вызывающему взгляду, сказал со вздохом:

— Я все понимаю... но я так спрятал, что жена и то не нашла бы.

— Кто не может без оружия, — напомнил я, — говорите сейчас. Пока могу заменить на воина из простого народа.

— Ваше величество! — вскричал рыцарь гневно. — Если нужно без доспехов, то пойдем и без...

Второй сказал:

— Но мечи возьмем?

— Думаете, — спросил я, — они не знают, что такое мечи? Придется оставить любое оружие.

Они умолкли, начали переглядываться, наконец рыцарь спросил потерянно:

— Так что... кулаками, как мужичье?

— В худшем случае, — ответил я, — но там посмотрим. Возможно, будут и приятные сюрпризы. Но не обещаю. Это так, предположение.

Подошла еще группа в крестьянской одежде, я сказал себе с надеждой, что филигоны не должны знать разницу в выпрямке рыцарей и простолюдинов, а так оружия и доспехов нет, одежда бедная...

— Враг будет разбит, — заявил я, — победа будет за нами.

Мой голос звучит громко и приподнято, даже глаза посверкивают, надеюсь, посверкивают, на лице победоносная улыбка. Норберт сказал сдержанно:

— Ваше величество, я выбрал село Тоуды, если вы не против. Там крестьяне пробовали возвращаться, но я велел их изгнать под страхом немедленной смерти...

— Прекрасно, — прервал я. — Осталось только всем присутствующим сыграть крестьян как можно убедительнее.

Он кивнул на жадно слушающих меня воинов.

— Уже знают, что от того, как сумеют притвориться, зависят не только их жизни, но и жизни всех людей на свете.

— И вообще, — добавил я, — всей Земли. Что с Тамплиером?

Он посмотрел по сторонам, чуть понизил голос:

— Он хоть гордый рыцарь, но чувство долга в нем сильнее. Когда я сказал то, что вы вот сейчас, насчет притворства, он посопел и заявил, что сделает все, потому что Господь объявил жизнь высшей ценностью.

— Прекрасно? А Сигизмунд?

Он светло улыбнулся.

— Этот смотрит на вас, как не знаю уж на кого, ловит любое слово и бросится в огонь по одному слову или взгляду.

Я повернулся к ратникам, выглядят в самом деле сносно, в смысле, могут сойти за пойманных врасплох простолюдинов, не успевших убежать в лес.

— Вы лучшие из лучших, — сказал я властно и, понизив голос, добавил: — Вы даже лучше самых знатных и высокорожденных рыцарей!.. Вы настоящие воины, в то время как они больше актеры, для которых важнее быть красивыми в бою!

Они смотрели на меня с просветленными лицами, глаза уже вспыхнули восторгом, слушают внимательно.

— Я доверяю вам военную операцию, — сказал я, — какую никогда не стал бы доверять только рыцарям! Рыцари... это рыцари! Еще в самом начале погибнут красиво, глупо и бездарно. Но ладно, гордых дураков не жалко, но что провалят все дело — это военное преступление! Жаль, спрашивать будет не с кого.

Смотрят с жадным интересом, таких речей еще никогда не слышали, тем более от короля, — не знают еще, что короли всегда опираются на незнатных в постоянной борьбе со знатью, так что это никакая не милость.

Норберт сказал за моей спиной:

— Ваше величество, здесь два десятка самых достойных людей из достаточно знатных семей!

— Знаю, — огрызнулся я, — но подчеркиваю, на время этой операции нужно забыть о своем благородном происхождении!.. Ибо противник наш неблагороден. Все усвоили задачу?

Один из рыцарей, изображающих крестьян, ответил с некоторой неприязнью:

— Сдаться в плен.

— Но не как побежденные, — уточнил я строго, — а как будто вы пойманные крестьяне, не успевшие скрыться в лесу.

— Да, ваше величество... Вы уже говорили.

— Ваша задача, — повторил я, — благополучно быть доставленными в эту звездную крепость. Никакой агрессии! Смирные, напуганные, ничего вроде бы не понимаете, но ко всему присматривайтесь и все запоминайте.

Он поинтересовался с сомнением:

— А как будем выбираться из плена?

— Просто ждите, — велел я. — Я буду с вами, это главное.

Как будто неслышный гром грянул, а молния осветила их лица. Норберт тоже вздрогнул.

— Ваше величество?

Я ответил с надлежащей надменностью в голосе:

— Король не водит лично армии, но может вести отряд. А здесь будет именно отряд лучших из лучших. Вы согласны, что лучшие — это вы?

Они неуверенно заулыбались, все еще чувствуя себя малость не в себе, оставив в шалаших все оружие, включая ножи для разрезки мяса.

Норберт поднял голову, небо еще голубое, но ощущало синеет, скоро на западе появится багровое зарево.

— Ваше величество...

— Выдвигайтесь, — разрешил я. — Я догоню вас. Попрощаюсь с... теми, кто остается.

Он кивнул, сказал словно бы невзначай:

— Да-да, может быть, все мы видимся в последний раз. Граф Альбрехт и Боудеррия уже попрощались со всеми в лагере и поехали в Тоуды. Заодно выгонят последних крестьян.

Я спросил после неловкой паузы:

— Они... тоже напросились?

— Естественно, — ответил он с подчеркнутым удивлением. — Боудеррия — женщина, а это значит, кем угодно прикинется, а граф Альбрехт от вас набрался всяких хитростей.

— Боудеррия, — уточнил я, — своих головорезов взяла?

— Да, — ответил он, — но я проследил, все оставили оружие. Морган и Келлер даже обыскали на всякий случай. Их оружие вон там, отдельно.

Я оглянулся.

— Да-а, хорошая кучка. На целую армию.

Подошел сэр Кенговейн, очень живописный в крестьянских одеждах, которые напялил на себе в три ряда, процедил сквозь зубы с мрачной яростью:

— Держитесь, твари... Теперь заплатите за сэра Вледеда и сэра Радекса...

Барон Келляве сказал строго:

— На моих глазах погибла сотня доблестных рыцарей, так что все мы за что-то да мстим.

Они оглянулись, зачуяв мое приближение, я кивнул издали.

— Вольно-вольно. В любом случае мы весьма не оставим на переданной нам Господом в управление и во владение земле ни одного иностранного филигона. Кто с мечом к нам, тот от меча и. Кто без меча... да какая нам разница? Лорд Робер?

— Готов, — ответил Робер суровым голосом. — Отряд уже.

— Гранаты?

— У каждого по две. Все собрали, что маги успели сделать.

— Ого, — сказал я, — не слишком? Не одни рветесь в бой.

Он пояснил с одобрением:

— Вы наладили, ваше величество! Наладили. Не знаю, что вы за политик, но управлять умеете. Я бы вас поставил надзирать даже за каменоломней.

— Почему именно каменоломней?

— Там труднее всего, — заверил он. — Приходилось, знаю.

— Кандалы не натирали? — спросил я сочувственно. — То-то у вас лицо.

— Что, — спросил он с недоверием, — заметно?.. Я никому не рассказывал! Было такое, выкуп не внесли вовремя, вот и отправили камень ломать. Три месяца там пробыл.

— Слабых на камень не пошлют, — утешил я. — Значит, вы настоящий лев! Или бык. В общем, что-то рыкающее и грозное.

Из хижины неподалеку вышел отец Дитрих в сопровождении молодого монаха. Тот почтительно поддерживает его под локоть, но, как я увидел с жалостью, и страхует, чтобы великий инквизитор и прелат не запнулся по дороге.

Я сказал громко:

— К нам вторглись хищные животные!.. У них есть язык, как есть он у всех тварей, но у них нет Бога, нет веры, нет высоких идеалов, а что мы без идеалов? У них нет понятия святости, а что мы без святости, без молитвы?.. Потому должны и просто обязаны без всякой жалости и угрызений совести уничтожить это зло.

Сигизмунд вытащил меч, приложился губами к лезвию и воскликнул пламенно:

— Мы это сделаем во имя Христа!

Я покосился в сторону слушающего нас отца Дитриха, сказал так же громко и уверенно:

— Во имя Господа. Аминь.

— Аминь, — повторили за мной воины на разные голоса.

Отец Дитрих приблизился, я поцеловал ему руку, он сказал полу вопросительно:

— Последний и решающий?

— Да, отец Дитрих, — ответил я. — Разумеется, с мыслию и Его именем на устах!.. Вообще, отец Дитрих, по моему мнению, человек стал человеком в тот момент, когда подумал о Боге! Когда впервые задумался не о том, как вот щас выйдет из пещеры и добудет семье толстого мамонта на обед, а о том, что будет, когда умрет. Не может же вот так просто исчезнуть? Значит, после смерти куда-то переходит, в какую-то другую жизнь?

Он смотрел на меня пристально.

— Продолжай, сын мой.

— Этот момент, — сказал я убежденно, — и есть превращение животного в человека. А так называемый разум, умение говорить, считать... это все умеют и животные. Любая курица умеет считать свои яйца, проверено на опытах, а волчья стая насчитывает четыреста слов в употреблении.

Он кивнул, повернулся к отборной группе и сказал пламенно и громко:

— Все, кто падет в этой величайшей из битв, попадет в рай!.. Так бейтесь же доблестно! Это сражение, которое церковь одобряет и приветствует!..

— Аминь, — сказал я. — Все, братья, по коням!

Глава 10

Барон Келляве явился в шатер по моему вызову довольно быстро, а по тому, как запыхался и едва выговаривал слова, можно понять, бежал с другого конца лагеря.

Я указал на лавку по ту сторону стола.

— Присядьте, барон. Вот вино, промочите горло.

Он ответил хриплым голосом:

— Ваше величество... Это такая честь... я бесконечно признателен...

— Пейте, — подбодрил я, — прекрасное вино. Вас в десантную группу я не зачислил только потому, что для вас предусмотрено задание намного более. Ввиду его особой важности и предельной секретности миссии я не говорил раньше, только намекнул, а щас самое время.

Он охнулся, порозовел, как ребенок, проговорил, заикаясь:

— Ваше величество?

— Задача трудная, — сказал я, — но и доблестная. И от вас зависит, быть дальше роду человеческому или не быть.

Он напрягся, проговорил осевшим голосом:

— Ваше величество? Разве не вы, как древний герой, идете в их логово? И ведете за собой лучших из лучших?

— Ваша задача еще значительнее, — заверил я.

Он смотрел с вопросом в очень серьезных глазах, дыхание уже выровнялось, а голос прозвучал, как зов боевого рога:

— Ваше величество?

— Вы остаетесь, — объяснил я, — в полной готовности наблюдать за крепостью, упавшей со звезд. Как только филигоны в夜里 погонят новую партию пленных... Нет, не нас. Нас они должны загнать без помех, закрыть за нами ворота, затем отправиться искать новых.

Он сказал торопливо:

— Я должен напасть на врага и освободить пленных?
Я покачал головой.

— Ни в коем случае! Вы должны дать им возможность открыть ворота в Маркусе для новой партии пленных! Понимаете? Именно в этот момент и нападете!.. Когда ворота открыты.

Он охнул радостно:

— Ворвемся вовнутрь и освободим вас?

— Да, — согласился я. — Это ваша задача. А мы тем временем, разузнав все внутри и подготовившись, ударим изнутри. В спину. Ничего бесчестного, такого врага можно. Если соединим силы, филигоны, возможно, не сумеют поднять эту крепость в воздух с распахнутыми воротами! А если и поднимут, то не слишком высоко... Миль на сто, не выше.

Он вздрогнул, это ж можно и ногу сломать, если выпасть, но воскликнул с чувством:

— Гениальный план! Достойный великого короля!

Я предупредил:

— Только факелы не зажигайте. Пока ворота не будут распахнуты во всю дурь. Иначе их могут не открыть. Двигайтесь скрытно. Хотя для филигонов это не будет скрытно... но вы поняли.

— Точно, — восхитился он. — Гениально!.. А когда ворвемся с факелами в руках, уже в таком огне не смогут отличить левую лапу от правой. Какие там ворота!

— Прекрасно, — сказал я, — дорогой барон, я расчитываю на вас. От того, как умело проведете этот маневр, зависит судьба всех людей на свете! Заранее благодарю вас.

Он понял правильно, поклонился и, окрыленный, не вышел, а улетел на крыльях доблести и славы.

Бобик вертится, чует всеобщее возбуждение, гляза горят азартом, сейчас помчимся, понесемся, будем ловить бревнышко, жизнь хороша, прячтесь, кабаны и барсуки, все равно найду.

Я поймал его на полдороге, прижал к груди, он лизнул меня в лицо, я в ответ чмокнул в ледяной нос.

— Остаешься, — сказал я отечески твердо. — Вернусь скоро. Выспаться не успеешь! Жди меня, и я вернусь, только очень жди...

Он обиженно вззизгнул, но я смотрю непреклонно, и он горестно вздохнул, посмотрел с укором. Ну что за места такие, куда меня стыдно брать? Не везде же все ломаю и порчу!

Арбогастр подошел, повернулся боком. Бобик снова вззизгнул, когда я прыгнул в седло, опустил уши и пошел в шатер, такой послушный и жалобный, что у меня дрогнуло сердце.

— Вперед, — сказал я торопливо, — не могу смотреть...

Арбогастр сделал рывок, через минуту мы остановились перед готовым к отправке отрядом.

Я еще раз придиричива проверил, кто как одет, велев вымазаться землей и вообще грязью, а при встрече с филигонами изображать испуг.

Все в нетерпении поглядывают на закатное солнце. Новые отряды начали выдвигаться к выходу из леса, я с седла и тех оглядел придиличко, выглядят крестьянами, только десяток при оружии и в кожаных доспехах.

— Годится, — произнес я с сомнением, — может быть, потом из вас бродячую труппу создать? Будем спектакли ставить... Крестьян изобразить сумели, сумеете и принца Гамлета. Да, был такой, Дездемону душил... Сэр Нортон, начинайте движение. До наступления темноты надо успеть расположиться в домах.

Нортон повернулся к отряду.

— В колонну по двое... марш!..

Я понаблюдал некоторое время, арбогастр косит на меня глазом, я сказал со вздохом:

— Давай посмотрим, что там за Тоуды... Выживем — воздвигнем там монумент. В мою честь. А ты что думал? Ладно, и тебе тоже.

Через несколько минут впереди показались приземистые сельские дома, сараи, аккуратно нарезанные огороды, быстро понеслись навстречу.

На окопице двое конных поспешно повернули коней в мою сторону.

— Ваше величество!

— Все в порядке, — сообщил я. — Да, вы правы, я мог бы и один, но из присущей мне скромности делюсь славой, так что сейчас прибудет отряд в двести человек. Места готовы?

— Все подготовлено, — сообщил один торопливо. — Надо спешить, ваше величество!

Я покосился на вспыхнувший горизонт, который загло коснувшееся его солнце.

— Нам остается только разойтись по домам... А там все и решится.

Солнце опустилось за горизонт, только облака грозно багровеют в темнеющем небе, когда показались ска-

чушие к селу легкие всадники Норберта, а за ними на тяжелых конях рыцари в одеждах простолюдинов.

— Успеваем, — сказал я с облегчением. — Ну, теперь уже все очень скоро. Так или не так.

На окопице конный отряд перешел на шаг. Я нетерпеливо махнул рукой, направляя в село, разведчики провели к домам, где лучше всего прикидываться несчастными крестьянами.

В седлах остались только вооруженные и в доспехах, быстро собрали коней с опустевшими седлами. Мои отборные двести человек молча начали расходиться по дворам и пустым домам.

Я в нетерпении оглянулся на тех, кто должен вернуть коней в лагерь, что-то медленные, как черепахи, не вздумали бы дожидаться филигонов, чтобы вступить в бой, наконец собрали всех оставленных коней и удалились с ними на рысях в сторону лагеря.

Я огляделся, возле меня остались Тамплиер, Сигизмунд и Альбрехт. Хорошо хоть Норберт и Боудеррия, которым наверняка хотелось бы остаться тоже, пошли к своим людям, эти считают себя свободными птицами.

— Ладно, — сказал я, — присмотрю за вами. Если кому нужно вытереть носик, плачьте громче. Граф, вам тоже нечего делать?

Альбрехт ответил бодро:

— Как лорд-канцлер, я должен присматривать не за отдельными отрядами, а за всем государством! А вы как-то обронили, что государство — это вы.

— Обронил и обронил, — ответил я сварливо, — пусть лежит, нечего такое поднимать. А раз уж подняли, то могли бы отдать незаметно, не при свидетелях, которых теперь придется казнить.

Сигизмунд в изумлении широко раскрыл невинные глаза, Тамплиер поморщился и грубо ткнул его кулаком в бок.

— Не обращай внимания.

Сигизмунд пролепетал:

— Почему?.. Это же его величество...

— У его величества нет своего щута, — сказал Тамплиер безжалостно, — вот его величество его иногда подменяет. Два в одном! Экономный.

Я сказал Альбрехту со вздохом:

— Видел таких эстетов?.. Я вот нет. Ладно, пойдемте в дом.

В доме темень, что для меня не темень, но они чертыхались, натыкаясь на мебель, Альбрехт ворчал, как можно жить в такой тесноте, что за король в этой стране, почему не проведет реформы и не обеспечит всех жильем, это же так просто, просто надо велеть казнить всех, у кого дома меньше, чем из пяти комнат...

— Тихо, — сказал я строго, — напоминаю для забывчивых, все должны изображать страх. На самом деле страх будет, обещаю! Но важно не строить из себя героев, для этого время придет, гарантирую. Отольются кошке наши мышкины слезки. Это благородная воинская хитрость, поняли? Не от трусости, а от высокой доблести, чести и геройства.

Альбрехт покосился на серьезные лица паладинов.

— Ваше величество, — заверил он, — я им это же самое столько раз говорил... Именно им, понимая их высокие особенности. Они все запомнили назубок. Если и эти орлы не смогут, то никто в отряде не сумеет! Я лично отсеивал отважных и гордых. Помните, были герои, что предпочитали красиво умереть в бою, чем идти через вонючее болото по колено в грязной воде?

Я прислушался: вроде бы приближается дробный стук копыт.

— Всем лечь, — велел я. — Это ничего, что все в одежде, ночи здесь холодные.

Тамплиер лег на лавку, но, приподнявшись на локте, смотрел в окно, лицо оставалось каменным, но в голосе я уловил сильнейшее волнение:

— Как же их много...

Я старался представить всю звездную мощь этих существ, и сердце мое превращалось в обледенелый камень, а внутренности охватывало холодом, словно глотнул жидкого гелия.

— Страшно, — повторял я, — нам очень страшно... Помните, нам все очень страшно...

Альбрехт пробормотал тихо:

— Ваше величество, вы меня запугали больше, чем филигоны... Уже руки трясутся, а в животе вообще не знаю что творится.

Дверь с треском распахнулась. В комнату влетели сразу двое, я услышал ультрачастотный рев, по телу прокатилась холодная волна. Филигон оказался прямо передо мной, я увидел острые когти, нацеленные мне прямо в глаза, отшатнулся, отступил, но он надвигался, и я не заметил, как и выбежал из дома.

На улице уже сгоняют в кучу пойманных, я с облегчением увидел Норберта, Бодеррию, Кенговейна и ряд благородных рыцарей, что согласились оставить оружие и доспехи, а взамен напялить лохмотья простолюдинов лишь после того, как увидели в них меня.

Остальные держатся еще лучше, все изображают страх, хотя плача не слышно, никто не взялся его имитировать, опасаясь насмешек потом, когда все кончится... если кончится в нашу пользу.

Я шепнул Альбрехту:

— Передай всем, нужно продержаться!.. Совсем немного. Пусть терпят. Пусть терпят все! Мы испуганы, поняли?..

В сторонке сэр Кенговейн произнес тихо:

— Ваше величество, все и так... Даже мне признаться не стыдно, все холдеет, будто целый день лед глотал.

Глава 11

Нас гнали, как стадо коров, когда нужно уйти от настигающего неприятеля, но, думаю, филигоны просто не понимают, что мы не в состоянии передвигаться с такой же скоростью, как и они.

Люди задыхались, хрипели, я еще до начала операции велел самым крепким в беге распределиться так, чтобы помогали ослабевшим, и все-таки двое отстали, их добили так быстро, что спасти бы не успели.

Наконец чудовищная стена из металла начала приближаться, нас гнали прямо на нее. Я бежал в переднем ряду, уже ощущил, как ударюсь о твердое, но стена исчезла с такой скоростью, что даже не увидел, куда делась.

Впереди совершенно темный широкий коридор, я прокричал:

— На мой голос, на мой голос!.. Не отставать, не отставать!

По коридору пробежали где-то ярдов двадцать-сорок. Следующую стену я ощущил раньше, чем увидел затем и она исчезла, навстречу пахнуло нечистым воздухом множества немытых тел, мужского пота, женских притираний, давно не стиранной одежды.

За спиной стена возникла тут же снова. Я вбежал в помещение, крикнул:

— Всем спокойно!.. Здесь тоже темно, но мы этого ожидали!.. Всем спокойно!

Вокруг тьма, как в черноте космоса внегалактического пространства, даже звезд нет, но глаза привыкли

за пару секунд, помещение исполинское, народу крестьянского и городского типа достаточно много, все кучкуются под стенами, середина сравнительно свободна.

За нашими спинами стена на миг исчезла и тут же возникла так же моментально и беззвучно, как и пропадала. Я всмотрелся, вроде бы наши все здесь, филигоны загнали и последних, закрыли только за ними.

Сидящие в трюме повернули головы, кое-кто даже вскочил, я видел на их лицах страх и надежду.

— Все хорошо, — заговорил я громко, — все спокойно! Прибыло пополнение. Никакой паники. Никто вас не обидит. Всем оставаться на местах!

Мои лорды и рыцари медленно двинулись на мой голос, все выставили перед собой руки и неуверенно шарят перед собой.

— Все хорошо, — повторил я. — Граф Гуммельсберг, справа от вас барон Дарабос, не оттопчите ему ноги... Идите на мой голос, все идите сюда... Не спешите, но не останавливайтесь.

Когда все сошлись в плотный отряд, Альбрехт сказал негромко:

— Что теперь? Командуйте... наш вожак.

Я кивнул, хотя никто этого не увидит, сказал уверенно:

— У дальней стены вроде какой-то альковчик... Вместительный, для групповухи. Идите за мной, там устроимся.

Норберт сказал с досадой:

— Хорошо вам, все видите...

— Скоро все будем зреть, — пообещал я. — Не отставайте... Эй, там! В стороны, в стороны!

Кто-то из темноты крикнул обозленно:

— Да вам не все равно, где ждать своей участи? Ложитесь где стоите!

— Там мягче, — сказал я. — Кто пикнет, тому голову долой, поняли?..

Народ, уже заворчавший, что ноги и руки отдавливаем, устрашенно умолк. Ощутили, что прибыли не разрозненные пленники, а слаженная группа, где постоят один за другого.

— Пройдем в самый дальний угол, — велел я, — там отгородимся от остальных... Хотя бы цепью из наших благородных тел.

— Ваше величество, — сказал Кенговейн в недоумении, — зачем? Здесь только свои! Такие же пленники! А так мы ближе к выходу.

Из темноты робко подал голос Волсингейн:

— Козлоногих ни одного...

— Мы еще те козлоногие, — ответил я. — Трудно поверить, что кто-то из крестьян, увидев наши приготовления к мятежу, не попытается выдать нас козлоногим?

Вросингейн охнул в великое недоумение.

— Но... зачем?

— Чтобы выторговать что-то для себя, — сказал я. — Свободу или... не знаю. Люди не все праведники. Вы еще не знали?

Он умолк в растерянности, а сэр Кенговейн хлопнул его по плечу и сказал мне:

— Ваше величество, все сделаем. Вы мудрый человек, ваше величество.

— Если мудрый, — проворчал я, — то почему я здесь?.. Карл-Антон! Ваши маги готовы?

Из темноты раздался строгий голос Карла-Антона, старшего в той команде:

— Алхимики, — поправил он вежливо, — пронесли в неприкосновенности все, что было нужно.

— Прекрасно, — сказал я, — скажите, чтобы все

было в готовности. Сигнал подам скоро. Я не хочу дожидаться момента, когда поднимемся в воздух!

Сэр Кенговейн вздрогнул и перекрестился, за ним забормотали молитвы и начали креститься остальные.

Трюм, как я рассмотрел по дороге, не круглый и не квадратный, даже не овальный, а нечто вроде исполинской амебы с толстыми ложножеками, за неимением других словечек я назвал их альковами.

Выбрав самый удаленный, я провел к нему весь отряд. Там устроилось четверо мужчин и трое женщин. Лежат вповалку, одна из женщин без одежды вовсе, у другой подол задран до груди, полные груди наружу.

— Молодцы, — одобрил я, — время не теряете, выполняете завет Господа. Но теперь другие песни, так что выметывайтесь обратно в общий коровник. Это помещение для благородных, не знали?

Они уставились в темноту, повернув головы на голос. Один из мужчин приподнялся на локте, лохматый, крупный, налитый звериной мужской силой.

— Здесь нет благородных, — пробасил он.

— Уверен? — спросил я.

Он скривился, я шагнул вперед и с размаха саданул ногой в лицо. Он со всхлипом завалился на спину.

Я поинтересовался:

— Теперь как?

Он кое-как поднялся на четвереньки.

— Так бы и сказали сразу...

— Быстрее, — велел я. — И куртизанок забери. Граф, чуть-чуть левее, там голые женщины... Ну вот, зачем я сказал про женщин!.. А вот теперь верной дорогой идете, товарищ Гуммельсберг... Только не сбейте с ног Тамплиера.

— Его собьешь, — проворчал Альбрехт, — проще сам Маркус сдвинуть. Ваше величество?

— Тихо, — сказал я. — Здесь своего рода альков. Можете пощупать стены, они такие же альковные. Пусть в трюме, но все равно альков, мы же благородные люди? Просто просторнее дворцовых! Не для парочки, а для... группы. Человек сто поместится точно. А то и сто пятьдесят. Нет-нет, никаких оргий, что это вы заулыбались? Сперва дело, оргии потом. В старости. Располагайтесь по рангу, остальные побудут как бы оханным кольцом у входа.

— Полукольцом, — сказал Альбрехт, — если я верно понял.

— Полукольцом, — согласился я. — Вы быстро все схватываете, граф... Нет, с сегодняшнего дня... герцог Гуммельсберг!

— Благодарю, — буркнул он, — но плохая примета, и вы это знаете. Перед битвой повысить в титуле... это призвать гибель.

— Это поощрение, — пояснил я, — чтобы награжденный испытал прилив энтузиазма и дрался аки рев рыкающий. Да, бывает, из-за прилива не рассчитывают свои силы, лезут... и погибают. Но вы не такой, ваша светлость, знаю.

— Ну, спасибо...

Я сказал бодро:

— В общем, устраивайтесь пока на ощупь, а я разживусь полезной информацией.

Отойдя к стене, я прижался к ней и представил отчетливо, что прохожу насквозь, вот сейчас мое тело погружается в это твердое, что уже не твердое, вот уже чувствую эти странные волны, что идут сквозь мое тело, это я прохожу сквозь туман стены, вот уже возникает ощущение, что впереди пустота, а это значит, плотная материя стена заканчивается, а дальше неплотная субстанция воздуха...

Я открыл глаза все в той же позе и на том месте, прильнув к стене, как пластырь к коже. Никогда еще не прикасался к настолько плотному материалу, чувствуя, немыслимо плотному, мороз по коже от одной лишь мысли прощупать и понять. Это немыслимо и такого быть не может, по крайней мере здесь, а не в недрах нейтронных звезд, где нейтроны прижаты один к другому вплотную без всяких зазоров.

Как хорошо ходить сквозь каменные стены, мелькнула мысль, там один атом от другого висит чуть ли не на милю...

За спиной Кенговейн спросил настороженно:

— Ваше величество, вам плохо?

Я огрызнулся:

— С чего это вдруг?

— Сопите как-то странно...

— Все-то вы обо мне знаете, — сказал я с укором. — Монарх должен быть харизматичным и непознанным, как летающий объект вроде Маркуса. Занимайтесь своим делом, сэр Кенговейн.

Из трюма иногда доносится сдержаный плач, стоны, тяжелые вздохи, но в целом люди, привыкшие к трудностям, уже просто покорно ждут решения своей участи.

Хорошо, прошептал я мстительно, тогда попробуем другой вариант... Отойдя подальше от своих, никто не видит, выбрал свободное место, зал огромнейший, присел на корточки. Сердце колотится часто-часто, сейчас это во благо, метаболизм ускорится, закрыл глаза и начал представлять себе, как мое тело становится огромным, тяжелым, покрывается массивными броневыми плитами...

Особенно тщательно представлял себе неуязвимость, пусть буду неповоротлив, но если весь в непро-

биваемой броне, то что мне филигоны, буду давить, как тараканов...

Сосредотачивался долго, иногда начинало получаться, ощущал перемены в теле, где-то жар, где-то тяжесть, однако все еще я, наконец начало приходить горькое понимание, в которое верить не хочется, что здесь в Маркусе я уже вне законов нашего мира. Стены из непонятной материи, экранирование абсолютное, так что...

Я хлопнул себя по лбу. Ну конечно же, глупо надеяться, что смогу поглощать для своего перестроенного тела эту звездную материю так же легко, как землю или песок! Нужно постараться обойтись своими ресурсами...

Уже повеселев, я снова зажмурился, сосредоточился, быстро и привычно представил, как мое тело меняется, но сам я такой же красавец, только уже красавец птеродактиль, мускулистое тело, могучие крылья, спина в плотной чешуе, ничем не просечь, а кожа на брюхе выдержит удар стального болта из арбалета...

Некоторое время напрягался, уже отказываясь поверить, что и в птеродактиля перекинуться тоже не получится. Маркус упорно блокирует такие попытки, в нем свой мир, чужие законы не принимает...

Из зала доносится приглушенный гул голосов, вскоре я уловил звук приближающихся шагов. Повернулся, в мою сторону идет, слепо выставив руки, Альбрехт.

— Если вы ко мне, герцог, — сказал я церемонно, — то чуть правее. Хотя для вас привычно левее, сэр Альбрехт. Что-то хотели сказать, ваша светлость?

Он сказал тихонько:

— Простите, ваше величество, но вроде бы не время уединяться для возвышенных молитв и беседы с Господом. Думаю, сейчас ему более угодны быстрые и решительные.

— Вы абсолютно правы, — ответил я, тщательно убирав из голоса горечь. — Возвращаемся к лордам, начинаем вторую часть операции.

— Мы уже начали, — ответил он, я ощутил в его сдержанном голосе упрек. — Спешно пропитываем рубашки горючими смесями... Даже первые. Вы очень мудро велели всем надеть как минимум по второй рубашке!.. Как же ругались те, кто надел пять, а потом пришлось бежать! Хорошо хоть не по солнцепеку...

На обратном пути в этой тьме я разглядел в ближайшем к нашему алькове несколько человек на коленях, все склонили головы, с ними священник.

Прислушавшись, я услышал, как все шепотом повторяют за священником слова молитвы.

Стараясь не наступать на ноги, я подошел ближе и остановился за спинами. Несколько мужчин сидят рядом с молящимися, разговаривают грубо, перемежая речь бранными словами.

Я спросил одного тихонько:

— Сколько вы здесь?

Он повернул голову, хотя и понятно, что не увидит, но рефлекс заставляет поворачиваться к тому, с кем разговариваешь. Губы искривились в злой усмешке.

— Благородный? Теперь и ты хлебнешь горя.

— Рад? — спросил я. — Зря. Это не по-христиански.

Я ухватил его за ворот, поднял и с силой ударил затылком о стену. Хрустнула кость, тело в моих руках обмякло. Я отшвырнул в сторону его друзей, повернулся к группе молящихся.

Альбрехт услышал шум борьбы, я видел, как его рука сама по себе прыгнула к тому месту, где ладонь должна привычно ухватить рукоять меча.

— Ваше величество? — спросил он тревожно.

— Все уложено, — заверил я. — Я же христианин

и напомнил, что везде должны оставаться людьми и вести себя достойно. Так, преподобный отец?

Священник вздрогнул, ощутил по голосу, что обращаются к нему, виновато улыбнулся.

— Жестоко, благородный сэр, нужно бы чуть больше смирения... Но если вы кого-то из них наказали, в целом да, поступок почти правильный. Зло нужно пресекать как можно раньше.

— Давно вы здесь? — спросил я.

— Второй день, — ответил он. — Но есть такие, что уже третий.

— Чем кормят? — спросил я.

Он покачал головой.

— Ничем.

Я пробормотал:

— Тогда зачем... Или обратный путь займет не пять тысяч лет...

Со стороны нашего алькова подошел Норберт, ориентируясь на мой голос, всмотрелся в темноту невидящими глазами.

— А обратно, — досказал он, — пять часов. Только так можно объяснить, ваше величество.

Священник вздрогнул и посмотрел на меня в священном испуге.

— Вы король? Король Ричард?.. Тогда все пропало!

— Напротив, — сказал я быстро. — Никакой паники, преподобный. Господь все учел и рассчитал точно тютелька в тютельку, как у лилипутов. Я здесь, что вот! И отнюдь. Другие трюмы есть?

Он покачал головой.

— Никто не знает. Люди в панике, я утешаю словом Господним, как могу.

Я еще раз окинул взглядом помещение, вряд ли здесь больше полутора тысяч человек, а для такой машины,

как Маркус, это песчинка. Хотя вдруг он в остальной части литой?

Холод пробежал по телу, я помотал головой.

— Никакой паники! Мы справимся. Козлоногие появляются часто?

Он покачал головой.

— Ни разу. Как забросили нас, так и...

— Хорошо, — сказал я, — это зело весьма, преподобный. Даже обло в нашем благородном случае. Крепитесь и положитесь на Господа. Вы, наверное, не знаете, но он сверху видит все! И воздаст. Весьма воздаст.

Глава 12

В алькове поместились не больше полутора сотен, остальные расположились на полу за его пределами. Кто сидит, кто лег, держатся друг к другу весьма тесно, как никогда не позволили бы себе даже за праздничным столом.

Я осторожно пробрался в самую середину алькова, сосредоточился.

Все вздрогнули от вспышки слабого света на полу.

— Козлоногие, — сказал я успокаивающе, — сюда не заглядывают. Так что все в порядке.

Свет странно и зловеще подсвечивает лица снизу, все смотрятся сурово и торжественно.

— Ваше величество? — спросил Норберт.

— Начинаем, — велел я. — Готовим факелы и ждем сигнала. Жаль, не вижу вентиляционной системы... я имею в виду легкие этого корабля. Если бы их испортить, тогда всем придется покинуть Маркус. Или как-то сунуть палку в какие-то важные колеса, чтобы все сдохло хотя бы на время. Или что-то еще испортить...

Они слушали с недоумением, наконец Тамплиер мрачно поинтересовался:

— А если просто напасть?

— Не сработает, — ответил я. — Хотя выбора у нас вообще-то нет.

— Почему?

— Это только крохотный отсек, — пояснил я. — Комнатка!.. Кто из вас знает, сколько филигонов прибыло?.. Сколько их еще на корабле?

Сэр Кенговейн проворчал с достоинством:

— Но сколько будем прятаться?.. Это неблагородно...

— Сколько понадобится, — прошипел я.

— Нам нужно убивать...

Я сказал зло:

— Сэр Кенговейн, не заставляйте меня жалеть, что взял вас. Здесь только те, кто поклялся выполнять все мои команды.

— Я выполняю, — ответил он шепотом, — однако...

— Никаких однако, — оборвал я. — Ждите.

Козлоногие, загнав народ в трюм, совершенно не обращают внимания на пленных, что значит, по прибытии нами займутся другие, специализация — это уже уровень развития, но он есть и у волков, и у термитов.

Чем общество древнее, тем выше специализация. Люди создали общество недавно, потому у нас не так заметно, а вот в обществе муравьев, что старше людей на сотню миллионов лет, различия уже такие, что рабочего от солдата отличишь даже по виду, хотя и там можно переходить от одной профессии к другой, а вот у термитов, что старше самих муравьев на сотни миллионов лет, вообще каждый делает только свое и чужой работой не интересуется...

— Это нам на руку, — пробормотал я. — Скоро начнем готовить факелы к тому самому моменту...

— Ваше величество, — сказал Кенговейн, — не в руках же держать горящие тряпки!

— Придумаем, — пообещал я. — Пока просто не привлекайте внимания.

Сосредоточившись, я попытался призвать меч, и сердце безумно возликовало, когда через мгновенья рифленая рукоять легла в мою ладонь.

— Какой же я гений, — пробормотал я, — какой же стратег!.. Как хорошо играю, когда у меня столько козырей...

Альбрехт спросил быстро:

— Ваше величество?

— Сработало, — ответил я шепотом. — Хоть что-то да сработало, ваша светлость! А вот теперь начнем всерьез...

Странно было бы, если бы начал вооружать сперва других, потому коротко перевел дыхание, лишь когда на поясе оказался молот Мье́льнир, а за плечами лук Арианта.

Альбрехт, Норберт, Тамплиер и Сигизмунд ко мне спинами, загораживая от остальных, на полу быстро растет горка Небесных Игл, Комьев Мрака, Костяных Решеток, а в завершение я призвал Зеленый, Травяной, Красный, Озерный, а также ряд мечей и топоров, скованных для меня гномами, оружейниками Вестготии, подаренных королями сопредельных стран и других соседних и несоседних королевств, что с помощью дорогих подарков воинственному королю устанавливали добрые отношения.

В конце принялся призывать все те мечи и топоры, которые брал в руки во время последнего обхода лагеря, и выросла еще одна внушительная куча.

Я тяжело вздохнул, чувствуя сильнейшую слабость во всем теле, сказал заплетающимся голосом:

— Можете повернуться, но только тихо...

Свет от моего огонька слабый, но Альберт все же тихонько охнул, а у остальных глаза стали шире, чем у филигонов.

Норберт спросил напряженным голосом:

— Это... нам?

Я вяло махнул рукой.

— Вооружайтесь. Но ни шагу, пока не зажжем факелы. Древками обеспечу... по крайней мере, попытаюсь.

Они ждали, я долго пытался, ничего не получалось, наконец сообразил поменять объект призыва, удалось перенести несколько палок, которые бросал Бобику. Все остальные, даже шесты, на которых держится мой шатер в лагере на болоте, не удалось и сдвинуть. Они хоть и мои, но я до них не дотрагивался, так что тупое заклятие их наотрез не признает.

Норберт вздохнул с удовлетворением, передал такие драгоценные палки самым надежным соратникам. Те отодвинулись в дальний угол, их загородили спинами, и работа по наворачиванию тряпок на древки началась.

Подошла Боудеррия, слабый свет снизу странно подсвечивает ее лицо, делая нижнюю челюсть широкой и неправдоподобно мощной, а глаза прячутся в тени за высокими скулами.

— Мои в порядке, — сообщила коротко, — целы, делают факелы.

— Никогда не забываешь, — сказал я, — кто у них вожак?

Она коротко усмехнулась.

— Кто-то должен заботиться о них? Мужчины такие забывчивые.

— А ты как заботливая мамаша? — спросил я. — Не пора ли завести своих детей? Могу помочь в этом интересном деле... Кстати, вот для тебя подарок.

Я вытащил из-за спины и подал ей мечи с длинными узкими клинками.

Ее глаза вспыхнули восторгом, ахнула, прижала ладони к груди.

— Мои мечи?.. Как ты их пронес?

— Для тебя старался, — сообщил я скромно и, видя, как жадно она ухватила свое оружие, сказал с пониманием: — А детей, ты права, заводить тебе рановато.

Она явно хотела что-то возразить, но я поспешил указал в сторону моих лордов, те проводят с боевой группой разъяснительную беседу, хотя сами вряд ли представляют, как будем действовать, кроме того, что нападем с факелами в одной, мечами в другой.

— Пойдем послушаем. Выступать придется в любой момент.

— Какой? — спросил она с непонятным выражением.

— Это не от нас зависит, — сообщил я. — Филигоны сами подадут знак.

Она помолчала, спросила тихо:

— Ты в самом деле хочешь перебить их во всей этой крепости?

— А что не так? — ответил я почти сердито. — Корабли издавна захватывают взбунтовавшиеся! Когда рабы, когда невольники на веслах, а когда и сама команда, возжелавшая стать пиратами. Разница только в размерах судна.

Она вздохнула.

— Что ты за человек...

— Сам изумляюсь, — ответил я скромно, — и гений, и умница, и красавец... Особенно вот так в профиль, если смотреть снизу, находясь сбоку.

Альбрехт поднялся навстречу, за ним встали и двое-трое лордов.

— Ваше величество, — сказал он шепотом, — факелы готовы.

— Алхимики?

— Обещают зажечь моментально.

— Тогда просто ждите, — велел я. — Действовать придется очень-очень быстро. Врага ослепить сумеем, однако, боюсь, это даст нам только временное преимущество. Филигоны стоят на очень высокой ступени... потом объясню, хотя вряд ли, так что сумеют как-то приспособиться.

Альбрехт сказал понимающе:

— Потому урон нужно нанести сразу как можно больше.

— Не давать себе отдыха, — добавил Норберт, — драться, пока не попадаем от усталости. Ваше величество?

— Да, — согласился я, — теперь продвигаемся ближе к воротам.

Место в стене, где появляются врата, определить легко: в той части огромного трюма настолько пусто, словно там раскаленный пол. Все пленники инстинктивно стараются держаться подальше от того места, где появляются козлоногие.

Я сказал Альбрехту и Норберту тихо:

— Занимаем места. Ждать, возможно, придется долго. Потому устраивайтесь весьма, но зело! Каждый должен быть готов вскочить без помех, как только врата, так что никаких женщин...

— Ваше величество, — сказал кто-то за спиной обиженно.

— Я все вижу, — уличил я. — Кое-кто из ваших уже начал утешать испуганных дев и поспешно лишать их невинности, чтобы та не досталась козлоногим.

Карл-Антон сказал за спиной:

— Пока факелы зажигают, на это уйдет время, я с алхимиками ударим, как вы говорите, световыми вспышками.

— Прекрасно, — сказал я. — Какие мы умные, пока готовимся! Так бы и дальше...

Сэр Норберт пробормотал:

— Мы слишком долго отступали, печально было, боя ждали, так что теперь пойдет в нашу пользу.

— Закон маятника хорош, — согласился я. — По крайней мере, утешителен. Но жизнь не маятник. А если и маятник, то вдруг амплитуда в несколько поколений?

Пленные посматривают в нашу сторону боязливо, по нам видно, что не простых свиней, вон даже колдовский огонек у нас горит, освещает большой участок.

Крупный молодой мужик поднялся, робко приблизился, глядя со страхом и надеждой.

— Милостивые лорды, — произнес он с поклоном.

— Говори, — велел я.

— Если попытаетесь вырваться, — сказал он, — то я с вами, если можно. И тут еще много таких.

Он умолк, глядя выжидавше. Я ответил неспешно:

— Вырваться не получится. Догонят и убьют. Поэтому их самих нужно убить раньше. Как тебе такое?

Он заговорил быстро и волнуясь:

— Только прикажите!.. Мы все бросимся. Все одно смерть, так хоть кого-то с собой утащим!

— Мы надеемся даже победить, — ответил я. — У нас уже есть оружие, а самое главное... эти филигоны, так их зовут, боятся яркого света. Потому лучше сразу снимите рубахи. Когда начнется, поджигайте, пусть эти твари слепнут! И бейте сразу насмерть.

Он жарко выдохнул:

— Все сделаем, мой лорд!

Альбрехт сказал за моей спиной:

— Перед тобой король, дубина. Его величество пршел сюда затем, чтобы спасти и вывести вас всех отсюда.

Я промолчал, вообще-то пришел не потому, но пусть эта версия пойдет в народ. Предстоит провести ряд непопулярных реформ — лучше, если любовь и доверие простолюдинов лягут на мою чашу весов.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Джон, ваше величество!

— Сэр Джон, — сказал я, — ты произнес благородные слова, что умереть надо, убивая врага, потому возвожу тебя в благородное сословие. Если и погибнешь, то уже сэром Джоном!

Он воскликнул, воспламененный:

— Ваше величество!

— Всем, — сказал я, — кто пойдет в бой, а не будет ждать покорно смерти, как животное, которое ведут на убой, своим милостивым повелением жалую дворянство. Мы не властны над своим рождением, но как умереть — это наш выбор!

Он преклонил колено.

— Ваше величество! Располагайте моей жизнью.

— Собирай отряд, — велел я. — Когда пригонят новую партию пленных, они откроют ворота! Все поняли?

— Ваше величество?

— Прорывайтесь на свободу! — сказал я твердо. — С той стороны вся армия ударит на козлоногих... Сэр Альбрехт, идите за мной. Для вас другое задание.

— Какое? — спросил он.

— Идти за мной, — ответил я строго.

— Возможно, — сказал я, — придется ждать еще сутки. Так что распределите, кто будет спать сейчас, кто потом. Часовым бдить и прислушиваться... Сэр Волсингейн! Быстро к сюзерену!

Волсингейн не пробрался к нам, а прилетел, вытянулся в струнку.

— Граф, — сказал я, — несмотря на вашу молодость, Боудеррия в восторге от вашей воинской смекалки

и умения воевать. Полагаю, вам в самом деле пора выходить из ее тени.

Он вспыхнул, как факел, сказал торопливо, почти задыхаясь от волнения и восторга:

— Ваше величество! Только прикажите!

— Я делю нашу группу пополам, — сказал я. — Сто человек пойдут со мной, сто останутся под вашим командованием. Кстати, здесь в трюме несколько тысяч пленных, они все в вашем распоряжении. Драться жаждут очень многие.

Он прошептал, не веря своим ушам:

— Ваше величество...

— Я оставлю вам все Небесные Иглы, — сказал я, — все Решетки Мрака, Костяные Решетки и больше половины мечей и топоров... Деритесь умело и не теряя головы, как вы умеете, по словам Бoudеррии. Она пойдет со мной как рядовой воин, это ее желание. А я со своим отрядом постараюсь прорваться в ту часть, где у них вожди. Нужно вывести из строя сам Маркус.

Он вытянулся, сказал ликующе:

— Ваше величество! Мы сделаем все и даже больше!

Я сказал торжественно:

— И да пребудет с вами Господь.

Он поклонился и через мгновение исчез в темноте. Норберт насторожился, сказал быстро:

— Сюда идут!

— Козлоногие?

— Толпа, — сказал он, прислушался и уточнил: — Люди. Кричат, плачут...

Альбрехт сказал злым голосом:

— Тогда и козлоногие с ними... Значит, успели за одну ночь и вторую партию. Торопятся.

Я крикнул высоко и страшно:

— Зажечь факелы!.. Карл-Антон!

Он откликнулся издали:

— Мы готовы, ваше величество.

Ворота исчезли, бегущая толпа уже замедлялась, чтобы не удариться о стену, а когда та исчезла, козлоногие наперли, и новые пленники начали вваливаться в трюм.

Свет вспыхнул настолько яркий, что даже я на миг зажмурился, но тут же прыгнул вперед, рукоять меча в обеих руках, и с силой ударил наискось ближайшего филиона.

Тот, ослепленный, не двигался, а только закрывал глаза обеими ладонями. Острое лезвие рассекло от плача через ключицу до середины груди.

Я выдернул меч, вторым ударом снес голову. Та не успела упасть на пол, как я нанес второй удар по соседней твари. Мимо промелькнула громадная фигура Тамплиера, он грозно ревел и с несвойственной ему скоростью наносил удары, всякий раз рассекая врага пополам.

Яркий свет мигал, то спадая, то вспыхивая с новой силой. Рыцари рубили охрану, за нашими спинами раздался яростный рев в несколько сотен глоток.

Мимо пронеслись мужчины во главе с Джоном, теперь сэром Джоном, что с голыми руками набрасывались на ослепленных ярким светом филионов и рвали им уши, выбивали глаза, старались сломать шеи.

Остальные пленники ринулись из трюма по проходу к далекому выходу, а я огляделся и прокричал:

— Ударная группа — за мной!

Глава 13

Из холла, так я называл это странное помещение с неровным полом, справа и слева просторные тунNELи, я выбрал правый, у левого остался лорд Робер

с группой рыцарей и тремя алхимиками, пятеро престолюдинов держат для них факелы, скрученные из своих потных рубах.

Туннель повел по наклонной вверх. Я ускорил бег, за спиной тяжелое надсадное хаканье, топот, затем голос Норберта:

— Быстрее, ребята, быстрее!.. Спасти нас может только скорость!

Я оглянулся, почти не отстают Норберт, Альбрехт, Боудеррия, Тамплиер с Сигизмундом, за ними еще десятка три рыцарей, если не больше.

Альбрехт перехватил мой обеспокоенный взгляд.

— Еще отряд в арьергарде!.. За поворотом.

Норберт крикнул:

— Ваше величество!.. У вас план?

— Да, — прокричал я на бегу.

— Какой?

— Перебить всех, — крикнул я.

Некоторое время позади слышалось только топанье множества ног, затем Норберт поравнялся, бросил на меня острый взгляд.

— Не слишком сложный?

— Старался, — ответил я. — Хорошо бы найти их центр...

— Командующего?.. Короля?

— Да, — ответил я. — Вряд ли он лично участвует в операциях по ловле земного скота... Не по рангу.

Я умолк на полуслове; небольшой зал расширился, переходя в пещеру со странной геометрией и неровным полом. Около десятка филюголов прижались к противоположной стене, закрывая ладонями глаза от слепящего огня факелов.

Норберт, забыв о достоинстве лорда, бросился вперед с криком дикой ярости. Его меч засверкал в багро-

вом свете быстро и страшно. Троиे рухнули убитыми на пол раньше, чем подоспели его люди.

Альбрехт выдохнул счастливо:

— Мне кажется, их ладошки не защищают от такого света!

— Только чуть смягчают, — согласился я, — так что факелы беречь. Если кончатся, то...

— ...кончимся и мы, — досказал он. — Эй, там!.. Оставить два факела, остальные погасить и беречь, как свою, а не дочь соседа, от насильников.

Подбежал молодой жилистый крестьянин, торопливо поклонился.

— Ваше величество!.. Дайте факел, я понесу перед вами. Освободите себе руки!

— Держи, — сказал я. — Теперь наши жизни зависят от крепости твоей руки.

— Ваше величество, — воскликнул он воспламененно. — Я сделаю больше, чем все на свете!

Навстречу мощно дохнула струя теплого, даже горячего воздуха. В горле запершило, Альбрехт закашлялся, а Боудеррия начала тереть кулаком глаза.

— Ничего, — сказал я бодро, — не обращайте внимания.

Рыцари пригибают головы, кожу лица сечет горячий ветер, что становится все сильнее.

Норберт крикнул обеспокоенно:

— Дракон?

— Не совсем настоящий, — сказал я без уверенности, — хотя кто знает.

— Тогда пошлем вперед Тамплиера?

— Нельзя, — отрезал я. — Он жестокий, всех там перебьет!

Карл-Антон радостно крикнул издали:

— Неизвестное колдовство?

Я сказал с уверенностью:

— Христианским воинам их колдовство не страшно!..

Норберт с сомнением покосился на мага, перевел взгляд на меня.

— А мы... христианские?

— В самом широком смысле, — заверил я. — Самые настоящие, хоть и не слишком.

— Ваше величество?

— Не ортодоксальные, — пояснил я. — Потому и сим победиши. И познаша!

Альбрехт сказал за спиной с тоской:

— Господи, везде это познаша...

Тамплиер, нагнув голову, ломился впереди, преодолевая ураган, как мощный лосось, что прет против течения.

Альбрехт кивнул в его сторону.

— Видите?.. Что значит чист душой. Как рыба.

— А сэр Сигизмунд, — сказал я, — чист даже мыслями. Как две рыбы. Сэр Сигизмунд, не усердствуйте так!.. Мы не знаем, что там впереди. А когда не знаете, короля вперед!.. Его не жалко. Зато сможете установить подлинную демократию с почти человеческим лицом.

Сигизмунд растерянно остановился, ну никак не понимают мой изысканный юмор, почему-то ржут, когда говорю серьезные и даже страшные вещи, а сейчас вот смотрят с укором.

— Слева! — крикнул Нортон страшным голосом.

Из узкой щели стремительно выметнулись филигоны, чего никто не ожидал, мы как раз миновали то место, факелы впереди, в арьергарде только маги и с десяток крестьян.

И все-таки даже слабый свет ослепил филигонов, трое прыгнули к Карлу-Антону, ориентируясь, как я понял, по запахам. Совершенно беспомощный, он да-

же не пытался бежать, бесполезно, нелепо отмахнулся уже угасающим факелом.

Филигонов словно поразило молнией: один упал на мага, двое остались на ногах, но их лапы судорожно шарили по телу, обоих корчило и корежило, а Карл-Антон, отпихнув чужака, отступил на шаг и смотрел на них непонимающими глазами.

Я крикнул:

— Вот это заклинание!

Он напомнил быстро:

— Ваше величество, заклинания здесь не срабатывают.

— А чем их так?

Он ответил без паузы на раздумье:

— Полагаю, капли горючей смеси. Масло кончилось, я взял греческий огонь для факела.

— Прекрасно, — одобрил я. — В их водяном мире не могла возникнуть защита от такого... в общем такого!

Он пошел рядом, я услышал страстный шепот:

— Ваше величество... когда-нибудь вы мне расскажете побольше, обещайте!

— Если уцелеем, — ответил я. — И если уцелеет мир.

Впереди Альбрехт крикнул в нетерпении:

— Ваше величество! Там впереди туннель... но какой-то странный.

Я всмотрелся, сказал с неуверенностью:

— Похоже, прогрыз червяк. Большой такой червяк.

Боудеррия пробормотала:

— В железе?

— А что, — сказал я, — одни червяки прогрызают в земле, другие в дереве, а этот вот в железе...

— Сумасшедший какой-то червяк, — сказала она с отвращением.

— Еще бы, — согласился я. — Нормальный грыз бы зигзузами, а этот строго по прямой.

Он посмотрел на меня с подозрением, но смолчал, а сэр Кенговейн произнес несколько чересчур бодрым голосом:

— Мы пойдем по этому ходу?

— А что? — спросил я.

— Да тесноват, — ответил он с заминкой. — Если червяк поползет навстречу, не разминемся...

Альбрехт передернул плечами.

— Не хотел бы встретиться с червяком такого размера.

Сэр Робер возразил:

— Я не хотел бы встретить и самого мелкого, если такой может грызть железо! Потому у нас нет выбора. Надо идти, ибо так уже решил наш король, вы только посмотрите на него!

Я поспешил сделать лицо значительным и задумчивым, а когда ощущил на себе взгляды, изрек:

— С нами Бог!.. Если решит послать червяка, то пошлет. Если он против нас, то и на ровном месте без всяких червяков ноги поломаем.

Кенговейн перекрестился, поднял факел над головой. Боудеррия ловко выхватила у него и первой ринулась в туннель. Кенговейн с оскорблением воплем мужского достоинства бросился следом.

Туннель перед два десятка шагов расширился, хотя долгое время мы шли все так же строго по прямой, разве что в гору, затем начались зигзаги, будто червяк засомневался в выборе жизненного пути.

Я обогнал Тамплиера, тот не намного тяжелее, горячий воздух уже испарил пот со лба и высушил взмокшую одежду, теперь сушит глотку, впереди слышится глухой рев, но явно не филигоны, еще несколько шагов, я охнул и остановился.

Впереди широкий туннель с высоким сводом, по которому легко проедет крепостная башня, перекрыта

трепещущей стеной. Мне показалась составленной из блестящих стальных пластин, сложенных ромашкой или каким-то другим цветком, страшновато и отвратительно прекрасным. Лепестки сходятся узкими концами к центру, а там то приоткрывается чуть, то снова закрывается отверстие, как зрачок в глазу при изменении уровня света.

За моей спиной тяжелое дыхание стало громче и надсаднее, уже все из отряда здесь.

Я велел властно:

— Погасить факелы!

Альбрехт сказал тревожно:

— Ваше величество... филигонам только этого и надо!

Тамплиер молча взял факел из рук воина и, ухватив широкой ладонью за горящую верхушку, мигом загасил. Я подумал тепло, что вот он, в чем бы ни подозревал, но если пошел за мной, то выполняет все беспрекословно. Хотя, конечно, потом вопросы будут.

Сигизмунд помог ему погасить второй, а третий, последний, рыцари загасили сами.

Я напряженно всматривался в странную диафрагму, теперь напоминает зрачок старинного фотоаппарата, медленно начала раздвигаться, все шире и шире, уже пройдем не только мы, но даже конница смогла бы, разве что пришлось бы с разгону через барьер...

— Все ко мне, — велел я. — Прямо на голос. Наткнется на препятствие, вспомните, как в детстве лазили через заборы воровать яблоки в чужом саду... Верно, сэр Норберт, вы всегда первый, я это ценю.

Он огрызнулся в темноте:

— Я не лазил за яблоками!

Вслед за Норбертом двинулись остальные. Диафрагма, очутившись в темноте, продолжала открываться. Сэр Норберт наткнулся и, ощупав, просто перешагнул,

кольцо продолжало раздвигаться, остальные прошли, даже не заметив препятствия, что вдвинулось в пол и стены.

Я выждал, пока на этой стороне оказались все, сказал быстро:

— Карл-Антон!

Вспыхнуло колдовское пламя, и одновременно послышался вздох старшего алхимика:

— Фух, как же страшновато без света.

— Вы не одиноки, — сказал я громко, — мне тоже в темноте не по себе весьма даже как-то вот зело. А теперь не отставать! Один факел, как знамя, впереди и гордо, остальные не зажигать, но далеко не прятать!

Альбрехт оглянулся, диафрагма от яркого света быстро сужается, словно зрачок человеческого глаза.

— Может, — предположил он, — оставить факел?

— Зачем?

— Тогда в эту дырочку никто не пролезет!

Я поколебался — идея хороша, сейчас в самом деле палец не просунуть, сказал с сожалением:

— Факелов маловато. Не отставайте, граф!

Норберт сказал предостерегающе:

— Впереди филигоны!

Я прислушался, вроде бы тихо, спросил с недоверием:

— Как почуяли?

— Запах, — ответил он коротко.

Я взглянул с уважением. Вроде бы хорошо знаю барона Дарабоса, но что превосходит меня по части обоняния, и не подозревал.

— Факелы держать за спиной, — велел я, — чтобы потом... Ну, разом!

Мы выбежали с грохотом и криками. В пещере с полдюжины филигонов, Карл-Антон метнул пузырек

со смесью, страшно полыхнуло, и раздался ужасающий грохот.

Филигоны рухнули как подкошенные, а мы пробежали по их телам, оставив добивать и отчленять головы задним.

Сигизмунд, оглянувшись, вскрикнул с обидой и разочарованием:

— Так даже неинтересно!

Я спросила Норберта:

— Барон, вам тоже так кажется?

Он мотнул головой.

— Ничуть. Так интереснее намного.

— Видишь, Сиг, — крикнул я дружески, — что говорит старшее поколение? Это и есть мудрость.

Сигизмунд умолк в затруднении, потом метнулся догонять Тамплиера.

Через сотню шагов наткнулись еще на две такие же диафрагмы, только эти сходятся кольцами при появлении света, оставляя совсем крохотную дырочку, а когда Норберт подошел с факелом ближе, там сомкнулось намертво.

— Странные ворота, — проговорил он задумчиво, — что-то мне это смутно напоминает...

— Мне тоже, — сказал я.

Он оживился.

— И вам? Что?

— Жопу, — ответил я. — А нус. Угадал?

Он поморщился.

— Фи, ваше величество...

— Угадал, — сказал я с удовлетворением. — Но ничего, представьте себе, что мы не в жопу идем, а победно выходим!.. Нет, тоже как-то не весьма... В общем, почему жопа? Почему сразу как что, так жопа?.. Есть же и другие ассоциации!

Он спросил осторожно:

— Какие?

— Да сотни, — сказал я, не задумываясь. — Даже тысячи!.. Вот, например... Нет, это не годится... лучше вот это... хотя это еще хуже, но все равно они есть, язык человеческий богат и могуч, в нем есть для всего место, а не только для жоп всяких и разных. Мы же не филигоны какие-то?.. Вообще лучше уберите факел подальше!.. Гасить не надо, нам только бы пролезть, а там увидим, в самом ли деле будущее светлое, как нам обещают...

Он напомнил осторожно:

— Это вы нам обещаете, ваше величество.

— Ну хорошо, — согласился я, — посмотрим, в самом ли деле будущее просто светлое или же светлейшее, прекраснейшее и радостное, о чем я из осторожности и скромности не говорил?

Впереди грянул грохот, вспышка огня прожгла даже мои веки. Я торопливо убрал ладонь, открыл глаза и ринулся в зал, где с полдюжины филигонов корчатся на полу.

— Быстрее! — дико проревел за моей спиной Тамплиер.

Я первый, убываясь, оказался у поверженного врага. Двое филигонов начали приподниматься на колени, я рассек их быстро и бестрепетно, третьему снес голову в тот момент, когда сбоку сэр Тамплиер разрушил ему плечо до середины грудной клетки.

Альбрехт, Норберт, Бодеррия, лорд Робер и сэр Кенговейн, как и остальные наши бойцы, рубили на перегонки, и лишь когда мы оказались по щиколотку в луже оранжевой крови солнечного спектра, остановились, с подозрением глядя на жестоко изрубленные тела у своих ног.

— Прекрасная работа, — сказал я.

— Просто произведение искусства, — поддакнул Альбрехт. — Так ведь, ваше величество?

— Истину глаголете, — сказал я. — Но сейчас нам предстоит потрудиться над целым панорамным полотном. Лорд Робер, очнитесь!

Лорд Робер вздрогнул, с трудом оторвал зачарованный взгляд от распостертых трупов и посмотрел на меня удивленно-радостными глазами.

— Ваше величество... впервые вижу этих тварей убитыми! Я вообще думал, что от моей руки никогда...

— Полагали, неуязвимы?

Он ответил с неловкостью:

— Простите...

— Все хорошо, — подбодрил я. — Вы же пошли с нами?

— Это мой долг, — ответил он просто и с достоинством. — Я его исполню до конца, каким бы он ни был.

— Конец будет хорошим, — сказал я. — Мне пока что везет.

— Так то вам, — проговорил он смущенно, — поговаривают, когда вы были в колыбельке, вам ее черт качал?

Я отмахнулся.

— Враки. Думаю, ангелы. Так качали, до сих пор голова иногда кружится. Хотя кто знает, я был маленький, такую ерунду кто бы запомнил?

Глава 14

В жестоком бою сошлись всего через пять минут в огромном зале, где десятки, а то и сотни филионов бросились так стремительно, что факелы не успели передать в передние ряды.

Один из алхимиков все же успел бросить в их стаю кувшин с греческим огнем. Грехнуло так, что заложило уши, жаркое пламя взвилось до свода.

Филигоны рухнули на пол, яркий свет ослепил даже нас. Мечи сверкали в отсветах пламени часто и жутко, сперва блестящие, затем в оранжевой по самые рукояти.

Я ощутил неистовое злое ликование. Филигоны, пусть и сильнее и быстрее, но не имеют понятия о боевых приемах. Я тоже не ах, но насмотрелся, наподражался, напрыгался, выбрасывая вперед кулаки и ноги, так что все равно, пусть я овца против чемпиона, но против этих тварей, у которых только звериная сила и ловкость, что-то противопоставить могу.

И все-таки они отбивались, размахивая лапами вслепую, я слышал со всех сторон вскрики боли, злую ругань, а также зловещий хруст рассекаемой плоти.

Когда рядом оказалась запыхавшаяся и забрызганная оранжевой кровью Бодлеррия, я торопливо огляделся. Сердце сжалось, отряд заметно поредел, из пятидесяти отборных бойцов осталось чуть больше половины плюс пятеро магов и трое ухитрившихся уцелеть простолюдинов.

— Проверить, — велел я, — чтобы ни одного живого!.. У них все заживает слишком быстро.

Норберт громко напомнил:

— Рубить головы, рубить головы!.. Отрубленные не приживут!

Рыцари рассыпались по залу, в ярости рассекая тела и кромсая так, что расчленяли на части.

— Потери? — потребовал я, задыхаясь.

Альбрехт сказал быстро:

— Полегла половина отряда!.. Раненых нет, Тамплиер и Сигизмунд помогли залечить там, где ваше величество не успело.

Я помрачнел, выговорил с трудом:

— Я нигде не успел, а дальше будет труднее. Мы только начали. Главные узлы корабля наверняка охраняются элитными частями филигонов.

— Ваше величество?

— Сердце Маркуса, — пояснил я, — а также мозг. Это нам мозг неважен, благородные люди живут сердцем и возвышенными чувствами, но неблагородным важнее мозг! Так что филигоны будут охранять именно мозг особенно как-то. Или просто хорошо.

Он сказал потерянно:

— Мы все поляжем еще на подходах?

— Да, — ответил я, — если не придумаем что-то круче.

Подошел Нортон, оглянулся на павших, лицо темнее тучи.

— Простите нас, — произнес он деревянным голосом. — Даже похоронить не можем. Простите.

Карл-Антон сказал быстро:

— Ваше величество, нужно спешить!

— Да, — ответил я. — Слышали все? Наука говорит, промедление смерти подобно. Нужно идти, не считаясь с потерями.

— Прожить дольше сейчас, — произнес Альбрехт, — не жить потом вообще.

— Ваше величество, — сказал Норберт. — Люди уже отдохнули. Почти.

Я поднялся и с обнаженным мечом двинулся в узкий проход. Впереди весело понесся шарик света, предельно яркая горошина, хотя я предпочел бы сделать его размером с тыкву.

Десяток козлоногих выметнулись навстречу, мой сопровождающий выставил перед собой факел и бессильно зажмурился, я торопливо рубил, судорожно двигаясь из стороны в стороны, но все же дважды за-

дели крепко, а когти у них как бритвы, я взвыл от боли, но напуганный организм моментально застыл раны, и я от злости и ярости ломился вперед, как лось через камыши, повергая противника и рассекая его на части.

Пробились, уничтожая все на пути, в небольшой зал, но дальше дыра в стене на высоте в два человеческих роста, даже не знаю, запрыгивают ли туда филигоны.

Тамплиер и Боудеррия прорубились ко мне, Боудеррия крикнула звонким голосом:

— Нужно наверх!.. Давай!

Я не понял, что такое «давай», но Тамплиер согнулся и сцепил ладони в замок. Боудеррия прыгнула, вытягивая ногу, Тамплиер с силой разогнулся и сильным рывком забросил ее наверх.

Боудеррия на миг исчезла в колеблющемся свете факелов. Я огляделся, все уже бегут к нам, Боудеррия появилась наверху в проеме, прокричала звонко:

— Здесь никого!.. Ход с наклоном наверх...

Тамплиер повернулся ко мне и снова сцепил ладони замок. Я бросил раздраженно:

— Даже если всех забросите, мудрый сэр, кто забросит вас?.. Нет, мы пойдем другим путем!

Он спросил озадаченно:

— Каким?

Я оглянулся, рыцари под командованием Альбрехта уже спешно сволакивают и бросают под стену трупы филигонов. Тамплиер сообразил, зачем и почему, когда Норберт разогнался, пробежал по трупам и вскочил в черный проход вслед за Боудеррией.

Рыцари один за другим поднимались наверх, Тамплиер пошел последним, ему подали руки и с трудом втащили к себе. Гора трупов под весом рыцарей начала расплзаться.

Боудеррия, возбужденная настолько, что задыхается и не может выговорить слово, прокричала:

— Там... там... такое!.. Я даже не... Но где еще?

— Успокойся, — сказал я, — ты изложила все предельно ясно, но при любой ясности кто-то все равно не поймет или неверно истолкует. Как вот я, к примеру.

Она зло свернула глазами, но отышалась, выпалила:

— Там пол металлический, но по нему ходят волны!!

— Ого, — сказал я. — Насколько это серьезно?

Впрочем, что я спрашиваю у красивой женщины?.. Сейчас сами все увидим. Как говорят в народе, своими глазами.

Она запнулась, против «красивой» возражать трудно, хотя в слове «женщина» чувствуется оскорбительный подтекст, но эпитет все-таки хорош...

Пока она думала, я кивнул Альбрехту и Норберту, мы быстро прошли мимо. Коридор постоянно повышается, иногда очень даже заметно, но, к счастью, пол весь в выступах, словно покрыт старой толстой чешуей дракона, уже застывшей и окаменевшей, подошвы не скользят.

Мы взбирались и взбирались, пока Боудеррия, снова обогнав, не крикнула впереди:

— А вот отсюда уже осторожнее!

Кенговейна занесло на повороте, больно саданулся плечом о стену и, зло пробуравив взглядом предполагаемую вмятину в стене, прорычал:

— Как же эта гора летает?

Альбрехт, его сюзерен, сказал строго:

— Оно вам надо? Пустоголовые птицы тоже, да еще как! А еще всякие там мухи, жуки, комары... Серьезные люди летать не станут. Например, медведи разве летают? Или львы?.. Кабана разве заставишь? Он с презрением отвергнет такое недостойное предложение!.. А птицы — дуры. Так что не о том думаете, доблестный сэр Кенговейн!

— Да я не от зависти, — сказал пристыженный Кенговейн. — Это просто умствование. Тут же все такие умные, слова не скажи. Вон даже вы про птиц и кабанов знаете. А я их только на вертеле...

Нортон сердито сопел, морщился, кряхтел, наконец пожаловался сердито:

— Вашему величеству нужно быть поосторожнее с определениями! Убеждать вы умеете, кто спорит, но это и не весьма...

— А что не так?

Он сказал сердито:

— Раньше я шел с вами по нормальному добротному туннелю, а теперь иду внутри какой-то... в общем, кишк! И ощущение такое, что скоро выпадем наружи... прямо в остальное, что выпадывает.

— У вас богатое воображение, — похвалил я. — На самом деле все хуже. Мы в Маркусе, а не в прямой кишке курдля. За каждым поворотом почему-то ждет смертельная опасность, делать ей больше нечего!.. Карл-Антон, что это вы все время забегаете вперед? Я король или не король? Это злостное нарушение этикета!

Алхимик оглянулся, ничуть не обескураженный, криво улыбнулся.

— После победы готов предстать перед королевским судом!

— До королевского еще дорasti надо, — напомнил я.

— Ваше величество, — сказал он, — сейчас могу сказать, что впереди одна большая не то пещера, не то зал, оттуда три хода, все вверх... Филигонов там нет, зато наверху много.

— Вы такое чуете? — спросил я с недоверием.

— Эх, — пояснил он. — Мы пользуемся магическим эхом.

— Тогда понятно, — сказал я. — Как летучие мыши. Эй там, позади! Факелы экономить, оружие наготове. Бдить и еще раз бдить!

Я часто останавливался и пропускал рыцарей вперед, и всякий раз в арьергарде натыкался то на Альбрехта, то на Норберта. Молодежь рвется первыми схлестнуться с противником, остальное не интересует, только старшее поколение бойцов понимает, что личная удаль в сражении значит мало, стадо баранов во главе со львом победит стадо львов во главе с бараном.

— Ваше величество, — сказал наконец Норберт в сердцах, — да перестаньте контролировать!.. Мы все делаем без вас!

— Да как-то удивительно, — пробормотал я в неловкости, — что кто-то еще на свете кроме меня есть умный. Никак не привыкну. Да и поверить трудно! Но я над этим работаю. Усиленно. Вот уже взопрел, будто за столом.

— Идите, — велел он, морщась. — Идите, идите!.. А то сейчас прибегут и Тамплиер с Сигизмундом.

— Господи, — воскликнул я, — они что, взялись меня охранять?

— А то вы не знали?

Я передернул плечами.

— Нет.

Он хлопнул себя по губам.

— И зачем я брякнул? Теперь начнется... Ваше величество, что с вами?

Мы торопливо пробирались через зал, где стены постоянно меняют цвет, форму, покрываются то чешуйками, то изморозью, иногда свод понижается, с него начинают падать массивные глыбы, с тяжелым грохотом ударяются о пол и беззвучно рассыпаются в мгновительно исчезающую пыль.

Я ощущил себя крохотным и ничтожным в этом страшном и пугающем мире могучих технологий. Спинным мозгом смутно ощущал, что здесь что-то не то, сам звездолет громадный и чудовищно могучий, но что-то в нем средневековое, сродни этому грубому и юному миру. Ну не могут сверсущества летать на таких, это же слишком примитивно, это все-таки на телегах из галактики в галактику!

Карл-Антон засмотрелся так, что едва не упал на ровном месте, а я сказал с тоской:

— Нет, это не высокая магия!

— А что же тогда, — спросил он жадно, — высокая?

— Высокая, — произнес я, — это высокая... А здесь только могучая. Даже очень могучая.

Он спросил непонимающе:

— А есть разница?

— Огромная, — ответил я. — Интеллектуальное развитие филигонов застопорилось... На каком-то этапе... если не поймешь, то... почувствуй, у тебя же это развито?.. И вот продолжили усиливать и даже развивать то, что уже умели, понимаешь?

Он качнул головой.

— Если честно, то нет.

— Они уже не придумывали нового, — сказал я. — Они только усиливали... то, что уже изобрели. Делать крупнее и мощнее... это не делать лучше! Нет, конечно, это лучше, но это линейно... я говорю путано, но это не открытия, даже не изобретения, а так... наращивание мощи.

Я видел, как он старается понять, морщит лоб, даже кровь прилила к глазам, спросил с усилием:

— А что... можно иначе?

— Надо, — ответил я. — Надо. Господь повелел идти... При случае даже цитату из Библии подыщу, там можно найти все. Это как если бы мы, придумав лук,

старателю пробовали и выбирали самые надежные тетивы, самую основу лука делали из дуба, потом из тиса... а наконец додумались делать составной, что еще лучше...

— Так это же хорошо?

Я проговорил медленно:

— Хорошо, но... понимаешь, можно лук совершенствовать до предела, но все-таки лук — оружие не просто сильных мужчин, а очень сильных... Понимаешь?..

— Нет.

— Но можно изобрести арбалет, — пояснил я, — из него стрелять может как слабая женщина, так и вовсе ребенок. Можно придумать что-то еще круче... Какнибудь расскажу о пищалях... нет, наверное, все же не расскажу. Так вот у филигонов открытия случаются, как мне кажется, через озарения...

— Ваше величество?

Я проговорил с трудом:

— Озарения — это... как тебе сказать, у язычников древней Эллады и других королевств старого мира были озарения, и тогда точно вычисляли расстояние до Луны и Солнца, узнавали их массу и... многое другое. Наш христианский мир развивается иначе, в монастырях открыли метод научного мышления, это когда кирпичик к кирпичику, со ступеньки на ступеньку, все новое опирается на открытия предыдущего... такой метод дает просто стремительный рост научной мысли и прогресса. Прости, что так путано, я же своими словами, мудрецы говорят лучше. Дай нам всего тысячу лет, и мы догоним филигонов, что шли к своим вершинам миллионы лет! И легко обгоним.

Он смотрел потрясенно.

— Ваше величество!

— И каждый станет магом, — добавил я. — Только гораздо более могущественным, чем все нынешние.

Я умолк, он подождал и спросил опасливым шепотом:

— Ваше величество... у вас было озарение?

Я тяжело вздохнул.

— Намекаешь, что я скрытый филигон? Переодетый?.. Нет, я без копыт, хотя, признаю, они гораздо удобнее.

— Нет, — заторопился он, — я как бы...

— Предпочел бы, — ответил я, — чтобы озарение сообщило, как победить Маркус.

Глава 15

Козлоногие появились неожиданно сзади, словно воспользовались незримностью. Пятеро наших рыцарей, двое магов и все простолюдины пали в первые секунды, только Карл-Антон успел торопливо швырнуть в их ряды склянку с греческим огнем.

Свет ослепил, я рубился яростно, сэр Тамплиер и Сигизмунд молча рубят, возвышаясь, как два слона в стаде овец, их длинные мечи оставляют кровавые прстоты как впереди, так и по бокам.

Но филигонов здесь масса, напирают, размахивают лапами уже вслепую, а мы хоть и рубим, но начали пятиться, отступать под напором.

Мы устлали их телами весь длинный коридор, но мы все отступали и отступали, поднимаясь по наклонному ходу. К счастью, здесь не знают ступеней, иначе не только я спотыкался бы и падал, а здесь достаточно споткнуться только один раз.

Упал лорд Робер, рядом страшно ударился о металлическую стену сэр Горналь и умер мгновенно, сплющенный так, словно попал под пресс.

Тамплиер достал мечом убийцу, развалив пополам, но на Горналя только бросил взгляд и покачал головой.

— Мертв.

— Мне тоже не под силу, — признался я. — Отступаем, нас все равно теснят наверх.

У сэра Кенговейна голова словно взорвалась изнутри, но мгновением спустя я заметил залитую по самое плечо красной кровью руку филигона.

— Огонь! — крикнул я.

Из-за моего плеча вылетала склянка и одновременно прозвучал отчаянный крик Карла-Антона:

— Последний!

Я метнул молот в то же мгновение, как вспыхнул слепящий даже для нас свет. Филигоны ухватились за глаза, а молот пронесся до противоположной стены, разбивая их тела, словно бурдюки с оранжевой кровью.

Последних козлоногих, что все еще слепо перли вперед, не догадываясь, что лучше удрать, срубили Тамплиер, Сигизмунд и Боудеррия.

Мой начальник внешней разведки сидит прямо на полу, молча зажимает рану на плече, Альбрехт на ногах, хотя и подошел, сильно хромая.

— Уже скоро, — сказал я измученным голосом, кладя им руки на плечи, — держитесь, вы же настоящие, Господь в вас верит...

Они перевели дух, чувствуя, как в их ослабленные тела вливается сила, я отнял ладони и оглянулся на Боудеррию. Тамплиер поддерживает ее под локоть, галантность не в его стиле, явно что-то залечивает неистовой воительнице, Сигизмунд тяжело опирается на меч, то ли устал до предела, то ли сам заращивает свои раны.

Я не успел сказать слово, из металлической стены вышли блестящие, как ртуть, крупные существа с нас ростом, но впятеро массивнее, прошли через зал, в противоположной стене узкая щель, кисть руки едва

ли пройдет, но там сузились и втянулись быстрее, чем капли дождя в рыхлую землю.

— Что это за существа? — прошептал за моей спиной Карл-Антон.

— Почему нас не тронули? — спросил Сигизмунд наивно.

Меня трясло сильнее, чем их, уж я-то понимаю, что это вообще нечто невообразимое, может быть, сгустки времени или довремени, а может быть, простые симбионты-паразиты, как в наших телах большинство бактерий, хотя вполне допустимо, что то и другое одновременно.

— А вам какие ответы? — поинтересовался я. — Может быть, они идут с обеда!..

Впереди из стены стреляют длинные синие молнии, но гаснут, не достигают противоположной стены.

Норберт проговорил напряженным, как тетива на готовом к бою луке, голосом:

— Колдовство...

— Да, — согласился я, — еще какое. Но это внутреннее колдовство. Что-то синхронизирует или вообще... Пойдемте! Обидно, но на нас внимания не обратит.

Он пробормотал:

— А вот мне как-то не обидно.

Сэр Альбрехт, уже полностью прия в себя, сказал наставительно:

— Гордости у вас маловато, дорогой барон. Для рыцаря минус, но для выживания зело, как непонятно, но ясно, хоть и туманно выражается наше его величество.

Он умолк, с каждым шагом воздух становится все горячее, я начал шуриться, с тревогой подумывал, как переносят другие, если даже я, такой орел, и то чувствую некоторые неудобства.

Альбрехт дрогнул, спросил негромко:

— Что-то легко идем. Слишком. Неужели их здесь так мало?

— Мало? — спросил я. — Да здесь могла бы поместиться целая армия! Но, скорее всего, филигоны сейчас в бою с бароном Келляве.

Он взглянул остро.

— Вы велели ему напасть на крепость?

— Да, — ответил я тяжело. — Он должен был взять всех, кто способен держать в руках оружие. Нужно было ударить в тот момент, когда Маркус откроет зев для новых пленных. Если факелов наделают много, то у них есть шанс.

Он подумал, буркнул:

— У них даже больше шансов, чем у нас, верно?

— Потому орлы здесь, — ответил я, — а там всего лишь соколы.

Жар стал невыносимым, впереди пещера, с потолка свисают ярко-красные, как гланзы, сталактиты, но все же это не сталактиты, а скорее полипы.

Альбрехт с недоумением смотрел, как все это на потолке шевелится, сокращается, подрагивает, как желе, появляются и пропадают вздутия, а Норберт, догнав нас, охнулся:

— Это что... на стенах?

Посреди пещеры медленно и неспешно кипит, почти не булькая, металл в жидком виде, а у стен поднимается тяжелым валом и трудно ползет вверх до самого потолка, где исчезает, то ли вливается там в стены, то ли в свод.

— Ну и что, — сказал я нервно, — предполагаю, это всего лишь машинный зал... как я считаю. Рабочее помещение. Для простых. Низших по рангу.

За нашими спинами сказал с отвращением тяжело дышащий сэр Тамплиер:

— Так чего мы здесь? Если здесь для простолюдинных филигонов? Я желаю драться только с их рыцарями!

— Я тоже, — поддержал Альбрехт заносчиво, — еще провоняемся простолюдинами!

Я зыркнул искоса, кого это из нас пародирует, надеюсь, не меня, а Боудеррия сказала звонким голосом:

— Наверх!

— Наверх, — согласился я, — так наверх. К вершинам власти. Пусть чужой, но вершины есть вершины! Даже такие, как эльбрусьи, которые никому не нужны...

Не договорив, я выхватил у нее факел и сунул в узкую щель справа. Там тонко запищало, я увидел лицо ослепленного филигона, тут же всадил в него меч и вытащил, как нанизанную на прут крысу.

Щель моментально склонилась, не оставив следа. Тамплиер одним взмахом отрубил филигону голову и пинком отшвырнул, а Норберт озадаченно щупал стену в поисках щели.

— Будьте внимательнее, — велел я. — Мы не филигоны, мы должны уметь моментально приспособливаться к изменениям!

Они умолкли, а я на бегу подумал, что филигоны в силу своей неразумности быстро меняться не могут, а только вместе с климатом, вообще ничего изобретать не могут, а создают только, как у нас создают свои цивилизации муравьи, термиты, пчелы, даже бобры.

Разница в том, что филигоны — следующая ступень после млекопитающих. Они так и не стали разумными, однако четыре нервных системы, предельно развитые инстинкты позволили им учитывать все наблюдаемое, понимать и умело использовать. Потому у них может быть развита разве что механика, для ее понимания нужна лишь наблюдательность, Архимед с ее помо-

щью мог творить чудеса, используя силу падающей воды, ветра, рычага и многое еще чего, подсмотренного у природы, так что Маркус либо не они создали, либо Маркус... создать предельно просто.

Ход вывел в пещеру, где красные сталактиты свисают со свода на десятки ярдов, а навстречу поднимаются такие же сталагмиты, тоже красные и багровые.

Норберт охнулся:

— Если это не зубы дракона...

— Это сталактиты, — сказал я, — что не совсем сталактиты.

Он поперхнулся и умолк, вконец озадаченный. Альбрехт сказал несколько саркастически:

— Ну вот, барон, все понятно. Сталактиты, что не совсем сталактиты. Все бы так объясняли! Правда, я не знаю, что такое сталактиты... но кому это важно? Наше его величество это знает.

Тамплиер буркнулся с подозрением:

— Иле делает вид, что знает. Такое оно, ваше его величество.

Норберт буркнулся:

— А что важно?

— Что его величество, — пояснил Альбрехт, — весьма бодры и зелы. Зелость — она весьма! Правда, я не знаю, что такое зелость, но его величество так часто это говорит, что да, значит, это весьма зело и правильно.

— Его величество зря не каркнет, — согласился сэр Сигизмунд.

Я покосился на Боудеррию, она время от времени исчезает, навещая постоянно отстающего Карла-Антона, теперь заботиться остается только о нем, но когда появляется, идет почти рядом, стараясь не упустить ни одного моего слова или жеста.

Альбрехт, доказывая, что он уже и забыл о тяжелых ранах, может еще воевать, вырвался вперед, отважный и пылающий жаром, а там вдруг замер как вкопанный.

— Ваше величество, — вскрикнул он горестно, — они все с ума посходили? Кто так строит, ну кто так строит?

За неровным полом распахнулась пропасть, дна в темноте не видно, а через нее на ту сторону перекинуты три толстые нити, красные и подрагивающие в напряжении, вот-вот перервутся.

— Надо успеть, — сказал Норберт быстро. — Если лопнут...

Он шагнул на ближайшую, ставя ступни вплотную одну за другой, раскинул руки в стороны.

Альбрехт вскрикнул:

— Я так не смогу!

— Я тем более, — громыхнул Тамплиер.

Они оглянулись на меня, я подумал, сказал без особой уверенности:

— Можно идти по средней, а на соседние опираться...

— Как? — спросил Альбрехт. — Не потянутся.

— Можно попробовать, — ответил я. — Дайте факел... Нет, лучше тот, что не горит.

Я ступил на нить, чувствуя, как все внутри замерло, под ногами бездна. Говорят, вниз не смотреть в таких случаях, но как, если нужно видеть, куда ставишь ноги?

Палкой в вытянутой руке я коснулся соседней нити, сразу ощущил опору, человеку нужно не так уж и много, чтобы сохранять равновесие, так перешел на ту сторону ужасающей пропасти, где уже ждет хладнокровный Норберт, там повернулся и швырнул факел обратно.

— Попробуйте!

К чести Альбрехта, он двинулся за мной первым, быстро поняв принцип, только когда оказался на этой

стороне, лицо было белее мела, глаза безумные, а дышал подобно загнанному коню.

— Поздравляю, герцог, — сказал я, — у вас что ни шаг, то подвиг. Сэр Тамплиер?

Тот отозвался стонущим голосом:

— Уже иду...

Боудеррия перешла легко, почти перебежала, древком факела так и не прикоснулась ни к одной из нитей, а вот Сигизмунд для страховки взял в обе руки по факелу и опирался в обе стороны так, что обе соседние нити дрожали и раскачивались больше, чем та, по которой шел.

Он перешел последним, и пока все приводили дыхание в норму, Альбрехт воскликнул изумленно:

— Алхимик! А он как тут очутился?

Карл-Антон поднялся с камня, если это камень, на лице сильнейшее смущение.

— Простите меня, но я стар, не для меня это... Хотя понимаю, страсть молодых и дерзких к опасности, острым ощущениям.

Я спросил с подозрением:

— Что «это»?.. Кстати, а как вы перебрались? Да еще раньше нас.

Он мотнул головой в сторону.

— Воц там широкая дорога вдоль стены. На коне можно бы... Ваше величество, вы тоже?

— С той стороны еще шире, — ответил я. — Жаль, не сразу заметил.

Тамплиер в бессилии опустился на камень, по лицу катятся крупные капли пота, а губы шевелятся, но по глазам не видно, что творит молитвы.

Альбрехт сказал трезво:

— Хорошо, филигонов почти не встречаем. А то сейчас нас бы как птенчиков...

— Это заслуга графа Волсингейна, — ответил я мрачно. — Он прикрыл нас... возможно, все еще сдерживает написк.

Норберт скруто перекрестился.

— С ним остались сто лучших бойцов. Он продержится.

— Да, — ответил я, — конечно.

Мы старались не смотреть друг на друга, у нас задача более важная, но у графа Волсингейна намного более трудная. Или, говоря прямо, он должен драться до конца, чтобы, когда они там все полягут, мы успели уйти как можно дальше.

На стене, мимо которой идем, замелькали зеленые искорки, тут же слились в мерцающий рой, медленно закружились. Цвет стал ярче, темные пятна вспыхнули изумрудным пламенем. Круговорот превратился в вихрь, заблистал оранжевые точки и гасли, а все это завертелось с бешеною скоростью.

Я ощущал с холодком во всем теле, что это не изображение, нечто в самом деле происходит в стене. Пахнуло холодом, а вихрь превратился в пугающий циклон, от которого зашевелились волосы, и я ощущал заметное отталкивающее давление, словно незримый барьер начинает теснить меня от стены.

— Ваше величество, — спросил Сигизмунд, — что это?

Я огрызнулся:

— А нам это надо?..

— Но вдруг...

— Никаких вдруг, — отрезал я. — Все для фронта, все для победы!.. Если прямо щас это не для победы над захватчиком нашей сравнительно мирной земли, то это как бы и не существует.

Карл-Антон крикнул из-за спины:

— В следующем зале филигоны! Около полусотни.

— Готовность, — велел я. — Паладины, вперед!.. Сэр Тамплиер, чего пихаетесь, куда прете? Я тоже паладин, или уже забыто?

Он буркнул сквозь зубы:

— Может быть, вы и дрянной человек, но беречь приходится. В интересах дела. Да и для Боудеррии...

Я запнулся с резким ответом, услышал злорадный смешок Альбрехта, шутят они, видите ли, самое время, что это с Тамплиером, у его коня больше чувства юмора, чем у всадника.

Альбрехт сказал серьезно:

— Если там столько филигонов, нам не следует туда соваться!

— Ага, — согласился я, — тоже так считаю. Даже уверен!.. Ни в коем случае. Так что понятно, попрем прямо туда без всяких раздумий и мерехлюндий. Не интеллигенты, чай.

Сэр Норберт сказал с одобрением, хотя мне послышалась ирония:

— Это по-мужски!

— Да, — подтвердил Тамплиер, — пусть трусы раздумывают. А мы вперед и не глядя.

Боудеррия горестно вздохнула.

— Да, это по-мужски. А вы еще не поняли, почему Господь решил уничтожить род людской?

— Почему? — спросил Сигизмунд.

— Потому что, — отрезала Боудеррия, — правят мужчины! Это ваше «все или ничего» явное богохульство, не заметили?

— Нет, — ответил сэр Тамплиер с достоинством. — Все или ничего — это прежде всего красиво и возвыщенно! Даже прекрасно, можно сказать. Ваше величество?

— Герцог Альбрехт прав, — заметил я со вздохом. — Лучше бы обойти, но другой дороги нет, а возвращать-

ся еще опаснее. Там что с Богом. Он с нами, честное слово! Несмотря на.

Я первым приблизился к краю стены, Карл-Антон подал мне склянку с горючей смесью, я стиснул челюсти и, не высовываясь, швырнул за угол светошумовую гранату.

Грохот раздался такой, что все мы качнулись, кто-то даже присел, а из-за угла коротко и страшно блеснул ослепительный свет, перед которым наши факелы показались бы жалкими светлячками.

— Вперед, — велел я и первым выскочил в эту пещеру.

Филигонов не меньше полусотни, Карл-Антон прав, но все они в беспамятстве лежат на полу, у всех изо рта, ушей и глаз течет оранжевая кровь.

— Быстрее, — прокричал Норберт.

Глава 16

Несколько минут слышалось только сопение и надсадное хэканье, головы отделяются настолько легко, словно рубишь капусту, и вскоре мы собрались на противоположной стороне зала, оставив позади полсотни трупов.

Альбрехт сказал с нервным смешком:

— Всегда бы так!

— У них не было шансов, — сказал серьезно Норберт. — А вот если бы напали первыми они...

Я оглянулся на трупы. И все-таки Маркус чересчур велик даже для филигонов. Не знаю, сколько натолкать собирать сюда людей. Если и дальше такие же залы, то в них можно запихнуть все население планеты, и еще останется место.

Близость филигонов почуял на этот раз я, опередив Карла-Антона. Мне показалось, что там всего один,

быстро шагнул в проход с факелом в одной руке и обнаженным мечом в другой.

Филигонов двое, отшатнулись, ослепленные, я ударили быстро и четко, рассек одного от плеча наискось, как же легко их рубить, когда не напрягают мускулатуру, и замахнулся на второго.

Ничего не видя, он инстинктивно уклонился, угадывая меня по сопению и запаху, стремительно выбросил вперед когтистую лапу, что с напряженными мышцами крепче стали, но уже уклонился я, хотя когти почти коснулись моей щеки.

— Наша Земля! — прорычал я злобно. — И наши правила!

Филигон скакнул на меня вслепую, я сдвинулся в сторону и ударили в то место, где он должен быть. Послышался отвратительный хруст, филигон по инерции сделал еще шаг и рухнул, а срубленная голова откатилась на пару шагов дальше.

Вбежавшие рыцари охнули, Альбрехт проговорил уважительно:

— И такой удалой боец всего лишь король? Может быть, уже в ярмарочные силачи? Сколько денег зарабатываем...

— Вперед, — сказал я.

Дальше просторный коридор с ровным полом, но когда я посмотрел на розовые стены и свод, показалось, что идем внутри исполинского дождевого червя.

Сэр Тамплиер брезгливо морщился, старался идти посредине коридора, чтобы даже случайно не прикоснуться к стенам. Те ощутили наше присутствие, началась неспешная пульсация, ровный розовый цвет то переходил в багровый, то возгонялся до ярко-оранжевого.

— Отвратительно, — изрек он. — В прошлом зале было лучше. А здесь как по скотобойне идем! Не дворянское это дело.

— Непривычно, — согласился я. — Но, думаю, стены везде одинаковы.

— В прошлом они были каменные! Или железные, уже не помню, я же рыцарь, а не.

— Филигоны тоже, — напомнил я, — бывают то железные, то как из репы. Так и стены...

Он спросил с недоверием:

— Стены что... живые?

— Живые, — ответил я, — или полуживые.

— Ваше величество?

— Маркус весь такой, — пояснил я. — Иногда неживое может быть более живым, чем самое что ни есть живое. А когда засыпает...

— Оно неживое, — закончил он озадаченно, — верно?.. Ничего себе... Ох, вон там что-то мелькнуло!

Альбрехт Норберт с Карлом-Антоном выдвинулись вперед, азартно всматриваются, затем Норберт с диким криком швырнул две хлопушки за угол, сам благородно не высовываясь.

Тамплиер и Сигизмунд ринулись первыми, ослепленные филигоны застыли, даже не пробуя метаться вслепую, и острые сталь со сладострастным хрустом погружалась в их тела, отсекала конечности и обязательно головы.

Боудеррия, что непостижимо быстро оказывалась впереди меня, крикнула с азартом:

— Всегда бы так!

Карл-Антон сказал с грустью:

— У нас мало греческого огня. А то бы да... сперва бросаем в комнату гранату, как это называет его величество, потом врываемся сами...

Сэр Тамплиер сказал с сомнением:

— А так честно? Что-то в этом нехорошее... Ваше величество?

— Опять за рыбу гроши, — ответил я. — Да, рыцари — люди чести, но мир вообще-то нечестен. Потому с рыцарями по-рыцарски, с остальными... как того заслуживают.

Он замолчал, но я видел, что не убедил, ну да ладно, сейчас не до философии, вон впереди прямо из центра зала лестницы, похожие на пожарные, ведут прямо к своду, но выглядят слишком тонкими и хрупкими, чтобы выдержать наш вес, хотя это, конечно, вовсе не лестницы, но Господь создал нас практическими и все приспособливающими под себя, потому будем считать это вот лестницами и воспользуемся ими, как лестницами...

Я еще колебался, Альбрехт перехватил мой взгляд и сказал с сомнением:

— Рискованно, ваше величество. Вон там дальше в стене норы, видите? Судя уже по входам, все ведут вверх.

Норберт пробормотал:

— И под таким углом...

— Вы правы, — сказал я, — пойдем по норам. И так уже сняться, а что дальше будет?

Боудеррия вбежала в щель с факелом в одной и мечом в другой, еще один меч остался в ножнах за спиной.

— Пусто, — донесся ее крик, — здесь просторно!.. И вроде бы вверх...

— Не беги, — предостерег я, — уже идем. Эх, понять бы их структуру...

Альбрехт насторожился:

— И что это даст?

— У многих цивилизованных народов, — объяснил я, — цивилизация дошла до такого высочайшего уровня, что самые примитивные функции типа размножения оставили низшим существам своего рода, а сами предпочли жизнь рыцарей, воинов попроще, разведчи-

ков, исследователей мира... Я говорю, как вы уже поняли, о муравьях. Еще можно причислить к ним пчел, те хоть и дуры, но у них тоже одна матка... Если ее убить, погибнет весь рой.

Альбрехт посмотрел на Норберта, словно за поддержкой, затем в изумлении на меня.

— Такое может быть и у людей?

— Эти твари не люди, — напомнил я. — А у людей вообще-то бывают вещи и похлеще, не при сэре Сигизмунде будь сказано.

Альбрехт оглянулся на юного рыцаря.

— Да уж, — произнес он с непонятной интонацией, — сэра Сигизмунда от вас оберегать надо... Сейчас, простите за нескромный вопрос, мы идем куда? Нет-нет, сам лучше догадаюсь, а то вы такое ответите в своем монаршем величии...

— Все выше и выше, — ответил я. — Полагаю, их генералиссимус или матка должны размещаться в таком месте, чтоб сверху видно все.

Сигизмунд сказал с чувством:

— Там стражи, думаю, отборная! И там мы себя покажем! Барды будут петь...

— Вряд ли, — заметил я. — Мне кажется, у них подлинная демократия.

— Ваше величество?

— Все равны, — пояснил я, — и одинаковы, как бобы в одном стручке.

Альбрехт сказал с невыразимым презрением:

— Одно слово — филигоны!

Филигоны, подумал, высшая... нет, просто высокая ступень развития, даже более высокая, чем человек, показывают, что разум вообще-то не является непременным венцом высшего развития. По ним видно, что продолжать развиваться можно, вовсе не обретая разум. Несколько миллионов лет тому они еще были

млекопитающими, чем-то похожими на высших обезьян, питекантропов или даже на кроманьонцев, но как-то не сработала мутация, остались нормальными и здоровыми животными, а потом эволюция вывела их на более высокую ступень, чем просто млекопитающие.

И вот, будучи неразумными, полностью превосходят нас, людей, по физическим и психическим данным, а их инстинкт не уступает нашему изощренному разуму. Страшно подумать, что вот они обретут разум...

Хотя, впрочем, можно предположить, что, не обретая разум, через сто миллионов лет эволюционируют в совершенно новый класс, возвышающийся над филигонами, как млекопитающие стоят выше земноводных.

Норберт остановился впереди, прикрыл глаза ладонью. Я заспешил к начальнику внешней разведки, уже ощущая жар пересушенного воздуха.

За поворотом распахнулось пространство кипящего расплавленного металла. Медленно и бесшумно приподнимаются некие оранжевые глыбы, без плеска уходят вниз, оставляя неторопливые багровые волны, что почти не двигаются, неспешно опускаясь и сливаясь с поверхностью.

Норберт смотрел исподлобья, Альбрехт догнал нас, громко охнул:

— Снова колдовство?

— Магия, — возразил я авторитетно. — Высокая! Вон Карл-Антон подтвердит.

Альбрехт даже не стал оглядываться на человека презренного рода занятия, только перекрестился и пропомотал «Аве Мария», традиционную рыцарскую молитву. Ни один мужчина не станет просить помощи у Господа или архангелов, это унизительно, а вот обратиться с молитвой к всегда молодой, красивой и все еще дразняще девственной женщине — другое дело, все

равно помочь ничем не сможет, зато тем самым признаешься в отсутствии гордыни.

— Это самопроизвольно, — сказал я, тут же уточнил: — Сам Маркус химичит. В смысле, ремонтирует себя, лечит, проверяет, диагностирует, развлекает, смешит...

Он промолчал с самым озадаченным видом, а Норберт деловито уточнил:

— А филигоны?

— А они только пассажиры, — объяснил я. — Может быть, Маркус сюда сам по себе прилетает?.. А они только пользуются случаем прилететь и нахватать перед уничтожением?.. Темна вода во облацах, сэр Норберт!

— Ох как темна, — ответил он со вздохом. — Вернемся или обойдем?

— Не вижу путей обхода, — сказал я, — придется вернуться на один-два зала назад, я там видел и другие коридоры.

— Туннели? — уточнил он.

Я отмахнулся.

— Да хоть норы. Это я из политкорректности, на той случай, если Маркус слушает.

Он улыбнулся шутке, но я и сам не знал, шутка ли.

Я торопился, но, видимо, недостаточно осторожно, все обгоняют меня, но помалкивают, лишь Норберт спросил шепотом:

— Ваше величество, зачем так осторожничаете?.. Видно же, что впереди никого!

Я отрыгнулся:

— Полагаете, видим все?

Он всмотрелся вперед и по сторонам, все просматривается на сотню шагов, куда ни взгляни.

— Ну да...

— А вы видите, — спросил я тихо, — где у меня чешется?.. То-то. Здесь могут быть ловушки, сигнальные датчики, камеры слежения...

Он переспросил:

— Имеете в виду невидимых... собак?

— Примерно, — ответил я.

— А-а-а, — сказал он, просияв, — слышал, в замках ставят самострелы, что бьют по чужакам. А еще плиты проваливаются и падаешь в подземелья на колья...

— Да, — сказал я, — да. Только здесь не совсем самострелы и не совсем колья. Но вы правы, гадости еще впереди. Другого уровня.

Он насторожился и замедлил шаг, а я продолжал склоняться к варианту, что Маркус все-таки живой. Кто знает, какая жизнь возможна в просторах и за просторами, а то и в другой Вселенной?

Похоже, он просто не понимает, что происходит, иначе бы мигом уничтожил нас, вторгшихся за его то ли петами, то ли симбионтами. Или бактериями.

— Наша задача, — сказал я вслух. — Нужно не просто уничтожить филигонов, а уничтожить быстро.

Тамплиер проворчал:

— В любом случае нужно уничтожить быстро. Я не хочу пропустить мессу.

— Значит, переводим дух, — сказал я и через мгновение спросил: — Уже перевели?.. У кого остался греческий огонь?

— У меня, — ответил Сигизмунд.

— Запасливый, — произнес Тамплиер то ли с одобрением, то ли с осуждением. — Женить пора.

Сигизмунд посмотрел на него с обидой. Норберт сказал Тамплиеру с укором:

— За что вы его так, доблестный сэр Тамплиер?

— А что, — проворчал Тамплиер, — пусть и он по-мучается. А то думает, что самое трудное — это война с филионами!

Боудеррия сказала впереди:

— Дверь!

Я насторожился: это первая дверь за все время, не считая внешних, да еще тех странных, что сходятся диафрагмами.

— Стоять, — сказал я. — Не приближаться, а то вдруг распахнется... Да-да, может сама распахнуться!

— Маркус распахнет? — спросил Кенговейн.

— Да, — ответил я, — Маркус. Или филионы, вам-то какая разница, мыслители?.. Главное, успеть швырнуть в щель пару бутылей с греческим огнем.

Карл-Антон сказал быстро:

— Запас на исходе. Может быть, хватит одной?

— Ладно, — согласился я, — хотя зал там, судя по всему, огромный. Как там эхо, не подсказывает, много ли там филионьего народа?

— Много, — ответил он невесело.

— Всем приготовиться, — сказал я резко. — Настраивайтесь на короткий бой. Даже если там всего лишь армия.

Они на цыпочках приблизились за мной к двери, я знаками показал, что переведем дух, здесь все помещения, к счастью для нас, звукоизолированные, а двери тоже непростые, то исчезают, то втягиваются в стены.

— Готовы?

— Да, — ответил сэр Норберт шепотом.

Я коснулся двери и сделал движение толкнуть ее в стену, она тут же ушла в ту сторону, куда я ее как бы послал. Рыцари задержали дыхание и плотно зажмурились, а я широко размахнулся и швырнул светошумовую гранату в зал подальше.

Грохот ударили по ушам, волна сжатого воздуха толкнула меня в грудь. Я торопливо открыл глаза, сквозь плавающие в глазах круги увидел уже не зал с филигонами, а поле битвы, где все лежат на полу, некоторые тела еще дергаются, другие застыли, как мертвые.

— Быстро! — заорал я. — Всем глотки!..

— И головы прочь, — напомнил Альбрехт, — так надежнее.

Я проскочил на ту сторону, пощупал стену, оглянулся, чувствуя злость и разочарование.

Альбрехт догнал, в руке меч, лезвие в оранжевой крови, на лице тревога.

— Ваше величество?

— Похоже, — сказал я, — снова тупик.

Он ответил быстро:

— Убито не меньше сотни филигонов!

Я отмахнулся.

— К победам привыкаем тоже быстро. Сейчас цель не столько перебить их всех, это сделаем, а не дать поднять Маркус. Где-то есть центр, откуда им руководят. И вообще...

Он смотрел через мое плечо, глаза расширились, словно он старается подняться в эволюции до филигона.

— Ваше величество!

Я стремительно обернулся, выставляя меч острием вперед. В стене то ли появилась щель, то ли была, но не заметил в пылу, а сейчас от толчков или чего-то еще расширилась как-то слишком уж заметно.

Альберт бросил острый взгляд на мое лицо.

— Даже и не думайте!

— Не думаю, — ответил я напряженным голосом, — но если другого нет у нас пути, в руках у нас...

— Стены шевелятся, — сказал он резко, — раздавят!

— А вдруг нет?

Я шагнул в щель боком, попытался развернуться и ощутил, что стало чуть-чуть просторнее.

— За мной, — велел я. — Найдем и убьем гадину!

Альбрехт выхватил факел у подбежавшего воина, я не успел слова сказать, как влез в щель и, грубо прижав своего сюзерена к стене, протиснулся мимо и непротокольно двинулся впереди, проклиная все на свете, особенно дурных королей, возомнивших, возжелавших, вознесшихся...

За мной, наступая на пятки, заспешили Норберт и Боудеррия, за ними остальные. Я на ходу с силой упирался то в одну, то в другую стену, вроде бы в самом деле отодвигается, словно старается захватить побольше жертв в ловушку.

— Не знаю, — сказал я в спину Альбрехту, — насколько этот корабль совершенен... но он явно живой.

Он прохрипел, не оборачиваясь:

— Ваше величество?

— Мы идем внутри живого, — сказал я, — даже если весь Маркус — это одна гигантская амеба, но она ремонтирует себя, добывает энергию... еду, в смысле...

За моей спиной раздался надсадный голос Норберта:

— Что-то вроде выночного осла? Что перевозит грузы?

— Да, — согласился я. — Может быть, что-то еще.

— Как боевой конь?

— Может быть, — предположил я, — он вообще сам по себе.

Щель постепенно расширялась и расширялась, уже коридор, наконец настоящий зал, что уходит в темноту, постепенно поднимаясь все выше.

Глава 17

Что-то знакомое даже в конструкции этого корабля, словно у всей Вселенной один чертеж для всего на свете и этот чертеж используется с небольшими вариациями как для построения галактик, так и для конструкции эритроцитов или фагоцитов, хотя и не знаю, что это, но чую, что и корабль тоже из этого мира.

— Только мир велик, — прошептал я благоговейно, — бесконечно велик... как раз для человека.

Карл-Антон дрожал, тяжело дыша, ухватил за рукав.

— Ваше величество!.. Впереди их очень много. Очень!

— Сколько? — спросил я.

Он помотал головой.

— Даже не скажу, не определяется. Но больше, чем встречали раньше. Может, как-то обойти?

— Я бы с удовольствием, — ответил я. — Вообще люблю обходить препятствия, как истинный гуманист и сатрап, но, боюсь, здесь куда ни сунься... Потому сделяем вид, что так и хотели! Вперед, гранаты наготове?

Он сказал с вымученной улыбкой:

— Это всегда наготове. Страшно же...

— Тогда приготовьтесь, — велел я. — Как только открою, бросайте!..

Он кивнул, не в силах ответить из-за трясущейся челюсти, кое-как вытащил из-за пазухи склянку и поднял над головой.

Я оглянулся.

— Все готовы? Начали!

Дверь исчезла под моей ладонью, сердце остановилось: огромный зал уходит в темноту, и все место заполнено филионами.

Сразу две склянки полетели через дверной проем. Я на миг прикрыл глаза, тут же влетел в зал, уже взвин-

ченный и раскаленный, как Батарадз во время затяжного боя с небожителями. Всего трясет, по скорости почти сравнялся с филионами, но те сейчас в шоке, почти все упали в беспамятство, а те, что на ногах, ухватились за лица, между растопыренными перепончатыми пальцами простила оранжевая кровь.

Я взвинтился до предела, чувствуя, как сердце уже не бьется, а мелко-мелко тряется, как заячий хвост, страшный жар залил череп.

— Быстрее! — заорал я. — Еще быстрее!..

За спиной раздался такой силы яростный рев, что и шумовые гранаты не понадобились бы. В зал ворвалась вся команда разом, даже Карл-Антон торопливо тычет факелом в мучнисто-белые морды, а остальные рубят с такой скоростью, словно у них вот-вот отнимут это счастливое и радостное детство.

Не переступая, а перепрыгивая тела, я прорывался дальше, скачущий свет факелов то и дело выхватывает из тьмы оскаленные морды с бессмысленно вытаращенными глазами.

Я торопливо рубил, филионы начали отмахиваться вслепую, но то и дело слышал вскрики, ругань, стоны, все-таки не совсем вслепую, иные цели легко определять на запаху, звукам...

Карл-Антон, размахивая факелом, пробился ближе, лицо восторженно-испуганное.

— Там еще много! Можно туда греческий огонь?

— Бросай, — ответил я, — иначе всех нас положат.

Филион прыгнул на него сбоку, глаза невидящие, однако лапами точно ударил по голове алхимика. Челюсть с треском раскололся, как дынька, кровь плеснула волнами.

Мой меч вошел филиону в живот, я поспешно повернул лезвие, расширяя рану. Другая рука подхватила

выпадающую склянку, и одним движением я швырнул ее вперед в темноту.

Огонь не просто вспыхнул, там с грохотом взорвалась бомба, озарив зал до потолка и высветив все уголки. Я застыл на миг, увидел сотни обращенных в мою сторону голов.

Рядом оказалась блистающая мечами Боудеррия, злая и раскрасневшаяся.

— Вовремя, — крикнула она. — Еще миг, нас бы...

Не дожидаясь ответа, прыгнула вперед, мечи в ее руках заблиствали еще ярче и быстрее, а за нею ринулись рыцари и простые воины.

Греческий огонь, с силой разбрызгиваясь во все стороны, падал каплями на тела. Филионы ни о чем другом не думали, кроме как избавиться от этой дикой режущей боли.

Я чувствовал свирепое наслаждение, это даже не битва, а почти жатва, когда бьем только мы, а враги падают безропотно, как спелые колосья, даже не успевая понять, что их сразило.

Сзади крики, вой, прогремел свирепый рев Тамплиера. Я не оглядывался, прорубаясь через огромный зал, почему же их тут так много, ритуал какой-то.

В какой-то миг рядом появилась Боудеррия, запыхавшаяся и с залитыми оранжевой кровью мечами по самые рукояти.

— Коридоры ведут в сторону центра Маркуса! — крикнул я. — Скорее всего, там и есть командный пункт!..

— Не спешите, — донесся голос Альбрехта, — нужно сперва...

— Потом, — крикнул я.

— Нет, — долетел его злой вскрик.

Я уже прорубился на ту сторону, оглянулся, сердце сжалось. В зале все еще идет рубка, однако от моего

отряда осталась горстка. Филигоны даже вслепую ухитрялись наносить страшные раны, а то и убивать наповал. Мы уничтожили несколько сотен, а сколько их еще в Маркусе, для них это даже не потери...

Тамплиер и Сигизмунд с Боудеррией вынесли Альбрехта и Норберта, я быстро помог им восстановиться, некоторое время переводили дыхание.

— Меняем тактику, — велел я. — Драться только в коридорах. Там филигонам не развернуться, не распрыгаться, а мы можем всей массой...

— Но если набрасываются в этих... залах, — сказал Альбрехт, я видел, как ему трудно назвать эти пещеры залами, что и не пещеры, а больше похожи на исполинские цеха с работающими механизмами, но такого слова здесь пока не существует, — тогда мы как?

— Отступим, — отрезал я. — Куда угодно!.. Мы должны уцелеть не из трусости, как тут кто-то из оппозиции скажет сразу, а для разгрома и полного изничтожения противника, а также врага!

Норберт сказал быстро:

— Ваше величество, не думайте пока о репрессиях. Какой коридор из этих двух? Оба одинаковые...

— Однаковых людей нет, — отрезал я, — а значит, и коридоров. Все за мной! А кто не за мной, тот за Тамплиером. Он хоть и оппозиция, но системная. Все, не спать, не спать!

Тут же развернулся и побежал, за спиной слышу тяжелое дыхание, что и понятно, сам уже устал, все тело болит, но это больше от нервного перенапряжения, а им приходится еще тяжелее.

Нортон крикнул встревоженно:

— Мой факел догорает!

Я оглянулся на Альбрехта.

— А как у вас?

— Тоже, — ответил он напряженным голосом. — Без магов мы скоро окажемся в темноте...

— Еще чуть-чуть, — крикнул я, — еще малость!..

В зале, куда мы вбежали, оставив среди убитых филяголов и в море пролитой крови своих павших товарищей, странный багровый свет из стен, достаточно яркий, чтобы, как мне сразу показалось, сюда не заглядывали филягоны.

На потолке образовалась глыба блестящего как ртуть металла, растеклась в стороны и быстро начала опускаться, на ходу превращаясь в ровную и массивную стену.

За считанные секунды коснулась пола, а там, наверху, оторвалась от потолка и начала растекаться внизу толстым слоем, приподнимая пол на два десятка дюймов и заполняя неровности.

Я оглянулся: не убежать, выход далеко, отрезаны.

Сэр Альбрехт с воплем отпрыгнул, волна упрямо шла к нему. Он попятился и уперся спиной в стену. Я торопливо шагнул вперед, под ногой чуть прогнулось, словно наступил на матрас, наполненный водой, но тут же выровнялось.

— Наверх! — крикнул я. — Прыгайте наверх!

Он крикнул в отчаянии:

— Да что за...

И, задержав дыхание, почти с закрытыми глазами вытянул вперед ногу и с усилием поднялся на волну. На лице потрясенное выражение и дикое облегчение, не утонул в металле, не исчез, не сгорел.

За нашими спинами Норберт и Тамплиер шагнули первыми, подавая пример остальным, Боудеррия из осторожности пошла в арьергарде.

— Не обращайте внимания, — велел я. — Обычное дело, Маркус перестраивается.

— Что?.. — спросил Норберт. — Как это?

— В линию, — ответил я отстраненно, — или в шахматном порядке. Какое нам дело до чужой жизни? Нетолерантно. Нам нужно чужую демократично убить, не вмешиваясь в ее обычай, а свою возвысить, дабы...

— Дабы?

Я сказал сварливо:

— Вы все поняли, дорогой барон Дарабос. Не прикидывайтесь! Не заставляйте говорить вслух то, что приличные люди придерживают при себе, а вслух выдают только то, что нужно и правильно.

— Это как? — переспросил он в подчеркнутом непонимании. — Лгут?

— Барон, — сказал я строго, — где тут ложь? Если ложь на благое дело, то это вовсе не ложь!.. Все общество построено на лжи и держится на ней. Без этого разве кайниты смогли бы общаться? Да они бы поубивали друг друга!.. Но чтобы жить в обществе, нужно улыбаться соседу, хотя хочется дубиной по его тупой голове или сапогом в морду, но говорим: «Прекрасная погода, сэр?», а женщинам: «Прекрасно выглядите, леди!»

Он недовольно хрюкнул, словно вступил во что-то непотребное, а на меня взглянул с укором. Дескать, разве можно такое вслух, это же как бы молчаливый уговор приличных людей не говорить о неприличном, хотя даже самые одухотворенные и утонченные леди ходят в туалет, а там, выпучивая глаза... в общем, не все позволено даже королям.

— Винюсь, — сказал я, — вот граф, то есть герцог, Губбельсберг понимает, судя по его лицу, что это я вас готовлю в политики. Знаете ли, кадровый голод.

— Я лучше тут сдохну, — ответил он шепотом.

— А обязанности? — напомнил я.

— Вы свои на кого только не перекладываете... Думаете, я так просто убежал от вас во внешнюю развед-

ку? А мог бы остаться во внутренней, к дворцу и красивым женщинам поближе...

— Так я же политик, — напомнил я, — а вы политиком никак становиться не желаете.

Наконец подошла и Бодеррия, быстро перевела дыхание, а я кивнул на дальний то ли ход, то ли трещину.

— Пойдем туда. Там должен быть ход наверх. Не могу же все время ошибаться?

— Можете, — успокоил Альбрехт. — Не волнуйтесь, ваше величество! Еще как можете.

Норберт проговорил сдержанным голосом:

— А вы заметили, что пол за нами стал идеально ровным?

Я оглянулся — вся поверхность пола по всему залу блестит как зеркало, ни пылинки.

— И что удивительного? — сказал я будничным голосом. — Это сделано для нас.

— Приглашение отступить? — спросил Норберт.

Альбрехт повернулся ко мне.

— Ваше величество?

— Мы не вернемся, — ответил я.

Они дружно заревели, что да, только вперед, разгромим врага в его проклятом смердячем логове, я пошел впереди с гордо поднятой головой, но в черепе засела и не желает уходить брошенная для эффекта фраза, в которой вдруг самому же и почудился глубокий смысл.

А что, если Маркус в самом деле сделал этот пол для нас, ощущив, что нам, в отличие от скачущих филигонов, карабкаться с глыбы на глыбу не так уж и удобно? Хотя, конечно, с чего бы стал стараться, но, с другой стороны, а вдруг не различает нас и филигонов?.. Это как для меня черные и красные муравьи, те и другие такие миленькие, и чего, спрашивается, дерутся на-

смерть? Более того, черные с черными дерутся так же яростно и непримиримо!

Меня дрогнула Боудеррия, спросила непривычно мягким и почти вздрогивающим голосом:

— Ваше величество, как они... создали такое?

— Не знаю, — ответил я честно. — Может быть, само выросло..

Она вытаращила глаза.

— Это что за земли, где такое растет?

— Далекие, — ответил я. — Весьма далекие. А так что удивительного? Деревья же растут?

— То деревья...

— Я слышал, — сказал я, — растут и горы. Там, где были моря, теперь горы... или что-то еще малопотребное, как женские серьги.

Мы все время поднимаемся, по моим прикидкам, сейчас уже на полмили над поверхностью земли, а конца дороги не видно. Еще одна странность: не чувствуется, что идем по винтовой дороге, а все время вроде бы прем в одну сторону.

Проходы между залами, которые я не решаюсь назвать залами, но называю, словно прорыты гигантскими чёрвями. Впечатление такое, что мы в недрах горы, испещренной пещерами. И странная мысль, что это в самом деле гора, что встала на путь самосовершенствования, обрела некое примитивное сознание, перестраивает структуру камня на атомарном уровне, но пока не понимает, что можно еще, и охотно стала служить не филигонам, намного более продвинутым существам, как вон Бобик радостно служит мне...

Альбрехт уже перевел дыхание, по крайней мере не слышу надсадных хрипов в легких, повернулся в мою сторону. Лицо измученное, похудевшее от потери воды, но глаза блестят восторгом.

— Мы им задали жару, ваше величество?

— И еще зададим, — пообещал я.

— Дай-то Бог!

— Бог за нас, — напомнил я, — так не все ли равно, кто против?

Впереди посреди пещеры нечто вроде тыквы размером с двухэтажный дом, но с узкими прорезями. Я всмотрелся в одну, сердце затрепетало: звездное небо, однако не то, что видишь с земли, когда свет звезд, преломляясь в атмосфере, выглядит лучистым и почти ласковым, а холодное мертвое и бесконечное пространство с едва заметной россыпью звезд незнакомой части космоса.

— Ваше величество! — воскликнула рядом Бoudеррия.

Я вздрогнул.

— Что?

— Нет-нет, — заверил она, — просто вы так резко побледнели... Нас ждет что-то ужасное?

Я собрался с силами, отрезал надменно:

— Мало ли что нас ждет!.. Оно не знает, чего его ждет от нас!

Она вздохнула с облегчением.

— Слава богу, вы пришли в себя. Снова такой же наглый и уверенный.

— Я король, — напомнил я, — у королей это уже величие, а не эта ваша наглость. Не отставайте, дама!

— Я не дама, — отрезала она, — а леди!

— Видал я таких лядей, — пробормотал я. — Давай свернем к той щели... Там оторвемся от погони, она наверняка будет, переведем дух.

Она прислушалась, с той стороны доносится сухой грохот, больше никаких отличий от этого зала

Она спросила саркастически:

— Вы знаете, что там?

— Нет, — ответил я честно. — Но там сильный шум, а филигоны шума не переносят.

Она сказала с сомнением:

— А вы в самом деле умное ваше величество.

— Знаю, — ответил я скромно.

— А почему, — спросила она, — филигоны не прекратят шум в своем корабле?

— Не знаю, — ответил я. — Возможно, это не их корабль.

— Ваше величество?

— А вдруг Маркус летает сам по себе? — предположил я. — А филигонам подчиняется в каких-то... рамках? Или этот шум от работы его, скажем, желудка.

Норберт произнес с уважением:

— Или это бьется его сердце.

— Скорее, — сказал Альбрехт авторитетно, — похоже на грохот крови в висках.

Я поднялся, взял меч.

— Сейчас все узнаем. Не рассыпаться, держаться компактно.

Альбрехт сказал тихонько:

— Это мне чудится или слышу дьявольский хохот?

— Чудится, — заверил я, хотя звуки, похожие на хохот, услышал еще раньше. — Хохот присущ только человеку. Особенно злобный.

— Злобный, — согласился он, — да. Звери не хохочут. Хотя улыбаются. Насмешливо так. Как мой конь — всегда надувает пузо, когда затягиваю подпругу...

— А вы его кулаком в пузо, — посоветовал Норберт.

— Обижается, — ответил Альбрехт со вздохом. — Хотя да, приходится напоминать, кто из нас человек, а кто лошадь.

В какой-то момент Сигизмунд догнал, сказал почтительно:

— Ваше величество... позвольте?

— Смотря что, — ответил я, — хотя ты и вроде бы и не слишком наглый, но моя должность предрасполагает к недоверчивости. Доверчивый король — уже не король.

Он застенчиво улыбнулся.

— Позвольте сейчас пойти впереди. Я чую некую недобрую эманацию. Вы ничего не ощущаете?

Я прислушался, сказал в недоумении:

— Нет. А что, запах или флюиды...

— Скорее, — сказал он, — флюиды, хотя и не флюиды, я же не знаю, что это. А может, и флюиды, вам виднее, вы же король, ваше величество! Вам сверху виднее. Но вряд ли флюиды, слишком уж необычное...

— Необычность, — пророкотал Тамплиер, — означает прежде всего опасность.

— Сэр Тамплиер, — сказал я, — идите направо, а вы, сэр Альбрехт, налево, у вас такая репутация. Если что, кричите громче.

Альбрехт кивнул, ничуть не обидевшись за репутацию, для мужчины это даже предмет гордости.

— Да, конечно. Если успею.

Он ушел вперед в сторону тьмы и растворился в ней почти без звука.

Глава 18

Зов пришел от Альбрехта, а когда мы прибежали, обнаружили его стоящим на краю пещеры, где с самым обалделым видом то поднимает голову к темному своду, то опускает к полу. Тот, уже привычно бугристый и неровный, шевелится, негромко потрескивает.

Массивные глыбы камня отламываются, поднимаются и, оторвавшись от пола, стремительно уносятся вверх во тьму, оттуда доносятся глухие удары.

Оглянувшись на звук наших шагов, отыскал взгядом мое лицо, бледный и дрожащий.

— Ваше величество!

— Что не так? — спросил я сварливо. — Надо идти, а не...

Он пролепетал:

— Но... камни! Камни рушатся вверх!

— Только и всего? — спросил я. — Можно подумать, антигравитацию не видели!.. Что, в самом деле не видели? Дикари-с. Там справа или слева проход есть?

Двое ринулись с факелами в стороны, через некоторое время первый прокричал:

— Нет!.. Здесь прямо от стен...

Второй крикнул на пару секунд позже:

— И здесь, ваше величество!

— Ну и ладно, — сказал я бодро, хотя сердце колотится, как у зайца. — Мужчины не выбирают окольные дороги! Камни же не сверху падают, чего вам снова не так? Какие вы все капризные, с кем я взялся строить светлое будущее с человеческим как бы лицом? В церковном хоре никто не поет?.. Сэр Норберт, не смотрите на лорда-канцлера, у него был дурной сон с кошмарами насчет кражи коней...

И, не дожидаясь реакции от вконец обалдевших, быстро побежал прямо, перешагивая с камня на камень, выбирая с виду те, что не шевелятся, перепрыгивая трещины и уклоняясь от глыб, что с треском выламываются и уносятся вверх.

Уже почти на той стороне догнал Норберт, лицо бледное, глаза безумные, с разбега налетел на стену и, распластавшись на ней, едва не расцеловал в благодарность, что твердая и несдвигаемая.

— Вот сюда, — велел я. — Герцог, вы там в хвосте не потеряйтесь!..

Альбрехт наконец-то нагнал, уже за Тамплиером и Сигизмундом, Боудеррия страховала еще всю дорогу через зал, а он вскрикнул с непониманием:

— Но... как? Как уносятся вверх?

— Не уносятся, — уточнил я, — а падают. Просто здесь верх и низ поменялись местами, разве не видно? Это же так просто!.. Но филигонов здесь точно нет.

За спиной раздался сухой треск такой силы, что я едва не присел, а脊на покрылась мурашками.

Тамплиер, надменно повернув башню головы в сторону треска, подтвердил величаво:

— Да, сюда не сунутся. Но что это у них за летающая крепость?

— Это не совсем их, — сказал я.

— Ваше величество?

— Блохи на собаке, — пояснил я, — тоже могут считать собаку своим большим конем. А те, что на птицах, даже летают с ними.

— Ваше величество, но тогда это...

— Оно, — подтвердил я и тут же уточнил: — Как самая реальная гипотеза, хотя я гипотез не измышляю, как уже говорил. Или тогда не я говорил?.. Осталось только понять, сам по себе Маркус прилетает сюда регулярно или же это филигоны направляют его сюда...

Норберт посопел, сказал угрюмо:

— Ваше величество, это важно? Нам бы филигонов...

— Знания не бывают лишними, — сказал я высокомерно. — Знание — сила! Красиво сказано?.. Ладно, все-таки признаюсь по своей воле, это не я изрек, хотя мог бы приписать себе. Вот такой скромный и честный, запомните!.. И всем рассказывайте. Если прилетает сам Маркус, то это он точно разрушает верхний слой земли, а если филигоны... то, может быть, они...

— А может быть, Маркус, — закончил Альбрехт.

— И тогда, — спросил Норберт в напряженной тишине, — получается, филионы людей спасают?

Боудеррия, Тамплиер и Сигизмунд смотрели на меня в ожидании ясного и четкого ответа, еще чего восхотели во время превращения меня в политика, что избегает ясных и однозначных ответов.

— Вот перебьем всех, — ответил я, — тогда у последнего спросим, спасали они или так, охотились просто?.. Останавливаться не будем! Филионы убивали наших женщин и детей!.. Это почти то же самое, что насиловали!.. А за насилие они должны ответить своей кровью... до последней капли. Отдохнули?.. Кто не отдохнул, оставайтесь. Остальные — за мной.

Почти сразу пришлось пригибаться, чтобы не касаться головами свисающих из темноты седых косм, похожих на клочья грязного тумана в полутьме.

Норберт, сунувшись первым, начал отчаянно ругаться. Боудеррия, бросившись на помощь, заворчала, как рассерженная пантера.

Я крикнул:

— Что там, крапива?

— Это какое-то болото, — крикнул Норберт. — Только сверху!.. Все скользкое, как жабы. И холодное даже не знаю как. Лед и то теплее.

— Осторожнее, — велел я, — а то все чесаться начнете. Мне нужны воины, а не стая бабуинов. Альбрехт, вы что делаете?

Лорд-канцлер оторвался виновато:

— Хочу отщипнуть кусочек... Говорят, в таких пещерах растет мох, что удесятеряет мужскую силу.

Боудеррия брезгливо отстранилась, я возвел глаза к темному своду.

— Как можно не победить с такими людьми? Они и здесь о чем думают?.. Нет, о чем они думают?

Боудеррия поморщилась и отодвинулась еще дальше.

— Пора запрещать бактериологическое оружие, — сказал я решительно. — Сэр Нортон, осторожнее, вы идете прямо на пауков!

Нортон вытянул вперед руку с факелом, всматриваясь в то, что за освещенным кругом.

— Что, — спросил он, — много?

— Нет, — успокоил я, — не больше дюжины. Но крупноваты...

— Насколько? — спросил он деловито.

— С баранов, — сообщил я. — Но есть и с коров... Наверное, самки.

Он отпрыгнул, подумал, сделал осторожнейший шагок и, вытянув факел как можно дальше, рассмотрел первого, что хоть и паук, но вроде раскормленного богомола. А дальше еще такие же: толстые, зеленые, передвигаются медленно, как медузы в плотной воде.

В дальнем от нас углу белеют кости. Крупные и мелкие, один... нет, два черепа, второй с длинной трещиной от виска и до темени.

— Филигоны? — пробормотал я. — Ничего не понимаю... Хотя как это не понимаю, когда понимаю все, даже когда не понимаю?.. Филигоны сюда не заходят, опасно. А те, кто забежал сдуру, поплатились... Сэр Альбрехт, вы не филигон?

Сэр Альбрехт быстро оглядел себя.

— Пока еще нет... вроде бы, хотя с вами кем только не станешь. А что?

— Не заходите, — предупредил я. — Пройдем вдоль стенки. Филигоны быстрее нас двигаются, но попались...

— Они быстрее, — сказал он и добавил льстиво: — Но ваше величество умнее! А мы под вашим великодушным руководством. И которое стреляет почище любого эльфа...

— Намек понял, — ответил я. — Попробуем...

Стрелы ушли одна за другой, за моей спиной с напряжением смотрели, как пауки вздрагивают под их уколами, поспешно убегают, а из пробитых насекомых животов сочится зеленоватая жидкость.

— Путь свободен, — сказал Альбрехт с облегчением, — спасибо, ваше величество! Хотя не понимаю, почему не стреляли в головы.

— А если бы попал в глаз? — спросил я сварливо. — Пойдемте, герцог. Не умеете вы ценить природу, а до санитаров леса вообще не дожили.

Потом с четверть часа поднимались в пещеры, настолько холодные, что стены покрыты мохнатым инеем длиной в стрелу, в последней увидели огромную стаю летучих мышей, но что за мыши на таком холоде... С другой стороны, мыши — теплокровные, у них температура тела даже выше, чем у людей. Похоже, сбившись вот так в тесный ком высоко под сводами, сохраняют тепло.

Тамплиер смотрел с разочарованием.

— Это же наши мыши!

— Забирайте, — разрешил я, — теперь можно.

— Нет, — проговорил он замедленно, — но точно такие в пещерах возле замка, который его величество, что в те времена было еще не его величеством, а его светлостью, а то и просто его милостью, коварной хитростью всучили мне и обязали бдить и защищать...

— Значит, — сказал я, — когда-то проникли на Маркус и теперь живут здесь тысячи лет. А это значит находят, что пожрать... Есть жратвенная цепочка, как говорят алхимики.

Альбрехт пролязгал зубами:

— Так забирает сэр Тамплиер своих животных или нет?.. У меня уже кровь превращается в льдинки.

— Пойдемте отсюда, — сказал Тамплиер величественно на правах хозяина пещеры с его мышами и поспешил к выходу из зала-пещеры.

Альбрехт крикнул вдогонку:

— А мыши?

— Дарю, — отозвался Тамплиер. — Жене принесете...

Сигизмунд догнал Норберта, осторожно потрогал начальника разведки за плечо.

— Что с ногой, доблестный сэр Норберт?

Норберт ответил нехотя.

— Две схватки тому кто-то сапог прорезал... Ногу вы мне залечили, но что-то колет.

Тамплиер услышал, сказал строго:

— Снимите сапог.

— Да зачем, — ответил Норберт. — Его теперь и не снять...

— Если распухло, — ответил Тамплиер, — то когти этих тварей ядовитые. Заживлять после них раны труднее, чем после мечей или топоров, вот и Сигизмунд заметил. Молодец, все схватывает, я и не заметил, что у вас не все в порядке...

Норберт, морщась и кряхтя, сел на выступ у стены. Тамплиер деловито стащил с его ноги сапог. От лодыжки стопа распухла и покраснела, Тамплиер присвистнул, выдернув острый коготь филигона.

— И вы с этим ходили?

Норберт сказал с неловкостью:

— Не до того было, доблестный сэр Тамплиер. Он вцепился в сапог, а я успел срубить голову, а тут его величество требует, чтобы бежали со всех ног и как можно шибче... Ну, я и побежал.

Тамплиер бросил через плечо коготь, Альбрехт моментально поймал и, быстро оглядев на предмет вос-

становления мужской силы, бережно сунул в один из карманов.

— Так бы все у нас решалось, — сказал я, когда Тамплиер подлечил залитую кровью подошву начальника разведки, — но кто знает...

Альбрехт со вздохом пошел вперед.

— Да поняли мы, ваше величество, поняли. Надо идти. Этот припев я уже запомнил. Если выживем, велю положить на музыку.

Норберт шел впереди, остановился там и раскинул руки с обнаженным мечом и пылающим факелом.

Пещера впереди вся в гигантской паутине, пауки то показываются в прорехи, то исчезают.

— Повтор? — пробормотал я. — По-моему, это уже было... Вообще-то повторы не приветствуются.

— Это другие пауки, — сказал Норберт. — Те были зеленые, а эти почти желтые.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — ну тогда можно, этого достаточно, чтобы избежать... Вообще-то думаю, филигоны ни при чем...

— Ваше величество?

— Пауки, — сказал я, — это такие же... блохи на собаке. Как-то забрались сюда...

Подошел сэр Альбрехт, покачал головой.

— Пауки, — сказал он, — как варгенцы, всюду пролезут. Только мух тут что-то не вижу.

Боудеррия сказала за его спиной язвительно:

— А мы? Вы муха хоть и не жирная, но ничего так... Ваше величество, как будем драться?

— Мы мирные люди, — сказал я, — и драться не будем до тех пор, пока нам не бросят наглый вызов. Пауки, как думаю, охотиться на людей не привыкли и на нас внимания просто не обратят.

Норберт невежливо ухватил за рукав и указал на белеющие далеко впереди кости.

— Ваше величество?

Альбрехт тоже всмотрелся, покачал головой.

— Может быть, их поселили отлавливать беглецов, что ухитряются выскользнуть из трюма?..

— С задачей справляются, — призналась Боудеррия. — Ваше величество?

— Обойдем, — сказал я нехотя. — По левому краю, который вы так обожаете, и вообще левыми путями. Вот только эта паутина там впереди...

Они замерли, глядя, как я накладываю стрелу на тетиву, а дальше я постарался показать класс, мужчины не могут не похвастать в воинском деле, и семь стрел сорвались одна за другой.

Три паука, пораженные в головы и животы, скрючились на нитях, судорожно сучили лапами.

Я кивнул Боудеррии. Она быстро вышла вперед и умело метнула в ближайший моток спутанной и явно старой паутины небольшой флакончик.

Греческий огонь мгновенно воспламенил ту часть, дальше побежал по нитям, потрескивая и роняя вниз горящие капли.

Я полагал, огонь погаснет, когда высохшая паутина закончится, однако он лишь разгорелся с новой силой, явно клей оказался весьма горючим.

Паутина пылала красиво и жарко, огонь распространялся по нитям быстро, весело, празднично. Пауки забеспокоились и начали убегать к противоположной стене.

Глава 19

Можно бы уже проскользнуть под стеной, но мы смотрели, как прекрасно и страшно горят толстые нити, подбираются к паукам, те корчатся, пытаются спастись, нити под ними рвутся, пауки падают...

Первый, ударившись оземь, взорвался праздничным фейерверком, горящие брызги плеснули на стену, по ней поползли на пол огненные струи. Еще два паука упали и взорвались, но уже не так эффектно, мало клея в пузе, остальные падали один за другим и горели с легким потрескиванием.

— Теперь я понял, — пробормотал Альбрехт, — зачем поджигаем вражеские города. Так хорошо мирно смотреть в огонь...

С сожалением отрываясь от прекрасного зрелища, я крикнул жестко:

— Жечь все, что может гореть! Пусть даже мы сгорим, но чтоб и этот Маркус сгорел!..

Норберт вздохнул.

— Было бы чему гореть. Шкура из металла толщиной даже не знаю, непонятный камень внутрях, если это камень...

Альбрехт сказал уверенно:

— Все, что не дерево, — камень. И ничего нет! Все просто, как его величество король Ричард. Прост и понятен, когда прост и понятен. Он велел поджигать все непонятное на тот случай, вдруг да горит.

— Тогда и мы сгорим в жарком огне, — сказал Сигизмунд мечтательно, — но и врага утащим с собой.

— А если сгорим только мы? — спросила Боудеррия. — Засчитается как подвиг?

Сигизмунд посмотрел на меня с вопросом в чистых ясных глазах. Я ответил сварливо:

— С этим к отцу Дитриху. Кто-нить запомнил, на сколько мы поднялись?

Сигизмунд уточнил:

— В духовном смысле?

На него не цыкнули, но так посмотрели, а Тамплиер проговорил в серьезном раздумье:

— Я могу только по времени... Могу сказать абсолютно точно, шли мы долго.

Сигизмунд сказал задумчиво:

— Поднимались выше, чем опускались, но, боюсь, еще идти, как вы говорите, весьма зело, а то и обло. Зато сколько славных подвигов совершим! Сколько чудовищ встретим!

Остальные промолчали, Альбрехт вообще посмотрел на юного паладина с подозрением, но Сигизмунд чист и настолько светел, что Альбрехту, судя по его виду, стало стыдно и явно захотелось обратно в болото.

— Да, — согласился Норберт, — чудовищ мы встретили мало. Хотя мне на три жизни хватит.

Сигизмунд заверил чистым ясным голосом:

— Будут еще, доблестный сэр Норберт! Мы красиво и доблестно падем и алой кровью своею, как говорит его величество, упоим сталь...

Альбрехт быстро зыркнул в мою сторону.

— Его величество много чего говорит, — буркнул он тихонько. — Оно у нас грамотное и много чего ненужного знающее, как и положено культурному человеку. Вот только какой из культурного человека король?

Норберт, к которому он обратился как к соседу, помотал головой.

— Не представляю. А кто у нас культурный?

Альбрехт кивнул в мою сторону.

— Вот оно.

Норберт ахнул.

— Что? Король Ричард?.. С чего ему быть культурным? Королям культура противопоказана.

Ярыкнул:

— Что за цирк устроили?.. Вперед и без оглядки!.. За мной! Кто отстанет, тот куплен филигонами.

Не успел сделать пару шагов, догнал Альбрехт, на плече моток толстых веревок, как я решил сперва, но

он, жадно хватая широко раскрытым ртом воздух, прокричал:

— Ваше величество!.. Погодите, ваше величество!

Я смерил его злым взглядом с головы до ног.

— Ну?

— Это, — прохрипел он, задыхаясь от усталости, — паутина... я успел спасти от огня несколько нитей... смотрите, какие толстые...

Я спросил, начиная догадываться:

— На факелы?.. Это средство от мужской силы?

— Не от, а для, — поправил он с возмущением, — кому-то может понадобиться от?.. Но вообще-то можно и на факелы, если совсем уж прижмет...

Я быстро повернулся к сэру Норберту.

— Организуйте. И снабдите. Это весьма!.. Видите, что значит народная инициатива лорд-канцлера и поддержка легитимной власти?.. Это несбыточная мечта любого тирана и угнетателя.

— Вот так пробираться, — уточнил Норберт, — по странным ходам, прячась от пауков? Это ваша мечта?

— Сэр Норберт, — сказал я с укором, — а разве это не идеальная жизнь для мужчины? Вот смотрите на герцога. Да не туда смотрите, теперь у нас сэр Альбрехт не сэр Альбрехт, а герцог Гуммельсберг! Вот он хоть и сворачивает всегда налево, но готов всю жизнь здесь пробираться на четвереньках... Ведь правда, ваша светлость?

Альбрехт проговорил с неохотой:

— Да, конечно, ваше величество... Всю жизнь мечтал вот так как бы вот. Там по болоту среди лягушек, уже весь в бородавках, здесь пауки размером с баранов, одними бородавками не отделаюсь... Разве не счастье?

— Вот видите, — сказал я Норберту наставительно, — настоящие мужчины правильно понимают истинное счастье, а не то, что считают счастьем простые

и ни разу не грамотные... А теперь двигаемся-двигаемся, не спим! Сколько можно? Ну одну минуту, ну две, но три — это уже свинство!

Альбрехт напомнил:

— Да никто и не спит, ваше величество!

— Это иносказательно, — сказал я, — быстрее, орлы. Чувствую, сэр Волсингейн еще дерется. Боудеррия сумела вырастить героев.

Боудеррия ничего не ответила, только отпихнула и прошла вперед.

Впереди совершенно бесшумно левая и правая стена медленно сдвигаются, коридор, и без того узкий, становится совсем уж, все заговорили в беспокойстве.

— Можем проскочить, — сказал я, — все готовы?

Сэр Норберт проговорил угрюмо:

— Еле ноги волочу, но если надо, то хоть зайчиками...

— Мышками, — заверила Боудеррия.

Я вскинул руку.

— Тихо!.. Ждем.

Они остановились за моей спиной, хриплое дыхание жжет мне спину, Боудеррия вздохнула и вернула мечи в ножны.

— Что-то не так?

— Возможно, — сказал я, — это просто цикличное...

— Что-что?

— Вроде дыхания, — объяснил я. — Или сердцесту-
чания... Хотя для легких всего Маркуса это мелковато, но подождем чуть...

Стены сдвинулись уже настолько, что если бы мы и успели проскочить половину, то ярдов через двадцать впереди нас бы зажало. Думаю, от всего отряда остались бы сухие шкурки толщиной в кленовый лист, стены выглядят живыми, но все-таки из металла...

Они подошли одна к другой настолько близко, что даже всегда спокойные Тамплиер и бесконечно верящий в меня Сигизмунд задержали дыхание.

У меня мелькнула безумная мысль, а вдруг стены того, щас ка-а-ак аннигилируют!.. Маркусу же нужна энергия?..

— Будут бодаться, — предположил Норберт.

— Я ставлю на левую, — ответил Альбрехт.

Я тоже невольно задержал дыхание и по тому, как стало тихо за спиной, понял, весь отряд застыл в страшном ожидании.

Стены соприкоснулись, я все еще не дышал, ожидая чего-то страшного, однако ни взрыва, ни лязга, ни скрежета, стены вошли одна в другую.

Вошли и продолжали вдвигаться, как гигантские вакуоли, а может, и не вакуоли, совершенно бесшумно, словно не из плотного металла, а из разреженного газа.

Боудеррия сказала мрачно:

— Мне кажется, идти в самом деле не стоило.

— Кто знает, — ответил я. — Но подождем чуть, все равно перевести дух нужно, а потом либо вернемся...

Стены входили одна в другую еще несколько минут, затем одна стала короче, как затихающая волна. Остатки ее вошли в пол, Норберт вытянул шею, всматриваясь настороженно, но тот оставался таким же с виду нерушимо твердым, неровно блестящим, будто покрытым слизью.

Я кивнул на открывшийся проход.

— Видите, просто нужно переждать. Маркус все-таки хозяин, уважение выказывать надо. А сейчас можно идти.

— Хуже того, — сказал Альбрехт со стоном, — нужно.

Он поднялся, подержал меч в руке, но, судя по его лицу, понял, что еще не отдохнул, и со стуком вбро-

сил в ножны, но даже это у него получилось привычно изящно и даже франтовато.

Нортон пошел впереди, держа факел над головой, но вскоре замер у некой черты.

Мы заторопились к нему, сердце у меня оборвалось. Норберт стоит на краю бездны, пропасть выглядит бездонной, справа и слева отвесные блестящие стены, не обойти, и только я вижу, что там, куда не достигает свет факелов, небольшая вытянутая по краю пропасти площадка, а в стене два идеально ровно вырезанных туннеля. Но пропасть ярдов в двадцать, такую не перепрыгнешь, разве что в два-три приема.

Альбрехт пробормотал:

— Долго ли граф Волсингейн сможет выдерживать напор филигонов?

— Теперь это уже неважно, — ответил Норберт мрачно.

Я сказал бодро:

— Ах, какая прекрасная пропасть!

Альбрехт поинтересовался сдержанно:

— Чем же, ваше величество?..

— Широко, — сказал я, — никакой филигон не перепрыгнет.

Он пробормотал:

— А мы?

— Мы перепрыгнем, — сообщил я. — Где пройдет олень, там пройдет и сэр Тамплиер, а где он не пройдет, там пройдет герцог Альбрехт. Как?.. Сейчас попробуем один из тысячи способов.

Я присмотрелся к камням на той стороне, с той стороны край пропасти на целый ярд ниже, что весьма, взял стрелу, но не стал накладывать на тетиву, как все ожидают, а быстро привязал на середину конец Глейпнира. Веревка тонкая, не веревка, а шнур, почти нить,

и когда наложил на тетиву и прицелился в противоположную от нас сторону, Альбрехт простонал:

— Только не это...

— Догадались, герцог, — сказал я с одобрением. — Молодец я, красавец и умница, такие кадры у меня быстро схватывающие.

Стрела сорвалась с тетивы и пропала в темноте. Только я видел, что на той стороне ударились о стену и благополучно упала за валунами. Я потянул за веревку, стрела уперлась, зацепившись обоими концами.

Я вручил другой конец Альбрехту.

— Его светлость, — сказал я, — жизнерадостным всплесм, полным ликования, выразил жажду первым перебраться в темноту и неизвестное. Берите пример! Сейчас он его закрепит здесь и... ринется!

Сигизмунд сказал жадно:

— Можно вторым я?.. Все равно честь быть первым принадлежит герцогу Гуммельсбергу!..

— Можно, — милостиво сказал я.

Альбрехт метнул на меня взгляд, способный убить на месте интеллигента, но я, как и Чехов, мне стыдно только перед собаками, а так все божья роса, сказал жизнерадостно:

— Кто следующий?

Норберт произнес мрачно:

— Я. Могу и вместо герцога.

— Да, — сказал Альбрехт живо, — сэр Норберт ведь разведчик!

— Он глава, — напомнил я, — должен других послать. Далеко посыпать, все-таки разведка внешняя.

Норберт взял из руки Альбрехта конец веревки, сделал петлю и набросил на камень, тут же быстро обмотал ладони тряпками толстым слоем и с разбега прыгнул в пропасть.

У меня сердце замерло, слишком тонкая веревка, мало ли что понимаю умом, а чувства твердят — сейчас оборвется.

Все задержали дыхание, следя за тем, как скользит по веревке все ближе и ближе к темноте, наконец входит, как в черную стену, исчезает...

Очень долго ничего не происходило, затем на той стороне вспыхнул огонь, и Норберт, подняв горящий факел над головой, помахал из стороны в сторону.

— Здесь никого! — крикнул он.

— Пока что, — пробормотал Альбрехт.

Тамплиер взял в руки тряпки, но Альбрехт решительно шагнул к веревке.

— Доблестный сэр, позвольте мне реабилитироваться.

— Да, — сказал я, — барон по статусу должен идти за герцогом. Даже за графом!..

Альбрехт ожег меня злым взглядом, больно грубо я поддерживала падающий дух бойцов, зажал веревку в оба замотанных тряпками кулака и решительно шагнул с обрыва.

Исчез из вида на пару секунд только над серединой бездны, потом появился у края, где услужливо подсвечивает ему факелом сэр Норберт.

Тамплиер, за которого я чуточку опасался, перебрался едва ли не быстрее всех. Боудеррия отстранила Сигизмунда, что не решился перечить даме, за ней я наблюдал краем глаза, опасаясь повышенным вниманием вызвать понимающие усмешки, остальные перебрались с некоторыми трудностями, но перебрались.

Норберт сам умело подергал веревку, и хитро завязанный узел на той стороне развязался, а лорд-канцлер заботливо смотал в узел и спрятал под одежду.

Боудеррия первой пробежала по краю и заглянула в первый же туннель.

— Тут проход, — крикнула она. — Совсем короткий!

Я поспешил следом, навстречу пахнуло влажным и почти болотным воздухом. Через десяток шагов в свете факелов открылся странный лес с множеством толстых стволов, соединенных голыми ветвями так, что растут из одного дерева и входят в соседнее, а еще по этим ветвям проходят довольно заметные вздутия, будто гигантские удавы глотают кроликов, а то и овец.

Она прошептала устрашенно:

— Сэр Ричард... что это за лес?

Я пробормотал:

— Вряд ли это он самый, хотя кто знает, вдруг и в самом деле это такие деревья?..

— А зачем филигоны в таком месте...

— Вряд ли филигоны, — сказал я. — Скорее всего, ветром занесло семена. Сперва, конечно, наперло пыли и земли. За миллионы лет тут вообще все могло понавивать даже в самую крохотную щелку!.. Так что лес совсем не филигоний...

— А звери тут есть? В лесу?

— Не до охоты, леди, — сказал я строго. — Да и не ледьское это дело!

Она сказала с нервной усмешкой:

— Да я не для себя, ваше величество. Но какой король без королевской охоты?

— Да, — сказал яsarкастически, — вот щас остановимся и будем охотиться!

Альбрехт подошел, запыхавшись, услышал, сказал примирительно:

— Леди Боудеррия говорит дело. Вдруг возжелаете! Тут такие трофеи могут быть, другие короли помрут от зависти. Жаль, женщины дуры и ничего в благородных охотничьих трофеях не понимают... А то бы да, тоже можно попользоваться. Я имею в виду вниманием. Женским. Тут мне и вашего внимания хва-

тает, ваше величество! Не знаю даже, куда от него прятаться...

Он умолк, из темноты выбежали филигоны, остановились, ослепленные, а мы молча, на боевые крики уже нет сил, ринулись в бой.

Факел остался только в руке Альбрехта, козлоногие ослеплены наполовину, ориентируются больше по запахам, но оно дает слишком смазанную картину, потому нередко наносили страшные удары в пустоту, а в ответ стальные мечи рубили головы, рассекали плечи, с треском вскрывали грудные клетки.

Тамплиер грозно ревел и крушил со страшной силой, я втайне ликовал от его неутомимости, филигоны отлетают от него без рук и голов, а то и рассеченные пополам, а сам он, залитый своей и чужой кровью, продолжает рубить без остановки и отдыха.

Сигизмунд двигается рядом, его движения показались мне намного более быстрыми, чем у громоздкого Тамплиера, но тоже забрызган кровью, пару раз вообще останавливался, опустив меч, Тамплиер его моментально прикрывал, и Сигизмунд снова бросался в бой.

Один раз я даже видел, как филигон нанес юному паладину смертельную рану. Кровь ударила из разорванной артерии на шее тугой струей, Сигизмунд выронил щит и зажал рану ладонью. Тамплиер прикрыл своим огромным, как ворота сарая, щитом, а Сигизмунд, залечив рану, снова бросился в бой и одним ударом снес голову обидевшему его филигону.

Потом, среди трупов, торопливо переводили дух, мне показалось, что пол слегка вздрагивает.

— Только бы не взлетели...

Норберт сразу спросил:

— Если они улетят, то и мы?

Я запнулся, выбирая осторожный ответ, а Сигизмунд воскликнул восторженно:

— Так это же здорово! Увидим новые и необычные королевства!

А Тамплиер сказал гулким голосом:

— Но сперва захватим этот Маркус прямо в полете!.. И вернемся с победой и богатой добычей. Вот удивится леди Акватисса!.. Ее отец перестанет бараниться и отдаст ее руку сэру Сигизмунду...

— Пусть берет ногу, — посоветовал Альбрехт. — На ногах мяса больше.

Я сказал измученно:

— Десять минут, чтобы перевести дух. А потом начинаем наш последний и решительный.

Глава 20

Норберт взял из руки герцога факел и всматривался в стену, наконец проговорил сдавленным голосом:

— Ваше величество... можно вас на минутку?

— Конечно, — ответил я, — как будто я не король!

Не реагируя на шуточку, он молча указал на стену и поднял факел выше. Я шагнул ближе и оторопел, чувствуя, как все мои предыдущие построения рассыпаются в прах.

На стене четко и уверенно начертаны некие знаки, нечто такое, как если бы на букву накладывали по цифре, а потом и заштриховывали. Что-то вроде иероглифов или пиктограмм... скорее все-таки пиктограммы.

— Ваше величество?

— Погодите, граф, — попросил я, — ваш король изволит думать, пусть вас это не удивляет... Что, граф? Да за открытие письменности вас можно сразу в принцы!..

Он поклонился с самым невозмутимым видом.

— Ваше величество, я всегда думал, что открывают письменность как-то по-другому.. Вы что, в самом деле видите в этом смысл?

— Вижу, — ответил я сдавленным голосом, — хотя и не понимаю. Все в мире имеет смысл, дорогой граф! Даже филигонов Господь зачем-то сделал для нас.

— Для нас?

Я скромно перекрестился.

— Все сделано для нас, даже Вселенная.

— Ох...

— Только мы, — сказал я благочестиво, — и Господь!.. Все остальное... не в счет. А эти письмена... письмена... дайте сосредоточиться...

Голова трещит, письмена уже разбираю и понимаю их смысл, мозги идут штопором от того, что не понимаю: если филигоны животные, то как у них может быть развитая письменность?.. С другой стороны, если посмотреть ширше, то даже у муравьев уже развита в достаточной степени: любые виды умеют оставлять на земле метки, сообщающие, в какой стороне добыча и на каком расстоянии, собаки оставляют метки, вкратце рассказывая о себе самые важные данные, а медведь дерет когтями деревья по периметру своего участка, вставая на дыбы и поднимаясь на цыпочки, чтобы по содранной коре видели, какой он огромный и страшный.

У филигонов те же самые метки, ведь первые пиктограммы тоже всего лишь метки, как и усложненные до создания иероглифов, я вот читаю уже достаточно свободно, спасибо великим предкам герцога Готфрида, они же теперь и мои, все понимаю, но вот просматриваю и уже понимаю, абстрактных записей здесь и вообще быть не может. Не найду и рассуждений о природе Вселенной, как и критики чистого разума Гегеля...

— Все в порядке, — сказал я авторитетно, — нам попали в руки секретные и полусекретные записи врача. Мы, конечно, воспользуемся, а как же иначе? Как только придумаем, как.

Норберт старательно светил мне, я двигался вдоль стены, читая и перечитывая, а за спиной Альбрехт сказал с тревожным вздохом:

— Не прислали бы они еще такие же. Эти... Маркусы!

Я буркнул:

— Не пришлют.

— Ваше величество?

— Уже прислали бы, — ответил я. — Еще давно. Но что-то не дает им чаще, чем раз в пять тысяч лет. Либо дело в пространстве, либо этот Маркус по возвращении... гм... должен отдыхать и восстанавливать силы в течение пяти тысяч лет.

Он посмотрел на меня в изумлении, но подумал, посерезнел, ответил с уважением:

— Вот что значит государь! Вы прям как в колодец плюете. В смысле, смотрите..

— Навредить бы в этом, — сказал я. — Может быть, другого Маркуса построить и не сумеют. Кто знает, что это за штука такая.

Он спросил быстро:

— Принадлежало древним?

— Кто знает, — ответил я. — Наша задача — суметь выжить сейчас. И победить, конечно. На остальные вопросы ответим потом.

— Без побед нет жизни, — согласился он. — Господь велел плодиться и размножаться, а как это без побед?

— Никак, — подтвердил я. — Так что, если встретите еще кого, бейте первыми и убивайте сразу. Это повышает самооценку и служит высокому делу размножения.

Еще раз пересмотрел значки — письменность филигоны так и не создали, — все просто и дико примитивно, хотя восхитительно понятно и легко. Вот значок,

изображающий ужас, смерть, погоня, желание есть, охота на дичь, снова погоня, убийство, пир...

В стене углубление, где поместился бы кролик, но закрыто прозрачным стеклом, если это стекло, а сверху еще и металлической решеткой. В нише нечто выступает из стены, похожее на гриб, у меня в черепе сразу зашевелились некие смутные ассоциации.

Справа донесся стремительно приближающийся стук копыт, выметнулись козлоногие. Боудеррия с криком прыгнула навстречу, опережая всегда готового к драке Тамплиера и послушного Сигизмунда, а я закричал:

— Сэр Тамплиер, — крикнул я, — сбейте эту решетку!

Он зло оглянулся.

— Всего лишь?

— Это же филигоны, — рявкнул я, — не меряйте по своей конюшне!

Он метнул ненавидящий взгляд, но Сигизмунд встал рядом с Боудеррией, им подсвечивает факелом измученный Норберт, Альберт ударил на филигонов сбоку, и он сопел, стонал, матерился, я слышал за спиной сдавленные хрипы, но оглянуться не могу, прикрываю его от ударов.

Наконец, улучив момент, я крикнул:

— Быстро в сторону!

Он едва успел отпрыгнуть, молот с лязгом ударил в едва заметный краешек, решетка согнулась, со второго удара слетела.

Догадавшись, что надо делать, он ударил кулаком в булатной перчатке, но стекло выдержало.

— В сторону, — повторил я.

Не выпуская молот, ударил, стекло рассыпалось. Альбрехт оглянулся.

— Вы хоть знаете, что делаете?

— Нет, — заорал я, — но что это меняет?

И ударил кулаком по широкой головке гриба, успев за секунду до того, как нас сомнет лавина филигонов, а их все больше и больше.

Ужасающий грохот, рев, треск, а затем жуткий вой такой моши, что я зажмурился и прижал ладони к ушам. Филигоны сбили нас обоих с ног, однако мы вскочили, а филигоны корчились на полу, дергались, их подбрасывало, они дико кричали, а потом из их распахнутых пасти брызнула оранжевая кровь. Глаза с отвратительным звуком лопались, пальцы еще скребли когтями пол, но все слабее и слабее.

Я поднялся, шатаясь, вой становится слабее, Тамплиер торопливо принял рубить филигонам головы, Сигизмунд с Боддеррией тоже быстро и зло орудовали мечами, Альбрехт оглянулся на меня.

Я сказал сипло:

— Угадали, герцог. Это их убило надежнее, чем наши мечи.

Вой стал тише, но меня все равно не услышали, и лишь когда он совсем истончился до комариного писка, я повторил:

— Это их убило. Возможно, это был сигнал противометеоритной тревоги... кто знает?

Пол чуть качнулся, мне показалось, что стена слегка накренилась, затем в ней возникла косая трещина, похожая на стилизованную молнию.

Мы застыли с оружием в руках, а толстые, как скалы, края пошли в стороны. На той стороне большая комната, четверо филигонов сидят на длинной скамье и крепко держатся обеими руками за блестящий поручень, торчащий из пола. Все намного крупнее тех, кого мы встречали раньше, и у всех четырехrudиментарные рога. Справа от них огромное круглое окно, в которое, как я понимаю, можно смотреть только с одной стороны.

Тамплиер метнулся с такой скоростью, что изумила бы и Сигизмунда, вскинул исполинский меч... Все четыре козлоногих, не поднимая голов, вытянули в его сторону правые руки.

Только я увидел черную молнию, что ударила Тамплиеру в грудь. Он все же упал на них, повалил одного, но со сквозной дырой в груди диаметром в рыцарский шлем уже не шевелился.

Сигизмунд вскрикнул и метнулся следом, каким-то чудом избежал разряда или отразил освященным щитом паладина, рассек крайнего почти надвое, занес меч для второго удара...

Беззвучный взрыв разнес его тело на куски.

Боудеррия неуловимо быстро оказалась передо мной, я успел увидеть ее тело в огне, а в спине огромную сквозную дыру.

Я заорал в горе и ярости, сгорая от стыда:

— Да что я за мужчина, если меня закрывают собой женщины?

Норберт и Альбрехт прыгнули одновременно, мешая друг другу, а я свирепым ударом рассек голову самому крупному из козлоногих.

Падая, он протянул руку к одному из оставшихся, я услышал, как с его губ сорвалось:

— Кракуррах!

На отвратительно белой, как у глубоководной рыбы, ладони вспыхнул темным зигзагом некий знак. Второй вскинул руку, знак на руке первого исчез, зато появился на ладони того, кому передал.

Кончик моего меча с треском рассек и ему череп. Фонтанами ударила кровь, филион вперил в меня не-навидящий взгляд единственного уцелевшего глаза, но нашел в себе силы повернуться к последнему оставшемуся в живых.

— Кракуррах, — проговорил он с трудом и поднял руку с обращенной вперед ладонью.

Тот метнул на меня дикий взгляд, но старший уже умирает, и он торопливо вскинул руку в ответ. Я с силой рубанул по ней клинком, отсекая от тела, как ветку дерева, в тот же миг на ладони умирающего вспыхнула змейка, исчезла, а я взвыл и затряс ладонью. Там резануло жгучей болью, сверху приклеился тот самый знак, раскалился докрасна и начал погружаться под кожу.

Жар через пару секунд исчез, еще секунды три там оставался, быстро теряя блеск, темный контур молнии.

Альбрехт тяжело поднялся, хватаясь за филионский поручень.

— Доблестный барон Дарабос мертв, — прохрипел он, — и все уходит под землю. Гномы...

Я подбежал к иллюминатору, сердце сжалось. Далекая отсюда земля стремительно приближается. Маркус с неработающими двигателями перестал держаться в заданной точке пространства.

— Отворить все двери! — заорал я.

Ничего не случилось, Альбрехт проговорил с трудом:

— Но мы победили. Маркус будет нашей могилой и нашим победным надгробием...

Я сжал и разжал пальцы, вытянул руку раскрытой ладонью вперед.

— Кракуррах... Открыть все входы!.. Все шлюзы!

Раздался скрежет, грохот, пол и стены дрогнули. С окна исчез фильтр, оно даже расширилось, несмотря на яркий солнечный день с той стороны.

Альбрехт прошептал:

— Ваше величество... эта штука... послушалась?

— А кто у нас император? — отрезал я. — Быстро туда!

Сильно хромая, он поспешил доковылял до странного иллюминатора.

— Высоко!..

— Как только опустимся, — велел я, — прыгайте так, как никогда не прыгали даже в детстве, если оно у вас было!.. Ну?

Далекая земля поднимается к нам, твердая и заливая солнцем, багровая стена Маркуса уходит в нее без малейших зазоров, словно нож в мягкое масло.

Альбрехт прошептал:

— Мы не побывали и в десятой части Маркуса!.. Мало ли чего там скрывается?.. А сейчас, слава Господу, похоронено. Вы гений, ваше величество!

— Да, — ответил я с горечью, — он самый.

Пространство внизу, включая и половинку холма со скардером, усеяно телами павших. Как сэр Келляве и обещал, вся наша армия ринулись в лобовую атаку, чтобы ворваться на плечах отступающих в Маркус.

Пленники, которые во главе с отважным сэром Джоном вступили в бой в отряде Волсингейна, тоже далеко не ушли, лежат вперемежку с телами закованных в блестящие доспехи рыцарей, где и сам Волсингейн с мечом в руке.

— Пора! — закричал я. — Ну!

Альбрехт все еще не решался, я грубо ухватил его за шиворот, рванул с силой и буквально выбросил из Маркуса, а сам прыгнул следом.

Альбрехт рухнул на землю, раскинув руки, я упал сверху, больно ударившись коленом о рукоять его меча.

Огромное окно быстро уходит вместе со всей багровой стеной в землю... но закрывается, избегая момента соприкосновения с почвой. Далекий прежде купол, теперь уже купол, опускается подобно тонущему в озере камню.

Альбрехт поднял голову и горестно застонал. Везде, куда достигает взор, тела павших рыцарей. Все бездыханны, все пали в жестоком бою, всюду блестят на

солнце доспехи героев, а рукояти мечей и топоров все еще зажаты в ладонях.

Широкий купол погрузился беззвучно, спрессованная земля с сухим шорохом кое-где посыпалась с краев плотной шахты диаметром в милю.

За моей спиной кто-то охнул. Я повернулся и застыл. Сэр Келляве, изрубленный и едва не расчененный, зашевелился, сел, опервшись о чье-то тело спиной и упираясь в землю обеими ладонями.

Глаза его дикие, он бурно закашлялся, посмотрел в нашу сторону непонимающее.

— Ваше величество?

Голос его звучал хрипло и как-то потусторонне. Я открыл рот, не зная, что сказать, а дальше по всему полю битвы пронесся скрип посеченных доспехов, тела павших начали подрагивать, кто-то чуть шевелится, самые крепкие уже пытаются подниматься на дрожащих ногах.

Альбрехт вскрикнул и указал дрожащей рукой. Шагах в трех зашевелилась земля, и из нее поднялись измученные, залитые кровью, но живые Норберт, Боддеррия, Тамплиер, Сигизмунд и все остальные, что погибли в страшной и великолепной войне с филионами в их нейтральном корабле.

Вдали между небом и землей возникла призрачная исполинская, как башня замка, фигура. Показалась бы человеческой, не будь таких размеров и убери с ее головы витые рога. Пурпурно-красная, вся в крови моих павших героев, чудовищно широкая в груди и с толстыми, как стволы столетних дубов, руками, все знакомо и узнаваемо, однако за спиной настолько белоснежные крылья, что у меня почему-то сладко и тревожно заныло сердце.

Страшный голос, от которого дрогнула земля, грянул как гром:

— В расчете...

И почти сразу начала исчезать, растаяла до того, как затихли раскаты могучего голоса.

Все молчали, потрясенные до подошв. Я буркнул, снижая торжественность момента:

— Должок отдал, брехло... Свои проблемы решил!

Подошла Боудеррия, одежда изрублена, вся в крови, но без единой царапины. Альбрехт повернулся ко мне.

— Ваше величество?

Я махнул рукой.

— Он не заинтересован в нашей и вашей гибели! За свое самопожертвование попадете в рай, а так вот за долгую жизнь мало ли чего натворите... Так что насчет должна можно оспорить.

Сэр Келляве, в страшно изрубленных доспехах, голова, одежда, даже сапоги в крови, смотрел в непонимании то на свои руки, то на меня.

— Сэр Ричард?.. — провозгласил он. — А вы почему здесь?.. Нам обещали место в раю. Но если вы тут, то какой это рай?

— Разве я вам такое обещал? — спросил я с достоинством. — Никуда от моего деспотизма и ужасающего гнета не деться. Все только начинается, сэр Келляве!.. Вот теперь-то развернемся во всю исполинскую дурь!

Появился Волсингейн, опасливо заглянул в титаническую шахту с настолько плотно утрамбованными стенами, что блестят, как выложенные зеркалами.

— А оно, — спросил он подрагивающим голосом, — не вылезет?

Я покачал головой.

— Будет продавливаться до конца. Там настоящий ад расплавленного металла. Багровой Звезде нипочем, будет погружаться и погружаться.

Он вскрикнул устрашенно:

— Докуда?

— Звездный жар ядра земли, — ответил я, — сперва нагреет, потом расплавит.

Он прошептал:

— А если нет?

Я ответил со вздохом:

— Что ж, Багровая Звезда будет ждать в том кипящем океане из металла хоть миллионы лет, пока кто-то не вызовет обратно.

Он покачал головой,

— Не поверю, — проговорил он с нервным смешком, — что не придумаете, как вызвать и заставить покинуться!

Я засмеялся остроумной и так льстящей моему императорскому самолюбию шутке.

— Зачем?.. У меня другие заботы. Столько проблем... А еще Герману Третьему приспичило, чтобы все бросил и примчался на зов...

Кончики пальцев словно сами по себе поскребли середину ладони, где едва слышно пульсирует нечто, напоминая о себе и ожидая команды.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	140
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	270

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ИМПЕРАТОР

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Әндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге кешесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор жана енім бойынша

арыз-тапалтарды қабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский каш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 ви. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Енімнің жаһамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksмо.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно

законодательству РФ о техническом регулировании

можно получить по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Әндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 04.09.2014. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 65 000 (1-й завод — 33 000) экз. Заказ 2083.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-76344-3

9 785699 763443 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2.
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литерра «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибайкальская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артама, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Кисевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: lmarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-76344-3

9 785699 763443 >

